

Рассел
МАКЛИН

Алистер Маклин

---

*КРЕЙСЕР
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
«УЛИСС»*

1942 год. Исход Второй мировой войны еще не ясен. Боевые действия идут как за Полярным кругом («Крейсер его величества „Улисс“»), так и в тропических широтах («К югу от Явы»). На севере англо-американский конвой FR-77 должен доставить в советский Мурманск танки, самолеты и авиационный бензин, прорвавшись через вражеские кордоны. На юге торговое судно выходит из лежащего в руинах и охваченного пожаром Сингапура. Для пассажиров оно – последняя надежда на спасение, для британской разведки – единственная возможность передать командованию планы японцев по захвату Северной Австралии.

- [Алистер Маклин](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
-

Алистер Маклин

Крейсер его величества «Улисс»

*За мной, друзья!
Еще не поздно
Открыть совсем иные берега.
Взмахните веслами, ударьте по волнам
Громокипящим; ибо мой удел
Пока я жив, плыть прямо на закат,
Туда, где звезды плещут в океане.
Быть может, нас поглотит бездна вод,
На Остров Счастья выбросит, быть может,
Где доблестный Ахилл вновь встретит нас...
Не все утрачено, пускай утрат не счесть;
Пусть мы не те, и не вернуть тех дней,
Когда весь мир лежал у наших ног;
Пускай померк под натиском судьбы
Огонь сердец, все тот же наш завет:
Бороться и искать, найти и не сдаваться!*

Альфред Л. Теннисон (1809-1892), Перевод И. Куберского

Гизеле посвящается

Выражаю признательность моему старшему брату Айану Л. Маклину, капитану-наставнику, за советы и помощь в создании этой книги.

Во избежание недоразумений следует отметить, что не существует никакой связи между крейсером британского военно-морского флота «Улисс», о котором повествуется в романе, и переоборудованным недавно во фрегат одноименным эскадренным миноносцем класса «Ольстер», который был введен в строй в начале 1944 года, приблизительно двенадцать месяцев спустя после описываемых в романе событий. Ни одно из судов, находившихся в Скапа-Флоу или участвовавших в конвое, не имеет никакого отношения к кораблям с таким же названием, которые действовали прежде или находятся в настоящее время в составе королевского флота.

Глава 1

ВОСКРЕСЕНЬЕ пополудни

Неторопливым жестом Старр вдавил тлеющий конец сигареты в пепельницу. «Сколько решимости и непреклонности в этом жесте», – подумал командир «Улисса» капитан первого ранга Вэллери. Он знал, что теперь произойдет, и пронзительная горечь поражения заглушила тупую боль, сдавливавшую его лоб все эти дни. Но на один лишь миг. Вэллери устал до такой степени, что ничто его больше не трогало.

– Сожалею, джентльмены, искренне сожалею, – едва улыбнулся тонкими губами Старр. – Позвольте вас уверить, в сложившихся обстоятельствах адмиралтейство приняло правильное и оправданное решение. Однако ваше... э-э-э... нежелание понять нашу точку зрения прискорбно.

Помолчав, он протянул свой платиновый портсигар поочередно четверем офицерам, сидевшим за круглым столом в каюте контр-адмирала Тиндалла. Четыре головы разом качнулись из стороны в сторону, и усмешка вновь коснулась губ вице-адмирала. Достав сигарету, он сунул портсигар в нагрудный карман серого в полоску двубортного пиджака и откинулся на спинку кресла. На лице его уже не было и тени улыбки, присутствующие без труда представили более привычный их взорам блеск золотых галунов на мундире вице-адмирала Винсента Старра, заместителя начальника штаба военно-морских сил.

– Когда я летел утром из Лондона, – продолжал он ровным голосом, – я испытывал досаду. Вот именно, досаду. Ведь я... я очень занятой человек. Первый лорд адмиралтейства, думал я, лишь отнимает у меня время. И не только у меня, но и у себя самого. Придется перед ним извиниться. Сэр Хэмфри был прав. Как всегда...

В напряженной тишине послышался щелчок зажигалки. Облокотясь о стол, Старр вполголоса продолжал:

– Давайте будем до конца откровенны, господа. У меня были все основания рассчитывать на вашу поддержку, и я намеревался как можно скорее разобраться в этом инциденте. Я сказал: инцидент? – усмехнулся он криво. – Сказано слишком слабо. Скорее, мятеж, господа, государственная измена. Вряд ли нужно объяснять, что сие значит. И что же я слышу? – Он обвел взглядом сидящих за столом. – Офицеры флота его величества, флагман в их числе, сочувствуют мятежному экипажу!

«Тут он перегибает, – устало подумал Вэллери. – Хочет нас спровоцировать». Слова и тон, каким они были произнесены, подразумевали вопрос, вызов, на который надо было ответить.

Но ответа не последовало. Все четверо казались апатичными, равнодушными ко всему и до странного похожими друг на друга. Лица моряков были угрюмы и неподвижны, изрезаны глубокими складками, но глаза смотрели спокойно.

– Вы не разделяете моего убеждения, господа? – не повышая голоса, продолжал Старр. – Находите мой выбор эпитетов слишком... э-э-э... резким? – Он откинулся назад. – Гм... «мятеж». – Медленно, словно смакуя, он произнес это слово, сжав губы, снова обвел взором сидящих за столом. – Действительно, слово не очень-то благозвучно, не так ли, господа? Вы бы дали этому другое определение, не правда ли?

Покачав головой, Старр наклонился и разгладил пальцами лежавший перед ним листок.

– «Вернулись после рейда на Лофотенские острова, – читал он шифровку. – 15.45 – Прошли боновые заграждения. 16.10 – Закончен осмотр машин. 16.30 – Производится погрузка провианта и снаряжения из лихтеров, ошвартовавшихся лагом. 16.30 – Смешанная группа матросов и кочегаров отряжена для погрузки бочек со смазочными материалами. 16.50 –

Командиру корабля доложено о том, что кочегары отказались выполнить приказание поочередно главстаршины Хартли, старшины котельных машинистов Гендри, инженер-лейтенанта Грайрсона и, наконец, старшего инженер-механика. Зачинщиками, предположительно, являются кочегары Райли и Петерсон. 17.05 – Отказ выполнить распоряжение командира корабля. 17.15 – Во время выполнения служебных обязанностей подверглись нападению начальник караула и дежурный унтер-офицер». – Старр поднял глаза.

– Каких именно обязанностей? При попытке арестовать зачинщиков?

Вэллери молча кивнул.

– «17.15 – Палубная команда прекратила работу, очевидно, из солидарности. Никаких насильственных действий не предпринято. 17.25 – Обращение командира по корабельной трансляционной сети. Предупреждение о возможных последствиях. Приказ возобновить работы. Приказ не выполнен. 17.30 – Радиограмма командующему на борту «Герцога Кемберлендского» с просьбой о помощи». – Старр снова поднял голову, холодно взглянул на Вэллери.

– Кстати, зачем вы обращались к адмиралу? Разве ваши морские пехотинцы...

– Это было мое распоряжение, – резко оборвал его Тиндалл. – Неужели бы я приказал своим морским пехотинцам выступить против людей, с которыми они прослужили два с половиной года? Исключено! На моем корабле, адмирал Старр, грызни между экипажем и морской пехотой нет и в помине. Они слишком много пережили вместе... Во всяком случае, – прибавил он сухо, – вполне вероятно, что морские пехотинцы отказались бы выполнить подобный приказ. Не забывайте, что если бы мы использовали против экипажа своих солдат морской пехоты и те усмирили бы этот... э... бунт, то «Улисс» перестал бы существовать как боевая единица.

Пристально поглядев на контр-адмирала Тиндалла, Старр снова уткнулся в записи.

– «18.30 – С «Кемберленда» отряжена штурмовая группа морской пехоты. Никакого сопротивления ей не было оказано. Попытка арестовать шестерых бунтовщиков и восьмерых подозреваемых зачинщиков. Яростное сопротивление со стороны кочегаров и палубной команды, ожесточенные стычки на кормовой палубе, в кочегарском кубрике и в кубрике машинистов, продолжавшиеся до 19.00. Огнестрельное оружие не применялось, но двое убито, шестеро тяжело ранено, 35...40 человек получили менее тяжелые ранения».

Старр замолчал и в сердцах скомкал бумагу.

– Знаете, джентльмены, а, пожалуй, вы правы. – В голосе его прозвучала издевка. – «Бунт» – вряд ли подходящее определение. Пятьдесят убитых и раненых... «Ожесточенная схватка» – будет гораздо ближе к истине.

Но ни слова, ни резкость тона, ни убийственная ирония не произвели никакого впечатления. Все четверо офицеров «Улисса» сидели неподвижно, с выражением полнейшего безразличия.

Вице-адмирал Старр нахмурился.

– Боюсь, господа, у вас несколько искаженное представление о случившемся. Вы пробыли здесь долго, а изоляция искажает суть вещей. Следует ли напоминать вам, старшим офицерам, о том, что в военное время личные чувства, испытания и невзгоды не значат ничего? Флот, отечество – вот что всегда и везде должно быть на первом месте.

Стуча кулаком по столу, он как бы усиливал значимость своих слов.

– Боже правый! – продолжал Старр. – Решаются судьбы мира, а вы, господа, заняты своими эгоистическими мелкими заботами!

Тэрнер, старший офицер крейсера, сардонически усмехнулся про себя. Красиво говоришь, старина Винсент. Правда, напоминает мелодраму викторианских времен: стискивать зубы – вот это уже ни к чему. Жаль, что старик не член парламента, – любое правительство оторвало бы

его с руками. «А вдруг старина говорит все это на полном серьезе?» – промелькнуло в голове у старпома.

– Зачинщики будут арестованы и понесут наказание. Суровое наказание. – Голос адмирала звучал резко и угрожающе. – Что касается рандеву с Четырнадцатой эскадрой авианосцев, оно состоится в Датском проливе как условлено, в 10.30, но в среду, а не во вторник. Мы радировали в Галифакс и задержали отплытие кораблей. Вы выйдете в море завтра в шесть ноль-ноль.

Взглянув на контр-адмирала Тиндалла, Старр добавил:

– Прошу немедленно довести это до сведения всех кораблей, находящихся у вас под началом, адмирал.

Тиндалл (весь флот знал его по кличке Фермер Джайлс) промолчал. Его румяное лицо – обычно веселое, в улыбчивых морщинах – было мрачно и сосредоточено. Прикрытые тяжелыми веками, встревоженные глаза его впились в каперанга Вэллери. Дьявольски трудно сейчас этому доброму, душевному человеку, подумал Тиндалл. Но лицо Вэллери, изможденное и усталое лицо аскета и молчальника, было непроницаемо. Тиндалл молча выбранился.

– В сущности, господа, – как ни в чем не бывало продолжал вице-адмирал, – говорить больше не о чем. Не стану заверять, что вам предстоит увеселительная прогулка. Сами знаете, что случилось с последними тремя крупными конвоями Пи-Кью-17, Эф-Ар-71 и 74. Эффективных способов защиты от акустических торпед и планирующих бомб мы ещё не разработали. Кроме того, по агентурным данным из Бремена и Киля (и это подтверждается последними событиями в Атлантике) новейшая тактика немецких подводников – нападение на корабли эскорта... Возможно, вас выручит погода.

«Ах ты, мстительный старый черт, – лениво подумал Тиндалл. – Давай, давай, потешь себя, будь ты неладен».

– Рискую показаться старомодным и мелодраматичным... – Старр нетерпеливо ждал, пока у Тэрнера прекратится приступ кашля, – ...можно сказать, что «Улиссу» предоставляется возможность... э... искупить свою вину.

Вице-адмирал отодвинул стул.

– После этого, господа, – Средиземное. Но прежде всего – эскортирование конвоя Эф-Ар-77 в Мурманск, и этому не помешает никто – ни черт, ни дьявол. – На последнем слове голос его сорвался, сквозь глянец вежливости проступили грубость и резкость. – Пусть экипаж «Улисса» зарубит себе на носу: непослушания, пренебрежения долгом, организованного бунта и смуты командование не потерпит!

– Чепуха!

Старр откинулся назад, костяшки пальцев, вцепившихся в подлокотники кресла, побелели. Взгляд его хлыстом прошелся по лицам и остановился на Бруксе – начальнике корабельной медицинской службы, на его ярко-голубых глазах, в которых светилась странная враждебность, – глазах, глядевших из-под великолепной седой гривы.

Тиндалл тоже увидел гневный взор старого доктора. Заметил, как побагровело лицо Брукса, и неслышно простонал. Знакомые симптомы. Сейчас старый Сократ покажет свой ирландский характер. Тиндалл открыл было рот, но, заметив нетерпеливый жест Старра, откинулся на спинку стула.

– Что вы сказали, командер? – спокойным голосом спросил вице-адмирал.

– Чепуха! – отчетливо повторил Брукс. – Чепуха. Вот что я сказал. «Будем вполне откровенны», говорите вы. Что же, сэр, будем откровенны. Какое тут к черту «пренебрежение долгом, организованный бунт и подстрекательство»? Понимаю, вам нужно найти какое-то определение всему этому, по возможности, наиболее вам понятное. Вчерашнее столкновение вы ловко приноравливаете к своему опыту.

Брукс помолчал. В наступившей тишине послышалась пронзительная трель боцманской дудки. Видно, с проходящего корабля.

– Скажите, адмирал Старр, – продолжал он невозмутимо, – неужели мы должны по средневековому обычаю; плетями изгонять из грешника дух безумия? А может быть, следует утопить его? Вы, верно, также считаете, что месяц-другой карцера – лучшее лекарство от туберкулеза?

– О чем вы говорите, Брукс? Объясните, ради Бога. «Карцер, плети»? Что вы плетете? Извольте объясниться! – нетерпеливо забарабанил пальцами по столу Старр. Брови его высоко поднялись, лоб наморщился. – Надеюсь, Брукс, – сказал он елейным тоном, – вы извинитесь за эту вашу... э... дерзость.

– Я уверен, командер Брукс не имел намерения дерзить вам, – проговорил до этого молчавший Вэллери, командир «Улисса». – Он лишь имел в виду...

– Позвольте мне, господин капитан первого ранга, самому решать, кто что имеет в виду. Я вполне в состоянии это сделать. – Старр натянуто улыбнулся. – Что ж, продолжайте, Брукс.

Брукс внимательно посмотрел на вице-адмирала.

– Извинитесь, вы говорите? – Он устало улыбнулся. – Не знаю, сэр, сумею ли я это сделать. Тон и смысл сказанного задела Старра, и он побагровел.

– Однако объясниться попытаюсь, – продолжал Брукс. – Возможно, это принесет некоторую пользу.

Несколько секунд он молчал, положив локти на стол и запустив пальцы в густую серебристую гриву. Потом вскинул голову.

– Когда вы в последний раз ходили в море, адмирал Старр?

– В море? – спросил, нахмурясь, Старр. – А что вам за дело и какое это имеет отношение к нашему разговору? – прибавил он неприязненно.

– Самое прямое, – резко возразил Брукс. – Прошу вас, адмирал, ответить на мой вопрос.

– Полагаю, вам хорошо известно, – ровным голосом произнес Старр, – что с начала войны я служу в штабе флота. На что вы намекаете?

– Ни на что я не намекаю. Ваша личная честность и храбрость общеизвестны. Я лишь выясняю факт. Я военно-морской врач, адмирал Старр, – придвинулся ближе к столу Брукс. – Уже тридцать лет. – С этими словами Брукс улыбнулся. – Возможно, я не ахти какой специалист. Возможно, я плохо изучил последние достижения в области медицины. Но зато я хорошо изучил природу человека (сейчас не время для излишней скромности), работу человеческого мозга, имею представление о тончайшей взаимосвязи между разумом и телом человека.

Вы сказали: «Изоляция искажает суть вещей». Изоляция означает обособленность, отрешенность от мира, и вы отчасти правы. Однако – и это главное, сэр, – надо иметь в виду, что существует несколько миров. Северные моря, Арктика, походы в Россию в условиях полной светомаскировки – это совсем иной мир, мир, совершенно не похожий на ваш. Вы даже не можете себе представить, каков он, этот мир. В сущности, вы совершенно изолированы от мира, в котором мы живем, сэр.

Старр хмыкнул (звук этот обозначал не то гнев, не то насмешку) у прокашлялся, чтобы что-то возразить, но Брукс не дал ему открыть рта.

– Здешние условия беспрецедентны, их нельзя сравнить ни с чем ранее известным в истории войн. Полярные конвои, сэр, это явление абсолютно новое, совершенно незнакомое человеческому опыту.

Внезапно умолкнув, Брукс посмотрел сквозь толстое стекло иллюминатора. На стальную поверхность моря, на мрачные скалы Скапа-Фэю, окружавшие рейд, падали хлопья мокрого

снега. Все молчали. Но командер Брукс ещё не закончил: чтобы собраться с мыслями, уставшему нужно время.

– Разумеется, человечество может приспособиться и приспосабливается к новым условиям, – негромко, словно размышляя вслух, говорил Брукс. – Для того чтобы выжить, человечеству приходится приспосабливаться в течение многих тысячелетий. Но для этого нужно время, господа, очень много времени. И естественные перемены, происходившие в течение двадцати веков, невозможно втиснуть в какие-то два года. Ни разум, ни тело человека не выдержат этого. Гибкость, невероятная прочность человеческого организма таковы, что в течение весьма непродолжительных отрезков времени он может выдерживать такие перегрузки. Однако потом предел выносливости, граница терпения наступает очень быстро. Стоит заставить людей переступить этот предел, и может произойти все что угодно. Неизвестно, какие формы может принять срыв, но он обязательно наступает. Он может иметь физический, умственный, духовный характер – какой именно, не знаю. Но я знаю одно, адмирал Старр: экипаж «Улисса» достиг предела терпения.

– То, что вы говорите, весьма любопытно, командер. – Голос Старра прозвучал сухо. – Любопытно и поучительно.. К сожалению, ваша гипотеза, – а это не что иное, как гипотеза, – не выдерживает критики.

Брукс пристально глядел на адмирала.

– На этот счет, сэр, не может быть двух мнений.

– Ерунда, милейший, самая настоящая ерунда. – Сердитое лицо Старра стало жестким. – Факт остается фактом. Ваши же рассуждения никуда не годятся. – Подавшись вперед, он указательным пальцем как бы подчеркивал каждое сказанное им слово. – Разницы, о которой вы твердите, – различия между конвоями, направляющимися в Россию, и обычными морскими операциями – просто не существует. Можете ли вы мне указать на какой-то фактор, на какие-то условия плавания в здешних северных водах, которых нет в других морях? Можете, командер Брукс?

– Нет, сэр, не могу. – Брукс был невозмутим. – Но я могу указать на факт, о котором весьма часто забывают. На тот факт, что количественные изменения могут оказаться гораздо значительнее, чем качественные, и могут иметь далеко идущие последствия. Позвольте объяснить, что я имею в виду. Страх может убить человека. Не станем закрывать глаза, страх – естественное чувство. Но, пожалуй, нигде матросы не испытывают страх так остро и в течение столь продолжительного периода, как во время полярных конвоев.

Нервное напряжение, постоянные перегрузки могут убить любого. Подобное я наблюдал очень часто. Когда же вы находитесь во взвинченном до предела состоянии подчас семнадцать суток подряд, когда вы ежедневно видите изуродованные, гибнущие корабли, моряков, тонущих у вас на глазах, и знаете, что в любую минуту то же самое может случиться и с вами... Мы ведь люди, а не машины... Тогда-то и возникает опасность срыва. И срыв происходит. Адмиралу, очевидно, небезызвестно, что после двух последних походов девятнадцать офицеров и матросов пришлось отправить в лечебницу для душевнобольных.

Брукс поднялся. Опершись крупными, сильными пальцами о полированную поверхность стола, Брукс впился взглядом в глаза Старра.

– Голод подрывает жизнеспособность человека, адмирал Старр. Подтачивает его силы, замедляет реакции, убивает волю к борьбе, даже волю к жизни. Вы удивлены, адмирал Старр? А между тем это неизбежно. Вы продолжаете посылать нас в конвой, когда сезон прошел, когда ночь едва длиннее дня, когда из двадцати четырех часов в сутки двадцать часов стоят на вахте или боевых постах. Как же нам не голодать после этого? Откуда нам быть сытыми, черт возьми, – ударил ладонью по столу старый врач, – если корабельные коки почти все время работают в

пороховых погребах, обслуживают орудийные расчеты или участвуют в аварийных партиях? Лишь пекаря и мясника не посылают на боевые посты. Поэтому мы целыми неделями на одной лишь сухомятке! – едва не сплюнул от возмущения Брукс.

«Молодец, старина, – обрадованно подумал Тэрнер, – задай ему жару». Тиндалл тоже кивал головой в знак одобрения. Лишь Вэллери было не по себе – не из-за того, что именно говорил Брукс, а оттого, что говорил об этом не тот, кому следует. Ведь командир корабля он, Вэллери. Он и должен держать ответ.

– Страх, нервное напряжение, голод. – Голос Брукса звучал теперь совсем негромко. – Эти три фактора надламывают человека, они столь же губительны, как огонь, железо, чума. Это убийцы, не знающие пощады. Но это ещё цветочки, адмирал Старр. Это лишь оруженосцы, как бы предвестники Трех апокалипсических всадников, имена коих – Холод, Недосыпание, Истощение.

Вы представляете себе, что это такое – оказаться февральской ночью где-то между Ян-Майеном и островом Медвежий, адмирал? Разумеется, не представляете. Представляете, что это такое, когда температура окружающей среды шестьдесят градусов мороза ^[1] и все же вода не замерзает. А каково приходится морякам, когда с полюса, со стороны ледового щита Гренландии с воем мчится студёный ветер и точно скальпель впивается в тело, пронизывая насквозь самую плотную ткань? Когда на палубе скопилось пятьсот тонн льда, когда пять минут без перчаток обозначают обморожение, когда брызги, вылетающие из-под форштевня, замерзают на лету и бьют вас в лицо? Когда даже батарея карманного фонаря садится из-за лютой стужи? Представляете?

Слова Брукса были тяжелы, как удары молота.

– А вы знаете, что это такое, когда несколько недель подряд спишь два-три часа в сутки? Вам знакомо такое ощущение, адмирал Старр? Когда каждый нерв вашего тела, каждая клеточка мозга перенапряжены до крайности и вы чувствуете, что находитесь у черты безумия? Знакомо вам это чувство? Это самая утонченная пытка на свете. Вы готовы предать своих друзей, близких, готовы душу бессмертную отдать ради благодатной возможности закрыть глаза и послать все к черту.

И потом – переутомление, адмирал Старр. Ужасная усталость, что ни на минуту не отпускает вас. Отчасти это результат стужи, отчасти – недосыпания, отчасти – постоянных штормов. Вы сами знаете, как изнуряет человека пребывание на раскачивающейся вдоль и поперек палубе корабля в течение хотя бы нескольких часов. Нашим же морякам приходится выносить качку месяцами, ведь штормы в арктических водах – вещь обыкновенная. Могут назвать десяток-два стариков, которым и двадцати лет не исполнилось.

Отодвинув стул, Брукс принялся расхаживать по каюте. Тиндалл и Тэрнер переглянулись, потом повернулись к Вэллери. Тот сидел, понуро опустив плечи, и невидящим взглядом рассматривал свои соединенные в замок руки, лежащие на столе. Казалось, Старр для них сейчас вовсе не существовал.

– Заколдованный круг, – проговорил Брукс, прислонясь к переборке. Заложив руки в карманы, отсутствующим взглядом он смотрел в запотевший иллюминатор. – Чем больше недосыпаешь, тем больше чувствуешь усталость; чем больше утомляешься, тем сильнее страдаешь от стужи. И в довершение всего – постоянное чувство голода и адское напряжение. Все направлено к тому, чтобы сломить человека, уничтожить его физически и духовно, сделать его беспомощным перед болезнью. Да, адмирал, я сказал: «перед болезнью». – Брукс улыбнулся, посмотрел в лицо Старру, но улыбка его была невеселой. – Если набить людей как сельдей в бочку, неделями не выпускать их из нижних палуб, то каков будет исход? Исходом будет туберкулез. Это неизбежно. – Брукс пожал плечами. – Пока я изолировал лишь несколько

человек, но я точно знаю, что в нижних помещениях корабля туберкулез легких со дня на день перейдет в открытую форму. Зловещие симптомы я заметил ещё несколько месяцев назад. Я не раз докладывал начальнику медицинской службы флота. Дважды подавал рапорт в адмиралтейство. Мне выражали сочувствие, но и только. Дескать, кораблей, людей не хватает... Последние сто суток привели к срыву, сэр. А почва подготавливалась месяцами. Сто суток настоящего ада, и за все это время ни одного увольнения на берег, хотя бы на сутки. Было лишь два захода в порт – для погрузки боеприпасов. Топливо и провизию получали с авианосцев – прямо в море. И каждый день – долгий, как вечность, – голод, холод, опасности, страдания. Боже правый! – почти выкрикнул Брукс. – Ведь мы же не машины! – Оттолкнувшись от переборки, по-прежнему не вынимая рук из карманов, Брукс шагнул к Старру.

– Мне не хотелось говорить об этом при командире корабля, но каждому офицеру «Улисса» – за исключением каперанга Вэллери – известно, что экипаж корабля давно бы взбунтовался, как вы говорите, если бы не капитан первого ранга Вэллери. Такой преданности экипажа своему командиру, такого обожания, чуть ли не идолопоклонства, мне никогда ещё не приходилось встречать, адмирал Старр.

Контр-адмирал Тиндалл и Тэрнер закивали одобрительно. Вэллери по-прежнему сидел неподвижно.

– Но всему есть предел. Случилось то, что должно было случиться. И теперь вы толкуете о наказании этих людей. Господи, да с таким же успехом можно повесить человека за то, что у него проказа, или отправить в карцер за то, что у него появились чирьи. – Брукс печально покачал головой. – Наши моряки виновны не более. Люди ничего не могли с собой поделаться. Они уже не в состоянии разумно мыслить. Им нужна передышка, покой, несколько благословенных дней отдыха. На него они готовы променять все блага мира. Неужели же вы этого не понимаете, адмирал Старр?

С полминуты в адмиральской каюте стояла полная тишина. Слышен был лишь тонкий, пронзительный вой ветра да стук града. Встав, Старр потянулся за перчатками. Подняв на него глаза, Вэллери понял, что Бруксу не удалось ничего доказать.

– Распорядитесь подать мой катер, господин капитан первого ранга. И не мешкая. – Голос Старра звучал ровно, совершенно бесстрастно. – Как можно скорее заправьтесь горючим, примите на борт продовольствие и полный комплект боезапаса. Адмирал Тиндалл, желаю вам и вашей эскадре успешного плавания. Что касается вас, командер Брукс, то я понял подтекст ваших высказываний, по крайней мере ваше личное отношение к событиям. – Губы его растянулись в недоброй усмешке. – Вижу, вы переутомлены и крайне нуждаетесь в отдыхе. Вас сменят до полуночи. Прошу вас, проводите меня, капитан первого ранга...

Старр направился было к двери, но не успел сделать и двух шагов, как услышал голос Вэллери:

– Одну минуту, сэр.

Старр круто повернулся. Командир «Улисса» по-прежнему сидел, он не сделал даже попытки подняться.

На лице каперанга застыла улыбка – в ней сквозили почтительность и в то же время решимость. При виде этой улыбки Старру стало не по себе.

– Корабельный врач командер Брукс, – отчеканил Вэллери, – совершенно исключительный офицер. Он, по существу, незаменим, на «Улиссе» без него не обойтись. Мне не хотелось бы лишиться его услуг.

– Я уже принял свое решение, каперанг Вэллери, – резко ответил Старр. – И оно окончательно. Полагаю, вам известно, какими полномочиями наделило меня адмиралтейство.

– Да, вполне, – Вэллери был спокоен и невозмутим. – И все же я повторяю, что мы не

можем себе позволить лишиться такого офицера, как Брукс.

И слова, и тон, каким они были произнесены, были сдержанны и почтительны. Однако в смысле их сомнения быть не могло. Брукс шагнул вперед, на лице его было написано отчаяние. Но, прежде чем он успел открыть рот, заговорил Тэрнер. Речь его звучала изящно и дипломатично.

– Полагаю, я приглашен сюда не для декорации. – Откинувшись на спинку стула, он задумчиво уставился в потолок. – Пожалуй, пора и мне высказаться. Я безоговорочно присоединяюсь к мнению старины Брукса и поддерживаю каждое его слово.

У Старра побелели губы, он стоял точно вкопанный.

– А что скажете вы, адмирал? – посмотрел он на Тиндалла.

Тиндалл вопросительно взглянул на Старра. На лице его не осталось и следа бывшего напряжения и озабоченности. Сейчас он как никогда был похож на старого доброго фермера Джайлса. Криво усмехнувшись, Тиндалл понял, что в эту минуту решается его судьба, и даже удивился тому, насколько он равнодушен к собственной карьере.

– Для меня, как командующего соединением, главным являются максимальная его боеспособность. Некоторые люди действительно незаменимы. Капитан первого ранга Вэллери утверждает, что Брукс – один из таких людей. Я с ним согласен.

– Понимаю, господа, понимаю, – тяжело проговорил Старр. На скулах его вспыхнул румянец. – Конвой вышел из Галифакса, у меня связаны руки. Однако вы ещё пожалеете, господа, очень пожалеете. У нас на Уайтхолл^[2] память долгая. Мы еще... гм... вернемся к этому разговору по возвращении эскадры из похода. Прощайте, господа.

Дрожа от внезапного озноба, Брукс тяжело спустился по трапу на верхнюю палубу и, пройдя мимо камбуза, завернул в лазарет. Из дверей изолятора выглянул старший санитар Джонсон.

– Как поживают наши хворые и страждущие, Джонсон? – спросил Брукс. – Мужественно ли переносят лишения?

– Какие там к черту лишения, сэр. Половина из них меня здоровей. Только поглядите на кочегара Райли. Лежит со сломанным пальцем, журнал «Ридерс дайджест» перелистывает. Все статьи по медицине выскидывает, а потом вопит – подавай ему сульфидин, пенициллин и новейшие антибиотики. А сам и названий выговорить не может. Считает, что вот-вот умрет.

– Это было бы невосполнимой потерей, – проговорил Брукс, сокрушенно качая головой. – И что так держится за него Додсон, не понимаю... Какие новости из госпиталя?

Выражение лица Джонсона переменилось.

– Пять минут назад пришло сообщение, сэр. В три часа умер матрос второго класса Ральстон.

Брукс мрачно кивнул. Незачем было отправлять беднягу в госпиталь. На мгновение он почувствовал себя усталым, опустошенным. «Старый Сократ» – таково было его прозвище, и в эти дни он действительно ощущал бремя возраста – и не только это.

– Ты, я вижу, расстроен, Джонсон, не так ли? – вздохнув, спросил Брукс.

– Парню было восемнадцать, сэр. Всего восемнадцать. – Голос Джонсона был глух, в нем звучала горечь. – Я только что разговаривал с Бэрджесом. Вон на той койке лежит. Он рассказал, как было дело. Ральстон выходит из умывальника, полотенце через плечо. Тут мимо него пронесется толпа, следом бежит этот проклятый верзила-солдафон и бьет мальчишку прикладом по голове. Он так и не узнал, чем его ударили, сэр, и за что.

– Знаешь, Джонсон, а ведь это называется подстрекательством, – проговорил, усмехнувшись, Брукс.

– Виноват, сэр. Напрасно я затеял, этот разговор...

– Ничего, ничего. Я сам его начал. Нельзя же запретить людям думать. Только не надо думать вслух. Это... это нарушение корабельного устава... Полагаю, твой друг Райли ждет тебя. Захвати для него толковый словарь.

Отвернувшись, Брукс раздвинул шторы, вошел в хирургическую палату. Темноволосая голова, возвышавшаяся над зубоврачебным креслом, повернулась в его сторону. Лейтенант медицинской службы Джонни Николлс вскочил на ноги, держа в левой руке пачку амбулаторных карт.

– Здравствуйте, сэр. Присядьте, отдохните.

– Золотые слова, лейтенант Николлс, – улыбнулся Брукс. – Поистине утешительно в наши дни встретить младшего офицера, который помнит свое место. Весьма, весьма признателен.

Забравшись в кресло, он со стоном откинулся на спинку.

– Не поправите ли вы упор для ног, мой мальчик... Вот так. Благодарю вас.

Он с наслаждением потянулся, закрыв глаза и положив голову на кожаную подушку, и снова простонал:

– Я старик, Джонни, дряхлая развалина.

– Ерунда, сэр, – поспешно возразил Николлс. – Просто легкое недомогание. Позвольте прописать вам подходящее лекарство...

Он достал из шкафчика два стакана для полоскания зубов и темно-зеленый ребристый флакон с надписью «Яд». Наполнив стаканы, один из них протянул Бруксу.

– Мой собственный рецепт, сэр. Доброго здоровья! – Брукс посмотрел на янтарную жидкость, потом взглянул на Николлса.

– Крепко же в ваших шотландских университетах укоренились языческие обычаи... Среди этих язычников есть славные ребята. Что это за отравка на сей раз, Джонни?

– Отравка что надо, – улыбнулся Николлс. – «Изготовлено на острове Колл».

– Не знал, что там есть винные заводы, – подозрительно посмотрел на него старый хирург.

– А кто говорит – есть? Я просто сказал, что виски изготовлено на Колле... Как там начальство, сэр?

– Рвет и мечет. Их священная особа грозила всех нас повесить на одной рее. Особенно они невзлюбили меня. Сказали-с, что меня надо гнать с корабля. Причем на полном серьезе.

– Вас! – Карие глаза Николлса, глубоко запавшие, красные от бессонницы, широко раскрылись. – Шутите, сэр.

– Какие там шутки! Но все обошлось. Меня оставили. Старина Джайлс, командир корабля и старпом – идиоты несчастные – так и заявили Старру, что если меня выгонят, то пусть он ищет себе нового адмирала, командира и старпома. Вряд ли дошло бы до этого, но старика Винсента едва кондрашка не хватил. Отвалил, дрожа от злости, бормоча под нос какие-то угрозы. Впрочем, если додумать, угрозы вполне определенные.

– Проклятый старый дурак! – в гневе воскликнул Николлс.

– Не такой уж он дурак, Джонни. Скорее это талантливый чурбан. Зря начальником штаба не сделают. По словам Джайлса, он умелый стратег и тактик. И не такой уж он злой, каким мы привыкли его изображать. Старика Винсента трудно осуждать за то, что он снова посылает нас в поход. Перед ним неразрешимая проблема. Ресурсы его очень ограничены. Театров военных действий несколько, и всюду нехватка кораблей и людей. И половины нужного количества не наскрести. Как хочешь, так и крутись. И все-таки это бездушный, бесчеловечный службист; людей он не понимает.

– И чем дело кончилось?

– Снова курс на Мурманск. Завтра в шесть ноль-ноль снимаемся с якоря.

– Как? Опять? Вот эти привидения снова отправятся а поход? – Николлс не скрывал своего удивления. – Они не посмеют нас послать! Просто... не посмеют!

– Как видишь, посмели, дружище. «Улисс» должен... как это Старр выразился... искупить свою вину. – Брукс открыл глаза. – Сама мысль об этом приводит меня в ужас. Не осталось ли там ещё этой отравы, дружище?..

Сунув пустую бутылку в шкафчик, Николлс возмущенно ткнул большим пальцем в сторону видневшейся в иллюминаторе громады линкора, стоявшего на якоре в трех-четырёх кабельтовых от «Улисса».

– Почему всегда мы, сэр? Всегда мы? Почему бы начальству не послать разок эту плавучую казарму, от которой нету никакого проку? Вертится, проклятый, из месяца в месяц вокруг своего якоря...

– В этом-то и дело, – с серьезной миной прервал его Брукс. – По словам штурмана, «Кемберленду» никак не удастся поднять якорь. Мешает гора жестянок из-под сгущенного молока и сельди в томатном соусе, выросшая за последние двенадцать месяцев на дне океана.

Николлс, казалось, не слышал его и продолжал:

– Изю дня в день, из месяца в месяц они посылают «Улисса» эскортировать транспорты. Меняют авианосцы, посылают замену эсминцам – кому угодно, но только не «Улиссу». Ни малейшей передышки. Зато «Герцог Кемберлендский», который только и пригоден для того, чтобы посылать громил для расправы с больными, измученными людьми, за одну неделю сделавшими больше, чем...

– Умерьте свой пыл, мой мальчик, – пожурил его Брукс. – Разве это расправа – трое мертвецов да горстка раненых героев, которые отлеживаются в лазарете? Морские пехотинцы лишь выполняли приказание. Что касается «Кемберленда», то тут ничего не поделаешь. «Улисс» – единственный корабль флота метрополии, оснащенный для сопровождения авианосцев.

Осушив стакан, Николлс задумчиво посмотрел на Брукса.

– Временами, сэр, я даже симпатизирую немцам.

– Вы с Джонсоном одного поля ягоды, – заметил Брукс. – Узнай адмирал Старр, что вы собой представляете, он бы на вас обоих надел наручники за враждебную пропаганду, а потом... Вы только посмотрите! – подался вперед Брукс. – Взгляните на старого «Герцога», Джонни! С сигнального мостика поднимаются целые ярды простыней, а матросики бегут-бегут, как ни странно, – прямо на бак. Налицо все признаки активности. Ну и чудеса, черт побери. Что вы на это скажете, Николлс?

– Наверное, к увольнению на берег готовятся, – проворчал Николлс. – Что ещё могло всполошить этих бездельников? И кто мы такие, чтобы завидовать им, чьи ратные труды оценены по достоинству? После столь долгой, ревностной и опасной службы в арктических водах...

Последние слова Николлса заглушил пронзительный звук горна. Оба офицера машинально посмотрели на динамик, в котором что-то потрескивало и гудело, затем изумленно переглянулись. В следующее мгновение оба были на ногах: к настойчивому, леденящему кровь призыву горна – сигналу боевой тревоги – невозможно привыкнуть.

– Боже правый! – простонал Брукс. – Не может этого быть! Неужели опять? Здесь, в Скапа-Флоу!

«Боже мой! Неужели опять! Неужели здесь, в Скапа-Флоу!» Эти слова были у всех на устах, в умах и сердцах семисот двадцати семи измученных, постоянно недосыпающих, озлобленных моряков в тот хмурый зимний вечер на рейде Скапа-Флоу. Ни о чем ином они и не могли думать, заслышав повелительный окрик горна, от которого тотчас замерла работа в

машинных отделениях и кочегарках, на лихтерах, откуда шла погрузка боеприпасов, на нефтеналивных баржах, в камбузах и служебных помещениях. Лишь одним этим были заняты мысли оставшихся на вахте в нижних палубах. Еще острее почувствовав отчаяние при пронзительных звуках тревоги, разорвавших благодатную пелену забытья, они с тоскующей душой и больным разумом тотчас вернулись к жестокой действительности.

По странному стечению обстоятельств минута эта была роковой. «Улисс» мог бы в эту самую минуту навсегда окончить свое существование как боевая единица. Это был именно тот момент, когда озлобленные, измученные люди, едва успевшие несколько прийти в себя в сравнительной безопасности защищенного сушией рейда, могли восстать против беспощадной системы немого, бездушного насилия и принуждения, убивавшей в человеке душу живую. Более подходящего для мятежа момента не могло и быть.

Минута эта пришла – и была упущена. Такая мысль лишь на какое-то мгновение коснулась умов и тотчас исчезла, заглушенная топотом ног разбежавшихся по боевым постам людей. Возможно, тут сыграл свою роль инстинкт самосохранения. Хотя вряд ли – на «Улиссе» давно перестали заботиться о себе. Возможно, то было просто флотской дисциплиной, преданностью своему командиру или тем, что психологи называют условным рефлексом, – заслышав визг тормозов, вы инстинктивно отскакиваете в сторону. Возможно также, тут было что-то иное.

Как бы там ни было, все помещения корабля были задраены по боевой тревоге за две минуты. На верхней палубе оставались лишь вахтенные матросы, обслуживающие шпиль. Никто не верил, что здесь, в Скапа-Флоу, их может подстергать какая-то опасность, но все отправились на свои боевые посты – молча или бранясь, в зависимости от натуры. Люди шли с мрачным видом, неохотно, возмущаясь, сетуя на тяжкую свою долю. Но все-таки шли.

Отправился на свой пост и контр-адмирал Тиндалл. Он не принадлежал к тем, кто шел молча. Ругаясь на чем свет стоит, он поднялся на мостик и забрался на высокое кресло, находившееся в левом переднем углу верхнего мостика. Посмотрел на Вэллери, находившегося на другом крыле мостика.

– Что за переполох, командир? – спросил он недовольно. – По-моему, все вокруг чисто.

– Пока ничего не могу сказать, сэр. – Вэллери озабоченным, внимательным взглядом обвел простор рейда. – Семафор от командующего. Приказано немедленно сниматься с якоря.

– Сниматься с якоря! Но почему, старина, почему?

Вэллери покачал головой.

– Это заговор с целью лишить стариков вроде меня их послеобеденного сна, – простонал Тиндалл.

– Скорей всего, у Старра возникла очередная блестящая идея, и он решил немного встряхнуть нас, – проворчал Тэрнер, старший офицер «Улисса».

– Только не это, – решительно произнес Тиндалл. – Он бы не посмел это сделать. И потом, как мне кажется, он человек не злопамятный.

Воцарилась тишина – тишина, нарушаемая лишь шумом падающего града и зловещим щелканьем гидролокатора, доносившимся из динамика.

– Боже правый! Взгляните, сэр! «Герцог» утопил якорь! – вскинул к глазам бинокль Вэллери.

И действительно. На «Герцоге Кемберлендском», чтобы не выбирать якорь, расклепали якорь-цепь, и теперь нос огромного корабля, начавшего движение, стал медленно поворачиваться.

– Какого черта!.. – Не закончив фразу, Тиндалл принялся изучать небо. – На горизонте ни одного самолета, ни единого парашюта. Ни радарной установкой, ни гидролокатором не обнаружено какой-либо цели. Нет ни малейшего признака того, что основные силы германского

флота проникли через боновые заграждения...

– «Герцог» нам семафорит, сэр! – докладывал Бентли, старшина сигнальщиков. Помолчав, он стал медленно читать: «Немедленно займите место нашей якорной стоянки. Пришвартуйтесь к северной бочке».

– Потребуйте подтверждения приказа! – резко проговорил Вэллери. Потом взял у матроса-сигнальщика трубку телефона, связывавшего боевую рубку с полубаком.

– Первый лейтенант? Говорит командир. Как якорь? На панер? Добро. – Он повернулся к вахтенному офицеру. – Обе машины малый вперед. Право десять градусов.

Нахмурился, вопросительно взглянул на Тиндалла, сидевшего у себя в углу.

– Игра в кошки-мышки, – проворчал Тиндалл. – А может, какая-нибудь другая игра, вроде испорченного телефона... Хотя нет, минуту! Смотрите! Все пяти-с-четвертью-дюймовые орудия «Герцога» до отказа опущены вниз!

Взгляды Тиндалла и Вэллери встретились.

– Нет, не может быть! Боже правый, вы полагаете?..

Донесшийся из динамика громовой голос акустика (его боевой пост находился сразу за боевой рубкой) послужил ответом на вопрос контр-адмирала. Крайслер, старший акустик, говорил четко, неторопливо:

– На мостике! Докладывает акустик! Слышу эхо. Тридцать градусов левого борта. Повторяю. Тридцать левого борта. Эхо усиливается. Дистанция сокращается.

Командир «Улисса» вскочил на ноги, но тут же замер как вкопанный.

– На пункте управления огнем! Цель тридцать градусов левого борта! Всем зенитным орудиям максимальный угол снижения. Подводная цель. Минный офицер, – обратился он к лейтенанту Маршаллу, – посты сбрасывания глубинных бомб – к бою!

Вэллери снова повернулся к Тиндаллу.

– Это невероятно, сэр! Вражеская подлодка – очевидно, это она – где? в Скапа-Флоу? Просто невозможно!

– Прин так не считал, – проворчал Тиндалл.

– Прин?

– Капитан-лейтенант Прин, тип, который торпедировал «Ройял Оук».

– Это не может повториться. Новые боновые заграждения...

– ...помешают проникновению обычной подлодки, – закончил за Вэллери Тиндалл. Потом перешел на полусшепот. – Помните, в прошлом месяце нам рассказывали о наших двухместных подлодках? Их должны были доставить в Норвегию на норвежских рыболовных судах, которые курсируют у Шетлендских островов. Возможно, такая же мысль возникла и у немцев.

– Вполне, – согласился Вэллери. Он сардонически усмехнулся, кивнув в сторону линкора. – Вы только посмотрите на «Кемберленда». Идет прямо в открытое море.

Помолчав задумчиво, он снова взглянул на Тиндалла.

– Как вам это нравится, сэр?

– Что именно, командир?

– Эта базарная торговля, – криво улыбнулся Вэллери. – Видите ли, они не могут рисковать линейным кораблем, стоящим энное количество миллионов. Поэтому старый «Кемберленд» убирается восвояси, а мы швартуемся на его прежнее место. Бьюсь об заклад, немецкой морской разведке с точностью до дюйма известны координаты якорной стоянки линкора. Эти миниатюрные лодки имеют на борту заряды ВВ, и если немцы собираются прикрепить их к днищу какого-то корабля, то не преминут прикрепить их к нашему днищу.

Тиндалл взглянул на Вэллери. Лицо его было непроницаемо. Акустик непрерывно докладывал о результатах гидропеленгования. Пеленг цели оставался неизменным, дистанция

сокращалась.

– Совершенно верно, – проговорил адмирал. – Изображаем из себя мальчика для порки. Черт возьми, не по нутру мне вся эта история. – Лицо его исказилось, он невесело засмеялся. – Хотя, что для меня? Для команды – это действительно последняя капля. Этот последний кошмарный поход, мятеж, штурмовая группа морских пехотинцев с «Кемберленда», боевая тревога в гавани... И после всего случившегося мы должны рисковать своей шкурой ради этого... этого подлого... – Не закончив фразы, он в сердцах выругался, потом спокойно продолжал: – Что же вы собираетесь сообщить экипажу, командир? Происходит что-то невероятное, черт подери! Я сам, того и гляди, начну бунтовать...

Тиндалл, замолчав, вопросительно посмотрел через плечо Вэллери. Тот обернулся:

– Что случилось, Маршалл?

– Прошу прощения, сэр. Я по поводу эхо-сигналов. – Он показал большим пальцем на поверхность моря. – Наверное, подлодка, причем совсем маленькая?

Маршалл говорил с заметным канадским акцентом.

– Похоже, что так. А в чем дело?

– Мы тут с Ральстоном пораскинули мозгами, – улыбнулся канадец. – И кое-что придумали.

Вглядываясь вперед сквозь мокрый снег, Вэллери отдал распоряжение на руль и в машинные отделения, затем повернулся к минному офицеру. После приступа мучительного кашля, указывая на план якорной стоянки, командир проговорил:

– Если вы намереваетесь глубинными бомбами оторвать кораблю корму на таком мелководье...

– Нет, сэр. Ко всему, мы вряд ли сумеем поставить взрыватели на достаточно малую глубину. Я прикинул, вернее, не я, а Ральстон, что надо бы спустить на воду моторный баркас и захватить с собой несколько 25-фунтовых зарядов, 18-секундные запалы и химические взрыватели. Правда, ударная сила зарядов невелика, но ведь и у мини-лодок корпус не ахти какой прочный. Если же экипаж размещается не внутри, а снаружи этих штуковин, фрицам наверняка крышка.

Вэллери улыбнулся.

– Неплохо придумано, Маршалл. Пожалуй, так и сделаем. Что на это скажете, сэр?

– Попытка – не пытка, – согласился Тиндалл. – Лучше, чем ждать, пока нас самих ко дну пустят.

– Тогда за дело, минный офицер. – Вэллери изучающе посмотрел на него. – Кто у вас специалисты по подрывным работам?

– Я собирался захватить с собой Ральстона...

– Так и думал. Никого вы с собой не возьмете, дружище. Я не могу рисковать командиром минно-торпедной боевой части.

Маршалл тоскливо посмотрел на каперанга, затем покорно пожал плечами.

– Тогда надо послать старшину торпедистов и Ральстона, он старший торпедист. Оба отличные ребята.

– Хорошо, Бентли! Отрядите кого-нибудь на баркас для сопровождения команды подрывников. Мы будем сообщать им результаты гидропеленгования. Пусть захватят с собой сигнальный фонарь. – Внезапно голос Вэллери упал до шепота. – Маршалл...

– Да, сэр!

– Сегодня в госпитале умер младший брат Ральстона.

Командир взглянул на старшего торпедиста – высокого неулыбчивого блондина в линялой робе, поверх которой была надета канадка из грубого сукна.

– Он ещё не знает об этом?

Минный офицер изумленно уставился на командира корабля, потом медленно повернулся в сторону Ральстона и негромко, в сердцах выругался.

– Маршалл! – Голос Вэллери прозвучал резко, повелительно, но Маршалл, казалось, не слышал командира. Лицо канадца было неподвижно, словно маска. Он не замечал ни недовольного выражения командира, ни укусов града, хлеставшего его по лицу.

– Нет, сэр, не знает! – ответил он наконец. – Но утром он получил ещё одно известие. На прошлой неделе разбомбили Кройдон. Там живут... то есть жили мать Ральстона и три его сестры. Бомба была замедленного действия. Камня на камне не осталась.

Маршалл резко повернулся и ушел с мостика.

Операция продолжалась всего пятнадцать минут. С правого борта «Улисса» на ходу спустили моторный баркас, с левого – разъездной катер. Баркас с швартов-гиком на борту направился к швартовой бочке, куда шел и «Улисс», а катер пошел под углом к курсу корабля.

Метрах в четырехстах от крейсера по сигналу с мостика Ральстон достал из кармана плоскогубцы и раздавил химический взрыватель. Старшина безотрывно смотрел на секундомер. На двенадцатой секунде заряд полетел за борт.

Затем один за другим в воду упали ещё три заряда с взрывателями, установленными на различную глубину. Катер в это время описывал циркуляцию. Первыми тремя взрывами подбросило корму, катер судорожно затрясся, и только. Зато после четвертого взрыва из воды вырвалась ввысь мощная струя воздуха. Еще долго на поверхность, зловеще шипя, поднимались пузырьки. Когда волнение улеглось, все увидели, что на сотни ярдов море покрыто пленкой нефти...

Матросы, оставившие после отбоя боевые посты, с бесстрастными лицами смотрели на приближающийся к «Улиссу» катер и успели подцепить его на шлюп-тали в последнюю минуту: рулевое устройство катера оказалось выведенным из строя, корпус дал сильную течь. А «Герцог Кемберлендский» к тому времени превратился в пятно дыма, видневшееся за далеким мысом.

Тиская в руках фуражку, Ральстон сидел напротив командира корабля. Ни слова не говоря, Вэллери долго глядел на юношу.

Он не знал, что сказать и как сказать это. Очень уж неприятной была выпавшая на его долю обязанность.

Ричарду Вэллери неприятна была и война. Более того, она всегда была ему ненавистна, и он проклял день, когда война оторвала его от отставного уюта и комфорта. Во всяком случае, сам он говорил, что его оторвали. Лишь Тиндаллу было известно, что 1 сентября 1939 года он добровольно предложил свои услуги адмиралтейству и их охотно приняли.

И все же войну он ненавидел. Не потому, что она мешала Вэллери воздавать дань давнишним привязанностям – музыке и литературе (он был большим знатоком по этой части); не потому даже, что она постоянно оскорбляла его эстетические чувства, его представления о справедливости и целесообразности. Он ненавидел её потому, что был глубоко набожен; потому, что ему больно было видеть, как люди превращаются в лютых зверей; потому, что он считал жизнь тяжким бременем и без тех страданий и лишений, которые приносит с собой война; но главным образом потому, что он ясно представлял всю нелепость и бессмысленность войны, этого порождения воспаленного безумием мозга, войны, которая ничего не решает, ничего не доказывает, кроме древней, как мир, истины, что господь Бог всегда на стороне более многочисленных легионов.

Но существуют вещи, которые волей-неволей нужно делать. Вэллери было совершенно

ясно, что война эта – и его война. Поэтому-то он снова пошел служить на флот. По мере того, как шли тяжкие годы войны, он старел, худел, становился все добрее и терпимее к людям, которых он все больше понимал. Таких, как Вэллери, не сыскать было среди других командиров кораблей британского флота, да и вообще среди смертных.

Никто на свете не мог сравниться с Ричардом Вэллери своим великодушием, своим смирением. Но подобная мысль никогда не приходила ему в голову, что доказывало величие этого прекрасного человека.

Он вздохнул. В эту минуту его заботило одно – что сказать Ральстону. Но тот заговорил первым.

– Не беспокойтесь, сэр. – Голос юноши звучал монотонно и спокойно, лицо его было неподвижно. – Я все знаю. Командир минно-торпедной части меня оповестил.

– Слова бесполезны, Ральстон, – откашлялся Вэллери. – И совершенно излишни. Ваш младший брат... и ваша семья. Их больше нет. Мне очень жаль, мой мальчик, ужасно жаль. – Он взглянул в бесстрастное лицо молодого моряка и невольно усмехнулся. – Или вы полагаете, что все это – одни слова? Некая формальность, так сказать, официальное соболезнование?

К удивлению командира, лицо Ральстона чуть осветилось улыбкой.

– Нет, сэр, я так не думаю. Я понимаю ваши чувства. Видите ли, мой отец... Он тоже командует судном. Он говорил мне, что в подобных случаях испытывает то же самое.

Вэллери изумленно взглянул на него:

– Ваш отец, Ральстон? Вы говорите...

– Да, сэр.

Вэллери готов был поклясться, что в голубых глазах юноши, сидевшего напротив него, – спокойных, невозмутимых, – сверкнула искорка смеха.

– Он служит в торговом флоте, сэр... Капитан танкера водоизмещением шестнадцать тысяч тонн. – Вэллери ничего не ответил. Ральстон продолжал:

– Я по поводу Билли, моего младшего брата, сэр – тут виноват только я один – это я просил перевести его на наш корабль. Все из-за меня произошло.

Худые смуглые руки Ральстона комкали форменную фуражку. Насколько хуже будет ему, думал Вэллери, когда острота этой двойной потери несколько сгладится, когда бедный юноша начнет воспринимать действительность и осознает, что с ним случилось.

– Послушайте, мой мальчик. Думаю, вам нужно отдохнуть несколько дней, в себя прийти.

«Господи, какие пустые, ненужные слова я говорю», – подумал Вэллери.

– В канцелярии выписывают вам отпускной билет, – продолжал он.

– Куда выписывается билет, сэр? – Фуражка в руках Ральстона превратилась в бесформенный ком. – В Кройдон?

– Разумеется... Куда же еще... – Поняв, какую бестактность он невольно допустил, Вэллери замер на полуслове.

– Простите меня, дружок. Надо же такую глупость сморозить!

– Не отсылайте меня, сэр, – негромко попросил Ральстон. – Понимаю, это звучит... сентиментально, но это правда... Мне некуда ехать. Мой дом здесь, на «Улиссе». Тут я постоянно чем-то занят, тут я работаю, сплю... Ни о чем не надо говорить. Я могу что-то делать...

Самообладание его было лишь тонкой, непрочной оболочкой, скрывавшей боль и отчаяние.

– Здесь я смогу отплатить им за все, – торопливо продолжал Ральстон. – Как, например, сегодня, когда я вставлял в заряд взрыватель, у меня было такое ощущение... Очень вам благодарен, сэр... У меня нет слов объяснить, что я испытывал...

Вэллери все понял. Он почувствовал печаль, усталость, собственную беспомощность. Что

мог он предложить бедному юноше взамен его ненависти, этого естественного чувства, поглощавшего все его существо? Ничего. Он это знал. Ничего такого, за что бы его Ральстон не презирал, над чем бы не смеялся. Да и не время теперь для проповедей. Он тяжело вздохнул.

– Разумеется, вы можете остаться, Ральстон. Спуститесь в канцелярию корабельной полиции, пусть порвут ваш отпускной билет. Если я могу быть вам чем-то полезен...

– Понимаю, сэр. Очень вам благодарен. Доброй ночи, сэр.

– Доброй ночи, дружок.

Дверь неслышно закрылась.

Глава 2

В ПОНЕДЕЛЬНИК утром

– Задраить водонепроницаемые двери и иллюминаторы. По местам стоять, с якоря сниматься, – раздался в динамиках металлический голос.

И отовсюду на этот зов выходили люди. Пронизываемые ледяным северным ветром, бранясь на чем свет стоит, они дрожали от холода. Валил густой снег, забиравшийся за воротник и в обшлага, окоченевшие руки прилипали к стывшим тросам и металлическим деталям. Люди устали: погрузка горючего, продовольствия и боеприпасов настолько затянулась, что захватила добрую половину средней вахты. Мало кому из членов экипажа удалось поспать больше трех часов.

Моряки были все ещё озлоблены, глядели на офицеров волком. Правда, приказы по-прежнему выполнялись – так работает хорошо отлаженный механизм, но повиновение было неохотным, под внешним послушанием тлела ненависть. Однако офицеры и старшины умело распоряжались подчиненными: командир корабля настаивал на вежливом обращении с матросами.

Странное дело, раздражение команды достигло своего апогея вовсе не тогда, когда «Кемберленд» убрался восвояси. Произошло это накануне вечером, когда по трансляции было сделано оповещение: «Почту сдать до 20.00». Какая там к черту почта! Те, кто отработал сутки подряд без всякой передышки, спали мертвецким сном, у остальных же не было даже желания подумать о письме. Старший матрос Дойл, старшина второго кубрика, ветеран с тремя шеvronами (тринадцать лет нераскрытых преступлений, как скромно объяснил он появление нашивок, полученных за безупречную службу), выразил свое отношение к этому приказу следующим образом: «Будь моя старушка одновременно Еленой Прекрасной и Джейн Рассел, а вы, олухи, видели, что у меня за красотка, я не послал бы ей и вшивой откритки».

С этими словами он достал с полки свою койку, подвесил её прямо над горячей трубой (почему не воспользоваться своими привилегиями?) и две минуты спустя спал как убитый. Его примеру последовала вся вахта до единого. Мешок с почтой был отправлен на берег почти пустой...

Ровно в шесть ноль-ноль, ни минутой позже, «Улисс» отдал швартовы и малым ходом двинулся к проходу в боновых заграждениях. В серых сумерках, пробивавшихся сквозь низкие свинцовые облака, едва различимый среди густых хлопьев снега корабль, словно привидение, скользил по рейду.

Но даже в редкие паузы между снежными зарядами крейсер было трудно разглядеть. Казалось, что он невесом: так расплывчат, нечеток был его силуэт. В нем было что-то эфемерное, воздушное. Это, конечно, была иллюзия, но иллюзия, хорошо сочетавшаяся с легендой. Хотя «Улисс» и прожил недолгую жизнь, он успел стать легендой. В нем души не чаяли торговые моряки, которые несли трудную службу в северных морях, те, кто ходил из Сент-Джона в Архангельск, от Шетлендских островов до Як-Майена, от Гренландии до заброшенных на край света портов Шпицбергена. Повсюду, где возникала опасность, где подстерегала смерть, там, словно призрак, появлялся «Улисс». В минуту, когда люди уже не надеялись увидеть вновь хмурый арктический рассвет, взорам их предстал силуэт крейсера.

Крейсер-призрак, почти легенда, «Улисс» был построен недавно, но успел состариться в полярных конвоях. Он плавал в северных водах с самого своего рождения и не знал иной жизни. Сначала плавал в одиночку, эскортируя отдельные корабли или отряды из двух-трех кораблей.

Потом стал действовать совместно с фрегатами и корветами, а теперь и шагу не ступал без своей эскадры, относившейся к 14-й группе эскортных авианосцев.

В сущности, «Улисс» и прежде не оставался в одиночестве. За ним по пятам бродила смерть. Стоило ей костлявым своим перстом указать на танкер, как раздавался адский грохот взрыва; едва касалась она транспорта, как тот, надвое перешибленный вражеской торпедой, шел ко дну с грузом военного снаряжения; прикасалась к эсминцу, и тот устремлялся в свинцовые глубины Баренцева моря. Указывала курносая на подводную лодку, и та, едва всплыв на поверхность, расстреливалась орудийным огнем и камнем падала на дно: тогда оглушенная, онемевшая от ужаса команда молила лишь об одном – о трещине в прочном корпусе лодки, что означало бы мгновенную милосердную кончину, а не мучительную смерть от удушья в железном гробу на дне океана. Повсюду, где возникал «Улисс», появлялась смерть. Но смерть никогда не прикасалась к нему. Он был везучим кораблем, кораблем-призраком, и Арктика служила ему домом родным.

Призрачность эта была, конечно, иллюзией, но иллюзией рассчитанной. «Улисс» был спроектирован для выполнения определенной задачи в определенном районе, а специалисты по камуфляжу дело свое знали. Особая арктическая защитная окраска – ломаные, наклонные диагонали белого и серо-голубого цвета плавно сливались с белесыми тонами водных пустынь.

По одному лишь внешнему виду «Улисса» всякий мог определить, что корабль этот создан для севера.

«Улисс» был легким крейсером, единственным в своем роде. Водоизмещением в 5500 тонн, он представлял собой модификацию знаменитого типа «Дидона», предшественника класса «Черный принц». Длиной в сто пятьдесят метров при ширине всего в пятнадцать на миделе, с наклонным форштевнем, квадратной крейсерской кормой и длинным, в шестьдесят метров, баком, оканчивающимся за мостиком, «Улисс» был стремительным, быстроходным, подтянутым кораблем. Вид у него был зловещий и хищный.

«Обнаружить противника, вступить в бой, уничтожить». Такова первая и главная задача боевого корабля, и для выполнения её, причем как можно более быстрого и эффективного, «Улисс» был превосходно оснащен.

Наиболее важным фактором, необходимым для обнаружения цели, являлись, естественно, люди. Вэллери был достаточно опытным боевым командиром, чтобы знать цену неусыпной бдительности наблюдателей и сигнальщиков. Ведь человеческий глаз – не механизм, где что-то может заесть или сломаться. Естественно, широко использовалось радио; единственной защитой от подводных лодок был гидролокатор.

Однако наиболее эффективное средство обнаружения противника, которым располагал крейсер, было иным. «Улисс» представлял собой первый корабль в мире, оснащенный современной радиолокационной аппаратурой. Установленные на топах фок- и гротмачты дено и ночью вращались радарные антенны, неустанно прочесывая горизонт в поисках врага. В восьми радарных помещениях, находившихся ниже, и в пунктах управления огнем зоркие глаза, от которых не могла ускользнуть ни малейшая деталь, неотрывно следили за светящимися экранами радиолокаторов. Надежность и дальность действия радара казались фантастическими. В душе полагая, что преувеличивают, изготовители заверили, что радиус действия поставляемого ими оборудования составляет сорок–сорок пять миль. Между тем во время первых же испытаний радарной установкой был обнаружен немецкий «кондор», находившийся на расстоянии восьмидесяти пяти миль и впоследствии сбитый «бленхеймом».

Вступить в бой – таков был следующий этап. Иногда противник сам шел на сближение, чаще – приходилось его искать. И тогда необходимо было одно – скорость.

«Улисс» был необыкновенно быстроходным кораблем. С четырьмя винтами, приводимыми

в движение четырьмя турбинами Парсонса – две были установлены в носовом, две в кормовом машинном отделении, – он развивал скорость, какой не могли достичь многие другие корабли. Согласно тактическому формуляру, она составляла 33,5 узла. Но на ходовых испытаниях у Аррана, задрав нос и опустив, словно гидроплан, корму, крейсер, дрожа всеми заклепками и вздымая на три метра над кормовой палубой фонтаны воды, прошел мерную милю с неслыханной скоростью – 39,2 узла. А «дед» – инженер-капитан третьего ранга Додсон, многозначительно улыбаясь, заявил, что «Улисс» не проявил и половины своих возможностей. Окажись, дескать, рядом «Абдиэл» или же «Мэнксман», «Улисс» показал бы, на что способен. Но поскольку ни для кого не составляло секрета, что скорость хода этих знаменитых минных заградителей достигала 44 узлов, то обитатели кают-компаний вслух называли заявление стармеха хвастовством, хотя в душе не меньше Додсона гордились могучими машинами крейсера.

Итак, обнаружить противника, вступить в бой, уничтожить. Уничтожение противника – такова главная, конечная задача военного корабля. Взять вражеский корабль или самолет на прицел и уничтожить его. «Улисс» был хорошо оснащен и для этой задачи.

Он имел четыре двухорудийные башенные установки: две башни на носовой, две на кормовой палубе. Скорострельные пушки калибром 5,25 дюйма могли с одинаковым успехом поражать как надводные, так и воздушные цели. Управление огнем осуществлялось с командно-дальномерных постов: главный находился в носовой части корабля, за мостиком и чуть выше его, а запасной – на корме. Все необходимые параметры – пеленг, скорость ветра, дрейф, расстояние, собственная скорость, скорость хода противника, курсовой угол – поступали в гигантские электронные вычислительные машины, установленные в центральном посту, этом сердце корабля, которое, странное дело, находилось глубоко в утробе «Улисса» – значительно ниже ватерлинии. Там вырабатывались и автоматически подавались на башенные установки лишь две величины – прицел и целик. Разумеется, командиры башен могли вести огонь и самостоятельно.

В башнях размещались орудия главного калибра. Остальные орудия были зенитными. На корабле имелось несколько многоствольных скорострельных установок калибром 42 миллиметра. Пушки эти были не слишком точны, но создавали достаточно плотную огневую завесу, чтобы отпугнуть любого воздушного противника. Кроме того, в различных частях надстроек были размещены спаренные «эрликоны» – точные, сверхскорострельные пушки. В опытных руках они становились смертоноснейшим оружием.

Арсенал «Улисса» дополняли глубинные бомбы и торпеды. Глубинных бомб было всего тридцать шесть – сущие пустяки по сравнению с противолодочным вооружением многих корветов и эсминцев. Причем в одной серии можно было сбросить не более шести бомб. Но каждая из них заключала двести килограммов аматола; прошлой зимой «Улисс» потопил две неприятельские подводные лодки. Из двух трехтрубных аппаратов, установленных на главной палубе за второй трубой, стремительные и грозные, выглядывали торпеды в 21 дюйм диаметром, в каждой – заряд в 337 килограммов тринитротолуола. Но аппараты эти ещё ни разу не использовались.

Таков был «Улисс». Наивысшее для своего времени достижение человека, апофеоз его стремления – слить воедино научную мысль и звериный инстинкт, чтобы создать совершеннейшее орудие разрушения. Это был великолепный боевой механизм до тех лишь пор, пока находился в руках надежного, сработавшегося экипажа. Корабль – любой корабль – таков, каков его экипаж, ничуть не лучше. А экипаж «Улисса» распадался на глазах: хотя кратер вулкана был заткнут, грозный рокот не умолкал.

Первые признаки новой опасности появились три часа спустя после выхода «Улисса» из гавани. Расчищая фарватер, впереди крейсера шли тральщики. Однако командир корабля не ослаблял бдительности. Именно поэтому и сам Вэллери, и его корабль были до сих пор целы и невредимы. В шесть часов двадцать минут каперанг распорядился поставить параваны – торпедообразные буи, выпускаемые по одному с каждой стороны форштевня на специальных тросах – буйрепах. По законам гидродинамики минрепы – тросы, соединяющие мины с их якорями, – должны отводиться тралами прочь от корпуса корабля, к параванам, где их рассекают специальные резакы, и мины всплывают. Затем их подрывают или расстреливают огнем стрелкового оружия.

В 09.00 Вэллери приказал убрать параваны. «Улисс» сбавил ход. Первый офицер, капитан-лейтенант Кэррингтон, отправился на полубак проследить за операцией: матросы, лебедчики и унтер-офицеры, в чьем заведовании находились параваны обоих бортов, уже стояли на своих местах.

Стрелы для подъема параванов, находившиеся позади бортовых ходовых огней, были срочно поставлены в рабочее положение. Установленные на орудийной палубе второй башни трехтонные электролебедки мощным плавным усилием начали натягивать тросы; вскоре из воды показались параваны.

Тут-то и случилась беда. Виновен в случившемся был матрос первого класса Ферри. На лебедке левого борта оказался неисправным выключатель. В довершение всего лебедчиком был молчаливый, острый на язык Ральстон, тот мог ляпнуть или выкинуть такое, что не приведи Бог. Но виновным в том, что такое случилось именно так, а не иначе, был Карслейк.

Присутствие младшего лейтенанта Карслейка среди спасательных плотов, где он руководил работами по подъему левого траля, явилось следствием целого ряда ошибок. Первой из них была ошибка его отца, отставного контр-адмирала, который, полагая, что сын одного с ним поля ягода, в 1939 году забрал его из Кембриджа в далеко не юном возрасте (Карслейку-младшему стукнуло уже двадцать шесть) и, в сущности, навязал свое чадо флоту. Вслед за первой последовали другие ошибки: недостаточная принципиальность командира корвета, первого начальника Карслейка (знакомый его отца, он, грешным делом, представил Карслейка к офицерскому званию); недосмотр аттестационной комиссии на «Кинг Альфреде», которая присвоила ему такое звание; наконец, промах старшего офицера «Улисса», назначившего его на эхо-заведование, хотя он и знал о некомпетентности Карслейка и его неумении командовать людьми.

Лицо Карслейка, точно у сверхпородистой лошади, было длинное, худое и узкое, с бледно-голубыми глазами навывкат и торчащими вперед верхними зубами. Белокурые волосы жидки, брови изогнуты в виде вопросительного знака. Под длинным, острым носом, под стать бровям, изгибалась верхняя губа. Речь его представляла собой пародию на язык, каким говорят нормальные англичане: краткие гласные у него получались, долгими, а долгие – бесконечными, да и с грамматикой он не всегда был в ладах. Он лютой ненавистью ненавидел флот, ненавидел начальство, медлившее с представлением его к очередному званию, ненавидел матросов, которые платили ему той же монетой. Словом, младший лейтенант Карслейк воплощал в себе все самое порочное, что породила английская система привилегированных частных школ. Тщеславный заносчивый мужлан и недоучка, он стал посмешищем экипажа.

Он и теперь выставлял себя на посмешище. Забравшись на спасательные плоты, широко расставив ноги для лучшей устойчивости, он кричал, отдавая матросам бессмысленные, ненужные распоряжения. Главный старшина Хартли стонал, но, соблюдая субординацию, вслух не произносил ни слова. Зато матрос I класса Ферри чувствовал себя гораздо раскованней.

– Глянь на их сиятельство, – обратился он к Ральстону. – Перед командиром так и

распинается, землю роет.

Он кивнул в сторону Вэллери, стоявшего на мостике метрах в шести от Карслейка. – И, наверно, думает: «До чего здорово это у меня получается!»

– Оставь Карслейка в покое. Лучше за шкенгелем следи – посоветовал ему Ральстон. – Да сними ты эти проклятые рукавицы. А не то...

– Знаю, знаю, – насмешливо перебил его Ферри. – А не то их зацепит тросом, и меня наматает на барабан лебедки, – добавил он, ловко подавая трос. – Ничего, корешок, с кем с кем, – а уж со мной-то этого не произойдет.

Но он ошибался. Внимательно наблюдавший за раскачивающимся параваном Ральстон вдруг посмотрел на лебедку. Он заметил разорванную прядь на тросе всего в нескольких дюймах её руки Ферри, увидел как острая проволока впилась в рукавицу к потащила её вместе с рукой к вращающемуся барабану. Ферри даже крикнуть не успел.

Реакция Ральстона была мгновенной. Ножной тормоз находился всего в шести дюймах, но это было слишком далеко. Матрос изо всех сил крутанул реверс, в долю секунды переключив лебедку на «полный назад». И в то мгновение, как раздался крик Ферри, чье предплечье угодило между тросом и барабаном, послышался глухой взрыв, и лебедка, стоимостью в пятьсот фунтов стерлингов, окутанная клубами едкого дыма, в мгновение ока превратилась в груды лома.

Под тяжестью паравана начал разматываться трос, увлекая за собой Ферри. Трос проходил сквозь блок – киповую планку, находившуюся в шести метрах от лебедки. Если бы Ферри повезло, он потерял бы только руку.

Ферри оттащило фута на четыре, но тут Ральстон изо всей силы нажал на педаль тормоза. Взвизгнув, барабан застыл как вкопанный, и параван бултыхнулся в море. Оборванный конец троса лениво раскачивался из стороны в сторону.

Карслейк слез с плота с лицом, перекошенным злобой. Подскочив к Ральстону, он свирепо завопил:

– Ты, идиот проклятый! Из-за тебя мы потеряли параван. Ты чего тут раскомандовался? Отвечай, черт тебя побери!

Ральстон сжал губы, но ответил достаточно почтительно:

– Виноват, сэр. Но иного выхода не было. Рука Ферри...

– Черт с ней, с рукой! – чуть не верещал от ярости Карслейк. – Я тут главный... я отдаю приказания. Погляди! Ты только погляди!.. – Он показал на обрывок троса. – Твоя работа, Ральстон, идиот несчастный! Параван пропал, понимаешь, пропал!!

– И в самом деле, – произнес Ральстон, с деланным изумлением посмотрев за борт. Потом, с вызовом взглянув на Карслейка, похлопал по лебедке. – Не забудьте и про это. Лебедка тоже пропала, а она дороже любого паравана.

– Мне надоела твоя наглость, болван проклятый, – завопил Карслейк. Рот у него дергался, голос дрожал от ярости. – Тебя надо хорошенько проучить, и я тебя, черт возьми, проучу, наглый ублюдок!

Ральстон густо покраснел. Стиснув кулаки, он шагнул вперед и размахнулся, но сильные руки Хартли схватили его запястье, и юноша тотчас обмяк. Однако дело было сделано. О происшедшем будет доложено командиру.

Вэллери терпеливо выслушал рапорт разъяренного Карслейка. Правда, спокойствие его было лишь кажущимся. И без того хватает забот, думал он устало. Бесстрастная маска не выражала его настоящих чувств.

– Это правда, Ральстон? – спросил он невозмутимо, когда Карслейк закончил свою тираду. – Вы действительно отказались выполнять распоряжения лейтенанта и оскорбляли его?

– Нет, сэр, – в голосе Ральстона прозвучала такая же усталость, какую испытывал и

Вэллери. – Неправда.

Он равнодушно посмотрел на Карслейка, потом вновь повернулся к командиру.

– Я не отказывался выполнять распоряжений. Их попросту не было. Главному старшине Хартли это известно. – Он кивнул в сторону грузного спокойного мужчины, приведшего их обоих на мостик. – Я никого не оскорблял, сэр. Мне не хотелось бы изображать из себя эдакого юриста, но многие могут засвидетельствовать, что младший лейтенант Карслейк сам оскорблял меня, причем не раз. А если я что-то и сказал, – при этих словах он слабо улыбнулся, – то лишь в целях самозащиты.

– Здесь не место для шутовства, Ральстон, – холодно произнес Вэллери. Юноша ставил его в тупик. Озлобленность, показное спокойствие – это ещё можно понять, но откуда в нем этот юмор?

– Инцидент произошел у меня на глазах. Ваша сообразительность и находчивость спасли этому матросу руку, а возможно, и жизнь. Так что потеря паравана и поломка лебедки – сущие пустяки.

Карслейк побледнел, поняв намек командира.

– За это вам спасибо. Что касается прочего... Завтра утром доложите старшему офицеру, получите взыскание. Вы свободны, Ральстон.

Сжав губы, Ральстон пристально взглянул на Вэллери, потом резким жестом отдал честь и ушел с мостика.

– Разрешите обратиться, сэр... – с просительным выражением повернулся к Вэллери Карслейк.

Но при виде поднятой ладони командира он осекся на полуслове.

– Не теперь, Карслейк. Поговорим об этом позднее. – Вэллери даже не пытался скрыть свою неприязнь. – Можете быть свободны, лейтенант. Хартли, на минуту.

Сорокачетырехлетний главный старшина шагнул вперед. Хартли был одним из лучших моряков королевского флота. Мужественный, добрейшей души человек и большая умница, он был предметом восхищения всего личного состава корабля, начиная от салаги-матросика, боготворившего его, и кончая командиром, который его ценил и уважал. Оба они служили вместе с самого начала войны.

– Ну, главный, выкладывайте все начистоту.

– Тут все ясно, сэр, – пожал плечами Хартли. – Ральстон оказался молодцом. Младший лейтенант Карслейк потерял голову. Возможно, Ральстон вел себя несколько задиристо, но его вынудили к этому. Хотя он совсем юн, но это профессионал, и он не любит, когда им помывают любители. – Хартли помолчал, потом, поглядев на небо, прибавил: – Особенно такие, что путаются под ногами.

Вэллери погасил улыбку.

– Может, сочтем это за... э... критическое замечание, главный?

– Пожалуй, что так, сэр, – Хартли кивнул. – То, что случилось, произвело неприятное впечатление на команду. Люди возмущены. Прикажете...

– Благодарю вас, главный. Постарайтесь, во возможности, успокоить матросов.

Когда Хартли ушел, Вэллери повернулся к Тиндаллу.

– Вы слышали, сэр? Еще один признак надвигающейся грозы.

– Грозы, говорите? Бури, урагана, если угодно, – едко отозвался Тиндалл. – Вам не удалось выяснить, кто находился вчера вечером у моей каюты?

Накануне, во время ночной вахты, услышав скрежещущий звук, доносившийся из-за двери его салона, Тиндалл решил выяснить, в чем же дело. Но в спешке запнулся и уронил стул, и тотчас в коридоре послышался топот ног. Открыв дверь, адмирал увидел, что коридор пуст. На

палубе, под ящиком, где хранились флотские кольты калибра 0,445 дюйма, валялся напильник. Цепочка, пропущенная через предохранительные скобы спусковых крючков, была почти полностью перепилена.

– Не имею представления, сэр, – пожал плечами Вэллери. Лицо его было озабочено. – Плохо дело, очень плохо.

Дрожа от пронизывающего насквозь ледяного ветра, Тиндалл криво усмехнулся.

– Совсем как в пиратских романах, а? Того и гляди, головорезы с пистолетами и кортиками, с черными повязками на глазу, кинутся на капитанский мостик.

Вэллери решительно покачал головой.

– Нет, только не это. Вы сами знаете, сэр. Дерзость – может быть, но... не больше. Дело в том, что за углом, у распределительного щита постоянно стоит на часах морской пехотинец. Денно и ночью. Он должен был заметить злоумышленника. Но утверждает, что никого не видел...

– Вот уже до чего дошло? – присвистнул Тиндалл. – Настал черный день, командир. А что говорит по этому доводу наш лихой капитан морской пехоты?

– Фостер? Мысль об измене он находит смехотворной. А сам крутит усы, того и гляди, оторвет. Встревожен ужасно. Ивенс, старший сержант, обеспокоен не меньше.

Дверь отворилась, и по палубе мостика зашаркала подошвами похожая на застигнутого бурей медведя грузная, угрюмая фигура в канадке, непромокаемом плаще и русской ушанке на бобровом меху. Брукс подошел к экрану Кента – стеклянному диску, вращающемуся с большой скоростью, сквозь который можно наблюдать в любую погоду – дождь ли, град, или снег. С полминуты он с несчастным видом разглядывая горизонт. По всему судя, представшая его взору картина удручала его.

Громко фыркнув, он отвернулся и начал хлопать себя по бокам, пытаясь согреться.

– Ха! Врач-лекаришка на командном мостике крейсера. Какая непозволительная роскошь! – Он ссутулился и стал казаться ещё более несчастным. – Здесь не место цивилизованному человеку вроде меня. Но вы сами понимаете, господа, меня привел трубный зов долга.

Тиндалл усмехнулся.

– Наберитесь терпения, команда? Эти слуги смерти долго раскачиваются, а уж если раскачаются...

Прервав адмирала на полуслове, Брукс озабоченно произнес:

– Новые неприятности, командир. Не хотел сообщать по телефону. Не знаю еще, насколько дело серьезно.

– Неприятности? – Вэллери внезапно умолк, чтобы откашляться в платок. – Прошу прощения. Говорите, неприятности? А чего ещё можно ожидать? У нас у самих только что была крупная неприятность.

– Вы об этом самонадеянном молодом кретине Карслейке? Мне уже все известно. У меня повсюду шпионы. Этот олух смертельно опасен... Теперь послушайте, что я скажу.

Мой юный коллега Николлс вчера допоздна засиделся в санчасти. Карточками туберкулезников занимался. Сидел там часа два или три. Свет в лазарете был выключен, и больные не то не знали о его присутствии, не то забыли. И он услышал, как кочегар Райли – кстати, до чего же опасен этот Райли – да и другие заявили, что, как только их выпишут, они запрут в кочегарке и устроят сидячую забастовку. Сидячая забастовка в кочегарке – это что-то невероятное! Во всяком случае, Николлс пропустил это мимо ушей. Словно бы ничего не слышал.

– То есть как? – Голос Вэллери был резок, гневен. – Николлс промолчал, не доложил мне? Вы говорите, это случилось вчера вечером? Почему же мне тотчас не доложили? Вызовите

Николлса, и немедленно. Хотя нет, не надо. Я сам его вызову. – Он протянул руку к телефонной трубке.

– Не стоит, сэр, – положил ладонь на руку командира Брукс. – Николлс толковый мальчик, очень толковый. Он не подал виду, что слышал их разговор, иначе бы матросы решили, что он доложит об их намерениях. Тогда бы вам пришлось принимать соответствующие меры. А ведь открытое столкновение с экипажем вам совершенно ни к чему. Сами сказали вечером в кают-компании.

– Верно, я так говорил, – нерешительно произнес Вэллери. – Но тут совсем другое дело, док. Смутьяны всю команду могут подбить к мятежу...

– Я уже вам объяснил, сэр, – вполголоса возразил Брукс. – Джонни Николлс очень смысленный юноша. Он огромными красными буквами вывел на дверях лазарета: «Не подходить. Карантин по скарлатине». При виде этой надписи я со смеху помираю. И, знаете, помогает. Все шарахаются от лазарета, как от чумы.

Связаться со своими дружками из кочегарского кубрика – для Ралли дело безнадежное.

Тиндалл громко засмеялся, даже Вэллери слабо улыбнулся.

– Толково придумано, док. И все-таки следовало уведомить меня ещё вчера.

– Зачем же беспокоить командира по всякому пустяку, да ещё глубокой ночью? – с грубоватой фамильярностью ответил Брукс. – У вас и так забот полон рот. Нельзя допустить, чтобы вы лишней раз кровь себе портили. Вы согласны, адмирал?

– Согласен, о Сократ, – важно кивнул Тиндалл. – Довольно витиеватый способ пожелать командиру корабля спокойной ночи. Но я к вам присоединяюсь.

– Ну, у меня все, господа, – Брукс приветливо улыбнулся. – Надеюсь, на военно-полевом суде встретимся. – Он лукаво поглядел через плечо; снег валил все гуще. – Чудно было бы попасть на Средиземное, а, господа? – Вздохнув, Брукс непринужденно продолжал с заметным ирландским акцентом: – Мальта весной. Взморье в Слиеме. На заднем плане – белые домики. Сто лет назад мы там устраивали пикники. Легкий ветерок, причем теплый, голубчики вы мои. Синее небо, бутылочка кьянти под полосатым тентом...

– Прочь! – взревел Тиндалл. – Прочь с мостика, Брукс, а не то...

– Уже исчез, – произнес Брукс. – Сидячая забастовка в кочегарке. Надо же придумать! Ха! И оглянуться не успеешь, как эти суфражистки в штанах бросятся приковывать себя к поручням!

Дверь тяжело захлопнулась за ним.

– Похоже, вы были правы насчет бури, сэр, – с озабоченным лицом повернулся к адмиралу Вэллери. Тиндалл невозмутимо произнес:

– Возможно. Беда в том, что людям сейчас нечем заняться. Вот им в голову и лезет всякая ерунда. Они ругаются и злятся на все и вся. Позднее все встанет на свои места.

– Хотите сказать, когда у нас будет... э... больше работы?

– Ага. Когда дерешься за свою жизнь, за жизнь корабля... на заговоры и размышления о несправедливости судьбы не остается времени. Закон самосохранения – все-таки основной закон природы... Хотите вечером обратиться к экипажу по громкоговорящей связи, Командир?

– Да, обычное сообщение. Во время первой полувахты, после объявления вечерней боевой тревоги. – Вэллери улыбнулся. – Тогда наверняка все услышат.

– Хорошо. Пусть узнают, почем фунт лиха. Пусть обмозгуют, что и как. Судя по намекам Винсента Старра, у нас будет о чем подумать во время нынешнего похода. Это займет команду.

Вэллери засмеялся. Его худое аскетическое лицо преобразилось. По-видимому, ему действительно было весело.

Тиндалл вопросительно поднял брови. Вэллери улыбнулся в ответ.

– Забавная мысль пришла в голову, сэр. Как бы выразился Спенсер Фэггот, положение пиковое... Дела наши из рук вон плохи, раз дошло до того, что лишь противник может нас выручить.

Глава 3

ПОНЕДЕЛЬНИК пополудни

Весь день, не утихая, с норд-норд-веста дул свежий ветер. Ветер, который час от часу крепчал.словно начиненный мириадами иголок, студёный этот ветер нес с собой снег, частицы льда и странный мертвый запах, доносившийся с отдаленных ледников за Ледовым барьером. Он не был порывист и резок. Ровно, не ослабевая, он дул в правую скулу корабля с рассвета до вечерних сумерек и постепенно разгонял зыбь. Старые моряки вроде Кэррингтона, повидавшие все порты и моря мира, бывалые моряки вроде Вэллери и Хартли, с тревогой смотрели на волнующееся море и не говорили ни слова.

Ртутный столбик опускался. Однажды выпав, снег уже не таял. Мачты и реи походили на огромные сверкающие рождественские елки, украшенные гирляндами штагов и фалов. Иногда на грот-мачте появлялись бурые пятна – следы дыма, вырывавшегося из задней трубы, но тотчас исчезали. Снег опускался на палубу и уносился ветром. Якорные цепи на полубаке он превращал в огромные ватные канаты, прилипал к волнолому перед носовой орудийной башней. Возле башен и надстроек скапливались целые сугробы снега, снег проникал на мостик и влажной грудой ложился у ног. Залеплял огромные глаза центрального дальномера, тихой сапой вползал в проходы судовых помещений, неслышно сеял в люки. Выскивая малейшие щели в металлической и деревянной обшивке, проникал в кубрик, и там становилось сыро, скользко и неуютно. Вопреки законам тяготения, снег запросто поднимался вверх по штанинам, забирался под полы тужурок, непромокаемых плащей, в капюшоны канадок и доставлял людям множество неприятностей. И все-таки это был мир своеобразной, неброской красоты – белоснежный мир, наполненный странным приглушенным гулом. Снег падал целый день – непрерывно, без устали, а меж тем «Улисс» – призрачный корабль, очутившийся в призрачном мире, – лишь покачивался на волнах, продолжая мчаться вперед.

Но он не был одинок. Теперь у него была компания, превосходная, надежная компания – 14-я эскадра авианосцев – бесстрашный, опытный, закаленный в боях отряд эскадрных кораблей, почти столь же легендарный, как знаменитый восьмой отряд, который недавно был переброшен на юг для участия в конвоях на Мальту – работа не менее самоубийственная.

Как и «Улисс», эскадра весь день шла на норд-норд-вест. Шла прямым курсом. Противолодочный зигзаг Тиндалл не жаловал и использовал его лишь во время эскортирования караванов, да и то лишь в водах, опасных от подводных лодок. Подобно многим флотоводцам, он полагал, что зигзаг представляет собой большую опасность, чем противник. Шедший зигзагом «Кюрасао», броненосный крейсер водоизмещением в 4200 тонн, у него на глазах был протаранен могучим форштевнем «Куин Мэри» и обрел могилу в пучине Атлантики. Тиндалл никому не рассказывая об увиденном, но картина эта навсегда врезалась ему в память.

Будучи флагманом, «Улисс» занимал свое обычное место в порядке – он находился почти в середине соединения, состоявшего из тринадцати кораблей.

Впереди него шел крейсер «Стерлинг» – старый корабль типа «Кардифф», крепкий и надежный, на много лет старше и на много узлов тихходнее «Улисса», вооруженный пятью шестидюймовыми орудиями. Но конструкция его была совсем неподходящей для плавания в арктических водах, в штормовую погоду он принимал столько воды, что стал сущей притчей во языцех. Главной его задачей была охрана эскадры, второстепенной – замена флагманского корабля в случае его выхода из строя или гибели.

Авианосцы «Дефендер», «Инвейдер», «Реслер» и «Блу Рейнджер» находились справа и

слева от флагмана. «Дефендер» и «Реслер» шли несколько впереди, остальные чуть отставали. Кто-то решил, что их названия должны непременно оканчиваться на «ер». То же обстоятельство, что на флоте уже существовал один «Реслер», эсминец, входивший в состав восьмого отряда (так же, как и «Дефендер», потопленный незадолго до того возле Тобрука), было по блаженному неведению упущено. Корабли не походили на гигантов в тридцать пять тысяч тонн, входивших в состав основных сил флота, таких, как «Индефатигэбл» и «Илластриес». Нет, это были вспомогательные крейсера водоизмещением всего пятнадцать-двадцать тысяч тонн, непочтительно называемые «банановозами». Это были переоборудованные торговые суда американской постройки. Они были оснащены в Паскагоуле, что в штате Миссисипи, а через Атлантику их перегоняли смешанные англо-американские экипажи.

Они развивали скорость восемнадцать узлов, довольно высокую для одновинтовых судов (один лишь «Реслер» имел два винта), но на некоторых из них устанавливалось до четырех дизелей типа «Буш-Зульцер», соединенных общим валом. Их неуклюжие прямоугольные взлетные палубы длиной в сто тридцать пять метров были надстроены над открытым полубаком, и под ним образовывалось открытое пространство, через него с мостика просматривался горизонт. На этих авианосцах размещалось десятка три истребителей – «груммань», «сифайры», а чаще всего «корсары» – или двадцать легких бомбардировщиков. Суда были старые – неуклюжие, безобразные, ничуть не похожие на военные корабли; однако в течение многих месяцев они отлично выполняли свою задачу, охраняя конвои от авиации противника, обнаруживая и топя вражеские корабли и субмарины. Число уничтоженных ими кораблей противника – как надводных, так и подводных – было весьма внушительным, хотя адмиралтейство подчас и подвергало сомнению такого рода сведения.

Перечень эскортных эсминцев вряд ли вдохновил бы морских стратегов с Уайтхолла. То был поистине сброд, и термин «эсминец» по отношению к ним употреблялся только из вежливости.

Один из них, «Нейрн», был фрегатом класса «Ривер» в 1500 тонн; второй, «Игер», – флотским тральщиком; а третий, «Гэннет», более известный под прозвищем «Хентли и Пальмер», был довольно дряхлым и немощным корветом типа «Кингфишер», по-видимому, пригодным лишь для плавания в прибрежных водах. Никакого глубокого смысла в его прозвище не было, однако стоило увидеть его – похожего на ящик на фоне заката, и вы понимали уместность такого прозвища^[3]. Несомненно, строитель этой коробки работал по чертежам, одобренным адмиралтейством, но лучше бы тот день у него оказался выходным.

«Вектра» и «Викинг» были двухвинтовыми модифицированными эсминцами типа «V» и «W», которые давно успели устареть. Кое-как вооруженные и недостаточно быстроходные, они были довольно прочны и надежны. «Балиол», крохотный эсминец допотопного класса «Хант», каким-то чудом оказался в могучих просторах северных морей. «Портпатрик», тощий, как скелет, четырехтрубник, был одним из полуста эсминцев, переданных Англии Соединенными Штатами по ленд-лизу ещё во время первой мировой войны. Никто даже не осмеливался справиться о его возрасте. Корабль этот притягивал к себе взоры всего флота, особенно когда погода ухудшалась. Поговаривали, будто два однотипных с ним корабля перевернулись во время шторма в Атлантике, поэтому, как только шторм достигал достаточной силы, многие, в силу подлости человеческой природы, жаждали воочию убедиться в достоверности этих слухов. Как ко всему этому относился экипаж, сказать было трудно.

Эти семь кораблей охранения, плохо различимые за снежной завесой, добросовестно несли свои обязанности. Фрегат и тральщик шли впереди отряда, эсминцы по бокам, корвет замыкал строй. Восьмой корабль охранения, быстроходный современный эсминец класса «8» под командованием капитана третьего ранга Орра, неутомимо сновал вокруг. Все командиры

кораблей эскадры завидовали Орру, получившему такую свободу действий у Тиндалла, который уступил его настойчивым просьбам. Но никто не оспаривал привилегию Орра: «Сиррус», которым он командовал, вечно лез на рожон, у него был какой-то сверхъестественный нюх на вражеские подлодки.

Расположившись в теплой кают-компании «Улисса», Джонни Николлс глядел на свинцовое в белых клочьях небо. Даже этот благословенный снег, прячущий тысячи грехов, думал он, мог мало чем помочь этим допотопным судам – угловатым, неуклюжим, которым давно пора на переплавку.

Молодой лейтенант почувствовал озлобление при мысли о лордах адмиралтейства, их лимузинах, высоких креслах и барских привычках, огромных простынях настенных карт с красивыми флажочками, – этих холеных господах, которые отправили разношерстный, собранный с бору по сосенке отряд воевать с отборными подводными силами противника, а сами остались дома, в уюте и роскоши. Но в следующую минуту Николлс осознал, что подобная мысль до нелепости несправедлива. Адмиралтейство охотно дало бы им дюжину новеньких эсминцев, если бы их имело. Он знал, что обстановка тяжелая, и в первую очередь удовлетворяются нужды Атлантического и Средиземноморского флотов.

Казалось, почему бы не поострить по поводу этих нелепых, смешных кораблей. Но, как ни странно, Николлсу совсем не хотелось смеяться. Он знал, на что способны эти суда, знал об их прошлых заслугах. Он испытывал лишь восхищение, даже гордость за них. Николлс заерзал на стуле и отвернулся от иллюминатора. Его взгляд упал на Капкового – мальчика, который дремал, откинувшись на спинку кресла. Над электрическим камином сохла пара огромных летных унт.

Капковый, он же лейтенант королевского военно-морского флота Эндрю Карпентер, штурман «Улисса» и его лучший друг, – вот кто должен был гордиться этими корытами. Известный прожигатель жизни, Капковый чувствовал себя повсюду в своей тарелке – в танцевальном зале и в кокпите гоночной яхты, на пикнике, на теннисном корте и за рулем своего мощного пурпурного «бугатти». Но в данном случае внешность была обманчива. Ибо самой большой на свете привязанностью, целью всей жизни Капкового мальчика был флот. Под фатоватой личиной скрывались блестящий ум и романтическая, елизаветинских времен преданность морю и кораблям, которую штурман, по его мнению, успешно пытался скрыть от своих сослуживцев-офицеров. Но любовь эта была столь явной, что никто не считал даже нужным отмечать её.

До чего же странна наша дружба, размышлял Николлс. Влечение противоположностей, так сказать. Если Карпентеру присущи дерзость и непринужденность, то ему, Николлсу, свойственны сдержанность и немногословность. И если штурман боготворит все, что связано с морской службой, то сам он ненавидит её всем своим существом. Благодаря чувству независимости, свойственному многим шотландским горцам, развитому в Джонни, ему претили тысяча и одна иголка флотской дисциплины, службизма и военно-морской глупости, они постоянно оскорбляли его ум и самолюбие. Уже три года назад, когда война вырвала его из стен известной больницы в Глазго, где он не успел проработать и года, у него возникли первые сомнения насчет совместимости его взглядов с флотским уставом. Сомнения эти подтвердились. Однако, несмотря на антипатию к службе, а возможно, благодаря ей и окаянной кальвинистской добросовестности, Николлс стал первоклассным морским офицером. И все-таки он встревожился, обнаружив в душе нечто похожее на гордость за корабли их эскадры.

Юноша вздохнул. В эту минуту ожил динамик в углу кают-компании. По своему горькому опыту Николлс знал, что сообщения, передаваемые по системе корабельной громкоговорящей связи, редко предвещают что-то доброе.

«Внимание! Внимание!» – Голос звучал металлически, бесстрастно, и Капковий продолжал пребывать в блаженном забытии, – «В семнадцать тридцать с обращением к экипажу выступит командир корабля. Повторяю: в семнадцать тридцать с обращением к экипажу выступит командир корабля. Конец».

– Проснись, Васко да Гама! – ткнул жестким пальцем в бок приятелю Николлс.

– Пора пропустить по чашечке, чайку. Скоро тебе в штурманскую рубку.

Карпендер заворочался, приоткрыв красные веки. Николлс ободряюще улыбался.

– На дворе красота. Волнение усиливается, температура падает, а недавно, ко всему, началась пурга. Погодка, для которой ты создан, друг мой, Энди!

Капковий со стоном очнулся, сел и наклонился вперед; его прямые светлые волосы упали на ладони, поддерживавшие голову.

– Что ещё там стряслось? – проговорил он ворчливо. После сна голос его звучал вяло. Капковий чуть усмехнулся, – Ты знаешь, где я был, Джонни? – спросил он мечтательно. – На берегу Темзы, в ресторане «Серый гусь». Он чуть выше Хенли. Лето, Джонни. Конец лета. Тепло и очень тихо. Она была в чем-то зеленом...

– Несварение желудка, – прервал его Николлс. – От чересчур веселой жизни. Сейчас четыре тридцать, через час будет говорить Старик. В любую минуту могут объявить готовность номер один. Пойдем перекусим, пока время есть.

– У этого человека нет души, он бесчувствен, – сокрушенно покачал головой Карпендер. Затем встал, потянулся. Как обычно, он был облачен в стеганный комбинезон на капке – шелковистых прядях с зернами хлопкового дерева, растущего в Японии и Малайе. На правом нагрудном кармане была золотом вышита огромная буква «Х». Что она обозначала, не знал никто. Штурман взглянул в иллюминатор, передернул плечами.

– Как ты считаешь, о чем сегодня пойдет речь, Джонни?

– Представления не имею. Любопытно, каковы будут выражения, тон, как он преподнесет нам эту пилюлю. Обстановочка, скажем прямо, щекотливая. – Николлс улыбнулся, но глаза его оставались серьезными. – Не говоря о том, что экипажу пока не известно, что мы снова идем на Мурманск. Хотя, пожалуй, иного они и не ожидали.

– Ага, – кивнул рассеянно Капковий. – Однако не думаю, что Старик попытается подсластить пилюлю. Он не станет преуменьшать опасности похода или выгораживать себя, вернее, возлагать вину на кого следует.

– Ни за что, – решительно покачал головой Николлс. – Старик не таковский. Не в его это натуре. Он никогда не выгораживает себя. И никогда себя не щадит. – Уставясь на огонь камина, Джонни спокойно поднял глаза на Карпендера. – Командир очень больной человек, Энди, страшно больной.

– Да что ты говоришь? – искренне удивился Капковий. – Очень больной... Боже правый! Ты, верно, шутишь!

– Не шучу, – прервал его Николлс. Он говорил почти шепотом: в дальнем конце кают-компании сидел Уинтроп, корабельный священник – энергичный, очень молодой человек, отличавшийся необыкновенным жизнелюбием и ровным характером. Жизнелюбие его временно дремало: священник был погружен в глубокий сон. Джонни любил его, но не хотел, чтобы Уинтроп услышал его: тот не умел держать язык за зубами. Николлсу часто приходило в голову, что Уинтропу никогда не преуспеть на поприще духовного пастыря – ему недоставало профессионального умения хранить тайны.

– Старина Сократ говорит, что командир безнадежен, а уж он-то зря не скажет, – продолжал Николлс. – Вчера вечером Старик вызвал его по телефону. Вся каюта была забрызгана кровью, Вэллери надрывно кашлял. Острый приступ гемоптизиса. Брукс давно

подозревал, что Старик болен, но тот не позволял осматривать его. По словам Брукса, если приступы повторятся, через несколько дней он умрет.

Николлс замолчал, мельком взглянул на Уинтропа.

– Болтаю много, – произнес он внезапно. – Вроде нашего духовного наставника. Зря я тебе об этом сказал. Разглашение профессиональной тайны и все такое. Так что ни гу-гу, Энди. Понял?

– Само собой. – Последовала долгая пауза. – По твоим словам, Джонни, он умирает?

– Вот именно. Ну, Энди, пошли чаевничать.

Двадцать минут спустя Николлс отправился в лазарет. Смеркалось. «Улисс» сильно раскачивало. Брукс находился в хирургическом отделении.

– Вечер добрый, сэр. В любую минуту могут объявить боевую готовность номер один. Не будете возражать, если я в лазарете задержусь?

Брукс в раздумье посмотрел на него.

– Согласно боевому расписанию, – поучал он, – боевой пост младшего офицера-медика находится на корме, в кубрике машинистов, я далек от мысли...

– Ну, пожалуйста, сэр.

– Но почему? Это что – скука, лень или усталость? – Он повел бровью, и слова потеряли всякую обидность.

– Нет. Обыкновенное любопытство. Хочу видеть реакцию кочегара Райли и его... э-э-э... соратников на выступление командира. Это может оказаться весьма полезным.

– Шерлок Николлс, да? Хорошо, Джонни. Позвони на корму командиру аварийной группы. Скажи, что занят. Сложная операция или что-нибудь в этом роде. До чего же у нас легковверная публика. Позор!

Николлс усмехнулся и взял трубку.

Взревел горн, объявляя боевую готовность, Джонни сидел в диспансере. Свет был выключен, шторы задернуты почти да отказа. Ярко освещенный лазарет был как на ладони. Пятеро больных спали. Двое других – кочегар Петерсен, малоразговорчивый гигант, наполовину норвежец, наполовину шотландец, и Бэрджес, темноволосый низенький «кокни», – негромко разговаривали, поглядывая в сторону смуглого плечистого крепьша. Председательствовал кочегар Райли.

Альфред О'Хара Райли с самых юных лет решил ступить на путь преступлений и, несмотря на многочисленные препятствия, с непоколебимой последовательностью продолжал стремиться к намеченной цели. Будь энергия его направлена в любую иную сторону, такая целеустремленность могла бы оказаться похвальной, возможно, даже прибыльной. Однако ни похвалы, ни выгоды он так и не добился.

Любой человек представляет собой то, что делают из него его окружение и наследственность. Райли не составляя исключения, и Николлс, знавший, как воспитывался Райли, понимал, что, в сущности, у этого рослого кочегара и не было шанса стать честным человеком. Родившись в зловонной трущобе Ливерпуля у вечно пьяной, неграмотной матери, он с младых ногтей стал отверженным. Волосатый, с тяжелой, выдающейся вперед челюстью, он смахивал на обезьяну. Перекошенный рот, раздувающиеся ноздри, хитрые черные глазки, выглядывающие из-под крохотного лба, точно определявшего умственные способности его владельца, – словом, вся его внешность была под стать избранной им стезе. Личность Райли была не по душе Николлсу, хотя он и не осуждал его. На какое-то мгновение драматизм судьбы этого бедолаги потряс Джонни.

На преступном поприще Райли так и не преуспел. Подняться выше любительского уровня не позволяли умственные способности. Сознывая свою ограниченность, он напрочь отказался от

высших, более утонченных видов преступления. Грабеж, в основном грабеж с насилием – такова была его узкая специальность. Он шесть раз сидел в тюрьме, последний срок был два года.

Почему его зачислили на флот, осталось тайной как для самого Райли, так и для начальства. Однако Райли стойко воспринял это новое несчастье и, подобно вихрю, налетевшему на кукурузное поле, пронесся по разбомбленным помещениям флотских казарм в Портсмуте, оставив позади след в виде вспоротых чемоданов и выпотрошенных бумажников. Без особого труда он был схвачен, приговорен к двум месяцам карцера и отправлен на «Улисс» в качестве кочегара.

Преступная его деятельность на борту «Улисса» была недолгой и закончилась плачевно. Первая совершенная им кража оказалась и последней. Неуклюже и невероятно глупо он выпотрошил рундук в кубрике для сержантов морской пехоты, но был застигнут на месте преступления старшим сержантом Ивенсом и сержантом Мак-Интошем. Они не стали докладывать о случившемся, и следующие трое суток, Райли провел в лазарете. По его словам, он оступился на трапе в котельном отделении и с шестиметровой высоты упал на железные плиты. Но подлинная причина его пребывания в лазарете была известна всем, и Тэрнер, старший офицер, решил списать Райли с корабля. К удивлению всего экипажа и в неменьшей степени самого Райли, инженер-механик Додсон упрямился, чтобы тому дали последний шанс, и Райли был оставлен на корабле.

Начиная с того самого дня, то есть в течение четырех месяцев, Райли только и делал, что подстрекал команду. Едва ли логично, хотя и закономерно, его краткое знакомство с морскими пехотинцами развеяло в дым его пассивную терпимость по отношению к флоту, уступив слепой ненависти. Как подстрекатель Райли преуспел гораздо больше, чем как преступник.

Хотя почва для его деятельности была благодатной, следовало отдать должное также и его проницательности, звериному чутью и лукавству, его власти над матросами. Хриплый, настырный голос, напористость да ещё пронзительный взгляд глубоко посаженных глаз – все это придавало Райли некую таинственную силу, которую он в полной мере проявил несколько дней назад, вызвав бунт, кончившийся гибелью младшего Ральстона и таинственной смертью морского пехотинца. Вне всякого сомнения, именно Райли был повинен в смерти их обоих; несомненно было также и то, что вину его оказалось невозможным доказать. Любопытно, думал Николлс, какие новые козни рождаются за этим низким, нахмуренным лбом и почему этот же самый Райли то и дело приносит на корабль бездомных котят и раненых птиц и заботливо за ними ухаживает.

В динамике затрепало. Звук этот пронзил мозг Джонни, заглушив негромкие голоса. И не только в лазарете, но и в самых отдаленных отсеках корабля – в орудийных башнях и погребах, в машинных и котельных отделениях, на верхней палубе и в нижних помещениях – замолкли разговоры. Слышался лишь шум ветра да удары волн, глухой рев втяжных вентиляторов в котельных и жужжание электромоторов. Напряжение, охватившее семьсот тридцать с лишком офицеров и матросов, было почти осязаемым.

– Говорит командир корабля. Добрый вечер. – Вэллери произнес эти слова спокойно, с хорошей дикцией, без каких-либо признаков волнения или усталости. – Как вам известно, у меня вошло в обычай перед каждым походом извещать вас о том, что за работа вам предстоит. Полагаю, вы вправе знать это. Информировать вас надлежащим образом – мой долг. Долг не всегда приятный – он не был таковым последние несколько месяцев. Однако на сей раз я почти доволен. – Вэллери помолчал, потом заговорил вновь неторопливо, размеренно: – Это наша последняя операция в составе флота метрополии. Через месяц, Бог даст, мы будем на Средиземном.

«Молодец, – подумал Николлс. – Подсласти пилюлю, намажь пожирнее!» Но Вэллери и не

думал этого делать.

– Но прежде всего, джентльмены, надо сделать свое дело. И дело нешуточное. Мы опять идем в Мурманск. В среду, в 10.30, севернее Исландии состоится рандеву с конвоем из Галифакса. В конвое восемнадцать транспортов – крупнотоннажных судов со скоростью хода пятнадцать узлов и выше. Это наш третий русский конвой, Эф-Ар-77, если захотите рассказать когда-нибудь о нем своим внукам, – добавил он сухо. – Транспорта везут танки, самолеты, авиационный бензин, нефть и больше ничего. Не стану преуменьшать ждущие нас опасности. Вы знаете, в каком отчаянном положении находится сейчас Россия, как остро нуждается она в этом вооружении и горючем. Наверняка, об этом знают и немцы. Их шпионы, должно быть, уже донесли о характере конвоя и дате его выхода.

Вэллери внезапно умолк, и во всех уголках притихшего корабля зловеще раздался надрывный кашель, приглушенный платком.

Потом он продолжил:

– Конвой везет такое количество истребителей и горючего, что есть возможность в корне изменить характер войны в России. Наци не остановятся ни перед чем, повторяю, ни перед чем, чтобы не пропустить конвой в Россию.

Я никогда вас не обманывал. Не стану обманывать и на сей раз. Обстановка не благоприятствует нам. Единственное, что играет нам на руку, это наш хороший ход и, надеюсь, фактор внезапности. Мы попробуем прорваться прямо к Нордкапу.

Против нас четыре немаловажных фактора. Как вы заметили, с каждым часом погода ухудшается. Боюсь, нас ждет крепкий шторм – крепкий даже для полярных широт. Возможно, повторяю, только возможно, он помешает подводным лодкам атаковать нас. Но, с другой стороны, нам, вероятно, придется лишиться малых кораблей охранения. На то, чтобы отстаиваться на плавучем якоре или уходить от шторма, у нас нет времени. Наш конвой идет прямо к месту назначения... А это почти наверняка означает, что поднять с авианосцев истребители прикрытия не удастся.

«Боже правый, что же он, рехнулся? – возмутился Николлс. – Он же подрывает боевой дух команды. Если только он ещё остался, этот дух...»

– Во-вторых, – голос командира звучал спокойно и неумолимо, – на этот раз в конвое не будет спасательных судов. На остановки у нас не будет времени. Кроме того, всем вам известна судьба «Стокпорта» и «Зафарана». Остаться на своем корабле безопаснее^[4].

В-третьих, известно, что на широте семьдесят градусов действуют две, возможно, три волчьи стаи подводных лодок, а ваши агенты в Норвегии доносят о концентрации немецких бомбардировщиков всех типов на севере страны.

Наконец, есть основания полагать, что «Тирпиц» намерен выйти в открытое море.

Вэллери снова сделал бесконечную паузу, словно бы сознавая страшную силу, заключенную в этих немногих словах, и хотел, чтобы люди их поняли.

– Незачем объяснять вам, что это значит. Вероятно, немцы рискнут линкором, чтобы задержать конвой. На это рассчитывает адмиралтейство. К концу похода линейные корабли флота метрополии, возможно, в их числе авианосцы «Викториес» и «Фьюриес», а также три крейсера будут двигаться курсом, параллельным вашему, находясь от нас в двенадцати часах ходу. Они давно ждали этой минуты, и мы явимся как бы приманкой, которая поможет поймать этот линкор в ловушку...

Может случиться, что план не удастся, и ловушка захлопнется слишком поздно. Но конвой все равно должен будет прорываться. Если не удастся поднять самолеты с авианосцев, отход конвоя придется прикрывать «Улиссу». Вы понимаете что это значит? Надеюсь вам все ясно до конца.

Послышался новый приступ кашля опять наступила долгая пауза, и, когда командир заговорил вновь, голос его стал необычно спокоен.

– Понимаю, как многого я требую от вас. Понимаю, как вы утомлены, как тоскливо, тяжело у вас на душе. Я знаю – никто лучше меня не знает этого – что вам пришлось пережить, как нужен вам давно заслуженный отдых. Вы его получите. Весь экипаж корабля по возвращении в Портсмут поучит отпуск на десять суток. Потом идем на ремонт в Александрию. – Слова эти были сказаны мимоходом, словно не имея для Вэллери никакого значения. – Но прежде – я понимаю, это звучит жестоко, бесчеловечно – я вынужден просить вас снова вытерпеть лишения, возможно, ещё более тяжкие, чем когда-либо прежде. Иного выхода у меня нет.

Теперь каждая фраза перемежалась долгими паузами. Слова командира можно было расслышать лишь с большим трудом: говорил он негромко, словно откуда-то издалека.

– Никто, тем более я, не вправе требовать от вас этого... И все же я уверен, что вы это сделаете. Я знаю, вы не подведете меня. Я знаю, вы приведете «Улисс» в назначенное место. Желаю вам удачи. Да благословит вас Бог! Доброй ночи.

Щелкнув, умолкли динамики, но на корабле по-прежнему царил тишина. Никто не говорил и не шевелился. Одни не спускали глаз с динамиков, другие разглядывали собственные руки или тлеющие кончики сигарет (несмотря на запрет, многие курили), не обращая внимания на то, что едкий дым резал усталые глаза. Казалось, каждый хочет остаться наедине со своими мыслями; каждый понимал, что встретив взгляд соседа, не сможет оставаться в одиночестве. То было понимание без слов, какое так редко возникает между людьми. В подобные минуты словно бы поднимается и тотчас опускается некая завеса. Потом человеку уж и не вспомнить, что именно он видел, хотя он и знает, что видел нечто такое, что никогда более не повторится. Редко, слишком редко удается ему быть свидетелем подобного, будь то закат с его безвозвратной красотой, отрывок из какой-то вдохновенной симфонии или жуткая тишина, которая воцаряется на огромных аренах Мадрида и Барселоны, когда беспощадная шпага знаменитого матадора попадает в цель. У испанцев есть особые для этого слова: «мгновение истины».

Неестественно громко тикая, лазаретные часы отстукали минуту, другую. С тяжелым вздохом – казалось, он на целую вечность задержал дыхание – Николлс осторожно отодвинул скользящую дверь, закрытую шторами, и включил свет. Он взглянул на Брукса, потом отвернулся вновь.

– Ну что, Джонни? – Голос старого доктора прозвучал тихо, почти насмешливо.

– Ничего не понимаю, сэр, просто ничего не понимаю, – покачал головой Николлс. – Сперва я подумал: – ну и нарубит же Старик дров! Напугает матросов до смерти. И, Боже ты мой! – продолжал он с изумлением, – именно это он и сделал. И чего только не наговорил – тут тебе и штормы, и «Тирпиц», и полчища подлодок, и чего только нет... И все-таки...

Голос его затих.

– И все-таки? – отозвался Брукс, словно подзадоривая юношу. – То-то и оно. Очень уж вы умны, молодые доктора. В том-то и беда ваша. Я наблюдал за вами. Сидите как какой-нибудь психиатр-самоучка. Вовсю исследуете воздействие командирского выступления на психику увечных воинов, а изучить её воздействие на собственную психику не удосужились. – Помолчав, Брукс продолжал вполголоса: – Рассчитано великолепно, Джонни. Хотя что я говорю? Никакого расчета тут не было. И все-таки что получается? Картина самая мрачная, какую только можно себе представить. Объясняет, что предстоящий поход – нечто вроде хитроумного способа самоубийства; никакого просвета, никаких обещаний. Даже про Александрию сказано вскользь, походя. Громоздит ужас на ужас. Не сулит никакого утешения, никакой надежды, не предпринимает ни малейшей попытки добиться хоть какого-то успеха. И

все-таки успех его речи был потрясающим... В чем же дело, Джонни?

– Не понимаю. – Николлс казался озабоченным. Он резко поднял голову, едва заметно улыбнулся. – Но, может, и в самом деле он не добился успеха? Слушайте.

Бесшумно открыв дверь в палату, он выключил свет. Резкий, глуховатый и настойчивый голос, несомненно, принадлежал Райли.

– ...Все это пустая брехня. Александрия? Средиземное? Только не для нас с тобой, корешок, мать твою в гроб. Тебе их не видать. Даже Скапа-Флоу не видать как своих ушей... Как же, слышали! Капитан первого ранга Ричард Вэллери, кавалер ордена «За боевые заслуги»... Вы знаете, что этой старой падле нужно, братишки? Еще одну золотую соплю на рукав. А может, «Крест Виктории»! Хрена с два он его получит! Как же, держи карман шире! «Я знаю, вы меня не подведете», – передразнил он пискляво. – Гребучий старый нытик! – Немного помолчав, он с прежней яростью продолжал: – «Тирпиц»! Мать вашу так и разэтак! Мы должны задержать «Тирпиц»! Мы! Со своим игрушечным корабликом, будь он неладен! Хотя ведь мы – только приманка. – Голос Райли повышался. – Знаете что, братишки? Всем на нас ровным счетом наплевать. Курс на Нордкап! Да нас бросают на съедение своре этих треклятых волков! А этот старый ублюдок, который там наверху...

– Заткни свою поганую глотку! – послышался свирепый шепот Петерсена.

И тут Брукс с Николлсом с ужасом услышали, как хрустнула кисть Райли, сжатая могучими пальцами гиганта.

– Частенько я тебя слушал, Райли, – медленно продолжал Петерсен. – Теперь с меня хватит. Ты хуже рвотного порошка!

Отшвырнув руку Райли, он отвернулся от него. Райли, кривясь от боли, потер кисть, потом заговорил, обращаясь к Бэрджесу:

– Что это с ним стряслось, черт возьми? Какого ещё дьявола...

Он замолчал на полуслове. Бэрджес пристально глядел на Райли. Он уже давно смотрел на него. Нарочито медленно он опустился на постель, натянул одеяло до самого подбородка и повернулся к ирландцу спиной.

Брукс вскочил на ноги, затворил дверь и нажал на выключатель.

– Конец картины первой действия первого! Занавес! Свет! – проговорил он. – Вы поняли, что я хотел сказать, Джонни?

– Да, сэр, – медленно кивнул Николлс. – Во всяком случае, мне так кажется.

– Имейте в виду, мой мальчик, этого ненадолго хватит. Во всяком случае, такого подъема. – Он усмехнулся. – Но, возможно, до Мурманска и дотянем. Как знать?

– Я тоже на это надеюсь, сэр. Спасибо, за представление. – Николлс протянул руку, чтобы взять канадку. – Пожалуй, я пойду на ют.

– Ступайте. Да, Джонни...

– Слушаю, сэр.

– Я насчет объявления о скарлатине... По пути на ют можете предать его волнам. Не думаю, чтобы оно могло нам понадобиться.

Усмехнувшись, Николлс осторожно затворил за собой дверь.

Глава 4

В ПОНЕДЕЛЬНИК НОЧЬЮ

Повышенная боевая готовность, объявляемая в период сумерек, продолжалась целую бесконечность. В тот вечер, как и сотни раз прежде, она оказалась излишней мерой предосторожности. Во всяком случае, так казалось со стороны. Хотя вражеские налеты в утренних сумерках были обычным явлением, на закате они происходили редко. С другими кораблями обстояло иначе, но «Улисс» был везучим кораблем. Каждый знал это. Даже Вэллери. Но он знал, почему именно. Бдительность – такова была первая из его морских заповедей.

Вскоре после выступления командира радарной установкой была обнаружена воздушная цель. Дистанция до неё сокращалась. Это наверняка был неприятельский самолет: у командера Уэстклиффа, старшего авиационного офицера, на стене висела карта, на которой были обозначены маршруты полетов своей авиации. Этот же участок был свободен. Но внимания на донесение радиометриста никто не обратил, за исключением Тиндалла, приказавшего изменить курс на 45 градусов. Появление самолета было столь же обыденным явлением, как и вечерняя боевая тревога. Это их старинный друг «Чарли» спешил засвидетельствовать свое почтение.

«Чарли» – обычно четырехмоторный «фокке-вульф кондор» – был неотъемлемой принадлежностью полярных конвоев. Для моряков, ходивших на Мурманск, он стал примерно тем же, чем для моряков прошлого столетия, плававших возле «гремящих сороковых» широт, был альбатрос – эта зловещая птица, которую немного боялись, но встречали почти дружелюбно и никогда не убивали. Правда, с «Чарли» дело обстояло несколько иначе. В былые дни, до появления авианосных транспортов^[5] и эскортных авианосцев, «Чарли», бывало, висел в воздухе от зари до зари, кружа над конвоем и регулярно сообщая на свою базу его координаты.

Нередко между английскими кораблями и немецкими самолетами-разведчиками происходил обмен любезностями, на этот счет рассказывались самые диковинные истории. Самыми распространенными были шутки по поводу погоды. Несколько раз «Чарли» слезно молил сообщить его координаты и получал подробнейшие данные о его широте и долготе, судя по которым он находился где-нибудь в южной части Тихого океана. Как всегда, команды не одного десятка кораблей утверждали, будто история эта произошла именно с ними. Говорят, что начальник одного конвоя радировал «Чарли»:

«Прошу, летайте в обратную сторону. А то голова кружится». В ответ «Чарли» с любезной готовностью начал кружить в противоположном направлении.

Однако в последние месяцы отношения с «Чарли» заметно ухудшились, он стал осмотрительнее. С появлением авианосных кораблей разведчик прилетал изредка. Обычно, сделав лишь один круг на почтительном от конвоя расстоянии, он затем исчезал в темноте.

Этот вечер не был исключением. Матросы лишь мельком увидели сквозь пургу силуэт «кондора», который тотчас пропал в сгущающейся мгле. Теперь «Чарли» сообщит о составе и количестве кораблей эскадры и курсе, которым она движется; правда, Тиндалл питал слабую надежду на то, что ему удалось ввести немецкую разведку в заблуждение относительно их курса. Эскадра возле широты шестьдесят два градуса, восточнее Фарерских островов, и вдруг идет курсом норд-норд-ост? Немцы вряд ли попадутся на удочку, тем более, что им почти наверняка известно о выходе конвоя из Галифакса. Сопоставить два этих факта – проще простого.

Поднять в воздух «сифайры» – единственный тип истребителей, способных догнать «кондор», – никому и в голову не пришло. Отыскать потом в темноте авианосец, даже по

радиолучу, трудно. Да и посадка ночью, тем более во время пурги, да ещё на раскачивающуюся во все стороны палубу, означала бы самоубийство. Малейший просчет, самая незначительная ошибка – и пропал бы не только самолет, но и летчик. И тогда «сифайр» с его длинным, торпедообразным фюзеляжем из-за огромного веса мотора системы «Роллс-Ройс мерлин» превращался в западню, откуда не было никакой возможности выбраться.

«Улисс» снова лег на прежний курс, двигаясь навстречу приближающемуся шторму. Оставив боевые посты, моряки заступили на обычную походную вахту: четыре часа на вахте, четыре – свободных. Можно подумать, не ахти уж какие лишения – двенадцать часов на вахте и столько же свободных часов. Если бы так оно и было, это ещё терпимо. Но дело в том, что три часа ежедневно продолжались боевые тревоги, через день по утрам матросы занимались судовыми работами (это в свободное-то от вахты время), и Бог знает сколько времени оставались на боевых постах, когда объявлялась боевая тревога. Кроме того, прием горячей пищи – когда он был, этот прием, – приходился на свободное от вахты время. Три-четыре часа сна в сутки считалось обычным явлением. А случалось и так, что люди по двое суток обходились без сна.

И температура, и давление падали медленно, но верно. Волны стали выше и круче, ложбины между ними глубже; пронизывающий до костей ветер гнал тучи снега, превращая его в сплошную, непроницаемую пелену. Это была тяжкая, бессонная ночь как для тех, кто находился на палубе, так и для тех, кто оставался в нижних помещениях; и для вахтенных, и для подвахты.

Находившиеся на мостике первый офицер, штурман Карпендер, сигнальщик, старший прожекторист, впередсмотрящие и посыльные, вконец иззябшие, заочевенные, вглядывались в белую тьму ночи, не веря, что где-то существуют тепло и уют. Каждый надел на себя все, что мог: свитеры, куртки, шинели, канадки, плащи, шарфы, башлыки, ушанки – все шло в ход. Все были закутаны до самых глаз и все-таки дрожали от холода. Люди грели руки под мышками, ставили ноги на трубы паропровода, проходившие по мостику. Прячась в укрытиях, расчеты зенитных орудий ежились, притопывали ногами, хлопали рука об руку и бранились не переставая. Втиснутые в тесные гнезда скорострельных «эрликонов», комендоры прижимались к тайком установленным обогревателям, всячески сопротивляясь самому упорному своему врагу – сну.

Подвахтенным, находившимся в нижних кубриках, повезло лишь немногим больше. Рундуков для команды на крейсере не было, были только подвесные койки, которые подвешивались лишь во время стоянки в гавани. На то были достаточно веские причины.

На военном корабле требования гигиены весьма высоки даже по сравнению с обычным гражданским жилищем. Моряку вряд ли придет в голову забраться одетым на койку. Никто из тех, кто в своем уме, даже не подумал бы раздеваться во время похода в Россию. Кроме того, одна мысль о том, что надо сперва подвешивать, а потом убирать койку, измученному матросу казалась дикой. А лишние секунды, потерянные на то, чтобы выбраться из койки по тревоге, могли отделять жизнь от смерти, не говоря уже о том, что само существование подвесных коек представляло опасность при всеобщей спешке, так как они мешали бы передвижению. Наконец, в эту ночь, во время такой сильной килевой качки вряд ли возможно было бы найти место более неудобное, чем подвешенная вдоль борта койка.

Поэтому люди спали где попало, не снимая канадок и даже перчаток, – на столах, под столами, на табуретках, на полу, на сетках для хранения коек – словом, везде. Самым теплым местечком были нагретые стальные листы палубы в коридоре возле камбуза. В ночное время в коридоре этом, смахивавшем на таинственный туннель, злое алела лампочка. Таков был этот дортуар, который моряки предпочитали, тем более что от верхней палубы он был отделен

лишь одной переборкой. Ведь моряков всегда преследует тайный страх оказаться взаперти на тонущем корабле.

Но и в нижних помещениях стояла лютая, стужа. Системы воздушного отопления работали эффективно лишь во втором и третьем кубриках, но и там температура поднималась лишь чуть выше точки замерзания. С подволока постоянно капало, образовавшаяся на водонепроницаемых переборках влага текла тысячью ручейков скапливаясь на палубе. В помещениях было сыро, душно и ужасно холодно – идеальные условия для возникновения туберкулеза, которого так боялся Брукс, начальник корабельной медицинской службы. Наряду с постоянной килевой качкой и резкой дрожью корпуса, которая возникала всякий раз, когда нос корабля опускался вниз, все это делало сон невозможным, в лучшем случае то была тяжелая, урывками, дрема.

Чуть не вся команда спала – или пыталась уснуть, – подложив под голову надувные спасательные пояса. Согнутые пополам; и связанные тесьмой, пояса эти вполне заменяли подушки. Спасательные средства применялись лишь для такой цели, хотя, согласно приказу, надувные жилеты необходимо было надевать во время боевых тревог и при плавании в заведомо вражеских водах. Приказ этот игнорировался, в том числе и командирами боевых частей, которым вменялось в обязанность следить за его исполнением. В складках громоздкой одежды, носимой в здешних широтах, воздуха достаточно, чтобы человек мог удержаться на плаву по крайней мере минуты три. Если же его не успевали подобрать за это время, ему все равно наступал конец. Его убивал шок: человеческое тело, имеющее температуру 96 градусов по Фаренгейту, внезапно погружалось в воду, температура которой была на 70 градусов ниже, ибо в арктических морях температура воды зачастую опускается ниже точки замерзания. Более того, морозный ветер тысячей кинжалов рассекал промокшую одежду моряка, очутившегося в воде, и сердце, не выдержав резкого перепада температуры величиной почти в сто градусов, просто останавливалось. Но, говорили моряки, то была легкая смерть.

За десять минут до полуночной вахты старший офицер и Маршалл отправились на мостик. Несмотря на поздний час и бурную погоду, старпом, как всегда, был невозмутим и весел. Худощавый, смахивающий на пирата, он, казалось, чудом явился из елизаветинских времен. Его жизнерадостность не омрачалась ничем. Капюшон канадки откинут назад, фуражка с золотым галуном заломлена набекрень. Нащупав ручку, он отодвинул дверь и постоял с минуту, чтобы глаза привыкли к темноте. Заметив Кэррингтона, он звучно похлопал его по спине.

– Как ночка, вахтенный? – прогудел он жизнерадостно. – Вот именно, бодрит. Обстановочка хуже некуда. Куда-то разбежались наши цыплятки в этот чудный вечерок?

Он стал вглядываться в снежную пелену; окинул взором горизонт, потом отвернулся.

– Провалились в тартарары, а может, и дальше...

– Да нет, все не так уж и плохо, – усмехнулся Кэррингтон. Пришедший на флот из запаса, бывший капитан торгового флота (Вэллери всецело ему доверял), капитан-лейтенант Кэррингтон был человеком, неразговорчивым и почти никогда не улыбался. Но между ним и Тэрнером – этими превосходными моряками – давно возникла симпатия и взаимное уважение. – Иногда можно разглядеть авианосцы. Но Боудену и его присным их координаты известны с точностью до дюйма. По крайней мере, они так утверждают.

– Не дай Бог, чтобы старина Боуден услышал вас, – заметил Маршалл. – По его мнению, радар – это единственный шаг вперед, который род людской сделал с той поры, как слез с деревьев на землю. – Ежась от холода, он повернулся спиной к пронизывающему ветру. – Во всяком случае, я бы поменялся с ним местами, – прибавил он мечтательно. – Стужа тут почище, чем у нас зимой в Альберте!

– Вздор, мой мальчик, сущий вздор! – загрохотал старпом. – Ну и хлипкая же пошла нынче

молодежь. Именно такой и должна быть жизнь всякого уважающего себя мужчины. – Тэрнер с жадностью вдохнул ледяной воздух и повернулся к Кэррингтону. – Кто с вами на вахте, первый?

От нактоуза отделилась темная фигура и направилась к нему.

– Ах, вот вы где. Ну-ну. Могу поклясться, это не кто иной, как штурманский офицер господин Карпенгер. Как всегда, при деле и с шиком одетый. Знаете, штурманец, в этом одеянии вы смахиваете на помесь водолаза и человека с реклам, призывающих покупать шины «Мишлен»!

– Три ха-ха, – грустно ответил Капковый мальчик. – Смейтесь и издевайтесь, сэр, пока ваш черед. – Он любовно погладил свой капковый комбинезон. – Что-то вы запоете, когда мы все окажемся в одном бульоне. Вы все, пойдете ко дну или замерзнете, а я буду в тепле и уюте докуривать которую по счету сигарету...

– Разговорчики! Ступайте. Какой курс, первый?

– Двадцать три градуса. Скорость пятнадцать узлов.

– Где командир?

– В укрытии. – Кэррингтон кивнул головой в сторону бронированного помещения в задней части мостика. Оно служило основанием дня поста управления огнем. В кожухе, проходившем через укрытие, находились кабели, по которым передавались данные для управления огнем. В помещении стояла жесткая койка для командира корабля.

– Спит, надеюсь, – прибавил он. – Хотя очень сомневаюсь. Командир приказал вызвать его в полночь.

– Зачем? – поинтересовался Тэрнер.

– Не знаю. Наверное, для порядка. Хочет посмотреть, как идут дела.

– Приказ отменяется, – проронил Тэрнер. – Командир обязан сам подчиняться распоряжениям, особенно когда они исходят от доктора. Беру на себя полную ответственность. Доброй ночи, первый.

Дверца захлопнулась, и Маршалл нерешительно повернулся к старпому.

– Я относительно командира, сэр. Понимаю, это не мое дело... – продолжал он, поколебавшись. – Он что, не совсем здоров?

Тэрнер мгновенно обернулся. Голос его был удивительно спокоен.

– Если бы Бруксу удалось настоять на своем, Старик давно лежал бы в госпитале. – Помолчав с минуту, он добавил: – Но, боюсь, даже в этом случае было бы поздно.

Маршалл ничего не ответил. Не находя себе места, он стал расхаживать по мостику, потом отправился на ют к щиту управления прожекторами левого борта. Минут пять до старпома доносился приглушенный говор. Когда Маршалл вернулся, он с любопытством поднял на него глаза.

– Пытался потолковать с Ральстоном, сэр, – объяснил минный офицер. – Я решил, что если он и станет с кем разговаривать, то это со мной.

– Ну и как?

– Он действительно говорит, но только о том, о чем сам захочет. Об остальном – ни звука. Мне так и мерещится табличка у него на груди: «Частная собственность. Вход воспрещен». Очень учтив, очень вежлив и совершенно нелюдим. Будь я проклят, если знаю, как с ним быть.

– Оставьте его в покое, – посоветовал Тэрнер. – Тут ничего не поделаешь. – Он покачал головой. – Ну и подло же обошлась с ним жизнь!

Снова воцарилась тишина. Снег валил не так густо, но ветер по-прежнему крепчал. Диковато завывал в мачтах и такелаже, сливаясь с жутким звенящим щелканьем гидролокатора. Эти тревожные звуки точно скребли по сердцу, пробуждая первобытные страхи, давно приглушенные в человеке под влиянием цивилизации. Гнусную эту симфонию экипаж корабля

возненавидел лютой ненавистью.

Пробили одну склянку – половина первого; две склянки – час; три – половина второго. Тэрнеру вспомнилось о существовании таких приятных вещей, как кофе и какао. Что выбрать – кофе или какао? Он остановился на какао – напиток этот бодрящ и питателен. Он повернулся к посыльному. Это был Крайслер, брат старшего акустика.

– На мостике! Докладывает радиорубка. Докладывает радиорубка! – послышалось из динамика над акустической рубкой. Голос звучал торопливо, настойчиво. Тэрнер бросился к переносному микрофону, отрывистым голосом подтвердил донесение.

– Радиограмма с «Сирруса»: «Получены эхо-сигналы слева по носу, пеленг, триста, сигналы отчетливы, дистанция сокращается».

– Эхо-сигналы? Оператор, вы сказали: «эхо-сигналы»?

– Эхо-сигналы, сэр. Повторяю, эхо-сигналы.

Едва оператор умолк, рука Тэрнера опустилась на светящийся выключатель сигнала боевой тревоги.

Из всех звуков, какие только существуют на земле, всякий, кто услышал сигнал боевой тревоги, наверняка запомнит его до конца дней своих. Звука, хотя бы отдаленно похожего на него, на свете не существует. В нем нет ничего возвышенного, воинственного, кровь не стынет в жилах при этом звуке. Это свист, частота которого где-то у верхней границы слышимого диапазона. Завывающий, пронзительный, атональный, настойчивый, тревожный, он ножом врезается в опьяненный сном рассудок, и человек, каким бы измученным, ослабевшим и заспанным он ни был, через секунду уже на ногах. Пульс его учащен, он готов встретить любую неожиданность, и в кровь мощной струей хлынул адреналин.

Через две минуты весь экипаж «Улисса» находился на боевых постах. Старший офицер перешел на ют в запасной командный пункт. На мостике остались Вэллери и Тиндалл.

Находившийся с левого борта, в двух милях от «Улисса», «Сиррус» в течение получаса принимал отраженные эхо-сигналы. На подмогу ему отрядили «Викинг», и вскоре в нижних помещениях крейсера через неравные промежутки времени послышались характерные звуки разрывов глубинных бомб. Наконец с «Сирруса» доложили: «Действия оказались безуспешными. Контакт потерян. Надеемся, что не причинили вам беспокойства». Тиндалл отдал распоряжение обоим эсминцам прекратить преследование, и горн протрубил отбой.

Вернувшись наконец-то на мостик, старший офицер послал за своим какао. Крайслер отправился прямо на матросский камбуз (пойло, которым обычно потчевали офицеров, старпому было не по нутру) и вернулся с дымящимся кувшином и гирляндой тяжелых кружек, нанизанных на проволочное кольцо. Тэрнер одобрительно наблюдал, как нехотя переливается через край кувшина густая, вязкая жидкость, и, попробовав, с удовлетворением кивнул головой. Облизнув губы, он довольно вздохнул.

– Превосходно, Крайслер-младший, превосходно! У тебя золотые руки. Минный офицер, присмотрите, пожалуйста, за кораблем. Пойду взгляну, где мы находимся.

Войдя в штурманскую рубку, находившуюся на левом борту сразу за нактоузом, он затворил за собой светонепроницаемую дверь. Откинувшись на спинку стула, поставил кружку на стол для прокладки, положил ноги рядом с ней и, закурив, глубоко затянулся. Но в ту же минуту с бранью вскочил на ноги, услышав треск динамика.

Докладывали с «Портпатрика». По определенным причинам к его донесениям относились несколько скептически, но на этот раз сообщения с корабля были особенно тревожными. У Тэрнера не оставалось иного выхода, и он снова потянулся к выключателю сигнала боевой тревоги.

Двадцать минут спустя опять прозвучал отбой, но в ту ночь старпому так и не довелось

выпить свое какао. Еще трижды матросы занимали свои боевые посты, и не успели пройти после последнего отбоя несколько минут, как горн возвестил обычную утреннюю тревогу.

В том смысле, в каком мы это понимаем, утра и не было. Лишь едва заметное посветление угрюмого, серого, стылого неба, когда усталые люди в который раз потащились на свои боевые посты. Такова война в северных водах. Тут не было славной смерти, не было героики, рева пушек и стука «эрликонов», не было могучего взлета духа, дерзновенного вызова врагу. Были лишь измученные, недосыпающие люди, окоченевшие от холода, в сырых канадках, с серыми, исхудалыми лицами; они едва держались на ногах от голода, слабости и усталости, удрученные гнетом воспоминаний, нервных потрясений, физического напряжения, накопившегося за сотню таких же бессонных ночей.

По своему обыкновению Вэллери находился на мостике. Обычно учтивый, добрый и внимательный, он выглядел жутко. Лицо изможденное, цвета замазки, налитые кровью глаза ввалились, губы бескровны. Ужасное кровотечение накануне и бессонная ночь сильно пошатнули его и без того хрупкое здоровье.

В утреннем сумраке показались корабли эскадры. Каким-то чудом они все ещё сохраняли свое место в строю. Фрегат и тральщик ушли далеко вперед, не желая попасть в темноте под форштевень крейсера или авианосца. Тиндалл это понял и ничего не сказал. Ночью «Инвейдер» потерял место в порядке, оказавшись далеко за пределами охранения. После хорошей взбучки он принялся догонять эскадру, вспарывая винтами крутые встречные волны.

Отбой дали в 08.00. В 08.10 подвахта находилась внизу, моряки заваривали чай, мылись, выстраивались в очередь у камбуза. В этот момент корпус «Улисса» потряс глухой взрыв. Полотенца, куски мыла, чашки, миски, подносы полетели в разные стороны. Серdito бранясь, люди бросались к своим боевым постам, прежде чем рука Вэллери легла на выключатель сигнала боевой тревоги.

Находившийся менее чем в полумиле «Инвейдер» начал юрото поворачивать. Взлетная палуба корабля немислимо накренилась. Опять повалил густой снег, но сквозь белую пелену пробивались густые клубы дыма, вырывавшиеся откуда-то из недр передней палубы. Высыпая наверх, весь экипаж «Улисса» разглядывал подбитый корабль. Между тем «Инвейдер» потерял ход и начал проваливаться в ложбины между огромными валами.

– Идиоты, болваны безмозглые! – бранил неизвестно кого Тиндалл. Он даже Вэллери не признался бы в том, как угнетает его бремя ответственности. Именно это напряжение и вызывало в нем неожиданную вспышку гнева – признак раздражительности, ставшей почти хронической.

– Вот что случается, командир, когда корабль теряет место в строю. Я сам виноват не меньше, следовало послать к нему эсминец для сопровождения.

Контр-адмирал приник к биноклю, потом повернулся к Вэллери.

– Посемафорьте, пожалуйста, пусть доложит об объеме повреждений. Эта проклятая субмарина, должно быть, стерегла его с самого рассвета.

Вэллери промолчал. Он понимал, каково Тиндаллу видеть, что один из вверенных ему кораблей получил тяжелые повреждения, возможно, тонет. «Инвейдер» почти лежал на борту. Дым валил столбом, но пламени видно не было.

– Хотите выяснить, в чем дело? – поинтересовался Вэллери.

Тиндалл задумчиво закусил губу и помолчал.

– Да, пожалуй, надо нам самим выяснить, что же произошло. Распорядитесь, чтобы эскадра продолжала следовать прежним курсом и с прежней скоростью. Просигнальте «Балиолу» и «Нейрну» – пусть подойдут к «Инвейдеру».

Наблюдавший за тем, как к ноку рея потянулись гирлянды сигнальных флагов, Вэллери

почувствовал, что кто-то стоит рядом. Он обернулся.

– Это не подводная лодка, сэр, – уверенно произнес Капковий мальчик. – «Инвейдера» не могли торпедировать.

Повернувшись вместе со стулом, Тиндалл уставился на злополучного штурмана.

– А вам откуда это известно, сударь? – прорычал он. Когда адмирал называл своего подчиненного сударем, следовало ожидать грозы.

Капковий покраснел до корней своих светлых волос, но продолжал стоять на своем.

– Прежде всего, сэр, «Инвейдер» прикрыт «Сиррусом» с левого борта, хоть он и находится несколько впереди. «Сиррус» некоторое время курсировал на том участке, и командер Орт наверняка обнаружил бы лодку. Кроме того, волна слишком крута, чтобы субмарина могла выйти на перископную глубину, а не то что произвести прицельный выстрел. Будь это подводная лодка, она выпустила бы не одну торпеду, а шесть и поразила бы сразу несколько кораблей, стоявших почти сплошной стеной за «Инвейдером». Но кроме него не было торпедировано ни одно судно... Я три года в штурманах, сэр.

– А я десять лет в адмиралах, – пророкотал Тиндалл. – Все это одни догадки.

– Нет, сэр, – настаивал Карпентер. – Не догадки. Не стану биться об заклад, – он приложил бинокль к глазам, – но я почти уверен, что «Инвейдер» движется кормой вперед. А это значит, что носовая часть корабля ниже ватерлинии оторвана или в ней пробоина. Должно быть, то была мина, возможно, акустическая мина.

– Да, да, конечно, – ядовито заметил Тиндалл. – С минрепом длиной две тысячи метров, разумеется?

– Дрейфующая мина, сэр, – терпеливо объяснял Капковий. – Или использованная акустическая торпеда – немецкие торпеды, не попавшие в цель, не всегда тонут. Но, скорее всего, мина.

– Может быть, теперь скажете мне, какой она марки и когда была поставлена? – прорычал Тиндалл. Однако логичность доводов Карпентера произвела на него впечатление. К тому же «Инвейдер» действительно двигался кормой вперед, хотя и с недостаточной скоростью, чтобы управляться. Его по-прежнему захлестывали волны.

В ответ на светограмму «Инвейдера» застучал сигнальный фонарь на «Улиссе». Оторвав листок от блокнота, Бентли протянул его командиру корабля.

– «Инвейдер» вызывает адмирала, – читал Вэллери. – В носовой части корпуса, по правому борту, много ниже ватерлинии, значительная пробоина. Предположительно дрейфующая мина. Объем повреждений изучается. О результатах осмотра будет доложено».

Взяв донесение, Тиндалл медленно перечитал его. Потом повернул через плечо голову, едва улыбнулся.

– Похоже, вы правы, мой мальчик. Примите извинения старого ворчуна.

Карпентер что-то пробормотал и отвернулся, побагровев – на этот раз от смущения. Взглянув на Вэллери, Тиндалл задумался.

– Надо бы поговорить с командиром «Инвейдера». Его фамилия, кажется, Барлоу. Просемафорьте, буду говорить с ним по радиотелефону.

Они поднялись выше, в командный пункт авиационного офицера.

Уэстклифф уступил свое место адмиралу.

– Кэптен Барлоу? – проговорил Тиндалл, взяв в руки микрофон.

– Слушаю. – Голос Барлоу донесся из динамика над головой адмирала.

– Говорит адмирал. Как ваши дела?

– Надеюсь справиться, сэр. Боюсь, оторван значительный кусок носовой части. Имеется несколько раненых. Загорелось топливо, но пожар не распространяется. Водонепроницаемые

двери целы. Механики и аварийные группы укрепляют поперечные переборки.

– Сумеете двигаться самостоятельно?

– Можно попробовать, сэр, но рискованно. Во всяком случае, при таком волнении.

– Как полагаете, до базы сумеете добраться?

– При попутной волне и ветре – да. Суток трое-четверо понадобится.

– Тогда ладно. – Голос Тиндалла звучал неприветливо. – Возвращайтесь назад. С оторванным носом от вас проку мало. Вам чертовски не повезло, кэптен Барлоу. Примите соболезнования. Да, вот ещё что! Даю вам провожатыми «Балиол» и «Нейрн» и попрошу штаб выслать вам навстречу океанский буксир. На всякий случай.

– Благодарю, сэр. Мы все вам очень признательны. И последнее, Прошу разрешения опорожнить топливные цистерны правого борта. Мы приняли много воды, всю выкачать невозможно. Иначе крен не выправить.

– Я так и думал, – вздохнул Тиндалл. – Ничего не поделаешь. Принять от вас топливо в такую погоду невозможно. Счастливого пути, командир. Прощайте.

– Большое спасибо, сэр. Прощайте.

Двадцать минут спустя «Улисс» занял свое прежнее место в порядке. Немного погодя команда крейсера увидела, как «Инвейдер», который уже кренился не так заметно, медленно повернул на зюйд-ост, а по обоим бортам его, подпрыгивая на волнах, шли два корабля – маленький эсминец класса «Хант» и фрегат. Через десять минут они исчезли из виду, закрытые снежным зарядом.

Три корабля ушли, осталось одиннадцать, но, странное дело, именно эти одиннадцать ощущали себя покинутыми.

Глава 5

ВТОРНИК

Об «Инвейдере» и случившейся с ним беде вскоре забыли. У 14-й авианосной эскадры возникло более чем достаточно других забот. Появился враг, с которым надо было бороться – враг много опаснее любой мины или подводной лодки. Изю всех сил стараясь удержаться на раскачивающейся, проваливающейся из-под ног палубе, Тиндалл посмотрел на Вэллери. «Вид у бедняги ужасен – краше в гроб кладут», – снова подумал он.

– Каково ваше мнение, командир? Перспективы не блестящие, а?

– Предстоит хорошая трепка, сэр. Дело к тому идет. Кэррингтон шесть лет плывал в Вест-Индии, раз десять попадал в ураган. Он признается, ему приходилось видеть такой низкий барометр, но чтобы он ещё и продолжал так стремительно падать – никогда. Во всяком случае, в здешних широтах. Выходит, это ещё только цветочки.

– Очень утешили, премного вам благодарен, – сухо отозвался Тиндалл. – Тем более что и цветочки эти дают себя знать.

Достигнув девяти баллов, ветер более не усиливался. Перестая валить снег. Но все понимали, что это лишь временная передышка: далеко на норд-весте небо было зловещего цвета. Этот тусклый пурпурный оттенок не бледнел, не сгущался; такая монотонная окраска неба сулила беду. Даже тем, кто давно плывал в здешних водах и видел все разнообразие красок арктического неба, то черного, как смола, в летний полдень, то освещенного великолепием северного сияния, то чудесного лазурного цвета, когда небеса, улыбаясь, видят свое отражение в спокойной, молочно-белой воде за Ледовым барьером, – даже этим бывалым морякам не приходилось видеть ничего подобного.

Но адмирал не обращал внимания на небо. Он глядел на море. Все утро волны росли – постепенно, неотвратимо. Теперь, в полдень, море напоминало гравюру XVIII века с изображением парусника, попавшего в бурю: тесные ряды зеленовато-серых валов двигались чередой, увенчанные живописными гребнями кипящей белой пены. Только здесь расстояние от одного вала до другого было около полутора метра, и эскадру, шедшую почти наперерез волне, трепало основательно.

Особенно тяжело приходилось малым кораблям. Каждые пятнадцать секунд они зарывались носом в пучину. Но ещё более страшным и упорным врагом оказалась стужа. Давно опустившись ниже точки замерзания, температура продолжала падать.

Холод становился невыносимым, лед образовывался в каютах и кубриках, намертво сковывал трубы водопровода. Корежил металл, перекашивались крышки люков; дверные петли, замерзнув, перестали вращаться; смазка в приборах застывала, выводя их из строя. Нести вахту, особенно на мостике, было сущей мукой: первый же глоток ледяного ветра точно рассекал легкие, и человек начинал задыхаться.

Огромную опасность представлял собой лед. На палубе «Улисса» образовалось уже свыше трехсот тонн льда, и количество его увеличивалось с каждой минутой. Толстым слоем лежал он на главной палубе, на баке, на оружейных площадках и мостиках; длинными причудливыми сосульками свисал с комингсов, бацел и поручней, утраивал толщину каждого троса, штага и фала и превращал стройные мачты в безобразные, фантастического вида деревья. Он был опасен ещё и тем, что превращал палубу в каток. С этой проблемой проще справиться на торговом судне, где топливом служит уголь и где под рукой сколько угодно шлака и золы. На современных же военных кораблях, где в качестве топлива применяют мазут, все гораздо

сложнее. На «Улиссе» палубу посыпали песком с солью и уповали на Бога.

Но главная опасность заключалась в тяжести льда. Всякий корабль, если выразиться технически, может быть валким или остойчивым. У остойчивого корабля центр тяжести расположен низко, он подвержен качке, зато легко возвращается в первоначальное положение. Если центр тяжести расположен высоко, то говорят, что корабль валок. Такое судно неустойчиво и ненадежно, его трудно накренить, но зато столь же трудно выпрямить. Если же на палубе такого судна образуется лед, то центр тяжести переместится выше, а это крайне опасно. Последствия могут быть роковыми...

Особенно доставалось эскортным авианосцам и эсминцам, в частности «Портпатрику». И без того неустойчивые из-за высоко расположенной и тяжелой взлетной палубы, авианосцы представляли собой огромные площадки, на которых скапливался снег и образовывался лед. Поначалу взлетные палубы содержались в относительном порядке, специальные команды беспрестанно сметали снег метлами, посыпали палубу солью и обдавали горячим паром из шлангов. Но погода ухудшилась настолько, что послать человека на раскачивающуюся во все стороны, предательски скользкую палубу означало бы отправить его на тот свет. На «Реслере» и «Блу Рейнджере» имелись модифицированные отопительные системы, размещенные под взлетными палубами. На этих кораблях из Миссисипи, в отличие от английских судов, палубы были деревянные, поэтому в столь суровых условиях системы отопления оказались совершенно неэффективными.

Эсминцам доставалось ещё больше. Им приходилось мириться не только со льдом, образовавшимся из спрессованного снега, но и со льдом, нараставшим на палубе по мере того, как через равные промежутки времени на корабль обрушивались все новые и новые массы воды. Брызги от волн, ударявшихся о форштевень, замерзали, не успев упасть на палубу. В некоторых местах толщина льда достигала фута. Под огромной его тяжестью скорлупки эти с каждым разом все глубже зарывались носом в пучину, и каждый раз все труднее вырывались из её объятий. Командирам эсминцев, как и командирам авианосцев, оставалось лишь наблюдать с мостика за происходившим, да уповать на милость Провидения.

Прошло долгих два часа. За это время термометр опустился до самой низшей точки и застыл на ней... Вдогонку сломя голову бросился барограф. Но, странное дело, снега по-прежнему не было. Свинцовые тучи на северо-западе находились все ещё в отдалении. Южная и восточная части неба были совершенно чисты. Эскадра представляла собой фантастическое зрелище: игрушечные, похожие на леденцы, кораблики – ослепительно белые, сверкающие в бледных лучах зимнего солнца, – отчаянно раскачивались из стороны в сторону, то и дело проваливаясь в ложбинах меж становящихся все круче и выше зеленовато-серых валов студеного Норвежского моря. Суда упорно двигались к далекому горизонту, залитому зловещим багрянцем, – горизонту, за которым лежал иной мир. Это была невероятная, редкостная картина.

Но контр-адмирал Тиндалл не находил в ней ничего прекрасного. Человек, имевший обыкновение говорить, что ему чужда всякая тревога, он был серьезно обеспокоен. Он был резок с теми, кто находился на мостике, – резок до грубости. Никто не узнавал в нем старого «фермера Джайлса», каким его знали ещё месяца два назад; от бывшего его добродушия не осталось и следа. Он беспрестанно окидывал взглядом корабли эскадры, все время ерзая на стуле. Наконец слез с него и, открыв дверь в рубку командира, вошел.

Свет был выключен, и Вэллери находился в полутьме. Накрывшись двумя одеялами, командир лежал на кушетке с мертвенно-бледным лицом. В правой руке Вэллери сжимал скомканный платок, покрытый пятнами: он даже не попытался спрятать его. Прежде чем адмирал успел помешать ему, через силу опустив ноги на пол, каперанг подвинул стул.

Пожурился больного, Тиндалл с благодарностью сел.

– Обещанные тобою цветочки, Дик, скоро, полагаю, превратятся в ягодки? И какого дьявола напросился я командовать эскадрой?

– Вам не позавидуешь, сэр, – сочувственно улыбнулся Вэллери. – Что намерены предпринять?

– А что бы ты на моем месте предпринял? – невесело проронил Тиндалл.

Вэллери засмеялся. На мгновение лицо его преобразилось, став почти мальчишеским, но затем смех прервался, сменившись приступом сухого, резкого кашля. По платку расплылось пятно.

– Вот каково смеяться над начальством, – подняв глаза, улыбнулся Вэллери. – Что бы я предпринял? Выпустил бы плавучий якорь, сэр. А не то бросился наутек, поджав хвост.

Тиндалл покачал головой.

– Ты никогда не умел убедительно врать, Дик.

Оба сидели молча некоторое время, потом Вэллери посмотрел на адмирала.

– Сколько ещё осталось пути, сэр?

– По расчетам Кариентера, что-то около ста семидесяти миль.

– Сто семьдесят... – Вэллери взглянул на часы. – Двадцать часов ходу при такой погоде. Должны успеть!

Тиндалл тяжело кивнул.

– Там восемнадцать транспортов. А если считать тральщик из Хвальфьорда, то все девятнадцать. Вдобавок ко всему, надо учесть кровяное давление старины Старра...

Тут он умолк: кто-то постучался.

– Два донесения, господин каперанг.

– Читайте, Бентли.

– Первое от «Портпатрика»: «Повреждена обшивка в носовой части. Сильная течь. Помпы справляются. Опасаюсь новых повреждений. Прошу указаний».

Тиндалл выругался. Вэллери спокойно произнес:

– От кого второе донесение?

– С «Гэннета», сэр: «Разламываюсь».

– Понятно. Читайте дальше.

– Это все: «Разламываюсь».

– Лишнего слова из себя не выдавят эти молчаливники, – проворчал Тиндалл. – Подожди минутку, главстаршина!

Он опустил в кресло, скребя подбородок и разглядывая собственные ноги, не в силах заставить свой усталый мозг думать.

Вэллери что-то негромко произнес. Изумленно выгнув брови, Тиндалл поднял голову.

– Сильное волнение, сэр. Может быть, с авианосцев...

Тиндалл хлопнул себя по колену.

– И мне такая же мысль пришла в голову. Бентли, набери два сигнала. Первый – всем кораблям охранения. Пусть займут позиции позади авианосцев, как можно ближе к ним. Другой сигнал – авианосцам. С правого и левого борта через грузовые шланги выкачивать мазут... Сколько, как вы полагаете, командир?

– Галлонов двадцать в минуту, сэр?

– Пусть будет двадцать галлонов в минуту. Понял, главный? Пускай сейчас же наберут сигналы. Потом вот ещё что. Позови сюда штурмана с картой.

Бентли вышел. Тиндалл повернулся к Вэллери.

– Правда, потом придется дозаправляться топливом. Здесь это сделать невозможно.

Похоже, у нас остался последний шанс найти укрытие до прихода в Мурманск... Если же в течение следующих суток шторм усилится настолько, насколько предсказывает Кэррингтон, то сомневаюсь, чтобы все малые корабли выдержали его... Ага! Вот и штурман. Узнаем, где мы находимся. Кстати, какова сила ветра?

– Десять баллов, сэр. – Стараясь не поскользнуться на уходящей из-под ног палубе, Капковый мальчик разложил карту на командирской койке. – Ветер помалу поворачивает против движения часовой стрелки.

– Норд-вест, и поворачивает против часовой? – Тиндалл потер руки. – Отлично, штурман. Наше местоположение, мой мальчик?

– Двенадцать сорок востовой долготы. Шестьдесят шесть пятнадцать нордовой широты, – четко проговорил Карпендер, даже не удосужившись взглянуть на карту. Адмирал поднял брови, но ничего не сказал.

– Курс?

– Триста десять градусов, сэр.

– Рассчитайте курс, чтобы найти укрытие, если понадобится заправиться топливом.

– Курс двести девяносто, сэр. Я сделал предварительную прокладку. Вот. Примерно четыре с половиной часа хода.

– Какого дьявола!.. – взорвался Тиндалл. – Кто вам велел? – проговорил он зло и умолк.

– Я произвел расчет пять минут назад, сэр. Мне казалось, такое решение... э-э-э... неизбежно. Следуя курсом двести девяносто, мы окажемся в нескольких милях от полуострова Ланганес. Укрытий там сколько угодно, – серьезно, без тени улыбки на лице ответил Карпендер.

– Ему, видите ли, такое решение показалось неизбежным! – грохотал Тиндалл. – Вы только послушайте его, каперанг Вэллери! Неизбежным! Да мне самому это пришло в голову сию лишь минуту! Подумать только... Убирайтесь! Катитесь ко всем чертям со своим опереточным нарядом!

Капковый мальчик ничего не ответил. С видом оскорбленной невинности собрав свои карты, он направился к двери. Голос Тиндалла остановил его:

– Штурман!

– Сэр? – Глаза Карпендера уставились в точку над головой адмирала.

– Как только корабли охранения займут позицию, пусть Бенгли сообщит им новый курс.

– Слушаю, сэр. Будет исполнено, – произнес он, постояв некоторое время в нерешительности. Тиндалл усмехнулся.

– Ну, полно дуться, – сказал он миролюбиво. – Опять повторяю, что я старый ворчун... А теперь закрой эту проклятую дверь! Не то замерзнем.

Ветер крепчал. По воде пошли длинные белые полосы. Ложбины между валами становились все глубже, волны все круче. Срываемые ветром гребни казались приплюснутыми. Вой ветра, в такелаже становился все пронзительнее. Время от времени из-за вибрации корпуса глыбы льда срывались с мачт и штагов и разбивались о палубу.

Тянувшаяся хвостом за авианосцами пленка мазута сделала свое дело. Эсминцы, заляпанные причудливыми пятнами, все ещё глубоко погружались кормой в воду, но благодаря сцеплению частиц мазута на поверхности моря волны уже не заливали палубы кораблей. Тиндалл был более чем доволен собой.

К половине пятого пополудни довольства его не было и в помине. До убежища оставалось ещё добрых полтора десятка миль. Шторм разыгрался не на шутку, и Тиндаллу пришлось отдать приказ сбавить ход.

С палубы корабля поверхность моря представляла собой впечатляющее зрелище. Гигантские валы наводили ужас. Защищенные от волн полубаком, Николлс вместе со

сменившимся с вахты Карпендером стояли на главной палубе под моторным баркасом. Молодой медик, который держался за шлюпбалку, чтобы не упасть, и отскакивал в сторону всякий раз, как из-под форштевня вздымались фонтаны воды, перегнувшись через фальшборт, глядел на «Дефендер», за которым плелись «Вектра» и «Викинг». Точно обезумев, корабль раскачивался с носа на корму. Вверху – мирная лазурь, внизу – огромные валы. При виде этого зловещего контраста становилось не по себе.

– Ни за что бы не поверил, что такое случается, – проронил наконец Николлс. – Боже мой, Энди, – продолжал он, объятый суеверным ужасом, – ты видел когда-нибудь такую картину?

– Лишь однажды. Мы попали в тайфун близ Никобарских островов. Но, пожалуй, сейчас почище, чем тогда. По словам первого офицера, по сравнению с тем, что предстоит нынче ночью, это детские игрушки. А уж он-то болтать не станет. Хотел бы я оказаться сейчас у себя дома, в Хенли, черт побери!

Николлс с любопытством посмотрел на приятеля.

– Не скажу, что хорошо знаю первого. Не слишком э-э... общительный господин, а? Но все до одного – старый Джайлс, командир, старпом, да и ты тоже – говорят о нем с каким-то благоговением. Что в нем такого особенного? Я его уважаю, как каждый, но не думаю, что он сверхчеловек.

– Волнение усиливается, – рассеянно заметил Капковий. – Обрати внимание, время от времени на нас обрушивается волна наполовину больше остальных. Седьмой вал, как говорят бывалые моряки. Нет, Джонни. Он не сверхчеловек. Он самый великий мореход из всех, каких тебе доведется встретить на своем веку, только и всего. У него два капитанских диплома – может командовать и парусником с прямым-вооружением, и паровым судном. Он плавал на финских барках вокруг мыса Горн, когда мы с тобой под стол пешком ходили. Старпом мог бы нарасказывать тебе о Кэррингтоне столько историй, что хватило бы на целую книгу. – Помолчав, Капковий спокойно добавил: – Нет, правда. Он один из немногих настоящих моряков, какие ещё остались на свете. Старый флибустьер Тэрнер – сам не промах, однако Джимми он и в подметки не годится... Я не из идолопоклонников, Джонни. Ты это знаешь. Но про Кэррингтона можно сказать то же самое, что говорили о Шеклтоне: если не осталось никакой надежды, опустишь на колени и молишь, чтобы появился он. Поверь мне, Джонни, я дьявольски рад, что с нами Кэррингтон.

Николлс промолчал, пораженный услышанным. Кредо штурмана Карпендера было «плевать-мне-на-все», ёрничество – второй натурой; серьезность он считал преступлением, а все, что могло походить на восхищение, казалось ему преступлением. Что же за человек этот Кэррингтон, если о нем так отзывается даже Капковий мальчик?

Стужа была лютой. Срывавший гребни волн ветер превращал их в мельчайшие брызги, которые, замерзнув на лету, со скоростью пули ударяли о полубак и борта корабля. Чтобы сделать вдох, следовало повернуться спиной к ветру и закрыть рот и нос шерстяным шарфом, обмотавшись им несколько раз. Но у людей с бледными, посиневшими лицами, дрожавших от холода, не было и мысли спуститься вниз. Моряки были загипнотизированы, околдованы увиденным: гигантские, растущие на глазах валы длиной в триста, а то и шестьсот метров – пологие с наветренной стороны, крутые, леденящие кровь – с другой, двигались чередой, гонимые достигавшим шестидесяти узлов ветром и некой таинственной, могучей силой, находившейся где-то далеко на северо-западе. Окажись между валов церковь, волны спрятали бы её вместе со шпилем.

Услышав сзади себя грохот, молодые моряки оглянулись. Какая-то закутанная фигура, отчаянно бранясь, пыталась захлопнуть тяжелую стальную дверь, раскачивавшуюся вместе с кораблем. Наконец незнакомцу удалось повернуть ручки и закрыть её. Им оказался старшина

Дойль. Несмотря на то что борода на три четверти закрывала его лицо, было все-таки заметно, до чего же опостылела ему такая жизнь.

Карпендер улыбнулся ему. Они с Дойлем служили вместе на базе «Чайна». Дойль был весьма привилегированной особой.

– Ба, ба! Никак это наш старый морской волк? Как дела на нижних палубах, Дойль?

– Ни черта хорошего, сэр; – голос Дойля был так же мрачен, как и его лицо. – Холодина собачья, кругом все разбросано. От посуды остались одни только черепки. Половина экипажа...

Он внезапно умолк. Глаза его расширились от изумления. Не видя Николлса и Карпендера, он уставился в какую-то точку позади.

– Ну, так что она, эта половина экипажа?.. В чем дело, Дойль?

– Боже всемогущий! – медленно, словно читая молитву, произнес ошеломленный Дойль. – Боже милостивый! – Голос Дойля резко подскочил на двух последних слогах.

Оба офицера мигом обернулись. «Дефендер» карабкался – да, да, авианосец буквально карабкался по подветренному склону гигантской волны, величина которой потрясала воображение; человеческий разум не в силах был осознать происходящее. На глазах потрясенных увиденным людей, не верящих в то, что подобное может происходить в действительности, корабль, поднявшись на гребень волны, на мгновение замер, затем, задрал корму и обнажив винт и перо руля, с грохотом ринулся вниз...

Несмотря на то что судно находилось в двух кабельтовых, несмотря на свист ветра, похожий на раскат грома, удар носовой части «Дефендера» о поверхность воды едва не оглушил моряков. Прошла вечность, а «Дефендер» уходил все глубже в кипящую белой пеной пучину... Вот уже один мостик остался над водой.

Сколько времени авианосец летел стрелой, вонзаясь в глубины Ледовитого океана, впоследствии не мог сказать никто. Наконец невероятно медленно, с адским усилием корабль выбрался на поверхность моря. С палубы его стекали каскады воды. И тут взорам предстало невероятное, невиданное никогда и нигде прежде зрелище. Под весом несчетных тысяч тонн воды открытую часть взлетной палубы сорвало со стоек и загнуло назад, чуть не до самого мостика, в виде исполинской буквы «и». Зрелище это способно было лишить разума любого человека, потрясти его, отнять дар речи. Любого – только не Капкового мальчика. Реакция его была достойной события.

– Клянусь честью! – произнес он задумчиво. – Картина поистине необычная.

Еще одна такая волна, ещё один такой сокрушительный удар, и «Дефендеру» был бы конец. Самые лучшие корабли, самые горделивые, могучие суда изготовлены всего лишь из тонких, невероятно тонких листов металла. А искореженный, изуродованный металл корпуса «Дефендера» ещё одной подобной нагрузкой не выдержал бы ни за что.

Таких ударов более не последовало. То прошла шальная волна – одно из тех могучих, необъяснимых содроганий моря, которые, слава Всевышнему, возникают раз в кои-то веки, когда Природе вздумается показать человеку – этому дерзкому, самонадеянному существу, – сколь он слаб и ничтожен... Таких волн больше не последовало, и около пяти часов, хотя до земли оставалось ещё восемьдесят миль, эскадра, зайдя за мыс полуострова Ланганес, оказалась более-менее защищенной от волнения.

Командир «Дефендера» время от времени посылал адмиралу депеши, видно, находя в этом занятии удовольствие. На корабле, дескать, сильная течь, но он справляется, спасибо. Современные взлетные палубы в виде буквы «и» представляют собой значительный шаг вперед в области кораблестроения и нынче в моде. Конструкторам плоских палуб недоставало воображения, а как считает адмирал? Дескать, вертикальный тип палубы является прекрасной защитой от непогоды и при попутном ветре может вполне заменить парус. Получив от

командира «Дефендера» последнее сообщение, где тот опасался, что самолетам теперь будет трудно взлетать, вконец издерганный Тиндалл, потеряв терпение, послал ему такую многоэтажную депешу, что всякая связь с авианосцем тотчас оборвалась.

В шесть часов без малого эскадра легла в дрейф под прикрытием находившегося в двух милях полуострова Ланганес. Ланганес невысок, и поэтому все ещё усиливавшийся ветер, почти не встречая препятствий, обрушивался на бухту. Но по сравнению с тем, что творилось час назад, море было гораздо спокойнее, хотя корабли все ещё сильно трепало. Крейсера и корабли охранения, за исключением «Портпатрика» и «Гэннета», пришвартовавшись к авианосцам, приняли на борт грузовые шланги для перекачки топлива. После долгих размышлений Тиндалл пришел к заключению, что «Портпатрик» и «Гэннет» будут лишь обузой для эскадры, и решил придать их поврежденному авианосцу для сопровождения его в Скапа-Флоу.

Ощущавшееся почти физически, как некое живое существо, в кубриках и кают-компания «Улисса» повисло изнурение. Позади ещё одна бессонная ночь, ещё одни сутки; люди не знали покоя, а отдых был невозможен. С рассеянным видом моряки выслушали сообщение по трансляции о том, что, когда шторм поутихнет, «Дефендеру», «Портпатрику» и «Гэннету» следует вернуться в Скапа-Флоу. Уже шести кораблей недосчитывалась эскадра. Она лишилась половины авианосцев. В строю оставалось всего восемь единиц.

Неудивительно, что матросам было не по себе, их словно оставляли на произвол судьбы, как сказал Райли, бросали на съедение волкам.

Но, как ни странно, моряки ещё не озлобились вконец; удивительное дело, они не восставали, правда, лишь в силу своей пассивности и послушания. Брукс видел это оцепенение чувства, это противоестественное отсутствие реакции и терялся в догадках. Возможно, это маразм, самая низшая точка, достигнув которой, больной ум больного человека совершенно перестает функционировать, окончательное торможение всякого животного и человеческого начала. Возможно, то был последний предел апатии. Старый доктор понимал: все это объяснимо, более того, неизбежно... И все-таки какая-то интуиция, седьмое чувство исподволь твердили ему: здесь что-то не так, однако разум Брукса был слишком утомлен, чтобы понять, в чем же дело.

Скорее всего, это апатия. В тот вечер на какое-то мгновение экипаж корабля охватила волна раскаленного добела гнева. И гнева справедливого – это признавал даже сам командир корабля, но руки у него были связаны.

Вот как все началось. Во время очередного вечернего осмотра оказалось, что на нижнем рее, по-видимому обледенев, не горят боевые огни.

Ослепительно белый из-за толстого слоя льда и снега, покрывавшего его, нижний рей находился на головокружительной восемнадцатиметровой высоте над палубой, в двадцати четырех метрах выше ватерлинии. Лампы боевых огней висели над ноками рея; чтобы там работать, следовало или сесть верхом на рей – положение крайне неудобное для работы, поскольку сверху привинчена тяжелая стальная антенна радиопередатчика, – или же забраться в беседку, подвесив её к вету. Сама по себе работа эта была не из легких. Выполнить её требовалось в самый сжатый срок, в тот же самый вечер, поскольку ремонтные работы помешали бы поддерживать связь по радио. Вначале полагалось извлечь рассчитанные на 3000 вольт стальные предохранители, разрывавшие цепь, и оставить их у вахтенного офицера до окончания работы. Сложную, тонкую эту операцию пришлось бы осуществить на морозе, да ещё на скользком, гладком, как стекло, рее. Причем в то время, как мачта «Улисса» описывала дугу в тридцать градусов. Работа предстояла не просто трудная, а чрезвычайно опасная.

Маршалл, минный офицер, не решился послать на рей вахтенного матроса, довольно пожилого и грузного резервиста, давно забывшего, как лазать по мачтам. Маршалл вызвал

добровольцев. По воле случая, выбор его пал на Ральстона.

На все ушло полчаса: двадцать минут на то, чтобы забраться на мачту, подползти к ноку рея, приладить беседку и привязать страховочный трос, и десять минут – на ремонт. Задолго до того, как Ральстон закончил работу, на палубу высыпала сотня или две усталых моряков. Лишив себя сна и ужина, ежась от пронизывающего ветра, они с восхищением наблюдали за смельчаком.

Ральстон раскачивался по огромной дуге на фоне темнеющего неба. Ветер срывал с него канадку и капюшон. Дважды беседку наклоняло ветром так, что тело его оказывалось в одной плоскости с реем; чтобы не упасть, моряку пришлось обеими руками ухватиться за рей. Один раз юноша, судя по тому, как он держал голову, ударился лицом об антенну. Тогда-то, видно, и потерялись его рукавицы; когда смельчак был занят особо ответственной операцией, он положил их на колени, откуда они и соскользнули.

Несколько минут спустя, когда Вэллери и Тэрнер, стоявшие возле катера, рассматривали полученные им в Скапа-Флоу повреждения, из кормового помещения торопливо вышел низкорослый коренастый человек и бросился к полубаку. Увидев командира и старпома, он вытянулся по швам. Они узнали в нем Гастингса, начальника корабельной полиции.

– В чем дело, Гастингс? – резко спросил Вэллери. Он всегда с трудом скрывал свою неприязнь к полицейскому унтер-офицеру, который раздражал его своей жестокостью и беспричинной суровостью.

– На мостике беспорядки, сэр, – проговорил, запыхавшись, Гастингс, ткнув назад большим пальцем. Вэллери готов был поклясться, что в глазах унтера сверкнуло злорадство. – Что именно произошло, не знаю. По телефону ничего не слышно. Только свист ветра... Вам, пожалуй, следует пойти туда, сэр.

На мостике находились трое. Итертон, артиллерийский офицер, с озабоченным видом все ещё сжимал в руке телефонную трубку. Ральстон, осунувшийся до жути, стоял, опустив руки с изуродованными, разодранными до мяса ладонями. Обмороженный подбородок его был мертвенно-бел; на лбу застыли подтеки крови. В углу лежал и стонал младший лейтенант Карслейк. Видны были лишь белки его глаз. Он бессмысленно ощупывал разбитые губы, разинув рот. В верхних, торчащих вперед зубах зияла брешь.

– Боже мой! – воскликнул Вэллери. – Боже милостивый!

Он застыл на месте, все ещё держась за ручку двери, и пытался понять, что же произошло. Лязгнув челюстями, командир повернулся к артиллерийскому офицеру.

– Черт подери! Что произошло, Итертон? – произнес он строго. – Что это все значит? Снова Карслейк...

– Ральстон ударил его, сэр, – прервал его Итертон.

– Не мели чепуху, канонир! – проворчал Тэрнер.

– Мы и так видим. – В голосе Вэллери звучало раздражение. – За что?

– Посыльный. Из радиорубки пришел посыльный, чтобы забрать предохранители для включения радиостанции. Карслейк дал их ему. Минут десять назад, по-моему.

– По-вашему! А где были вы сами, Итертон, и почему вы это допустили? Вы же прекрасно понимаете, что значит включить радиостанцию, когда человек на мачте...

Вэллери умолк, вспомнив о Ральстоне и полицейском сержанте.

– Что вы сказали, Итертон? – наклонился к нему Вэллери.

– Я был внизу, сэр. – Итертон смотрел на палубу. – Спустился буквально на минуту.

– Понимаю. Вы были внизу. – Голос Вэллери был сдержан, ровен и спокоен, но выражение глаз командира не предвещало Итертону ничего хорошего. Вэллери повернулся к Тэрнеру. – Лейтенант сильно избит, старпом?

– Выживет, – коротко ответил Тэрнер, помогая Карслейку подняться. Тот стоял, прикрывая рукой окровавленный рот, и охал.

Казалось, лишь сейчас Вэллери заметил Ральстона. Он смотрел на него несколько секунд – целую вечность, – затем зловеще и односложно произнес одно слово. За этим единственным словом чувствовались тридцать лет командования кораблем.

– Ну?

Лицо Ральстона словно окаменело. Не сводя глаз с Карслейка, он произнес:

– Да, сэр. Это сделал я. Я избил его – этого подлого убийцу, этого подонка!

– Ральстон! Вы забываетесь! – Голос полицейского сержанта прозвучал как удар хлыста.

Плечи Ральстона опустились. С усилием оторвав глаза от Карслейка, он устало посмотрел на командира корабля.

– Виноват. Я действительно забылся. Ведь у него на рукаве золотой галун. Подонком может быть только матрос.

Вэллери был поражен горечью, прозвучавшей в словах моряка.

– Но он хотел...

– Разотри подбородок, приятель! – резко оборвал юношу Тэрнер. – Ты поморозился.

Повинуясь, Ральстон стал медленно растирать лицо. Он тер его тыльной стороной ладони. Вэллери поежился, увидев его изувеченную ладонь: кожа и мясо свисали клочьями. Это оттого, что он слезал с рея без рукавиц...

– Он хотел убить меня, сэр. Преднамеренно, – словно нехотя произнес Ральстон.

– Вы отдаете отчет своим словам? – Голос Вэллери был холоден, как ветер, пронесившийся над Ланганесом. Но в эту минуту старый моряк сам впервые ощутил некое подобие страха.

– Он хотел убить меня, сэр, – монотонно повторил Ральстон. – За пять минут до того, как я начал слезать с рея, он передал посыльному из радиорубки предохранители. Как только я добрался бы до мачты, чтобы спуститься вниз, радиостанция оказалась бы включенной.

– Что за ерунда, Ральстон. Как вы смеете...

– Это правда, сэр, – убитым голосом произнес Итертон, кладя на место телефонную трубку. – Я только что звонил в радиорубку.

На Вэллери снова повеяло ужасом. Чуть ли не с отчаянием в голосе он произнес:

– Всякий может ошибиться. Возможно, виной тому было неведение, а не злой умысел.

– Неведение! – Усталости в голосе Ральстона как не бывало. Он сделал два быстрых шага вперед. – Неведение, вы говорите! Я сам сдал ему эти предохранители, когда поднялся на мостик. Я спросил, кто вахтенный офицер, а Карслейк заявил, что вахтенный офицер он. Я не знал, сэр, что вахтенный – командир артиллерийской части. Когда я предупредил лейтенанта, что предохранители следует вернуть только мне и никому другому, он сказал: «Надоела мне твоя проклятая настырность, Ральстон. Я занимаюсь своим делом, ты занимайся своим. Полезай наверх и твори чудеса геройства». Он отдавал себе отчет, что делает, сэр.

Вырвавшись из рук старшего офицера, Карслейк бросился к командиру корабля. Вылезшие из орбит глаза побелели, лицо исказила гримаса.

– Это ложь, сэр! Грязная, подлая ложь! – прощамкал он, с трудом шевеля разбитыми губами. – Ничего подобного я не говорил...

Слова его перешли в клохчущий визг: кулак Ральстона обрушился на бормочущий, окровавленный рот Карслейка. Пошатнувшись, тот грохнулся о палубу, отворив при этом дверь в штурманскую рубку, и остался лежать бесформенной грудой. Тэрнер и Гастингс тотчас кинулись к старшему торпедисту и схватили его за руки, но Ральстон и не пытался сопротивляться.

Несмотря на вой ветра, всем показалось, что на мостике воцарилась мертвая тишина. Когда

Вэллери заговорил, голос его прозвучал безжизненно:

– Старпом, вызовите пару морских пехотинцев. Отправьте Карслейка в каюту и пришлите к нему Брукса. Гастингс...

– Слушаю, сэр.

– Отправьте старшего торпедиста в лазарет, пусть ему сделают перевязку и все, что полагается. Потом посадите на гауптвахту. Приставьте часового. Понятно?

– Так точно, сэр.

В голосе Гастингса прозвучало удовлетворение.

Вэллери, Тэрнер и артиллерийский офицер молча наблюдали, как два рослых солдата морской пехоты понесли вниз Карслейка, все ещё не пришедшего в себя, как в сопровождении Гастингса ушел с мостика Ральстон.

Вэллери двинулся было следом, но, заслышав сзади голос Итертона, замедлил шаг.

– Прошу прощения, сэр.

Вэллери даже не оглянулся.

– Поговорим потом, Итертон.

– Прошу вас, сэр. Это очень важно.

В голосе артиллериста прозвучало нечто такое, что заставило Вэллери остановиться. Он нетерпеливо обернулся.

– Я не о себе хлопочу, сэр. Не пытаюсь оправдаться. Мне нет оправдания. – Он впился глазами в командира корабля. – Когда Ральстон передавал предохранители Карслейку, я стоял у входа в рубку акустика. Я слышал каждое слово.

Лицо Вэллери словно окаменело. Он взглянул на Тэрнера. Тот тоже напряженно ждал.

– Так ли было дело, как рассказывал Ральстон? – Несмотря на усилие Вэллери казаться спокойным, голос его прозвучал хрипло, почти тревожно.

– Именно так, сэр, – едва слышно проговорил Итертон. – До малейшей подробности. Ральстон сказал сущую правду.

На мгновение закрыв глаза, Вэллери с усилием отвернулся. Он не стал протестовать, почувствовав у локтя руку старшего офицера, который помог ему спуститься по крутому трапу. Не раз старина Сократ говорил, что он на собственной спине тащит весь корабль. Он внезапно почувствовал всю, до последней унции, тяжесть этого бремени.

Когда прибыл посыльный, Вэллери и Тиндалл обедали в адмиральской каюте. Погруженный в думы, командир крейсера смотрел на свою нетронутую тарелку. Тиндалл разглядел радиограмму.

– «Иду указанным курсом. Соблюдаю график. Волнение умеренное. Ветер свежееет. – Адмирал откашлялся я продолжал: – Рассчитываю прийти на место randevу в указанный срок. Коммодор конвоя Эф-Ар-77».

– Черт меня побери! Волнение умеренное, ветер свежий! Как по-твоему, он в том же океане находится, будь он неладен, что и мы, или как?

Вэллери едва заметно улыбнулся.

– В том-то и вопрос, сэр.

– В том-то и вопрос, – отозвался Тиндалл. Потом повернулся к посыльному.

– Передайте следующее:

«Идёте навстречу сильному шторму. Время и место randevу остается без изменения. Вы, возможно, запоздаете. Будем ждать на условленном месте до вашего прибытия». Сформулировано достаточно вразумительно, командир?

– Пожалуй, да, сэр. Радиомолчание?

– Да, разумеется. Прибавьте ещё вот что: «Соблюдать радиомолчание. Командующий 14-й

эскадрой авианосцев». Отправьте депешу немедленно, хорошо? Потом пусть радист закроет вахту.

Дверь осторожно притворилась. Налив себе кофе, Тиндалл взглянул на Вэллери, сидевшего напротив.

– Все ещё думаешь о том парне, Дик?

Едва заметно улыбнувшись, Вэллери закурил сигарету. И тотчас закашлялся.

– Прошу прощения, сэр, – произнес он. Помолчав немного, поднял глаза. – Какое безумное честолюбие вынудило меня стать командиром крейсера! – проговорил он невесело.

– Я тебе не завидую, – усмехнулся Тиндалл. – По-моему, я уже слышал подобные слова. Что же ты собираешься предпринять в отношении Ральстона, Дик?

– А что бы ты предпринял на моем месте? – спросил в ответ Вэллери.

– Упрятал бы его за решетку до возвращения из России. Посадил бы на хлеб и воду. Заковал в кандалы, если хочешь.

– Ты никогда не умел убедительно врать, Джон, – улыбнулся Вэллери.

– Угадал! – захохотал Тиндалл. У него потеплело на душе. Втайне он был доволен. Редко, очень редко Ричард Вэллери снимал с себя надетую им самим маску официальности. – Всякому известно: избить офицера флота его величества – тяжкое преступление. Но если Итертон сказал правду, то я только сожалею о том, что Ральстон не произвел полную косметическую операцию на физиономии этого негодяя Карслейка.

– Боюсь, что Итертон не лжет, – покачал головой Вэллери. – Но вся беда в том, что корабельный устав (до чего пришлась бы по вкусу эта фраза Старру!)... устав требует, чтобы я наказал жертву преступления, а не преступника, едва не убившего ее.

Он умолк, сотрясаемый новым приступом кашля. Тиндалл отвернулся, чтобы Вэллери не увидел печали на его лице, не заметил ни сострадания, ни гнева, которые он испытывал при мысли о том, что Вэллери – этот рыцарь без страха и упрека, самый порядочный человек и самый верный – на глазах тает, возможно, умирает у него на глазах из-за слепоты и бессердечности штабной крысы, засевшей в Лондоне, за две тысячи миль отсюда.

– ...Этого бедного юношу, – продолжал наконец Вэллери, – который потерял мать, брата и трех сестер... По-моему, отец его где-то плавает.

– Как насчет Карслейка?

– Поговорю с ним завтра. Мне бы хотелось, сэр, чтобы вы присутствовали при этом разговоре. Я сообщу ему о том, что он остается на корабле лишь до возвращения в Скапа-Флоу. Там я его спишу с крейсера... Не думаю, чтобы он захотел предстать перед трибуналом, даже в качестве свидетеля, – прибавил он сухо.

– Конечно, не захочет, если он в здравом уме, – согласился Тиндалл. – А ты уверен, что он действительно в своем уме? – нахмурился он, пораженный внезапной мыслью.

– Карслейк?.. – Вэллери помолчал в нерешительности. – Да. Я в этом уверен, сэр. Во всяком случае, он был в своем уме. Правда, Брукс в этом не слишком уверен. Говорит, лейтенант ему нынче вечером что-то не понравился. По мнению Брукса, с Карслейком творится неладное. А в этих экстремальных условиях самые незначительные отклонения от нормы вырастают до невероятных размеров. – Вэллери улыбнулся. – Хотя Карслейк вряд ли считает отклонением от нормы совершенное дважды посягательство на его достоинство и личность.

Тиндалл кивнул.

– Надо будет присмотреть за ним... О проклятие! Когда же прекратится эта болтанка! Полчашки опрокинул на скатерть. Влетит мне от Спайсера. – Он взглянул в сторону буфетной. – Девятнадцать лет, а настоящий тиран... Я-то думал, мы окажемся в защищенной гавани, Дик.

– По сравнению с тем, что нам предстоит, это и есть защищенная гавань! – Он наклонил

голову, прислушиваясь к завыванию ветра. – Узнаем, что скажет синоптик.

Протянув руку к телефону, он попросил оператора соединить его с центральным постом управления огнем. Обменявшись несколькими фразами, положил трубку.

– С центрального доносят, что анемометр крутится как бешеный. Скорость ветра достигает восьмидесяти узлов. По-прежнему дует норд-вест. Температура без изменения, десять градусов ниже нуля^[6]. – Он поежился. – Десять градусов. – Потом внимательно взглянул на Тиндалла. – Барометр показывает двадцать семь и восемь десятых.

– Что-что?

– Давление двадцать семь и восемь десятых дюйма. Так мне доложили. Невероятно, но факт. – Вэллери взглянул на ручные часы. – Пора идти на соединение с конвоем, сэр... Сложный же способ самоубийства мы с вами выбрали.

С минуту оба помолчали. Молчание прервал адмирал Тиндалл, отвечая на мучивший обоих вопрос.

– И все-таки нужно идти, Дик. Кстати, наш бесстрашный мореход, лихой кап-три Орр вздумал увязаться за нами со своим «Сиррусом»... Пусть попробует, что это за мед. Узнает, почем фунт лиха.

В 20.20 все корабли эскорта закончили прием топлива. Подрабатывая машинами, они с огромным трудом удерживались на месте: столь свирепо дул ветер. Однако покамест суда находились в сравнительной безопасности, все-таки не в открытом море. Командиры кораблей получили приказ сниматься с якоря, когда шторм поутихнет. Поврежденному «Дефендеру» вместе с его проводящими следовало идти в Скапа-Флоу, остальным кораблям эскадры – к месту randevу с караваном, находившимся в ста милях по пеленгу ост-норд-ост. Был отдан приказ о радиомолчании.

В 20.30 «Улисс» и «Сиррус» легли на курс ост. Вдогонку замигали сигнальные фонари, желая счастливого плавания. Адмирал Тиндалл принялся было ругаться (корабли эскадры нарушали приказ о затемнении), но потом, сообразив, что, кроме них самих, ни одна живая душа не увидит эти вспышки, вежливо поблагодарил оставшихся за пожелания удачи.

В 20.45, ещё не успев выйти из-под прикрытия оконечности полуострова, «Сиррус» получил основательную трепку: похожие на горные хребты волны обрушивались на корабль; с полубака и главной палубы скатывались целые водопады, и в темноте «Сиррус» походил не столько на эсминец, сколько на всплывающую субмарину.

В 20.50 с «Улисса» заметили, что «Сиррус» сбавил ход и жметя к берегу, как бы ища укрытия. Одновременно замигал шестидюймовый сигнальный прожектор эсминца: «Перекосило водонепроницаемые двери. Носовую башню заклинило. Заливает втяжные вентиляторы котельной левого борта». Орр ругался на чем свет стоит, до смерти обидевшись, когда прочитал последнюю светограмму с «Улисса»: «Это тебе урок. Сейчас же беги домой. Тебе ещё рано играть с большими мальчиками». Проглотив пилюлю, Орр просемафорил в ответ: «Приказ понял. Я ещё покажу вам, когда вырасту». Потом круто развернул «Сиррус» на обратный курс и, благодаря в душе Бога, повел корабль в сторону закрытого рейда. На флагмане его почти сразу же потеряли из виду.

В 21.00 «Улисс» вошел в Датский пролив.

Глава 6

ВО ВТОРНИК НОЧЬЮ

То был самый страшный шторм за всю войну. Без всякого сомнения, если бы данные о нем были представлены в адмиралтейство, то выяснилось бы, что это самый свирепый шторм, самая жуткая конвульсия природы из всех, зарегистрированных с тех пор, как адмиралтейство начало регулярно собирать подобного рода сведения. Ни одному из самых бывалых моряков «Улисса» – даже тем, кто обшарил все уголки земного шара, – не приходилось видеть на своем веку хотя бы нечто, отдаленно похожее на эту бурю.

В двадцать два часа были задраены все двери и люки, всякое передвижение по верхней палубе запрещено. Расчеты покинули орудийные башни и артиллерийские погреба; впервые за все время после спуска крейсера на воду была отменена вахта на верхней палубе. Даже молчаливый Кэррингтон признался, что заставшие его в Карибском море осенние ураганы, от которых ему не удалось уйти в тридцать четвертом и тридцать седьмом году (оба раза ему, очутившемуся в правой четверти этих смертоубийственных циклонов, пришлось отстаиваться на плавучем якорю), даже они вряд ли были опаснее нынешней бури. Правда, суда, которыми он тогда командовал, – трамп^[7] водоизмещением в 3000 тонн и допотопный танкер, возивший битум и работавший на нью-йоркской линии, – не обладали теми мореходными качествами, какими отличался «Улисс». Кэррингтон едва ли сомневался в том, что крейсер выдержит испытание. Но ни первый офицер, ни кто-либо другой не догадывались, что этот свирепо завывающий шторм был лишь жутким вступлением к адской симфонии. Подобно лишенному разума страшному зверю из некоего древнего, неизвестного доселе мира, полярное чудовище уже выползло из своего логова и сжалось в комок, готовое к прыжку. В 22.30 «Улисс» пересек Полярный круг. И тут чудовище нанесло первый удар.

Оно наносило удары с жестокостью и дикой злобой, сокрушая людей духовно и физически и не давая им опомниться. Когтями ему служили острые ледяные рапиры, которые рассекали человеку лицо, оставляя на нем кровавые рубцы. Зубами – морозный вихрь, несшийся со скоростью свыше ста двадцати узлов и пронзавший, точно папиросную бумагу, самую плотную одежду, пробирая человека до самых костей. Голосом его был дьявольский оркестр – могучий рев ветра, сливавшийся с заубойным воем такелажа и мучительными стопами рангоута. Всей своей гигантской тяжестью чудовище наваливалось на беспомощный корабль. Очутившегося на палубе человека сокрушительная мощь вихря придавливала к переборке с такой силой, что тот не мог вздохнуть, а иной бедняга, отброшенный куда-нибудь в угол, падал, ломая себе кости, и терял сознание. Не найдя добычи среди стальных пустынь Гренландского ледового щита, вместе с океаном – союзником столь же безжалостным, как и оно само, – чудовище, двигавшееся фронтом в полтысячи миль, с яростью и рыком обрушилось на «Улисс» – эту крохотную скорлупку.

«Улиссу» следовало погибнуть в ту же минуту. Ни одно творение рук человеческих не могло выдержать подобного удара. Корабль должен был утонуть, перевернуться вверх дном, сломать себе хребет или же, оказавшись между гигантской наковальней и молотом – ветром и волнами, – развалиться на части. Однако ничего подобного не произошло.

Каким образом выдержал «Улисс» слепую ярость первой атаки, одному Богу известно. Мощный вихрь подхватил носовую часть корабля и, повернув его на 45 градусов, швырнул корабль на бок в то самое мгновение, когда он начал буквально падать вниз, скользя по головокружительному склону исполинской водяной горы. «Улисс» ударился о подошву этой

горы с такой страшной силой, что корпус его затрясся всеми листами обшивки, каждой заклепкой. Вибрация длилась целую вечность, и в течение всего этого времени стальная коробка крейсера испытывала чудовищные перегрузки, не предусмотренные никакими кораблестроительными стандартами. Металл гнулся, но не лопался. Каким-то чудом крейсер ещё держался на плаву, но минуты его, казалось, сочтены. Он повалился на правый борт, едва не черпая воду. А уже в сторону беззащитного корабля с ревом ринулась находившаяся в полумиле новая гигантская, выше мачт крейсера, волна.

Спасителем «Улисса» оказался «дед». «Дед», известный также под прозвищем «Персил», а официально старший инженер-механик Додсон, как всегда, облаченный в белоснежный комбинезон, находился на командном пункте машинного отделения в ту самую минуту, когда сверхъестественной силы вихрь подхватил корабль. Додсон не знал, что именно произошло. Не знал, что корабль неуправляем, что никто из находившихся на мостике не успел оправиться от первого оглушительного удара. Не знал, что старшина-рулевой, отлетев в дальний угол рулевой рубки, потерял сознание, что его помощник, ещё совсем мальчик, перепугавшись до смерти, не решался схватить бешено вращающийся штурвал. Но он знал, что «Улисс» круто кренится, почти ложится на воду, и догадался, в чем дело.

Он принялся кричать в переговорную трубу, соединяющую машинное отделение с мостиком, но никто не ответил. Показав на приборы управления левой машиной, он заорал в самое ухо вахтенному механику: «Малый ход!», а сам прыгнул к маховику правой машины.

Опоздай он секунд на пятнадцать, кораблю пришел бы конец. Однако, прибавив оборотов правому винту, он успел развернуть корабль носом к несшейся с ревом водяной горе. Корма крейсера погрузилась до самых поручней, а киль, обнажившись метров на двенадцать, повис над бездонной пропастью. Когда корабль устремился вниз, вонзаясь в стену воды, корпус его потряс новый удар – полубак исчез под поверхностью моря, волны перехлестнули через носовую орудийную башню. Но крейсер снова встал наперерез волне. В ту же минуту «дед» дал знак механику увеличить обороты, а сам повернул маховик в прежнее положение.

В нижних помещениях корабля царил невообразимый хаос. Сорванные с мест стальные шкафы ерзали по кубрикам в самых различных направлениях. Накладки и замки лопнули, и содержимое рундуков вывалилось на палубу. Койки были сброшены с сеток, помещения усыпаны осколками битой посуды. Повсюду, словно после чудовищного погрома, ломаные столы, табуретки, а вперемешку с ними – книги, листки бумаги, чайники, котелки и прочая утварь. Среди этого невыносимого беспорядка кричали и бранились испуганные, измученные люди. Одни силились подняться на ноги, другие опустили на колени, третьи просто сидели, иные лежали пластом.

Начальник корабельной медицинской службы Брукс и лейтенант Николлс, которым помогал энергичный, не знающий усталости корабельный священник, буквально сбились с ног. От старого моряка, старшего санитаря Джонсона, проку не было никакого: его, видно, укачало. Почему так случилось, никто не знал; вероятно, существует предел человеческой выносливости.

Раненых приносили в лазарет целыми пачками – по десять, двадцать человек. Вереница эта тянулась всю ночь, пока «Улисс» боролся за свою жизнь, и тесное помещение переполнилось до отказа. Вскоре и кают-компания стала походять на полевой госпиталь. Ушибы, резаные раны, вывихи, сотрясения мозга, переломы – какими только больными не приходилось заниматься в эту ночь измученным врачам. К счастью, серьезных увечий было немного: за четыре часа в лазарете появилось всего девять «лежачих» пациентов. Чтобы освободить место для раненых, отчаянно бранившегося Райди и его дружок бесцеремонно вышвырнули.

Около 23.30 Николлса вызвали к штурману. То и дело падая из-за дикой качки, молодой врач наконец добрался до каюты больного. У Карпентера был совсем убитый вид. Внимательно

оглядев его, Николлс заметил глубокий безобразный шрам на лбу и распухшую лодыжку, выглядывавшую из-под марсианского скафандра. Дело плохо, но, судя по несчастному лицу Капкового, не так уж безнадежно, усмехнулся про себя Николлс.

– Ну, Горацій, – произнес он неприветливо. – Что ещё стряслось? Опять нализался?

Его благородие жалобно застонал.

– Спина, Джонни, – пробормотал он и лег на койку вниз лицом. – Взгляни, а?

Лицо у Николлса изменилось. Шагнув было вперед, он остановился.

– Как же я взгляну, – воскликнул он раздраженно, – если на тебе этот дурацкий комбинезон, будь он неладеи!

– И я про то же! – подхватил Капковый, – Меня в прожекторной о пульт ударило. А там разные ручки, острые детали. Он что, разорван? Поврежден или порезан? А швы, они...

– Господи Боже! Неужели ты хочешь сказать... – недоверчиво проговорил Николлс, опускаясь на рундук.

– Выходит, он цел? – с надеждой посмотрел на него Капковый мальчик.

– Конечно, цел! Но если тебе понадобился портняжка, какого же ты дьявола...

– Довольно! – Бойко, вскочив, штурман, сел на край койки и предостерегающе поднял руку.

– И для вас, костоправов, работенка найдется, – он показал на кровоточащий лоб. – Заштопай-ка меня, только поживей. Без такого специалиста, как я, на мостике не обойтись.. Я единственный человек на корабле, который знает, где мы находимся.

– Ну и где же? – усмехнулся Николлс, держа в руках тампон.

– Не знаю – признался Капковый. – Потому-то и надо спешить. Но зато я знаю, где я находился! У себя дома, в Хенли. Я тебе рассказывал?..

«Улисс» не погиб. В ту ночь, когда на дрейфующий корабль, в правую скулу которого дул ветер, обрушивались огромные массы воды, не раз казалось, что крейсеру не под силу стряхнуть страшный груз. Однако, судорожно напрягаясь всем корпусом, корабль снова и снова сбрасывал с себя немыслимое бремя. Тысячекратно, до самой зари офицеры и матросы благословляли кораблестроителей с Клайда, создавших этот крейсер; тысячекратно кляли они слепую злобу бури, то и дело норовившей опрокинуть их корабль.

Пожалуй, слово «слепую» в данном случае неуместно. В дикой своей ярости шторм орудовал с почти человеческим коварством. Сразу после первой атаки ветер невероятно быстро повернул и, вопреки всем законам метеорологии, снова задул с севера. На «Улисс», находившийся у подветренного берега, то и дело обрушивались огромные валы.

Гигантские валы эти, казалось, были одушевленными существами... С ревом мчась мимо «Улисса», огромный вал неожиданно делая рывок в сторону и опускался на палубу корабля, разбивая вдребезги то одну шлюпку, то другую. За какой-то час от вельбота, разъездного катера и двух моторных баркасов остались одни щепки, тотчас пропавшие в кипящем котле. Спасательные плоты Карлея сорвало и смыло за борт, туда же отправились и четыре бальзовых плота.

Но особенно досталось кормовой части крейсера. В самый разгар шторма раздалась серия мощных взрывов. Корма корабля чуть не выпрыгнула из воды.

Точно лесной пожар, в кормовых кубриках распространилась паника; на юте почти все лампы освещения были разбиты или выведены из строя. Заглушая ропот, по темным кубрикам понеслись вопли: «Нас торпедировали!», «Мины!», «Корабль тонет!» Эти вопли точно гальванизировали измученных, израненных людей – даже тех, кто, укачавшись, лежал в разной степени прострации. Толпа ринулась к дверям и люкам, но из-за лютой стужи их невозможно было открыть. Тут и там вспыхивали автоматические аккумуляторные лампы; тусклые, подобно тлеющим булавочным головкам, они выхватывали из тьмы бледные как смерть, осунувшиеся, с

запавшими глазами, искаженные страхом лица. Еще минута, и случилось бы непоправимое. Но тут среди бедлама раздался грубый, насмешливый голос Ральстона; по распоряжению командира корабля его освободили ещё накануне около девяти часов. Карцер находился в форпике, в самом носу корабля, и при встречной волне оставлять там человека было опасно. Но, даже получив приказ командира, Гастингс выполнил его с величайшей неохотой.

– Это же глубинные бомбы взорвались! Слышите, идиоты безмозглые? Наши собственные глубинные бомбы!

Не столько слова, сколько ядовитая, убийственная насмешливость тона – вот что прекратило панику, остановило обезумевших людей.

– Говорят вам, это глубинные бомбы! Их, верно, за борт смыло.

Ральстон оказался прав. Сорванная шальной волной, за борт упала целая серия глубинных бомб. По чьему-то недосмотру взрыватели были установлены на малую глубину. Очевидно, бомбы были подготовлены к сбрасыванию при появлении в Скапа-Флоу мини-лодки и взорвались под самым днищем корабля. Однако, судя по всему, повреждения были незначительными.

Тем, кто находился в носовом кубрике, приходилось хуже остальных. Ломаной мебели и утвари тут было ещё больше, а укачались чуть ли не все. Здесь не было вызывающих насмешку зеленых лиц, какие увидишь у страдающих морской болезнью пассажиров плавающего по Ла-Маншу парохода. Здесь люди корчились в конвульсиях, исходили кровавой рвотой; шутка ли сказать, нос корабля то поднимался на девять, двенадцать, а то и пятнадцать метров, то стремительно опускался вниз с этой высоты. И так продолжалось до бесконечности. В довершение всего, случилась новая беда. Остаться в носовом кубрике стало невозможно.

Впереди канатного ящика, к которому примыкал кубрик, находилась аккумуляторная. В ней размещалось и при надобности заряжалось не меньше сотни разного типа аккумуляторов, начиная от тяжелых свинцово-кислотных батарей весом свыше пятидесяти килограммов и кончая крохотными никеле-кадмиевыми элементами, что использовались для аварийного освещения. Тут же хранились керамические банки с готовым раствором и огромные стеклянные бутылки с неразведенной серной кислотой. Эти бутылки находились тут на постоянном хранении; в штормовую погоду их накрепко принайтовывали.

Никто не знал, как все произошло. Скорее всего, выплеснувшаяся из-за жестокой килевой качки из аккумуляторов кислота разъела крепления. Один аккумулятор, видно, сорвался с места и разбил другой, третий... затем дошла очередь до банок и бутылей, в результате чего в аккумуляторной, к счастью, облицованной кислотоупорным материалом, образовалась лужа серной кислоты глубиной пять-шесть дюймов.

Молодой торпедист, открыв во время обхода дверь в аккумуляторное отделение, увидел, что там плещется кислота, и до смерти перепугался. Вспомнив, что каустическая сода нейтрализует серную кислоту, он высыпал в аккумуляторную целый сорокафунтовый картон каустика. Теперь бедняга лежал в лазарете: ему выжгло глаза. Пары кислоты заполнили шпильное отделение, и войти туда без кислородной маски было невозможно. Медленно, но верно ядовитые пары просачивались в кубрик. В довершение всего, сквозь разорванные переговорные трубы и поврежденные листы палубы из шпильного проникали сотни галлонов соленой морской воды. В воздухе уже пахло хлором. Обвязавшись концом, Хартли с двумя моряками попытались было заделать зияющие отверстия. Но на полубак по-прежнему обрушивались огромные волны. Не прошло и минуты, как троих смельчаков чуть живых унесли прочь.

В нижних помещениях царил поистине кавардак. Если находящимся там угрожала опасность быть искалеченными и уделом их были мучительные приступы морской болезни, то

на ходовом мостике, где была горстка моряков-офицеров и рядовых, царил сущий ад. Причем не тот, о котором повествуется в Библии, но ад в представлении наших далеких североевропейских предков – язычников-викингов, датчан, ютов – ад Беовульфа с озерами, где кишат жуткие чудища, ад, где царит вечный холод.

Правда, термометр показывал всего тридцать градусов по Цельсию. Известно, что люди живут и даже работают при гораздо более низких температурах. Однако менее известен факт, который люди едва ли сознают в полной мере, – факт, что при минусовых температурах усиление скорости ветра на один узел эквивалентно понижению температуры на один градус. Не однажды, а несколько раз в ту ночь анемометр, под конец вышедший из строя, регистрировал скорость ветра в сто двадцать пять узлов. Под таким напором штаги рвались как нитки, а дымовые трубы чуть не унесло прочь. Закоченевшие, точно парализованные люди, находившиеся на мостике, испытывали мороз градусов шестьдесят по Цельсию.

Каждые пять минут люди уходили с мостика в командирскую рубку: дольше выдержать было невозможно. Правда, вахту на ходовом мостике несли лишь для порядка, о том, чтобы смотреть вперед, не было и речи. Колючим инеем залепило бы веки, частицами льда выбило бы глаза. Диски Кента по-прежнему вращались с огромной скоростью, но проку от них не было никакого: песчинками, которыми была посыпана палуба, стекла расцарапало до такой степени, что они стали матовыми.

Ночь была не слишком темной. Можно было наблюдать небо в направлении траверза и кормы. Иногда в просветах возникало усыпанное звездами синее небо, но мгновение спустя просветы эти закрывали мчащиеся стремглав рваные тучи. По бортам и по корме море казалось черным бархатом, отделанным белыми кружевами. Не было ни вчерашних стройных валов, двигавшихся чередой, ни нарядных белоснежных гребней. Повсюду, куда ни глянь, могучие водяные горы. Сталкиваясь между собой, они расходились в разные стороны, но затем устремлялись на юг. Некоторые из этих движущихся хребтов (не верилось, что это волны), величиной с коттедж, казались лилипутами по сравнению с иными великанами, высотой в двадцать–двадцать пять метров, вздымавшимися в поднебесье, заслоняя собой горизонт... Как заметил Капковий мальчик, самое лучшее – это сделать вид, что не замечаешь этих исполинов. В большинстве своем волны проходили мимо, не причиняя кораблю вреда, но иногда обрушивали свои гребни на мостик, окатывая с головы до ног вахтенного офицера. Беднягу тотчас сменяли, иначе минуту спустя он превратился бы в глыбу льда.

Как это ни невероятно, «Улисс» остался цел и невредим. Но поскольку моряки не видели, что происходит прямо по курсу, у каждого в душе жила тревога. Что-то случится минуту спустя? Пронесется ли следующий вал мимо или же низринет их в пучину? Мысль эта ни на секунду не покидала моряков, ожидание стало ещё тревожней. Оттого, что никто не видел, как «Улисс» карабкается по склону гигантской волны, а затем устремляется вниз, напряжение росло. Лишь по силе вибрации корпуса да по головокружительной скорости такого спуска можно было судить о размерах водяной горы. Шум волн тонул в адской какофонии ветра, дико завывавшего в мачтах и штагах.

Около двух часов ночи, сразу после того, как прозвучали разрывы глубинных бомб, несколько старших офицеров «Улисса» устроили своего рода бунт. Разбуженный грохотом, измученный, дрожащий от стужи командир корабля, всего час назад по настоянию старпома отправившийся в каюту, поднялся на мостик. Там его встретили старший офицер и командер Уэстклифф. Преградив Вэллери дорогу, они вежливо препроводили его в командирскую рубку. Открыв дверь, Тэрнер включил свет. Вэллери был скорее изумлен, чем разгневан.

– Это ещё что такое? – спросил он властно.

– Бунт, – жизнерадостно прогудел Тэрнер. Лицо его, израненное осколками льда, было

запачкано кровью. – Бунт в открытом море – так это, очевидно, называется. Правильно, адмирал?

– Совершенно верно, – кивнул Тиндалл. Вздвогнув, Вэллери оглянулся. Адмирал вытянулся на койке, сложив руки, точно покойник.

– Я не вправе указывать командиру на его корабле. Но я сделаю вид, что ничего не заметил, – проговорил адмирал и в изнеможении откинулся назад. Никому даже в голову не пришло, что адмирал и не думал притворяться.

Вэллери промолчал. С серым, осунувшимся лицом и воспаленными глазами он стоял, стискивая поручни. Когда старший офицер взглянул на командира, его точно ножом кольнуло. Он заговорил необыкновенно тихо и серьезно. Это не было похоже на Тэрнера, и Вэллери весь превратился в слух.

– Сэр, в такую ночь военному тут делать нечего. Опаснее нынешней бури противника не существует. Вы согласны?

Вэллери молча кивнул.

– Тут нужен опытный моряк. При всем к вам уважению позвольте мне заявить, что никто из нас в этом смысле не чета Кэррингтону. Это моряк высшей пробы.

– Очень любезно с вашей стороны, что вы не позабыли и себя, – пробормотал Вэллери. – Только напрасно вы скромничаете, старпом.

– Всю ночь на мостике будет находиться первый офицер. Кроме него, Уэстклифф. И я.

– Я тоже, – проворчал Тиндалл. – Но сейчас я сосну. – Вид у адмирала был почти такой же измученный, как и у Вэллери.

– Благодарю вас, сэр, – улыбнулся Тэрнер. – Боюсь, командир, на мостике нынче будет тесновато... Так что увидимся после завтрака.

– Но постойте...

– Никаких «но», – буркнул Уэстклифф.

– Прошу вас, – настаивал Тэрнер. – Вы нас премного обяжете.

Вэллери посмотрел на него.

– Я, как командир корабля... – Он не закончил фразы. – Не знаю, что и сказать.

– Зато я знаю, – тотчас нашелся Тэрнер, взяв Вэллери под руку. – Пойдемте со мной.

– Не уверены, что я дойду без посторонней помощи? – чуть улыбнулся Вэллери.

– Нет, почему же. Но лучше не рисковать. Прошу вас, сэр.

– Ну хорошо, хорошо, – устало вздохнул старый моряк. – На что только не согласишься ради спокойной жизни... и возможности выспаться!

Лейтенант Николлс с трудом сбросил с себя путы тяжелого сна. Медленно, нехотя разлепил веки. «Улисс» по-прежнему отчаянно качало; палуба уходила из-под ног с такой стремительностью, что дух захватывало. Николлс увидел наклонившегося над ним Капкового мальчика. Лоб штурмана обмотан бинтом, остальная часть лица в пятнах крови. Вид у Карпентера был до отвращения жизнезащитный.

– Вставать, вставать, довольно спать... и так далее... – усмехался Карпентер. – Как мы себя сегодня чувствуем? – произнес он дурашливым голосом. Отпрыск знатного рода, лейтенант Карпентер не слишком-то уважал профессию врача.

– В чем дело, Энди? – вытаращил на него сонные глаза Николлс. – Случилось что-нибудь?

– Что может случиться, когда на мостике господы Кэррингтон и Карпентер, – заносчиво проговорил Капковый мальчик. – Не желаешь ли подняться наверх, посмотреть, как делает свое дело Кэррингтон? Он собирается развернуть корабль на обратный курс. А в такой заварушке дело это нешуточное!

– Так ты меня затем только и разбудил?

– Старик, при повороте корабля на другой курс ты все равно оказался бы на палубе... Только, пожалуй, со сломанной шеей. Ко всему, Джимми, требуется твоя помощь. Ему нужны толстые стекла, а их у тебя в лазарете навалом. Однако, как я убедился, лазарет закрыт, – прибавил он без стеснения.

– Но к чему они... эти стекла?

– Пойдем, сам увидишь.

Забрезжил жуткий, зловещий рассвет – достойный эпилог кошмара. Над кораблем, едва не задевая за мачты, пронеслись белесые полосы, но в вышине небо было чистым. Огромные волны стали гораздо короче и круче. Машины работали на малых оборотах, лишь бы крейсер слушался руля. Несмотря на это, шедший против волны «Улисс» нещадно трепало. Ветер, скорость которого немногим не достигала пятидесяти узлов, дул ровно. И все-таки, едва Николлс вышел на палубу, вихрь обжег ему легкие, ослепил льдом и студеным ветром. Поспешно обмотав лицо шарфом, молодой врач стал на ощупь подниматься на мостик. За ним, неся в руках куски толстого стекла, следовал Капковий. Когда они взбирались по трапу, из динамика вырвалось что-то нечленораздельное. На плохо освещенном мостике находились лишь Тэрнер и Кэррингтон, закутанные точно мумии. Глаза их были скрыты очками.

– Привет, Николлс, – прогудел старший офицер. – Ведь это, кажется, он, не так ли? – Повернувшись к ветру спиной, Тэрнер сорвал с себя очки и в сердцах отшвырнул их прочь. – Ни черта не видно в эти хреновины... Эй, первый, он притащил стекла.

Николлс пригнулся, чтобы спрятаться за нактоуз. В углу валялась груда очков, стеклянных щитков, противогазных масок. Он мотнул головой в их сторону.

– Это что, распродажа?

– Ложимся на обратный курс, док, – произнес Кэррингтон. Голос его звучал спокойно, как всегда в нем не было и следа усталости.

– Но нам нужно видеть, что у нас по курсу. От этих же хреновин, как выразился старпом, никакого проку. Они мгновенно обледеневают. Не подержите ли стекло, вот так... А вы протирайте, Энди.

Взглянув на огромные волны, Николлс содрогнулся.

– Простите мое невежество, но к чему нам вообще куда-то поворачивать?

– Потому что скоро это будет невозможно, – ответил Кэррингтон. Потом, усмехнувшись, добавил: – Боюсь, предстоящий маневр сделает меня самым непопулярным офицером на корабле. Мы только что предупредили экипаж о повороте. Готово, сэр?

– В машинном отделении! На руле! Подготовиться к повороту! Готово, первый.

Тридцать, сорок пять секунд, целую минуту Кэррингтон неотрывно смотрел через стекло. У Николлса замерзли руки. Капковий прилежно тер стекло. Потом раздалась команда:

– Левая, машина, средний ход!

– Левая машина, средний ход! – эхом отозвался Тэриер.

– Право двадцать!

– Право двадцать!

Николлс рискнул взглянуть краешком глаза через плечо. За долю секунды, прежде чем глаза его наполнились слезами, он успел увидеть гигантский вал, ринувшийся прямо на корабль, нос которого уже находился под углом к фронту волны. Боже милостивый! Почему Кэррингтон не дождался, пока она пройдет?

Огромная волна подбросила носовую часть крейсера ввысь, безжалостно накренив корабль на правый борт, и прошла под днищем. С судорожным усилием перевалив через гребень, «Улисс» бешено устремился вниз, кренясь на противоположный борт. Мачты – эти огромные обледеневшие деревья – описали гигантского радиуса дугу, а поручни левого борта погрузились

в подошву нового вала.

– Левая, полный вперед!

– Левая, полный вперед!

– Право тридцать градусов!

– Право тридцать градусов!

Следующая волна, пройдя над кораблем, лишь выпрямила его. И тут Николлса осенило. Невероятно (поскольку это невозможно было предугадать), но Кэррингтон словно предвидел, что между двумя встречными волнами должен образоваться участок сравнительно спокойной воды. Как он догадался, что это произойдет, не знал никто, в том числе и сам Кэррингтон. Но это был великий моряк, и чутье не обмануло его. В течение пятнадцати или двадцати секунд море представляло собой кипящую белую массу, где волны сталкивались, сшибались меж собой. Такое, хотя и в гораздо меньших масштабах, происходит при встрече морских течений и возле водопадов. Воспользовавшись относительным затишьем, «Улисс» беспрепятственно проскользнул среди валов. Затем на завершивший поворот корабль ринулась новая волна – высотой до самого ходового мостика. Подойдя с траверза, она всей своей огромной тяжестью обрушилась на крейсер. Такого удара в ту ночь крейсеру ещё не приходилось получать. «Улисс» лег на борт, так что поручни оказались под водой. Николлса сшибло с ног, и он с размаху ударился о борт мостика. Стекло разлетелось вдребезги. Он готов был поклясться, что в эту минуту слышался смех Кэррингтона. Оправившись от удара, Николлс стал продвигаться к центру компасной площадки.

Но этим дело не кончилось. Швырнув «Улисс» в пропасть, когда крен достиг сорока градусов, гигантский вал начал безжалостно опрокидывать корабль. Стрелка креномера неумолимо поползла: сорок пять градусов, пятьдесят, пятьдесят три... Потом остановилась. Казалось, прошла целая вечность. Моряки упирались ногами в борт, цеплялись за неровности палубы, тупо осознавая, что случилось неизбежное. Конец. Из такого крена «Улиссу» не выйти.

Тянулись долгие, как жизнь, секунды. Белые как полотно Николлс и Карпентер бессмысленно глядели друг на друга. Наклоненный под таким углом, мостик оказался защищенным от ветра. Внезапно раздался голос Кэррингтона. Он прозвучал спокойно, буднично и удивительно отчетливо.

– Крен достигнет шестидесяти пяти градусов. Потом корабль вернется на ровный киль, – произнес он как ни в чем не бывало. – Не потеряйте свои шапки, господа. Вам предстоит увидеть нечто любопытное.

Не успел он закончить, как «Улисс» вздрогнул, потом сначала медленно, а затем с бешеной скоростью стал крениться в обратную сторону, описывая дугу в девяносто градусов, затем снова качнулся назад. Николлс снова очутился в углу мостика. Но к тому времени поворот был почти закончен.

Успевший прийти в себя Капковый мальчик с улыбкой тронул Кэррингтона за плечо.

– Не оглядывайтесь, сэр. Дело в том, что мы потеряли грот-мачту.

Он несколько преувеличивал, однако верхней части мачты – футов пятнадцать длиной – вместе с круговой антенной радиолокатора действительно как не бывало. Двойного удара, к которому прибавился вес льда, стеньга не смогла выдержать.

– Обе машины – малый вперед! Прямо руль!

– Обе машины – малый вперед! Прямо руль!

– Так держать!

«Улисс» лег на обратный курс. Перехватив взгляд Николлса, Капковый кивнул в сторону первого офицера.

– Понял, что я хотел сказать, Джонни?

– Да, – спокойно произнес Николлс. – Я понял, что ты хотел сказать.

Потом, широко улыбнувшись, прибавил:

– В следующий раз поверю тебе на слово. Доказательство твоей правоты слишком вредно для моего здоровья!

Двигаясь с крупной попутной волной, «Улисс» стал удивительно устойчивым на курсе. Ветер тоже перешел на корму, и мостик словно по волшебству оказался защищенным от шторма. Летевшие над кораблем клочья тумана начали таять, они почти исчезли... Далеко на зюйд-осте по безоблачному небосклону поднималось ослепительное белое солнце. Долгая ночь кончилась.

Через час, когда ветер поутих и скорость его уменьшилась до тридцати узлов, радарной установкой было обнаружено несколько кораблей, шедших с веста. Спустя ещё час ветер и вовсе спал, шла лишь крупная зыбь. И тут на горизонте показались хвосты дымков. В десять тридцать в условленном месте, в условленное время состоялось рандеву «Улисса» с конвоем из Галифакса.

Глава 7

В СРЕДУ НОЧЬЮ

Тяжело переваливаясь с борта на борт, один за другим подходили суда конвоя. Огромная эта армада была лакомым куском для любой «волчьей стаи». В караване насчитывалось восемнадцать единиц: пятнадцать крупнотоннажных транспортов современной постройки и три танкера водоизмещением по 16000 тонн. Груз, который они везли, был гораздо ценнее и нужнее, чем тот, какой когда-либо знавали античные триремы или испанские галеоны. Они везли танки, самолеты, бензин. Что по сравнению с этими сокровищами золото и драгоценные камни, шелка и редчайшие пряности? Все это добро стоило по меньшей мере десять или двадцать миллионов фунтов стерлингов, в действительности же не имело цены.

Приветствуя «Улисс», проходивший между левой и средней колоннами конвоя, на палубах транспортов выстроились их экипажи. Торговые моряки изумленно разглядывали крейсер и благодарили Всевышнего за то, что этот страшный шторм прошел стороной, не задев их. «Улисс» представлял собой незабываемое зрелище: со сломанной мачтой, без спасательных плотов, с туго надраенными шлюпталями над осиротевшими кильблоками, при свете утра он сверкал словно хрустальный. Свирепым вихрем сдуло с палубы весь снег и отполировало лед, которым был покрыт корабль, так что он стал прозрачен и гладок, точно шелк. На обеих скулах и на передней части надстройки алели огромные пятна: наштигованный песком ураганный ветер ободрал защитную окраску и обнажил загрунтованный свинцовым суриком металл.

Американское охранение было немногочисленным: тяжелый крейсер, оснащенный гидропланом-разведчиком, два эсминца и два фрегата береговой обороны.

Но этого было вполне достаточно: эскортные авианосцы, которые зачастую сопровождали атлантические конвои, не требовались, поскольку самолеты «Люфтваффе» не могли значительно удалиться от своих баз в западном направлении, а «волчьи стаи» немецких подводных лодок последнее время действовали севернее и восточнее Исландии. В результате они не только оказывались ближе к своим базам, но и могли без труда оседлать сходящиеся в один пучок пути конвоев, направляющихся в Мурманск. Транспорт, американские корабли эскорта и «Улисс» двигались на ост-норд-ост. Шли до тех пор, пока к концу дня на горизонте не замаячил похожий на ящик из-под мыла силуэт эскортного авианосца. Спустя полчаса, в 16.00, американские корабли сбавили скорость, дали задний ход и легли на обратный курс, на прощание помигав сигнальными фонарями. Моряки «Улисса» смотрели им вслед со смешанным чувством. Они понимали, что американцам нужно возвращаться, что в заливе Святого Лаврентия их ждет новый караван. Они не испытывали ни зависти, ни горечи, чего ещё несколько недель назад можно было бы ожидать от этих измученных людей, несших основное бремя войны на море. Вместо этого у них появилось беззаботное равнодушие, полуциничная бравада, зачастую граничившая со своеобразной гордостью, которую моряки «Улисса» пытались замаскировать соленой шуткой и напускнутой грубостью.

14-я эскадра авианосцев, вернее, то, что от неё осталось, находилась всего в двух милях. Поднявшись на мостик, Тиндалл начал поминать всех святых: одного авианосца и тральщика недосчитались. К Джеффрису, командиру «Стерлинга», полетела сердитая депеша: «Почему не выполнен приказ, куда подевались два корабля?» «Стерлинг» замигал сигнальным фонарем. Тиндалл молча, с угрюмым лицом выслушал Бентли, читавшего ему ответ. Выяснилось, что ночью у «Реслера» вышло из строя рулевое управление. Несмотря на близость полуострова Ланганес, шторм дал себя знать. В полночь, когда ветер повернул к северу, буря ещё больше

рассвиrepела. Хотя «Реслер» имел два винта, он почти перестал управляться. Пытаясь сохранить свое место, он оторвался и из-за отсутствия видимости сел на банку Вейле. Произошло это во время прилива, поэтому до сих пор судно не могло сняться. На рассвете эскадра направилась к месту randеву. Возле потерпевшего бедствие авианосца остался лишь тральщик «Игер».

После некоторого раздумья Тиндалл продиктовал радиogramму «Реслеру», но, не рискнув нарушить радиомолчание, распорядился задержать радиogramму и решил самолично выяснить обстановку. Ведь до «Реслера» каких-то три часа ходу. Он просигналил «Стерлингу»: «Принять командование эскадрой. Присоединюсь утром» и приказал Вэллери повернуть на Ланганес.

Вэллери невесело кивнул и отдал необходимые распоряжения. Он был донельзя расстроен и изо всех сил старался не показать этого. Менее всего Вэллери заботился о самом себе, несмотря на то, что знал (хотя никому бы не признался в этом), что он тяжело болен. Усмехнувшись, он подумал, что признаваться-то и незачем; его радовала и трогала нарочитая небрежность, с какой офицеры пытались облегчить его бремя, проявить свою заботу о командире.

Больше всего его тревожил экипаж: при такой стуже люди были не в состоянии выполнять простейшую работу, а не то что с боями вести корабль в Россию. Его огорчили невзгоды, преследовавшие эскадру с того самого дня, как корабли покинули Скапа-Флоу. Дурное предзнаменование. Вэллери не питал никаких иллюзий относительно того, какое будущее ожидает обескровленную эскадру. Ко всему его терзала мысль о судьбе Ральстона...

Ральстон, рослый матрос, был похож на своих скандинавских предков. Льяные волосы, спокойный взгляд голубых глаз. Никто его не понимал, никто особенно не дружил с ним. Всегда неулыбчивый, сдержанный, Ральстон, у которого ничего не осталось, кроме воспоминаний, один из самых надежных моряков крейсера – находчивый, решительный, знающий, не теряющийся ни при каких обстоятельствах – вновь оказался под арестом, за решеткой. По существу, безо всякой вины.

Под арестом и за решеткой – какая несправедливость, подумал Вэллери. Накануне, под предлогом ухудшения погоды, командир распорядился освободить его из карцера, рассчитывая затем замять дело. Но начальник корабельной полиции Гастингс превысил свои полномочия и во время утренней вахты вновь заключил Ральстона в карцер. По правде говоря, чины корабельной полиции никогда не отличались особой гуманностью.

Но даже среди них Гастингс составлял исключение. С виду справедливый, но, по существу, бессердечный службист, бездушный, как робот. Не будь Гастингс так осмотрителен, с ним произошло бы то же самое, что и с Листером, начальником судовой полиции «Блу Рейнджера», самым ненавистным человеком на авианосце. Никто так и не узнал, что с ним случилось. Известно лишь одно: он отправился прогуляться по взлетной палубе темной беззвездной ночью...

Вэллери вздохнул. У него связаны руки, так объяснил он и Фостеру. Фостер, рядом с которым стоял нелюдимый старший сержант Ивенс, жаловался, что его пехотинцев, которым дорога каждая минута сна, назначают в караул. Вэллери сочувствовал, но не мог отменить свое же решение... Снова вздохнув, он послал за старшим офицером и велел достать из шкиперской растительные тросы, пятидюймовый стальной буксир и разнести тросы по кормовой палубе, полагая, что вскоре все это понадобится. Приготовления оказались не напрасными.

К банке Вейле подошли в сумерках, но «Реслер» обнаружили без труда, десять минут назад получив приблизительные координаты. Хотя солнце уже зашло, приземистый силуэт авианосца выделялся на багряном фоне закатного неба, точно вырезанный из картона.

Взлетная палуба «Реслера» угрожающе наклонилась в сторону кормы, возле которой,

очевидно, стоя на якоре, находился «Игер». Море было почти спокойно, шла лишь плавная зыбь.

Посылая тонкий, как игла, луч света, на «Улиссе» застучал заслонкой сигнальный фонарь:

– Поздравляю! Насколько прочно сидите?

В ответ с мостика «Реслера» стал вспыхивать крохотный огонек. Бентли читал вслух: «Сел носовой частью на сто футов».

– Великолепно, – огорченно произнес Тиндалл. – Просто великолепно. Спросите его, как рулевое управление.

Вскоре пришел ответ:

– «Водолаз установил, что сломан баллер руля. Необходим доковый ремонт».

– Еще не легче! – простонал Тиндалл. – Доковый ремонт! Спроси, какие меры приняты?

– «Все запасы топлива и воды перекачаны в кормовые цистерны. Заведен якорь. «Игер» пытается снять нас с мели. Дайте полный назад в двенадцать ноль-ноль – двенадцать тридцать».

Тиндалл знал, что в это время прилив достигнет наивысшего уровня.

– Очень кстати, – пробормотал он. – Да нет же, это не надо передавать, – накинулся он на сигнальщика. – Просемафорь, пусть приготовятся принять буксирный трос и заведут с кормы якорь-цепь.

– «Указание понял», – прочитал Бентли.

– Спроси его: «Сколько имеется запаса топлива для эскадры?»

– «Восемьсот тонн».

– Выкачать за борт.

– «Прошу подтвердить распоряжение», – прочитал сигнальщик.

– Пусть выливает топливо к чертовой матери! – заорал Тиндалл.

Огонек сигнального фонаря на «Реслере» мигнул и тотчас обиженно померк.

В полночь «Игер» дал малый ход. Он шел впереди «Улисса», надраивая буксирный трос, заведенный с носа крейсера. Спустя две минуты «Улисс» задрожал всем корпусом: винты, приводимые в движение четырьмя могучими машинами, начали бешено вращаться, и взбаламученная вода забурлила как в котле. Цепь, поданная с кормы «Реслера», была всего пятнадцать сажен длиной, и поэтому буксир уходил вверх градусов на тридцать. Таким образом, корма авианосца должна была погрузиться. Правда, ничтожно мало, но в создавшейся обстановке даже эта малость имела значение, так как тогда бы носовая часть корабля приобрела большую плавучесть. И, что ещё важнее, поскольку винты «Реслера», лишь наполовину погруженные в воду, работали почти вхолостую, оба буксирующих корабля мощной струёй от своих винтов вымывали песок и ил из-под киля «Реслера».

За двадцать минут до полной воды «Реслер» начал плавно сползать с мели. Боцман на баке «Улисса» сразу же выбил чеку из скобы, крепившей буксирный конец, поданный с «Игера», и крейсер, развернувшись на 180 градусов, описал циркуляцию большого радиуса и оттащил авианосец, не имевший хода, восточнее мели.

К часу «Реслера» словно не бывало. Он ушел в сопровождении «Игера», готового в случае ухудшения погоды взять авианосец на буксир. Стоявший на мостике «Улисса» Тиндалл наблюдал, как исчезает во тьме «Реслер», идущий зигзагом: командир авианосца пытался управляться с помощью машин.

– Хлебнут горя, пока доберутся до Скапа-Флоу, – проворчал адмирал. Он продрог и чувствовал себя так, как должен чувствовать командующий эскадрой, потерявший три четверти всех своих авианосцев. Он тяжело вздохнул и повернулся к Вэллери:

– Как думаете, когда догоним конвой?

Вэллери стал высчитывать. Но у Капкового мальчика уже был готов ответ:

– В ноль-восемь ноль-пять, – четко отрапортовал он. – При скорости двадцать семь узлов,

если следовать рассчитанным мною курсом на соединение с кораблями.

– О, Боже! – простонал Тиндалл. – Опять этот сосунок! Навязался ты на мою голову! Дело в том, молодой человек, что нам необходимо догнать конвой до рассвета.

– Так точно, сэр. – Капковый был невозмутим. – Я тоже так полагал. Если идти другим, также предварительно рассчитанным мною курсом, при ходе тридцать три узла мы настигнем конвой за полчаса до рассвета.

– Он тоже так полагал! Уберите его от меня! – взвыл Тиндалл. – Уберите, а не то я этого проклятого штурмана с его циркулем...

Внезапно умолкнув, он с трудом слез со своего стула и взял Вэллери под руку.

– Пойдем, командир, вниз. Какого дьявола две старые развалины вроде нас с тобой будут мешать молодежи?

Вслед за Вэллери он с усталой улыбкой ушел с мостика.

Едва на «Улиссе», как обычно перед рассветом, была объявлена боевая готовность номер один, из серой мглы возникли туманные очертания кораблей конвоя. До него оставалось более мили. На правой раковине двигался «Блу Рейнджер». Не узнать его было невозможно. Шла крупная, но довольно плавная волна, с запада дул легкий бриз, температура опустилась чуть ниже нуля, на стылом небе не было видно ни облачка. Часы показывали ровно семь.

В 07.02 «Блу Рейнджер» был торпедирован. «Улисс» находился в двух кабельтовых на правой раковине авианосца. Те, кто стоял на мостике, ощутили удар воздушной волны от двух взрывов, слышали, как они разорвали тишину рассвета, и увидели, как над мостиком «Блу Рейнджера» и в кормовой его части вздыбились два огненных столба. Секунду спустя все слышали нечленораздельный вопль сигнальщика: он показывал куда-то вперед и вниз. К кораблю мчалась ещё одна торпеда. Она прошла по корме авианосца, оставляя зловещий фосфоресцирующий след, и скрылась в темных глубинах Ледовитого океана.

Вэллери прокричал команду в машинное отделение: «Улиссу», который по-прежнему мчался со скоростью двадцать узлов, чтобы избежать столкновения с потерявшим управление авианосцем, следовало круто отвернуть. Замигали три комплекта сигнальных фонарей и клотиковые лампы, передавая кораблям конвоя кодовый сигнал: «Сохранять позицию». По телефону Маршалл скомандовал старшему торпедисту подготовить глубинные бомбы к сбрасыванию. Стволы орудий уже опускались вниз, хищно вглядываясь в предательские воды. «Сиррусу» приказ не стали передавать: вздымая буруны воды, он уже мчался через строй конвоя к предполагаемому местонахождению подлодки.

«Улисс» пронесся менее чем в пятидесяти метрах от горящего авианосца. На такой скорости, при таком крене и со столь близкой дистанции картина происходящего казалась как бы смазанной. Можно было разглядеть лишь клубы густого дыма и зловещие языки пламени, выделявшегося на фоне ещё темного неба, наклоненную взлетную палубу, «грумманов» и «корсаров», скатывающихся, точно игрушечные, в океан, вздымая фонтаны ледяной воды и обдавая потрясенных жутким зрелищем людей. Развернувшись на обратный курс, «Улисс» ринулся в атаку.

Через минуту на «Вектре», шедшей впереди конвоя, замигал сигнальный фонарь: «Слышу эхо-сигнал, семьдесят градусов правого борта. Сигнал усиливается».

– Подтвердить донесение, – кратко распорядился Тиндалл.

Едва начал стучать сигнальный фонарь «Улисса», как «Вектра», прервав депешу, сообщила:

– «Эхо-сигналы. Повторяю, эхо-сигналы. Справа по траверзу, справа по траверзу. Дистанция сокращается, быстро сокращается. Повторяю, слышу эхо-сигналы».

Тиндалл негромко выругался.

– Подтвердить семафор, выяснить характер цели. – Повернувшись к Вэллери, прибавил: –

Присоединимся к «Вектре», командир. Началось. «Волчья стая» номер один, причем немалая. По какому это праву она тут появилась? – невесело пошутил он. – Хороша разведка у лордов адмиралтейства!

«Улисс» снова сделал поворот, держа курс на «Вектру». Должно было развиднеться, но из-за того, что «Блу Рейнджер» пылал гигантским факелом в той стороне горизонта, где должно было взойти солнце, все вокруг погрузилось в кромешную тьму. Авианосец, находившийся почти на траверзе «Улисса», приближался с каждой минутой. Приникнув к окулярам ночного бинокля, адмирал твердил: «Ах вы, бедняги!» Жить «Блу Рейнджеру» оставалось считанные минуты. Корабль повалился на правый борт. Одна за другой с треском рвались топливные цистерны, взрывались боеприпасы. Внезапно над морем прокатился грохот слившихся воедино нескольких взрывов – глухих и мощных. Вся средняя надстройка авианосца вместе с мостиком пошатнулась, застыла на мгновение, точно в раздумье, потом вся эта громада медленно и величественно рухнула в ледяную тьму моря. Одному Богу известно, сколько человек, оказавшись в стальной ловушке, нашли свой последний приют на дне Ледовитого океана. Это были счастливицы.

Находившаяся всего в двух милях «Вектра» круто ложилась на зюйд. Увидев её, Вэллери изменил курс, чтобы выйти ей наперехват. Бентли, находившийся в дальнем углу компасной площадки, что-то кричал. Вэллери покачал головой, но тут снова услышал настойчивый голос старшины сигнальщиков. Перегнувшись через ветровое стекло, Бентли, словно обезумев, показывал куда-то, и Вэллери тотчас ринулся к нему.

Море горело. Отягощенное сотнями тонн мазута, оно стало ровным и гладким и теперь походило на гигантский ковер, над которым плясали языки пламени. Но в следующее мгновение каперанг увидел нечто такое, что заставило его содрогнуться, как от внезапной мучительной боли: горящее море кишело людьми. Люди барахтались, отчаянно размахивали руками. Не горстка, не несколько десятков, а буквально сотни людей. Беззвучно крича, корчась в страшных муках, они умирали от противоестественного сочетания воды и пожирающего огня.

– Донесение с «Вектры», сэр, – проговорил Бентли. Голос его звучал с неестественной деловитостью. – «Сбрасываю глубинные бомбы. Слышу три, повторяю, три эхо-сигнала. Прошу срочно оказать помощь».

Теперь адмирал находился возле Вэллери. Услышав голос Бентли, он испытующе посмотрел на Вэллери, перехватил его наполненный тоской взор, прикованный к поверхности моря.

Для человека, очутившегося в воде, нефть – сущее бедствие. Она связывает его движения, жжет глаза, разрывает легкие и выворачивает наизнанку желудок, вызывая мучительные, безудержные спазмы. Но горящая нефть – это орудие дьявола, медленная, страшная смерть под пыткой. Человек захлебывается, горит, задыхается, поскольку пламя пожирает весь кислород над поверхностью моря. И даже в суровой Арктике несчастному не суждена милосердная смерть от холода, так как человек, пропитанный нефтью, защищен от переохлаждения и ему уготованы бесконечные крестные муки, длящиеся до тех пор, пока в страдальце не погаснет жизнь. Все это Вэллери сознавал.

Сознавал он также и то, что, если бы «Улисс», озаренный пламенем авианосца, застопорил ход, это для него означало бы гибель. Может, круто переложив руль, подойти к кораблю с правого борта, чтобы подобрать гибнущих в огне людей? Но тогда будут потеряны драгоценные минуты, а за это время подводные лодки успеют занять позицию для торпедной атаки транспортов. Между тем главная обязанность «Улисса» состояла в том, чтобы сбереечь конвой. Все это Вэллери понимал. Но в ту минуту он чувствовал, что обязан прежде всего оставаться человеком. Слева по носу, возле самого «Блу Рейнджера» слой мазута был особенно густ, огонь

особенно силен, а людей особенно много. Вэллери оглянулся на вахтенного офицера.

– Лево десять градусов!

– Есть лево десять.

– Прямо руль!

– Есть прямо руль.

– Так держать.

Секунд десять или пятнадцать, рассекая горящее море, «Улисс» двигался к месту, где сгрудилось сотни две людей, понуждаемых каким-то атавистическим инстинктом держаться возле корабля. Задыхаясь, корчась в страшных судорогах, они умирали в муках. На мгновение в самой гуще людей, точно вспышка магния, взвился огромный столб белого пламени, осветив жуткую картину, раскаленным железом врезавшуюся в сердца и умы людей, находившихся на мостике, – картину, которую не выдержала бы никакая фотопластинка: охваченные огнем люди – живые факелы – безумно колотили руками по воде, отмахиваясь от языков пламени, которые лизали, обжигали, обугливали одежду, волосы, кожу. Некоторые чуть не выпрыгивали из воды; изогнувшись точно натянутый лук, они походили на распятия; другие, уже мертвые, плавали бесформенными грудями в море мазута. А горстка обезумевших от страха моряков с искаженными, не похожими на человеческие лицами, завидев «Улисс» и поняв, что сейчас произойдет, в ужас бросились в сторону, ища спасения, которое в действительности обозначало ещё несколько секунд агонии, после чего смерть была бы для них избавлением.

– Право тридцать градусов!

Эту команду Вэллери произнес тихо, почти шепотом, но в потрясенной тишине, воцарившейся на мостике, слова прозвучали отчетливо.

– Есть право тридцать градусов.

Третий раз за последние десять минут «Улисс» менял курс, не снижая бешеной скорости. При циркуляции на полном ходу корма корабля не движется вслед за носовой частью, её как бы заносит в сторону, точно автомобиль на льду; и чем выше скорость хода, тем значительнее это боковое перемещение. Разворачиваясь, крейсер всем бортом врезался в самую середину пожара, в самую гущу умирающих страшной смертью людей.

Большинству из них маневр этот принес кончину – мгновенную и милосердную. Страшным ударом корпуса и силовых волн выбило из них жизнь, увлекло в пучину, в благодатное забытие, а потом выбросило на поверхность, прямо под лопасти четырех бешено вращающихся винтов...

Находившиеся на борту «Улисса» моряки, для которых смерть и уничтожение давно стали смыслом всего их существования и потому воспринимались с черствостью и циничной бравадой (иначе можно спятить), – люди эти, сжав кулаки, без конца выкрикивали бессмысленные проклятия и рыдали как малые дети. Рыдали при виде жалких обожженных лиц, исполнившихся было радостью и надеждой при виде «Улисса», которые сменялись изумлением и ужасом; несчастные вдруг поняли, что сейчас произойдет, ибо в следующее мгновение вода сомкнется у них над головой. С ненавистью глядя на «Улисс», обезумевшие люди поносили его самой страшной бранью. Воздев к небу руки, несчастные грозили побелевшими кулаками, с которых капал мазут, и тут крейсер подмял их под себя. Суровые моряки рыдали при виде двух молоденьких матросиков; увлекаемые в водоворот винтов, те подняли большой палец в знак одобрения. А один страдалец, словно только что снятый с вертела, – жизнь лишь каким-то чудом ещё теплилась в нем, – прижал обгорелую руку к черному отверстию, где некогда был рот, и послал в сторону мостика воздушный поцелуй в знак бесконечной признательности. Но больше всего, как ни странно, моряки оплакивали одного весельчака, оставшегося самим собой и в минуту кончины: подняв высоко над головой меховую шапку, он почтительно и низко поклонился и погрузил лицо в воду, встречая свою смерть.

На поверхности моря не осталось вдруг никого. До странности неподвижный воздух был пропитан зловонным запахом обугленного мяса и горящего мазута. Корма «Улисса» проносилась почти в непосредственной близости от черного навеса над средней частью авианосца, когда в борт крейсера впились несколько снарядов.

Три снаряда калибром 3,7 дюйма прилетели с «Блу Рейнджера». Разумеется, никого из комендоров на борту авианосца не осталось в живых; должно быть, от жары взорвались капсулы боезарядов. Ударив в броню, первый снаряд взорвался, не причинив вреда; второй разнес в щепы шкиперскую, там, к счастью, никого не оказалось; третий, пробив палубу, проник в низкочастотное помещение номер три. Там сгрудилось девять человек: офицер, семь рядовых и помощник старшего торпедиста Нойес. Смерть их была мгновенной.

Несколько секунд спустя оглушительным, мощным взрывом вырвало огромную дыру у ватерлиния «Блу Рейнджера». Корабль медленно, устало повалился на правый борт, взлетная палуба встала вертикально. Казалось, авианосец умирал, удовлетворенный тем, что успел перед смертью отомстить кораблю, погубившему его экипаж.

Вэллери по-прежнему стоял на сигнальном мостике, перегнувшись через исцарапанное, ставшее матовым ветрозащитное стекло. Голова безжизненно повисла, глаза закрыты. Его рвало кровавой рвотой. Кровь отливала зловещим багрянцем в рубиновом зареве гибнущего авианосца. С беспомощным видом, не зная, что предпринять, рядом стоял Тиндалл. Больной мозг его словно оцепенел. Внезапно кто-то бесцеремонно отпихнул адмирала в сторону. Это был Брукс. Прижав белое полотенце ко рту Вэллери, он осторожно повел командира вниз. Все знали, согласно боевому расписанию, старому врачу следовало находиться в лазарете, но никто не посмел что-либо возразить.

В ожидании Тэрнера, находившегося на запасном командном пункте, Кэррингтон повернул «Улисс» на курс сближения с конвоем. Через три минуты крейсер догнал «Вектру», которая методически обшаривала море в поисках притаившейся субмарины. Обнаружив гидролокатором лодку, оба корабля дважды сбрасывали серии мощных бомб. На поверхность всплыло огромное жирное пятно нефти. Возможно, то было попадание, а возможно, лишь уловка врага. В любом случае кораблям некогда было продолжать поиск. Конвой находился в двух милях под охраной лишь «Стерлинга» и «Викинга», для того чтобы защитить суда от массивного удара вражеских субмарин.

Не кто иной, как «Блу Рейнджер», выручил конвой Эф-Ар-77. В здешних высоких широтах рассвет наступает бесконечно медленно, но к этому времени стало достаточно светло, и транспорты, которые шли, плавно покачиваясь на мертвой зыби, четко выделялись на безоблачном горизонте. О такой цели командир любой подлодки мог лишь мечтать. Однако конвой был целиком закрыт от «волчьей стаи», находившейся южнее: легкий западный ветер относил густой черный дым, поднимавшийся над горящим авианосцем и стлавшийся над морем, образуя плотную, непроницаемую завесу, которая закрывала южный фланг конвоя. Почему лодки изменили своей обычной тактике утренних атак с северной части горизонта с тем, чтобы цель оказалась против восхода, объяснить трудно. Возможно, то был маневр. Как бы то ни было, именно это обстоятельство спасло конвой. А час спустя транспорты конвоя, подталкиваемые мощными ударами винтов, ушли далеко, оставив «волчью стаю» позади.

Скорость конвоя была настолько велика, что, однажды выпустив добычу из лап, «волчья стая» уже не могла настигнуть её.

Передатчик флагманского корабля выстукивал зашифрованную радиограмму в Лондон. Теперь нет смысла сохранять радиомолчание, решил Тиндалл: враг знал координаты конвоя с точностью до мили. Он мрачно усмехнулся, представив ликование командования германского флота при известии, что конвой Эф-Ар-77 остался без всякой авиационной поддержки. Видно,

не позднее чем через час пожалует в гости «Чарли».

В депеше сообщалось следующее: «От командующего 14-й эскадрой авианосцев начальнику штаба флота, Лондон. Встретил конвой Эф-Ар-77 вчера в 10.30. Погода крайне неблагоприятна. Тяжелые повреждения получили авианосцы «Дефендер», «Реслер». Оба возвращаются на базу в сопровождении охранения. «Блу Рейнджер» торпедирован сегодня в 07.02, затонул в 07.30. В составе эскорта остались «Улисс», «Стерлинг», «Сиррус», «Вектра», «Викинг». Тральщиков не имею. «Игер» возвращается на базу, тральщик из Хвальфьорда не пришел к месту randevu. Срочно необходима авиационная поддержка. Прошу отрядить боевую эскадру авианосцев. При невозможности выслать эскадру прошу разрешения вернуться на базу. Прошу ответить немедленно».

Текст можно было бы составить и в более удачных выражениях, размышлял Тиндалл. Особенно конец депеши. Звучит точно угроза. Она, похоже, способна взбесить старину Старра, который в своем малодушии усмотрит в последних фразах лишнее доказательство того, что «Улисс» – как и сам Тиндалл – ни на что не пригоден... Кроме того, вот уже два года – это началось до того, как «Худ» был потоплен «Бисмарком», – политика адмиралтейства состояла в том, чтобы сохранять целостность флота метрополии и не отряжать отдельные боевые единицы – линейные корабли или авианосцы. Для участия в современных морских операциях старые линкоры были слишком тихоходны, а такие корабли, как «Рэмилиес» или «Малайя», использовались лишь для сопровождения наиболее важных атлантических конвоев. Лишь эти корабли составляли исключение. Официальная же стратегия, по существу, сводилась к тому, чтобы беречь флот метрополии и подвергать риску конвои. В последний раз окинув взглядом караван судов, Тиндалл со вздохом спустился на палубу. «Да ну их к дьяволу, – подумал он, – сойдет и так». Если он понапрасну старался, составляя депешу, пусть и Старр, читая её, потеряет не меньше времени. Тяжело переваливаясь, он сошел по трапу с мостика и с трудом протиснулся в дверь каюты командира корабля, находившейся рядом с авиационным командным пунктом. Вэллери, наполовину одетый, лежал на койке, закрытый ослепительно белыми, безукоризненно чистыми простынями. Их отглаженные, острые, точно лезвие ножа, складки казались донельзя неуместными по белоснежной ткани расплывалось зловещее алое пятно. Мертвенно-бледный, с впалыми щеками, заросшими темной щетиной, и красными, глубоко ввалившимися глазами, Вэллери походил на покойника. Из уголка рта по пергаментной коже текла струйка крови. Когда Тиндалл открыл дверь, Вэллери в знак приветствия с усилием поднял иссохшую, в синих венах, руку.

Тиндалл тихо, осторожно затворил дверь. Он выждал некоторое время, вернее, много времени, с избытком, чтобы с лица его успело исчезнуть выражение ужаса. Когда он обернулся, лицо его было спокойно, но он даже не пытался скрыть свою озабоченность.

– Слава Богу, что рядом оказался старина Сократ, – проговорил он взволнованно. – На всем корабле лишь он один может хоть сколько-нибудь вразумить тебя.

Он уселся на край постели.

– Как твое состояние, Дик?

Вэллери криво усмехнулся.

– Все зависит от того, какое состояние вы имеете в виду, сэр. Физическое или душевное? Чувствую себя несколько поизношенным, но отнюдь не больным. Док говорит, что сумеет поставить меня на ноги. Во всяком случае, на время. Собирается сделать мне переливание плазмы. Говорит, я потерял много крови.

– Переливание плазмы?

– Да, кровь была бы лучшим коагулятором, вообще-то говоря. Но, по его мнению, плазма, возможно, предотвратит или же ослабит новые приступы.

Помолчав, он стер пену с губ и опять улыбнулся, так же печально, как и в первый раз.

– Не доктор мне нужен и не медицина, Джон. Нужен священник и прощение Всевышнего – голос его стал едва слышен. В каюте наступила глубокая тишина. Тиндалл заерзал и громко откашлялся.

– Какое ещё прощение? Что ты имеешь в виду?

Слова помимо его воли прозвучали слишком громко и резко.

– Вы прекрасно знаете, что я имею в виду, – кротко проговорил Вэллери. – Вы же утром стояли рядом со мной на мостике.

Минуты две оба не произносили ни слова. Потом Вэллери снова закашлялся. Полотенце у него в руках потемнело, и, когда он откинулся на подушку, Тинаалла кольнул страх. Он поспешно наклонился к больному, но, услышав частое, неглубокое дыхание, облегченно вытер лоб.

Вэллери снова заговорил. Глаза его были по-прежнему закрыты.

– Дело не столько в тех людях, которые погибли в отделении слаботочных агрегатов, – казалось, он разговаривал сам с собой, вполголоса, почти шепотом. – Моя вина, пожалуй, в том, что я слишком близко подошел к «Рейнджеру». Глупо приближаться к тонущему кораблю, особенно если он горит. Что делать бывает, идешь на риск...

Остальные слова слились в неразборчивый шепот. Конца фразы Тиндалл не расслышал.

Адмирал резко поднялся и стал натягивать перчатки

– Извини, Дик. Не надо было мне приходиться и оставаться так долго. Старый Сократ задаст мне теперь взбучку.

– Я о других парнях, которые плавали в воде, – продолжал Вэллери, словно не слыша адмирала. – Я не имел права. Может быть, кого-нибудь из них...

Голос Вэллери снова затих на мгновение, но потом старый моряк четко проговорил:

– Капитан первого ранга, кавалер ордена «За боевые заслуги» Ричард Вэллери – судья, присяжный и палач. Скажите мне, Джон, что мне ответить, когда придет мой черед предстать перед судом Всевышнего?

Тиндалл растерянно молчал, но тут послышался настойчивый стук в дверь, контр-адмирал резко обернулся и, благодаря Провидение, едва слышно глубоко вздохнул.

– Войдите, – проговорил он.

Дверь распахнулась, вошел Брукс. При виде адмирала он замер и повернулся к стоявшей за ним белой фигуре, нагруженной бутылками, колбами и какими-то приборами.

– Подождите, пожалуйста, за дверью, Джонсон, – обратился он к санитару. – Я позову вас, когда понадобится.

Закрыв дверь, он пододвинул себе стул и сел возле койки командира. Нащупывая пульс больного, Брукс пристально посмотрел на Тиндалла. Он вспомнил слова Николлса, который говорил, что адмирал не слишком здоров. У Тиндалла и в самом деле был усталый вид, вернее, не столько усталый, сколько несчастный... Пульс у Вэллери был частый, неправильный.

– Вы чем-то расстроили его, – укорил его Брукс.

– Я? Да что вы, док! – уязвленно произнес Тиндалл. – Ей-Богу, я не сказал ни слова...

– Он тут ни при чем, доктор. – Это говорил Вэллери. Голос его был тверд. – Он и слова не вымолвил. Виноват я. Ужасно виноват.

Брукс долгим взглядом посмотрел на Вэллери. Потом улыбнулся – понимающе, с состраданием.

– И вам нужно прощение грехов, сэр. Все дело только в этом, так ведь?

Тиндалл вздрогнул от неожиданности и изумленно уставился на старого доктора.

Вэллери раскрыл глаза.

– Сократ! – проронил он. – Как ты догадался?

– Прощение... – задумчиво повторил Брукс. – Прощение. А чье прощение? Живых, мертвых или прощение Всевышнего?

Тиндалл вздрогнул опять.

– Вы что? Подслушивали под дверью? Да как вы смели?..

– Прощение их всех, док. Боюсь, задача не из легких.

– Да, вы правы, сэр. Мертвым вас нечего прощать. Вы заслужили одну лишь их признательность. Не забывайте, я врач... Я видел этих парней, которые плавали в море. Вы положили конец их страданиям. Что же касается Всевышнего... В писании сказано: «Господь дал, Господь взял. Да святится имя Его». Таково ветхозаветное представление о Господе, который берет, когда ему вздумается, и к дьяволу всякое милосердие и великодушие!

Брукс с улыбкой взглянул на Тиндалла.

– Не смотрите на меня с таким ужасом, сэр. Я вовсе не богохульствую. Если бы Всевышний оказался таков, кэптен, то ни вам, ни мне да и адмиралу тоже он был бы ни к чему. Но вы знаете, что это не так...

Вэллери слабо улыбнулся и приподнялся на подушке.

– Вы сами по себе превосходное лекарство, доктор. Жаль, что вы не можете говорить от имени живых.

– Нет, почему же? – Брукс шлепнул себя по ляжке и, что-то вдруг вспомнив, заразительно захохотал. – Нет, это было великолепно!

Он снова от души рассмеялся. Тиндалл с деланным отчаянием посмотрел на Вэллери.

– Простите меня, – заговорил наконец Брукс. – Минут пятнадцать назад несколько сердобольных кочегаров приволокли в лазарет неподвижное тело одного из своих сотоварищей, находившегося без сознания. Догадываетесь, чье это было тело? Корабельного смутьяна, нашего старого знакомца Райли. Небольшое сотрясение мозга и несколько ссадин на физиономии, но к ночи его нужно водворить назад в кубрик. Во всяком случае, он на этом настаивает. Говорит, что он нужен его котяткам.

Вэллери, повеселев, прислушался.

– Опять упал с трапа в котельном отделении?

– Именно такой вопрос задал и я. Хотя, судя по его виду, он, скорее, угодил в бетономешалку. «Что вы, сэр! – ответил мне один из принесших его. – Он о корабельного кота споткнулся». А я ему: «О кота? Какого такого кота?» Тут он поворачивается к своему дружку и говорит «Разве у нас нет на корабле кота, Нобби?» А упомянутый Нобби смотрит на него этак жалостливо и отвечает: «Поднапутал он, сэр. Дело было так. Бедняга Райли нализался в стельку, а потом возьми да и упади. Он хоть не очень расшибся, а?» Голос у матросика был довольно озабоченный.

– А что произошло на самом деле? – поинтересовался Тиндалл.

– Сам я так ничего и не добился от них. А Николлс отвел кочегаров в сторонку, пообещал, что им ничего не будет, они тотчас же все и выложили. По-видимому, Райли усмотрел в утреннем происшествии превосходный повод к новому подстрекательству. Поносил вас всячески, называл зверем, кровопийцей и, прошу прощения, непочтительно отзывался о ваших близких. Все это он говорил в присутствии своих дружков, где чувствовал себя в безопасности. И эти самые дружки его до полусмерти избили... Знаете, сэр, я вам завидую...

Тут Брукс поднялся,

– А теперь попрошу засучить рукав... Проклятье!

– Войдите, – ответил на стук Тиндалл. – Ага, это мне, Крайслер. Спасибо.

Он взглянул на Вэллери.

– Из Лондона. Ответ на мою депешу.

Он повертел пакет в руках.

– Все равно когда-нибудь придется распечатывать, – произнес он недовольно.

Брукс приподнялся со словами:

– Мне выйти?

– Нет, нет. К чему? К тому же это весточка от нашего общего друга адмирала Старра.

Уверен, вам не терпится узнать, что же он такое пишет, не так ли?

– Отнюдь, – резко ответил Брукс. – Ничего хорошего он не сообщит, насколько я его знаю.

Вскрыв пакет, Тиндалл разглядел листок.

– «От начальника штаба флота командующему 14-й эскадрой авианосцев, – медленно читал Тиндалл. – Согласно донесениям, „Тирпиц“ намеревается выйти в море. Выслать авианосцы нет возможности. Конвой Эф-Ар-77 имеет важнейшее значение. Следуйте в Мурманск полным ходом. Счастливого плавания. Старр».

Тиндалл помолчал. Брезгливо скривив рот, повторил:

– «Счастливого плавания». Уж от этого-то он мог бы нас избавить!

Все трое долго, не произнеся ни слова, глядели друг на друга. Первым, кто нарушил тишину, был, разумеется, Брукс.

– Кстати, ещё раз насчет прощения, – проговорил он спокойно. – Кто, хочу я знать, на земле, под землей или в небесах сможет когда-нибудь простить этого мстительного старого подонка?

Глава 8

В ЧЕТВЕРГ НОЧЬЮ

За полдень перевалило совсем недавно, но, когда «Улисс» стал сбавлять ход, над морем уже начинали сгущаться серые арктические сумерки. Ветер стих, снова повалил густой снег, а видимость не превышала и кабельтова. По-прежнему царила лютая стужа.

Группками по три, четыре человека офицеры и матросы шли на ют. Измученные, продрогшие до костей, погруженные в невеселые думы, они молчаливо шаркали подошвами, сбивая носками башмаков пушистые комочки снега. Придя на корму, беззвучно вставали позади командира или выстраивались в шеренги по правому борту, где симметричным полукругом были подвешены заснеженные койки...

Рядом с командиром корабля находились три офицера: Карслейк, Итертон и Брукс. Карслейк стоял возле леерного ограждения. Нижняя часть лица у него до самых глаз была забинтована. За последние сутки он уже дважды обращался к командиру, умоляя того отменить свое решение списать его с корабля. В первый раз Вэллери был непреклонен и презрителен; последний раз (это случилось десять минут назад) командир был холоден и резок и даже пригрозил Карслейку арестом, если тот вздумает впредь досаждать ему. Карслейк тупо уставился в одну точку, вперив в наполненный снегом сумрак невидящий, тяжелый взгляд потемневших от ненависти водянистых глаз.

Итертон стоял слева, позади командира. Крепко сжатые, побелевшие губы его судорожно дергались, на скулах ходили желваки; неподвижны были лишь глаза, прикованные каким-то болезненным любопытством к бесформенной груди, лежавшей у его ног. У Брукса рот был тоже крепко сжат; но на этом сходство между ними заканчивалось. Побагровев, гневно сверкая голубыми глазами, он кипел, как может только кипеть врач при виде тяжелобольного, открыто пренебрегающего его предписаниями. Резким тоном, забыв о всякой субординации, Брукс заявил Вэллери, что тот, черт бы его побрал, не имеет, так сказать, никакого права находиться здесь, что, поднявшись с постели, он ведет себя, как безмозглый осел. Вэллери возразил: необходимо совершить погребальный обряд, и поскольку этого не может сделать корабельный священник, то такая обязанность возлагается на командира корабля. Священник действительно не смог выполнить своих обязанностей в тот день, потому что его бездыханное тело лежало у ног командира. У его ног и у ног человека, послужившего причиной его смерти.

Священник скончался четыре часа назад, сразу после того, как улетел «Чарли». Тиндалл ошибся в своих расчетах. «Чарли» не прилетел через час. Он прилетел чуть ли не в полдень, но зато в сопровождении трех себе подобных самолетов-разведчиков. Огромное расстояние отделяло их от норвежского побережья до десятого градуса западной долготы, точки, где находился «Улисс». Но такая даль была нипочем этим гигантским машинам типа «Фоккевульф-200», которые изо дня в день, от зари до зари летали по гигантскому полукружью от Трондхейма до оккупированной Франции, огибая при этом с запада Британские острова.

Появляясь стаяй, «кондоры» всегда предвещали что-то недоброе. Не были исключением и эти незваные гости. Они пролетели над самым конвоем, зайдя с кормы, но заградительный огонь зенитной артиллерии транспортов и кораблей охранения был настолько плотен, что бомбежка была произведена ими с заметным отсутствием энтузиазма: «кондоры» бомбили с высоты двух тысяч метров. В чистом, морозном утреннем небе бомбы были видны чуть ли не с момента открытия бомбовых люков, и времени, чтобы уклониться от них, хватило с лихвой. Почти сразу же после этого «кондоры» отвернули и ушли на восток, хотя и удивленные теплом

оказанного им приема, но целые и невредимые.

В данных обстоятельствах налет не сулил ничего хорошего. Осмотрительный «Чарли» обычно занимался воздушной разведкой, но в тех редких случаях, когда совершал нападение, делал это смело и решительно. Последний же налет был осуществлен неуверенно, тактика нападающих была до очевидности беспомощной. Возможно, конечно, это были недавно пришедшие в «Люфтваффе» новички, отличавшиеся робостью, – которой не было и в помине у их предшественников. Возможно также, им было строго-настрого запрещено рисковать дорогостоящими самолетами. Но, вероятнее всего, их безуспешное нападение представляло собой отвлекающий маневр, а основная опасность заключалась в чем-то ином. Визуальное наблюдение за морем и гидроакустическое наблюдение были усилены.

Прошло пять, десять, пятнадцать минут, но ничего не происходило. Ни радиометристы, ни гидроакустики по-прежнему ничего не могли обнаружить. В конце концов Тиндалл решил, что незачем держать измученных людей на боевых постах, и приказал дать отбой боевой тревоги.

Взамен была объявлена обычная походная готовность. Все работы по утренней приборке были отменены, и почти все подвахтенные – офицеры и матросы – прилегли, чтобы соснуть. Но некоторые бодрствовали. Брукс и Николлс занялись пациентами, Карпентер вернулся в штурманскую рубку, Маршалл и Питерс, артиллерийский офицер, возобновили прерванный тревогой обход огневых точек, Итертон нервничал и, ещё не придя в себя после столкновения между Карслейком и Ральстоном, в котором была и его доля вины, лез из кожи вон, чтобы её искупить. Съездившись от холода, он пристально наблюдал за морем из центра управления огнем.

Маршалл и Питерс, разговаривавшие со старшим электриком, в чьем заведовании находилась электротехническая мастерская №2, услышали доносившийся с палубы настойчивый крик. Мастерская находилась перед кают-компанией в левой части прохода, огибавшего с кормы основание второй башни. В два прыжка оба выскочили из мастерской. Открыв дверь с проволочной сеткой, очутились на палубе и, перегнувшись через борт, сквозь снегопад стали смотреть вниз, куда возбужденно показывал морской пехотинец. Маршалл сразу же узнал его; это был Чартерно, единственный рядовой на корабле, которого знали в лицо все офицеры; во время стоянок в порту он выполнял обязанности бармена.

– В чем дело, Чартерно? – спросил он. – Что ты там увидел? Да живее же!

– Вон там, сэр, подводная лодка!

– Что? Что такое? Подводная лодка?

Поглядев искоса, Маршалл увидел преподобного Уинтропа, корабельного священника, который протискивался между ним и Чартерисом.

– Где? Где она? Покажите её мне! Да покажите же!

– Прямо по носу, преподобный отец. Теперь я её вижу. Правда, смахивает она, скорее, на любого дьявола, чем на субмарину. Прошу меня простить, преподобный отец, – поспешно прибавил Маршалл. Заметив в глазах священника воинственный, отнюдь не христианский блеск, он подавил смешок и принялся рассматривать странный приземистый предмет, который находился теперь почти на траверзе корабля.

Беспокойные, внимательные глаза Итертона, сидевшего в командно-дальномерном посту, заметили этот предмет ещё раньше Чартериса. Он тоже принял его за немецкую подводную лодку, всплывшую во время пурги, и счел, что это – результат визита «кондоров». Мысль о том, что радаром или гидролокатором давно бы обнаружили её, даже не пришла ему в голову. Нельзя терять ни минуты, пока она не скрылась. Недолго думая он схватил трубку телефона, соединенного с носовой батареей универсальных пушек.

– На батарее! Говорит командно-дальномерный пост, – настойчиво прокричал он. –

Подводная лодка! Шестьдесят градусов левого борта. Дистанция сто ярдов, цель перемещается к корме. Повторяю, шестьдесят левого борта. Видите цель?.. Отставить шестьдесят; семьдесят левого борта, – кричал он что есть мочи. – Так, хорошо. Следите за целью.

– Цель на прицеле, сэр! – ответил ему в ухо телефон.

– Открыть беглый огонь!

– Сэр, но Кингстона нет. Он пошел...

– Отставить Кингстона! – завопил свирепо Итертон. Он знал, что Кингстон был командиром батареи. – Огонь, идиоты, сию же минуту! Беру ответственность на себя.

Швырнув трубку на место, он кинулся к наблюдательной щели. И вдруг до его сознания дошло... Мозг его точно-током пронизало, и он стремглав бросился к телефону.

– Отставить стрельбу! Не стрелять! – дико вопил он. – Не стрелять! О Боже мой! Боже мой!

В телефонной трубке послышалось сердитое стаккато сорокадвухмиллиметровых орудий. Выпав из его руки, трубка вдребезги разбилась о переборку. Было слишком поздно.

Было слишком поздно, потому что он совершил страшную ошибку: забыл распорядиться, чтобы сняли дульные пробки – крышки, которыми закрывают жерла пушек, когда орудия находятся в походном положении. А взрыватели у снарядов были контактного действия.

Первый снаряд взорвался в стволе, убив наповал наводчика и серьезно ранив телефониста. Три других, пробив тонкие стальные крышки, взорвались почти сразу один за другим на расстоянии каких-то нескольких футов от четверых человек, стоявших на полубаке.

Удивительное дело: разлетевшиеся с визгом в стороны стальные осколки не задели ни одного из них. Раскаленный металлический дождь обрушился в море. Но взрывная волна ударила назад, а взрыв даже нескольких фунтов взрывчатки, происшедший на расстоянии вытянутой руки, смертелен. Священник умер мгновенно. Питерс и Чартерис скончались спустя несколько секунд. Причина их смерти была одна – компрессивный перелом шейных позвонков. Взрывом, словно рукой гиганта, их сшибло с ног и швырнуло затылками о перегородку с такой силой, что их головы превратились в месиво. Белая палуба потемнела от крови, но её тут же замело снегом.

Маршаллу же невероятно повезло. Взрыв – впоследствии он рассказывал, что ему показалось, будто его ударило поршнем мощного авиационного двигателя, – бросил его в проем открытой двери позади него, при этом с башмаков, которыми он задел о комингс двери, у него сорвало каблуки. Сделав в воздухе сальто, он шлепнулся о палубу и, проехавшись по ней, ударился с размаху о вентиляционную шахту второй башни, задев спиной большие барашки, крепившие болты люка для осмотра. Стой он хотя бы на фут правее или левее, будь его ноги дюйма на два длиннее, ударься он о башню хоть на волосок выше или ниже, песенка лейтенанта Маршалла была бы спета. Но на роду у него было написано уцелеть в этот раз. И теперь Маршалл сидел в лазарете, весь забинтованный, с переломанными ребрами, отчего трудно было дышать, но в остальном, можно сказать, целый и невредимый.

А перевернувшаяся шлюпка, немой свидетель некогда разыгравшейся в этих широтах трагедии, уже давно исчезла в белесом полумраке.

Негромкий, хрипловатый голос командира корабля умолк. Закрыв молитвенник, Вэллери отступил назад. Над кораблем печально прозвучал горн, эхо которого тотчас умолкло, заглушенное снежной пеленой. Моряки застыли в молчании. Возле приспущенного британского флага лежало тринадцать тел, зашитых в парусину, с грузом, привязанным к ногам. Соскользнув одно за другим по доске, они с глухим всплеском исчезли в пучине Ледовитого океана. Несколько долгих секунд моряки стояли не шевелясь. Печальный ритуал погребения словно загипнотизировал усталых людей, позабывших про стужу и снегопад. Итертон, простонав, рухнул, словно сноп, на палубу, но даже это не вывело людей из оцепенения. Одни не замечали

жалкой фигуры, распростертой на снегу, другие смотрели на него равнодушным взглядом. Николлсу пришла в голову абсурдная мысль: ему вдруг показалось, что люди эти будут стоять целую вечность – до тех пор, пока не застынет мозг, кровь не свернется в жилах, а сами они не превратятся в ледяные глыбы. Внезапно нарушив гробовую тишину, раздался пронзительный сигнал боевой тревоги, разрезающий сгущающиеся сумерки.

Чтобы добраться до мостика, Вэллери понадобилось целых три минуты. Он часто отдыхал, останавливаясь на каждой третьей или четвертой ступеньке четырех трапов, ведущих наверх, и все равно восхождение это отняло у него последние силы. Бруксу пришлось тащить его на мостик чуть ли не на руках. Вэллери схватился за нактоуз; обтирая покрытые пеной губы, он тяжело дышал; но глаза его смотрели зорко и внимательно, привычно вглядываясь в снежную круговерть.

– Обнаружена цель. Цель приближается. Курс постоянный, идет на сближение, скорость без изменения.

Голос в динамике звучал приглушенно, бесстрастно, но четкая, спокойная интонация выдавала лейтенанта Боудена.

– Хорошо, отлично! Мы его ещё поводим за нос! – Тиндалл повернулся к командиру. Его усталое, словно измятое лицо сияло от радости. Перспектива боя всегда воодушевляла Тиндалла. – Какая-то посуда движется сюда с зюйд-зюйд-веста, командир. Господи Боже, что это с вами? – воскликнул он, пораженный видом Вэллери. – Брукс! В чем дело, черт побери?

– Попробуйте сами с ним поговорить, – свирепо прорычал Брукс и, хлопнув дверью, стал неуклюже спускаться с мостика.

– Что с ним такое? – спросил Тиндалл, ни к кому не обращаясь. – Неужели я опять в чем-нибудь виноват, будь я проклят?

– Да нет же, сэр, – успокоил его Вэллери. – Я сам во всем виноват. Не послушался доктора, и вот результат. Вы что-то сказали?

– Ах, да. Боюсь, начинается заваруха, командир.

Вэллери улыбнулся про себя, увидев, как краска удовлетворения, радостного предвкушения битвы прихлынула к щекам адмирала.

– Радарной установкой обнаружен надводный корабль. Крупнотоннажный, быстроходный, похоже, идет на сближение.

– Разумеется, это не наш корабль? – проговорил вполголоса Вэллери. Потом он неожиданно вскинул голову. – Неужели же это...

– «Тирпиц»? – закончил за него Тиндалл. Потом, решительно мотнув головой, прибавил: – Я тоже сначала так подумал. Но этого не может быть. Точно насадка со своих цыплят, адмиралтейство и командование ВВС глаз с него не спускают. Пошевелинься он, нас бы давно известили... Возможно, это какой-то тяжелый крейсер.

– Цель приближается. Курс прежний. – Голос Боудена звучал четко и уверенно, казалось, что это говорит спортивный комментатор. – Скорость около двадцати четырех узлов. Повторяю, скорость двадцать четыре узла.

Едва умолк Боуден, как ожил динамик радиорубки.

– На мостике! На мостике! Докладывает радиорубка. Деша со «Стерлинга» адмиралу: «Приказ понял. Выполняю маневр».

– Превосходно, превосходно! Это от Джеффериса, – объяснил Тиндалл. – Я дал ему по радио указание, чтобы конвой повернул на норд-норд-вест. Тогда наш новоявленный друг проскочит мимо конвоя.

Вэллери кивнул.

– Далеко ли находится от вас конвой?

– Штурман! – крикнул Тиндалл и выжидательно откинулся на спинку кресла.

– В шести, шести с половиной милях. – Лицо Капкового мальчика было бесстрастно.

– Сдавать начал наш штурман, – с деланно сокрушенным видом произнес Тиндалл. – Видно, сказывается напряжение. Дня два назад он сообщил бы нам дистанцию с точностью до ярда. Шесть миль, командир, – это достаточно далеко. Ему не обнаружить конвой. По словам Боудена, он нас ещё не обнаружил, а то, что идет курсом перехвата, вероятно, случайность. Насколько я понимаю, лейтенант Боуден невысокого мнения о возможностях немецких радарных установок.

– Я знаю. Надеюсь, он прав. Впервые этот вопрос перестал носить чисто академический характер. – Приложив к глазам бинокль, Вэллери смотрел на юг, но видел лишь море да редующую пелену снега. – Во всяком случае, хорошо, что мы успели.

Тиндалл изумленно поднял кустистые брови.

– Странное дело, сэр, – помолчав, продолжал Вэллери. – Там, на корме, в воздухе чувствовалось нечто таинственное, зловещее. Мне стало что-то не по себе. Чувство, которое я испытывал, походило на ужас. Снег, гробовая тишина, мертвецы – тринадцать мертвецов... Могу представить, каково было матросам, что они думали об Итертоне, о случившемся. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не...

– Дистанция пять миль, – прервал его голос из динамика. – Повторяю, до цели пять миль. Курс и скорость постоянные.

– Пять миль, – облегченно вздохнул Тиндалл, не любивший мудрствования. – Пора подразнить его, командир. По расчетам Боудена, мы скоро окажемся в зоне действия его радара. Пожалуй, нужно повернуть на чистый ост. Со стороны это будет выглядеть так, словно мы прикрываем с тыла конвой, направляющийся к Нордкапу.

– Право десять градусов, – скомандовал Вэллери. Плавнов выполнив поворот, крейсер лег на новый курс. Обороты машин были уменьшены, и теперь ход «Улисса» не превышал двадцати шести узлов.

Прошла одна минута, пять. Снова взревел динамик.

– На мостике! Докладывает радиометрист. Дистанция не изменяется, цель ложится на курс перехвата.

– Превосходно! Великолепно! – Адмирал чуть не мурлыкал от удовольствия. – Мы его провели, господа. Он проскочил мимо конвоя... Открыть огонь! Наводить по радару!

Вэллери протянул руку к телефону, связанному с центральным постом управления огнем.

– Центральный? Ах, это вы, Кортни?.. Хорошо, отлично... Что ж, действуйте.

Вэллери положил трубку и посмотрел на Тиндалла.

– Догадлив как бес этот юноша. Следит за целью уже десять минут. Обе кормовые башни изготовлены к бою. Стоит лишь нажать кнопку.

– Ничем не уступит нашему приятелю, – Тиндалл кивнул головой в сторону штурмана. Потом изумленно взглянул на командира корабля. – Кортни? Вы сказали, Кортни? А где же артиллерийский офицер?

– У себя в каюте, насколько мне известно. На юте он упал в обморок. Он совершенно не в состоянии выполнять свои обязанности...

– Не дай Бог никому оказаться на его месте. Могу себе представить...

В эту минуту «Улисс» вздрогнул всем корпусом. Прозвучав ударом огромного бича, грохот третьей башни заглушил слова Вэллери, и снаряды калибра пять с четвертью дюйма с визгом помчались в сумерки. Несколько секунд спустя корабль снова вздрогнул: огонь открыла и четвертая башня. После этого пушки стали бить поочередно, стреляя одиночными выстрелами через каждые полминуты. Бессмысленно было расходовать боеприпасы, не видя падения

снарядов и не имея возможности корректировать огонь, но для того, чтобы досадить врагу и отвлечь его внимание на себя, этого было достаточно.

Снег поредел, снежная пелена теперь не закрывала горизонт, а словно бы набрасывала на него легкую вуаль. Небо на западе, расчистившись от облаков, осветилось лучами заходящего солнца. Вэллери отдал приказание четвертой башне прекратить огонь и зарядить орудия осветительными снарядами.

Неожиданно снегопад прекратился, и глазам наблюдателей предстал расплывчатый силуэт – огромный и грозный. В брызгах, взлетающих из-под форштевня вражеского корабля, сверкало зарево заката.

– Право тридцать! – резко скомандовал Вэллери. – Полный вперед. Поставить дымзавесу.

Тиндалл одобрительно кивнул. В его планы отнюдь не входило ввязываться в драку с немецким тяжелым крейсером, а то и карманным линкором... особенно на такой близкой дистанции – каких-то четыре мили.

С полдюжины биноклей сверкнуло на мостике, пытаясь опознать корабль противника. Но силуэт корабля, обращенного диаметральной плоскостью к «Улиссу», на фоне багрового неба оказался как бы смазанным. Классифицировать его было трудно. Внезапно из самой середины силуэта вырвался столб пламени; одновременно в небе вспыхнул осветительный снаряд, заливая беспощадно ярким белым светом вражеский корабль, неожиданно ставший голым и беззащитным.

Но беззащитность эта была лишь кажущейся. Заслышав вой снарядов, которые, просвистев над их головами, тяжело плюхнулись в море, впереди по курсу крейсера, все, кто находился на мостике, инстинктивно пригнулись. Все, но только не Капковий мальчик.

– Крейсер класса «Хиппер», сэр, – определил он, искоса взглянув на адмирала, который медленно выпрямлялся в эту минуту. – Водоизмещение десять тысяч тонн, главный калибр – восемь дюймов, имеет на борту авиацию.

Тиндалл долгим, подозрительным взглядом посмотрел на серьезное, без тени улыбки, лицо штурмана, но не нашелся, что ответить, чтобы сокрушить этого всезнайку. Башни немецкого крейсера изрыгнули клубы дыма.

– Тысяча чертей! – воскликнул Тиндалл. – Фрицы времени не теряют. И метко стреляют, будь они прокляты! – прибавил он с восхищением, заметив, что снаряды с шипением упали в кильватерную струю «Улисса», всего в полутора футах от его кормы. – С двух залпов взяли нас в вилку. А третьим накроют.

«Улисс» все ещё катился вправо, из задней трубы его валил черный дым. Вэллери выпрямился, схватил бинокль. Над правым шкафутом вражеского крейсера, перед самым мостиком, поднимались густые клубы дыма.

«Улисс», шедший почти точно на юг, пропал из виду вражеского крейсера. Возле самой кормы его в море упало несколько снарядов, один из них взорвался, вздыбив огромный столб воды.

Было очевидно, что попадание во вражеский крейсер ничуть не ослабило его огневую мощь: следующий залп упал с недолетом в кабельтов. Теперь немец стрелял вслепую. Додсон, старший инженер-механик, старался вовсю: жирный черный дым стлался над морем плотной, непроницаемой стеной. Вэллери лег на обратный курс, потом, дав полный ход, повернул на ост.

В течение двух последующих часов – в сумерках, а затем и в темноте – «Улисс» играл в кошки-мышки с крейсером класса «Хиппер». Он то вступал в перестрелку, появляясь на короткое время, чтобы раззадорить врага, то исчезал за дымовой завесой, которая с наступлением ночи стала едва ли нужна. Все это время глазами и ушами «Улисса» был радар, который ни разу его не подвел. Наконец, решив, что конвою уже не грозит опасность, Тиндалл

приказал поставить двойную дымовую завесу в виде гигантской буквы «V», и «Улисс» ушел на зюйд-вест, сделав напоследок несколько выстрелов – не столько на прощание, сколько для того, чтобы указать направление своего отхода.

Полтора часа спустя, описав гигантскую дугу, «Улисс» очутился далеко на севере. Между тем Боуден вместе со своими подчиненными продолжал следить за продвижением немецкого крейсера. Тот продолжал двигаться к осту, затем, находясь почти на предельной дистанции, повернул на зюйд-ост.

Тиндалл слез со своего кресла, расправляя онемевшие члены, и с удовольствием потянулся.
– Неплохо поработали мы нынче вечером, командир. Совсем неплохо. Бьюсь об заклад, наш друг всю ночь будет нестись на всех парах на зюйд, потом повернет на ост, рассчитывая к утру догнать конвой.

Несмотря на усталость, Тиндалл чуть ли не торжествовал.

– А к тому времени конвой Эф-Ар-77 будет в двухстах милях севернее его... Штурман, вы верно рассчитали курсы сближения с конвоем для всех скоростей до ста узлов включительно?

– Полагаю, мы смогли бы соединиться с конвоем без особых трудностей, – учтиво ответил Капковый мальчик.

– Больше всего он меня бесит, – прогудел Тиндалл, – когда изображает из себя пай-мальчика... О Боже милостивый, до чего же я замерз!.. Проклятье! Надеюсь, это не очередной сюрприз?

Связной, находившийся за пеленгаторным мостиком, снял трубку.

– Вас, сэр, – произнес он, обращаясь к командиру корабля, – лейтенант медицинской службы.

– Примите депешу, Крайслер.

– Прошу прощения, сэр. Лейтенант хочет что-то сообщить вам лично.

Крайслер протянул телефонную трубку Вэллери. Тот, подавляя раздражение, приложил её к уху.

– Командир слушает. Да, а в чем дело?.. Что?.. Боже мой! Не может быть!.. Почему меня сразу не известили?.. Понятно. Благодарю вас.

Вэллери отдал Крайслеру трубку, устало повернулся к Тиндаллу.

В темноте адмирал скорее угадал, чем увидел, как у него бессильно опустились плечи.

– Звонил Николлс. – Голос Вэллери был вял, бесцветен. – Пять минут назад лейтенант Итертон застрелился у себя в каюте.

В четыре часа утра «Улисс» присоединился к конвою. Густо валил снег, но море было спокойно.

За какие-то шесть часов контр-адмирал превратился в измученного, дряхлого старика. Изможденное лицо его осунулось. Тиндалла мучили угрызения совести, досада на самого себя, граничившая с отчаянием. За эти немногие часы его румяные щеки ввалились и поблекли, кожа стала серой, как пергамент, налитые кровью, усталые глаза запали. Казалось просто невероятным, чтобы в бесстрашном, не знающем уныния, бывалом моряке, стойчески переносившем любые тяготы войны, в столь короткий срок могли произойти такие разительные перемены. Факт этот, тревожный сам по себе, оказал страшно деморализующее влияние на матросов. А ведь каков поп, таков и приход. Сравнение это поневоле приходило на ум каждому.

Любой беспристрастный суд оправдал бы Тиндалла, даже не начав следствия. Ведь он делал то, что, по его мнению, было правильным, то, что сделал бы на его месте любой начальник. Но Тиндалл предстал перед иным судом – беспощадным судом собственной совести. Он не мог забыть, что именно он пренебрег официальным приказом прорываться к Нордкапу,

что именно там, где, по словам лордов адмиралтейства, это может произойти, то есть на широте семьдесят градусов, конвой наткнулся на огромное скопище немецких субмарин – самую крупную «волчью стаю» из всех, какие действовали в Арктике в продолжение второй мировой войны.

«Волчья стая» нанесла удар в свой излюбленный час – на рассвете и с излюбленной позиции – с норд-оста, то есть оказавшись против восхода. Удар был нанесен жестоко, умело и без лишнего риска. Эпоха капитан-лейтенанта Прина и его знаменитых современников – эпоха лихих подводников, эпоха личной находчивости и безграничной отваги давно, видно, миновала, а подводная лодка под командованием Прина, потопленная эсминцем «Вулверин», давно покоилась со всем её экипажем на дне моря.

Взамен тактики индивидуальных атак немецкие стратеги разработали гораздо более эффективную тактику – тактику нападения одновременно нескольких «волчьих стай», действующих под единым командованием. Эти «стаи» действовали методически, как заведенные, словно руководствуясь определенной программой.

Первой погибла «Кочелла», шедшая третьей в левой колонне. Принадлежавший к тому же типу, что и «Вайтура» и «Варелла», танкер «Кочелла» имел на борту свыше трех миллионов галлонов высокооктанового авиационного бензина. В неё попало по меньшей мере три торпеды. Двумя первыми корпус её почти переломило пополам, а от удара третьей торпеды бензин сдетонировал. От этого гигантского взрыва танкер почти мгновенно пошел ко дну. Еще секунду назад судно, ничего не подозревая, плыло по глади океана, окрашенной алым цветом утренней зари, а теперь его не стало. Танкер погиб. Исчез навсегда, лишь кипящая пена, вырываясь на поверхность моря, напоминала о том, что ещё недавно он тут был. Судно уже исчезло, а люди, находившиеся на соседних кораблях, оглушенные, потрясенные увиденным, все ещё не могли понять, что произошло. Танкер уже исчез, а смертоносный дождь металла ещё проносился над конвоем, и люди инстинктивно бросались кто куда.

Более других пострадали от взрыва два судна. Огромной глыбой металла, – возможно, то была лебедка – насквозь пробило надстройку «Сирруса», находившегося по правому борту от «Кочеллы» на расстоянии одного кабельтова, и совершенно вывело из строя радиолокационную рубку. Что именно случилось с другим судном, носившим немислимое название «Теннеси Адвенчурер» и шедшим в кильватер за танкером, было неясно, но наверняка его рулевая рубка и мостик получили серьезные повреждения: судно потеряло управление.

Трагичнее всего было то, что на «Улиссе» не сразу поняли, в чем дело. Оправившись от удара воздушной волны, Тиндалл дал сигнал поворота «влево все вдруг». «Волчья стая», решил он, находится с левого борта, и единственным маневром с целью уменьшить потери, нарушить планы врага остается идти прямо, на него. Он не без основания полагал, что вражеские подводные лодки собраны в кулак, поскольку в цепочку они вытягивались при встрече тихоходных конвоев. Кроме того, он не раз использовал эту тактику прежде, причем весьма успешно. И действительно, при маневре такого рода площадь цели сокращалась для врага в десять раз, и подводным лодкам оставалось одно: срочно погружаться или же подставлять себя под удары форштевней английских кораблей.

С безукоризненной четкостью и согласованностью олимпийских наездников транспорты конвоя, занося корму вправо, повернули, оставляя за собой белый, фосфоресцирующий след, выделявшийся на ещё темной поверхности моря. То, что «Теннеси Адвенчурер» лишен управления, заметили слишком поздно. Сперва медленно, потом с ужасающей быстротой нос танкера покати́лся к осту, нацеливаясь на соседний транспорт «Тобакко Плантер». Времени, чтобы понять неизбежное, почти не оставалось; на «Плантере» руль положили право на борт, надеясь проскочить по корме «Адвенчурера», но поворачивающийся с бешеной скоростью танкер,

которым, казалось, управляла какая-то злобная сила, неумолимо, фут за футом, приближался к «Плантеру», описывающему крутую спираль.

Удар, нанесенный со страшной силой, пришелся по средней части корпуса перед самым мостиком. Нос «Адвенчурера», сминаясь, точно лист бумаги, глубоко врезался в борт транспорта – на три–три с половиной метра, разрывая, сгибая стальную обшивку: кинетическая энергия судна с дедвейтом десять тысяч тонн при скорости хода пятнадцать узлов фантастически велика. Нанесенная ему рана была смертельной. К тому же «Плантер», двигаясь по инерции, оторвался от «Адвенчурера», вцепившегося ему в бок так, что обнажилась пробоина, куда жадно устремилась вода. Это ускорило гибель транспорта. Почти сразу же «Плантер» начал заметно оседать и тяжело валиться на правый борт. На борту «Адвенчурера» наконец кто-то, видно, принял на себя управление судном: машины его были застопорены, и транспорт, имея небольшой дифферент на нос, почти замер неподвижно возле тонущего «Плантера».

Остальные транспорты и корабли конвоя, обойдя стороной злополучные суда, пошли курсом вест-тень-норд.

Орр, командир «Сирруса», находившегося на правом фланге конвоя, круто развернул свой эсминец и понесся назад, к изувеченным транспортам. Но, не успев пройти и мили, «Сиррус» получил «фитиль» от флагмана и тотчас занял свое место в порядке. Насчет «Плантера» Тиндалл не питал никаких иллюзий. Он знал, что судну осталось жить считанные минуты, а «Адвенчурер» будет цел и невредим в течение всего дня. Но вовсе не из-за отсутствия поблизости от него вражеских лодок. Напротив, движимый сомнительным благородством, враг будет держаться возле подбитого судна до самой темноты, рассчитывая, что к «Адвенчуреру» подойдет какой-нибудь эсминец, чтобы оказать ему помощь.

Тиндалл оказался прав. «Адвенчурер» был торпедирован перед самым заходом солнца. Три четверти экипажа и с ними двадцать моряков, снятых с «Плантера», спаслись на шлюпках. Месяц спустя у стылых берегов острова Медвежий их обнаружил фрегат «Эшер». Три шлюпки, соединенные между собой перлинем, упорно продвигались к северу. Капитан, прямой и неподвижный, сжимал высохшей рукой румпель, вперив невидящий взгляд пустых глазниц в далекий, навеки утраченный для него горизонт. Остальные сидели или лежали в шлюпках, а один стоял, обняв мачту. Почерневшие от солнца губы моряков были растянуты в жуткой улыбке. Вахтенный журнал лежал возле капитана. В нем не было оставлено ни одной записи: в первую же ночь все замерзли. Командир фрегата, ещё совсем молодой человек, приказал оттолкнуть шлюпки от борта корабля и долго смотрел им вслед, пока они не исчезли за горизонтом, дрейфуя на самый край света к Ледовому барьеру. Ледовый барьер – это край великого безмолвия, где царит первозданный покой, тишина и вечный холод. Возможно, они и поныне блуждают там – мертвецы, осужденные на вечные скитания... Сколь жалкий конец, недостойный бесценного сосуда, заключающего в себе высокий дух... Одобрило ли адмиралтейство действия командира фрегата, неизвестно.

Адмирал просчитался в главном – он не сумел разгадать диспозицию противника. Командир «волчьей стаи» перехитрил его, но действительно ли Тиндалл не мог предвидеть этого, остается спорным. Излюбленный прием командующего эскадрой поворачивать корабли в сторону торпедной атаки был известен врагу. Хорошо известно было и то, что адмирал всегда находится на «Улиссе», а «Улисс», корабль, единственный в своем роде, знали командиры всех немецких подлодок. Они видели его лично или на фотографиях. Кроме того, «волчьей стае» наверняка сообщили, что именно «Улисс» является флагманом конвоя Эф-Ар-77, идущего в Мурманск. Тиндаллу следовало предвидеть, предвидеть и предупредить встречный маневр, который давным-давно должен был бы применить противник.

Пустившая ко дну «Кочеллу» субмарина была последней, а не первой в «стае». Остальные расположились южнее той лодки, что взвела капкан, и много западнее маршрута конвоя, оказавшись вне досягаемости гидролокатора... И когда конвой повернул на запад, командиры подводных лодок, произведя расчет торпедных треугольников, преспокойно ждали, когда транспорты подставят свои борта под удар. Спокойный, точно мельничный пруд, океан был ультрамаринового цвета, какой увидишь лишь на Средиземном море. От ночной пурги не осталось и следа. Далеко на юго-востоке из воды поднималось ослепительное солнце. Отлогие его лучи сверкали серебром на поверхности Ледовитого океана, и белые силуэты заснеженных судов резко выделялись на фоне темного моря и неба. Погода была идеальной, если допустить, что определением «идеальный» можно характеризовать пролог к массовому убийству.

А поголовный разгром, гибель всего конвоя были бы неизбежны, если бы не предупреждение, полученное в самую последнюю минуту. Предупреждением этим моряки конвоя были обязаны не радарной установке, гидролокатору или какому-либо иному сверхсовременному техническому устройству, а зорким глазам восемнадцатилетнего юноши – матроса второго класса – да Богом ниспосланным лучам восходящего солнца.

– Господин каперанг! – закричал Крайслер голосом, прерывающимся от невероятного волнения. Глаза его прильнули к окулярам мощного бинокля, укрепленного на пульте управления прожекторной установки левого борта. – Там, на юге, что-то сверкает, сэр. Блеснуло два раза. Вон, вон, опять!

– Где, паренек? – закричал Тиндалл. – Ну, живет, где?

Растерявшись, Крайслер забыл золотое правило наблюдателя: при докладе всегда сообщать курсовой угол обнаруженной цели.

– Пятьдесят градусов левого борта, сэр!.. Отставить, шестьдесят левого борта... Теперь я потерял этот предмет из виду, сэр.

Все, кто находился на мостике, направили свои бинокли в указанном направлении. Но никто ничего не увидел. Медленно вдвинув колена подзорной трубы одно в другое, Тиндалл красноречиво пожал плечами.

– Возможно, он все-таки действительно что-то видел, – произнес после раздумья Капковий мальчик. – А что, если это блеснул, вращаясь, перископ?

Тиндалл молча посмотрел на него ничего не выражающим взглядом, потом отвернулся и устоялся вдаль. Он показался Карпентеру каким-то совсем не похожим на себя. Лицо адмирала словно окаменело. Лицо человека, отвечающего за судьбу двадцати судов и пяти тысяч душ, человека, который однажды уже принял ошибочное решение.

– Вон, вон, опять сверкнуло! – раздался вопль Крайслера. – Блеснуло два раза, нет, три! – Вне себя от возбуждения, словно в каком-то безумном танце, он неистово прыгал на месте. – Я их видел, сэр, видел, видел. Прошу вас, поверьте мне!

Тиндалл круто повернулся к нему. Десять долгих секунд он смотрел на юношу. Тот, оставив бинокль, схватился за дверцу и тряс её в отчаянии, умоляюще глядя на адмирала. Внезапно решившись, Тиндалл скомандовал:

– Лево на борт, командир! Бентли, сигнал конвою!

На основании никем не подтвержденного донесения восемнадцатилетнего юноши суда и корабли конвоя Эф-Ар-77 стали медленно, чересчур медленно поворачивать к зюйду. Внезапно море словно оживило: к кораблям конвоя неслись три, пять, десять торпед... За тридцать секунд Вэллери насчитал тридцать торпед. Установленные на малую глубину, страшные сигары оставляли на стеклянной поверхности моря зловещий пенный след. Тая, след этот походил на летящую смертоносную стрелу. Средние торпеды шли параллельно, а на восточном и западном флангах расходились веером, выпущенные с расчетом поразить все корабли конвоя. Это было

фантастическое зрелище: никто из моряков за всю свою жизнь не видел ничего подобного.

В мгновение ока все смешалось. Подавать сигналы было некогда. Каждому кораблю следовало самому позаботиться о своей судьбе. Смятение усугубилось из-за того, что транспорты, находившиеся в середине конвоя и в крайних кильватерных колоннах, ещё не успели заметить мчащихся к ним торпед.

Спастись всем было невозможно: торпеды шли слишком кучно. Первым подбили «Стерлинг». Казалось, крейсер был уже вне опасности, поскольку ушел далеко вперед, когда торпеды шли гуще всего, корабль покачнулся, словно от удара невидимого молота, круто развернулся и понесся на восток. Над кормой его поднимались густые клубы дыма. «Улисс», находившийся в умелых руках, развернулся буквально на пятачке, маневрируя рулем и мощными машинами, и проскользнул в невероятно узкий коридор между четырьмя торпедами: обе пары прошли не далее чем в нескольких ярдах от его бортов: удача по-прежнему сопутствовала крейсеру. Быстроходные эсминцы, чрезвычайно маневренные, безукоризненно управляемые, подпрыгивая на волнах, с презрительной небрежностью обошли торпеды и очутились в безопасности. Затем, дав полный ход, ринулись на зюйд.

Огромные, неуклюжие и сравнительно тихоходные торговые суда оказались не столь везучими. Два судна, находившиеся в левой кильватерной колонне, – танкер и транспорт – получили попадания, однако, лишь содрогнувшись от страшного удара, оба, словно заколдованные, продолжали идти. Но крупнотоннажный транспорт, шедший следом, постигла иная участь. В судно это, груженное танками, закрепленными в трюмах и на палубе, в течение трех секунд ударило три торпеды. Ни дыма, ни пожара, ни живописного детонационного взрыва не было: насквозь изрешеченный, разодранный от кормы до форштевня, транспорт затонул быстро и тихо, держась на ровном киле, увлекаемый ко дну страшной тяжестью металла. У тех, кто находился в помещениях, спастись не было ни малейшего шанса.

«Бель Иль», купец, шедший в средней колонне, получил попадание в среднюю часть корпуса. Раздалось два взрыва (возможно, в судно ударили две торпеды), и на транспорте вспыхнул пожар. Спустя всего несколько секунд он сильно накренился на левый борт; крен увеличивался на глазах. Вот уже скрылись под водой поручни; вельботы, приспущенные на вываленных шлюпбалках, едва не касались поверхности моря. Десятка полтора моряков, скользя и спотыкаясь, бежали по наполовину залитой водой наклонной палубе к ближайшей шлюпке. Они принялись остервенело рубить фалинь, крепивший шлюпку, потом, карикатурно суетясь, кинулись в нее. Высвободившись из-под погрузившихся шлюпбалок, люди схватили весла и начали яростно отгрести от тонущего судна. От начала до конца этого эпизода не прошло и минуты.

Полдюжины мощных ударов весел – и моряки отошли на безопасное расстояние от тонущего судна; ещё два рывка – и шлюпка попала прямо под форштевень «Уолтера А. Бэдделея», транспорта, тоже нагруженного танками, который шел справа от «Бель Иля». Великолепное мастерство капитана, спасшее «Бэдделея» от столкновения с «Бель Илем», тут оказалось бессильно; крохотное суденышко хрупнуло, точно скорлупка, выбросив в ледяную воду кричащих в ужасе людей.

При виде окрашенной шаровой краской громады «Бэдделея», быстро надвигавшегося на них, моряки, яростно работая руками, поплыли прочь. Тяжелую полярную одежду стащило с них сопротивлением воды. В подобные минуты голос разума не слышен: этим людям даже не пришло в голову, что если они увернутся от разящего винта «Бэдделея», то все равно зачленят насмерть в студеной воде Ледовитого океана. Но погибли они не под ударами лопастей винта и не от холода. Люди ещё барахтались, тщетно пытаясь выбраться из страшного водоворота, когда в корму «Бэдделея», возле самого баллера руля, врезались одновременно две

торпеды.

Для человека, оказавшегося в непосредственной близости от подводного взрыва, нет ни тени надежды уцелеть. Действие такого взрыва страшно, отвратительно, потрясающе: представить себе его не в силах ничье воображение. Даже выдавшие виды патологоанатомы с трудом могут заставить себя взглянуть на то, что некогда было человеческим существом... Но для этих бедняг, как часто случается в Арктике, смерть была не злом, а благом, ибо умерли они мгновенно, без мук.

У «Уолтера А. Бэдделея» взрывом оторвало почти всю кормовую часть корпуса. В огромную, как туннель, пробоину разом хлынули сотни тонн воды, ломая перекошенные взрывом водонепроницаемые двери котельно-машинного отделения и неумолимо увлекая судно в жадную пучину Ледовитого океана. Вот уже поручни юта, словно в приветствии, коснулись поверхности воды. На мгновение судно точно замерло. Затем в утробе его раздался глухой взрыв – оглушительный, зловеющий рев вырвавшегося на свободу сжатого пара и, под конец, в минуту, когда судно встало на дыбы, послышался адский грохот сорвавшихся с фундаментов тяжелых котлов. Изуродованная корма почти тотчас же стала погружаться все глубже и глубже, затем вовсе скрылась под водой. Носовая же часть судна задралась вверх. Угол наклона её увеличивался фут за футом. Корма оказалась уже на глубине ста или двухсот футов, а нос поднялся ввысь, к голубому небу, удерживаемый на плаву заключенным в корпусе воздухом объемом в полмиллиона кубических футов.

Когда наступил конец, палуба судна не достигла отвесной линии лишь на четыре градуса. Определить угол с такой точностью возможно было потому, что на «Улиссе», находящемся в полумиле, щелкнул затвор фотокамеры. Ее сжимал в руках лейтенант Николлс. Камеру, которая запечатлела незабываемое зрелище – страшную в своей простоте картину тонущего судна, вставшего почти вертикально на фоне голубого неба. Картина эта была необычна отсутствием деталей, если не считать двух плоских предметов, нелепо повисших в воздухе. То были тяжелые тридцатитонные танки, погруженные на переднюю палубу. Оборвав найтовы, они падали вниз, чтобы обрушиться на среднюю надстройку, уже находившуюся в воде. На заднем плане фотографии видна была корма «Бель Иля» с обнажившимся винтом и повисшим над безмятежной гладью моря кормовым флагом торгового флота.

Несколько секунд спустя камеру из рук Николлса вырвало и ударило о переборку. Объектив оказался разбитым вдребезги, но пленка уцелела. Моряков в спасательной шлюпке охватила паника, и не зря: во втором трюме «Бель Иля», рядом с которым возник пожар, находилась тысяча тонн танковых снарядов... Разломанный надвое транспорт минуту спустя пошел ко дну; носовая часть «Бэдделея», изрешеченная взрывом, плавно скользнула вслед за ним.

Не успело стихнуть катившееся над морем эхо взрыва, как его подхватила и швырнула назад, как мяч, серия донесшихся с юга глухих ударов. Менее чем в двух милях от «Улисса», ослепительно белые в лучах утреннего солнца, «Сиррус», «Вектра» и «Викинг» рисовали на поверхности моря замысловатый узор. С обоих бортов, с кормовой палубы они сбрасывали глубинные бомбы. Иногда то один, то другой из кораблей совершенно исчезал из виду, скрытый гигантскими столбами воды и брызг, но, когда огромные эти грибы исчезали словно по волшебству, он появлялся вновь.

Примкнуть к охотникам, утолить неистовую, первобытную жажду мести – таков был первый порыв Тиндалла. Капковый мальчик украдкой наблюдал за ним, пораженный обнаружившейся в адмирале жестокостью: разглядывал крепкий рот с поджатыми губами, искаженное лицо, побелевшее от ненависти и злобы, направленной не в последнюю очередь и против самого себя. Неожиданно Тиндалл скорчился в своем кресле.

– Бентли! Просигнальте «Стерлингу»: «Сообщите, какие имеете повреждения».

Отставший от «Улисса» на милю с лишком, «Стерлинг», круто повернув, догонял его со скоростью не менее двадцати узлов.

– «Имею течь в отсеке сзади машинного отделения, – читал Бентли ответ «Стерлинга». – Кладовые затопило водой, но повреждения корпуса незначительные. Ситуация под контролем. Заклинило привод рулевого управления. Использую аварийное рулевое устройство. Все в порядке».

– Слава тебе, Господи! Просигнальте: «Примите командование. Следуйте курсом ост». А теперь, командир, поможем Орру разделаться с этими кровожадными псами!

– Сэр! – с тоской взглянул на адмирала Капковий мальчик.

– Да, штурман! В чем дело? – нетерпеливо произнес Тиндалл.

– Что вы скажете о первой подлодке? – осторожно спросил Карпентер. – Она не далее чем в миле к северу от нас, сэр. Не следует ли нам?..

– Тысяча чертей! – оборвал его Тиндалл. Лицо его побагровело от гнева. – Уж не думаете ли вы учить меня? – Адмирал умолк и пристально поглядел на Карпентера. – Что вы мне сказали, штурман?

– Я говорю о лодке, что потопила танкер, сэр, – учтиво произнес Капковий. – Возможно, она перезарядила аппараты и находится в выгодной позиции для торпедной атаки...

– Ах да, верно, – пробормотал Тиндалл. Проведя ладонью по глазам, он мельком взглянул на Вэллери. Но командир «Улисса» в эту минуту отвернулся. Снова прошла по усталым глазам ладонь. Тиндалл с улыбкой сказал: – Вы правы, штурман, совершенно правы. – Помолчав, прибавил: – Как всегда, черт вас побери!

На севере «Улисс» ничего не обнаружил. Субмарина, пустившая на дно танкер и заманившая конвой в западню, благоразумно убралась восвояси. Во время поиска лодки на «Улиссе» слышали орудийные выстрелы. Из пушек «Сирруса» калибром 4,7 дюйма вырывался дым.

– Узнайте, что там стряслось! – раздраженно скомандовал Тиндалл. Капковий мальчик усмехнулся про себя: старик ещё не выдохся.

– «Вектра» или «Викинг» повредили или уничтожили подводную лодку, – отвечал командир «Сирруса». – Совместно с «Вектрой» мы потопили всплывшую подводную лодку. Как ваши успехи?» – «Как ваши успехи!» – взорвался Тиндалл. – До чего же нахален мерзавец: «как ваши успехи!» Когда вернемся в Скапа-Флоу, всучу этому наглецу Орру самый дряхлый, самый занюханый тральщик... А все из-за вас, штурман!

– Так точно, сэр. Виноват, сэр. Но, возможно, он лишь хочет выразить нам свое сочувствие?

– А как вы смотрите на то, чтобы попасть на этот тральщик штурманом? – с угрозой проговорил Тиндалл.

Карпентер удалился к себе в рубку.

– Кэррингтон!

– Есть, сэр.

Первый офицер был, как обычно, верен себе. Ясноглазый, бодрый, свежесвыбритый, знающий все, о чем его ни спроси. На матово-бледном лице его – у всех, кто слишком долго находился в тропиках, именно такой оттенок кожи – не было и следа усталости, несмотря на то, что он трое суток не спал.

– Что на это скажете? – показал Тиндалл в сторону норд-веста. Горизонт заволакивали похожие на барашки серые облака, тронутые рябью, которая шла с севера, море приобрело оттенок индиго.

– Трудно сказать, сэр, – медленно взвешивая слова, произнес Кэррингтон. – Но только не

шторм, наверняка... Мне уже доводилось однажды видеть подобное. Ясным утром ввысь поднялось приземистое крученое облако. Температура воздуха при этом повысилась. Весьма обычное явление на Алеутских островах и в Беринговом море, сэр. И там это предвещает туман – густой туман.

– А ваше мнение, командир?

– Не имею ни малейшего представления, сэр, – решительно мотнул головой Вэллери. Переливание плазмы, видно, пошло ему на пользу. – Это что-то новое. Ничего подобного не видел прежде.

– А я-то думал, видели, – проворчал Тиндалл. – Я тоже такого не видывал, потому и просил сначала первого офицера... Если решите, что это все-таки туман, дайте мне знать, первый, хорошо? Нельзя, чтобы с ухудшением видимости транспорты и корабли охранения разбрелись по всему океану. Хотя, если бы не мы, прибавил он с горечью, – они находились бы в гораздо большей безопасности!

– Могу дать ответ уже сейчас, сэр. – Кэррингтон был наделен редким даром – спокойно и твердо возражать, ни на йоту не роняя достоинства собеседника. – Надвигается туман.

– Сказано достаточно ясно. – Тиндалл никогда не сомневался в справедливости слов Кэррингтона. – Надо убираться отсюда к чертовой матери. Бенгли, просигнальте эсминцам: «Выйти из соприкосновения с противником. Присоединиться к конвою». Да, Бенгли, прибавьте еще: «Немедленно». – Он повернулся к Вэллери. – Это я специально для Орра.

Через час транспорты и корабли эскорта, заняв место в порядке, повернули на норд-ост, чтобы оторваться от «волчьих стай», притаившихся вдоль широты 70 градусов, оставив их в стороне. Солнце, находившееся на зюйд-осте, по-прежнему ярко светило, но на суда и корабли конвоя уже ложились рваные хлопья густого тумана. Скорость уменьшили до шести узлов, все корабли выпустили туманные буи.

Поежившись, Тиндалл неуклюже, неловко слез с кресла: прозвучал сигнал отбоя. Отворив дверцу, ведущую на мостик, адмирал остановился и опустил руку на плечо Крайслера. Юноша изумленно оглянулся.

– Просто захотелось увидеть твои ясные глаза, сынок, – улыбнулся адмирал. – Мы им многим обязаны. Большое тебе спасибо. Мы никогда не забудем этого.

Забыв про усталость, Тиндалл долго смотрел в лицо сигнальщика, смутившегося от похвалы. При виде воспаленных век, осунувшегося, бледного лица, покрытого пятнами румянца, адмирал почувствовал жалость к этому мальчику. Он негромко выругался.

– Сколько вам лет, Крайслер? – спросил он.

– Восемнадцать, сэр... Исполнится через два дня. – Голос Крайслера, в котором слышался акцент уроженца запада, звучал почти вызывающе.

– Ему тоже исполнится восемнадцать... через два дня? – медленно повторил Тиндалл про себя. – Господи, Боже! Боже милостивый?

Уронив руку, он устадо побрел в броневую рубку и закрыл за собой дверь.

– Через два дня ему исполнится восемнадцать, – повторил он словно в забытьи. Вэллери привстал с кушетки.

– Кому? Юному Крайслеру?

Тиндалл с убитым видом кивнул.

– Я понимаю, – спокойно произнес Вэдлери. – Понимаю, что это такое... Сегодня этот мальчик сослужил нам великую службу.

Тиндалл устало опустил голову в кресло. Губы его скривились в горькой усмешке.

– Единственный сын... Боже мой, за что такое наказание!

Он глубоко затянулся, уставился в пол.

– «Десять бутылок висят на стене...» – рассеянно запел он.

– Что вы сказали, сэр?

– Четырнадцать кораблей вышло из Скапа-Флоу, восемнадцать транспортов – из залива Святого Лаврентия, составив конвой Эф-Ар-77, – негромко произнес Тиндалл. – Итого тридцать две единицы. А теперь... Теперь их всего семнадцать, и трое из них подбиты. Можно считать, что «Теннеси Адвенчурер» обречен.

Он яростно выбранился.

– О исчадия ада! Как тяжело бросать суда на произвол судьбы, оставлять на расправу этой кровожадной сволочи...

Адмирал замолчал, глубоко затянулся.

– Здорово у меня получается, не так ли?

– Что за глупости, сэр, – нетерпеливо, почти сердито прервал его Вэллери.

– Ведь в том, что авианосцам пришлось вернуться, нет вашей вины.

– Значит, в остальном, что произошло потом, есть моя вина? – усмехнулся Тиндалл и поднял руку, видя, что Вэллери собирается возразить. – Простите, Дик. Я знаю, вы не хотели упрекнуть меня, но это правда. За каких-то десять минут погибло шесть транспортов. Шесть! А нам и одного нельзя было потерять.

Опустив голову на ладони и уперев локти в колени, он снова стал тереть кулаками усталые глаза.

– Контр-адмирал Тиндалл, блестящий стратег, – продолжал он вполголоса. – Он изменяет маршрут конвоя, и тот наталкивается на тяжелый крейсер. Снова меняет курс, и конвой оказывается в лапах самой крупной «волчьей стаи», какую мне только доводилось видеть, причем именно в той самой точке, где она и должна была находиться по данным адмиралтейства... Как бы снисходительно ни обошелся со мной по возвращении старина Старр, на глаза ему лучше не попадаться. После всего, что произошло, мне лучше вовсе не возвращаться.

Тиндалл с усилием поднялся. Свет единственной лампочки упал на его лицо. Вэллери был потрясен происшедшей, в адмирале переменой.

– Куда же вы, сэр? – спросил он.

– На мостик. Нет, нет, оставайся здесь, Дик.

Тиндалл попытался улыбнуться, но вместо улыбки получилась гримаса, которая тотчас исчезла.

– Не мешай мне обдумывать свой очередной промах.

Контр-адмирал открыл дверь, но тотчас замер, услышав знакомый звук – свист пронесшихся чуть ли не над головой снарядов и раздающийся в тумане вопль сигнала боевой тревоги.

– Похоже, – произнес он с горечью, – я уже совершил его, этот промах.

Глава 9

В ПЯТНИЦУ утром

Тиндалл увидел, что их окружает плотная стена тумана. После того как ночью выпал густой снег, температура воздуха стала понемногу подниматься. Но потепления не чувствовалось: от липких ледяных полос тумана было ещё холоднее. Он торопливо вышел на мостик, следом за ним – Вэллери. Тэрнер, захватив каску, спешил на запасной командно-дальномерный пост. Протянув руку, Тиндалл остановил его.

– В чем дело, старпом? – спросил он. – Кто стрелял? Откуда?

– Не знаю, сэр. Похоже, снаряды летят с кормовых курсовых углов. Я, кажется, догадываюсь, кто именно ведет огонь. – Он долгим, испытующим взглядом посмотрел на адмирала. – Наш вчерашний знакомец.

Резко повернувшись, Тэрнер стал поспешно спускаться с мостика. Тиндалл недоуменно смотрел ему вслед. Потом, яростно бранясь, бросился к телефону, соединенному с рубкой радиометриста.

– Говорят с мостика. У телефона адмирал. Немедленно лейтенанта Боудена!

– Боуден слушает, сэр, – тотчас ожил динамик.

– Чем вы там занимаетесь, тысяча чертей? – Голос Тиндалла звучал тихо и зловеще. – Спите или как? Нас обстреливают, лейтенант Боуден. Огонь ведет надводный корабль. Возможно, это для вас новость.

Адмирал умолк и пригнул голову: несколько снарядов с визгом пронеслись над самым крейсером и рухнули в воду менее чем в полумиле впереди по курсу. На палубу одного из транспортов обрушились каскады воды, заметные в просвете меж двух полос густого тумана. Поспешно выпрямившись, Тиндалл прорычал в микрофон:

– Немец определил дистанцию до нас, причем довольно точно. Черт вас побери, Боуден, где же он сам?

– Прошу прощения, сэр. – Голос Боудена звучал спокойно и невозмутимо. – Но нам до сих пор не удалось его обнаружить. На экранах все ещё виден «Адвенчурер», правда, его пеленг как-то искажен. Приблизительный пеленг триста градусов... Предполагаю, корабль противника по-прежнему прячется за корпусом «Адвенчурера» или же находится в створе с ним, по эту сторону транспорта.

– Далеко ли корабль противника? – отрывисто пролаял Тиндалл.

– Довольно далеко, сэр. Он жметя к «Адвенчуреру». Ни размеров его, ни дистанции установить невозможно.

Поигрывая микрофоном, адмирал повернулся к Вэллери.

– Неужели этот Боуден считает, что я поверю его рассказам? – проговорил он сердито. – Слишком уж много совпадений. Из тысячи возможных позиций вражеский корабль почему-то занял такую, что позволяет ему спрятаться от нашей радарной установки. Мыслимо ли!

Вэллери посмотрел на адмирала. Лицо командира крейсера было бесстрастно.

– Ну? – нетерпеливо произнес Тиндалл. – Разве не так?

– Нет, сэр, – спокойно произнес Вэллери. – Не так. Не совсем так. Совпадение отнюдь не случайно. «Волчья стая» сообщила ему по радио наш пеленг и курс. Остальное было просто.

Тиндалл уставился на Вэллери, потом, закрыв глаза, отчаянно замотал головой. Это был жест, выражавший самобичевание, презрение, попытку напрячь истощенный, усталый ум. Дьявольщина, шестилетний ребенок разгадал бы этот маневр... Метрах в пятидесяти по левому

борту «Улисса» в воду со свистом врезался снаряд. Тиндалл не пошевелился; возможно, он даже не увидел и не услышал его всплеска.

– Боуден? – проговорил он, снова поднося к губам микрофон.

– Слушаю, сэр.

– Есть перемены на индикаторе?

– Нет, сэр. Все по-прежнему.

– И вы по-прежнему придерживаетесь своего мнения?

– Да, сэр. Иного объяснения быть не может.

– Полагаете, корабль противника держится неподалеку от «Адвенчурера»?

– Точнее сказать, жметя к нему.

– Но, черт возьми, приятель, ведь «Адвенчурер» находится от нас менее чем в десяти милях!

– Да, сэр, я знаю. И этот бандит – тоже!

– Как! В десяти милях! Но ведь...

– Он ведет огонь по радарным данным, – прервал его Боуден. В металлическом голосе лейтенанта возникли усталые нотки. – Я так предполагаю. С помощью радара он также следит за нами. – Вот почему противник постоянно находится на том же курсовом угле, что и «Адвенчурер». И огонь его чрезвычайно точен... Боюсь, адмирал, его радар ничуть не уступает нашему.

В динамике щелкнуло. В напряженной тишине, воцарившейся на мостике, послышался неестественно громкий треск разбившейся на мелкие кусочки эбонитовой трубки, выскользнувшей из рук адмирала. Словно слепой, пошарив вокруг себя, он ухватился за трубу паропровода. Вэллери шагнул к Тиндаллу, заботливо протянул ему руки, но тот машинально отстранил его. Разом превратившись в дряхлого, обессиленного старика, волоча ноги, адмирал побрел по настилу мостика, забыв, что на него смотрит дюжина изумленных глаз, и с невероятным трудом забрался в свое высокое кресло.

«Осел! – бранил он себя. – Старый безмозглый осел!» Он никогда не сможет простить себя! Ни за что! Враг перехитрил его. Всякий раз фриц предупреждал его мысли, заранее угадывал его намерения и маневры. Старого дурака обвели вокруг пальца. Радиолокатор! Конечно, все дело именно в нем. До чего же он был глуп, полагая, что немецкие радарные установки все те же несовершенные, примитивные системы, какими, судя по донесениям адмиралтейства и данным авиаразведки, они были год назад! Радиолокатор, причем не хуже того, которым оснащен «Улисс»! А ведь все полагали, что «Улисс» – корабль, оснащенный превосходнейшей, более того, единственной в мире радарной установкой! Оказывается, у фрица радар не хуже, а возможно, много лучше, чем на «Улиссе». Но разве подобная мысль хоть однажды пришла ему в голову? Тиндалл корчился от душевной муки, от чувства отвращения к самому себе. Утром пришел час расплаты: шесть судов с тремя сотнями душ на борту пошли ко дну. «Молись, Тиндалл! – думал он тупо. – Моли о прощении Всевышнего. Это ты их погубил... Радарная установка!» Взять, к примеру, прошлую ночь. Когда «Улисс», заметая следы, повернул на ост, немецкий крейсер потащился за ним, делая вид, что попался на удочку «гениального мыслителя и стратега». Адмирал даже застонал от чувства унижения. Крейсер последовал за ним и устраивал беспорядочную стрельбу всякий раз, как «Улисс» исчезал в дымовой завесе. Делал это для того, чтобы скрыть, насколько эффективна его радарная установка, одновременно утаивая и тот факт, что он, по крайней мере, уже полчаса следил за конвоем, ушедшим на норд-норд-вест. И задачу эту упростил он сам, адмирал Тиндалл, запретивший судам конвоя идти противолодочным зигзагом.

Да и позднее, когда «Улисс», великолепно петляя, сперва повернул на зюйд, затем снова на

норд, противник, должно быть, постоянно видел корабль на экране своего локатора. И, в довершение всего, казня себя, адмирал вспомнил этот финт немецкого крейсера – его ложный отход на зюйд-ост. Почти наверняка вслед за «Улиссом» он повернул к норду, поймал английский крейсер, находившийся на предельной для его радара дистанции, и, рассчитав курс «Улисса» для сближения с конвоем, радировал «волчьей стае» субмарин, находившейся впереди, координаты конвоя с точностью чуть ли не до фута.

И вот последнее оскорбление, сокрушительный удар по остаткам его человеческого и командирского достоинства... Противник открыл огонь с предельной дистанции, но с максимальной точностью – несомненное доказательство того, что целеуказание производится с помощью радара. Единственным объяснением этому могла быть лишь уверенность противника, что на «Улиссе» наконец-то сообразили: немецкий крейсер оснащен чрезвычайно надежной радиолокационной установкой. Какое там сообразили! Тиндаллу это и во сне не приснилось. Он стал мерно бить кулаком по краю ветрового стекла, не чувствуя боли. Боже, какой же он идиот, беспросветный, безнадежный идиот! Шесть транспортов, триста человек! Сотни танков и самолетов, миллионы галлонов горючего потеряны для России. Сколько тысяч русских – солдат и мирных жителей – погибли из-за этого! А сколько семей будет убито горем в разных концах Великобритании, лишившись своих близких! Представил себе юношей-почтальонов, развозящих на велосипедах похоронные. Представил, как стучатся они в двери домиков в долинах Уэльса, в тенистых, переулках Сюррея, привозят их родным убитых, сидящим у очагов на далеких Западных островах – очагов, где, чадя, тлеет торф. Представил выбеленные известью коттеджи Донегала и Антрима... Осиротевшие дома – на бескрайних просторах Нового Света, от Ньюфаундленда и Мейна до дальних нагорий тихоокеанского побережья... Эти несчастные семьи так никогда и не узнают, что не кто иной, как он, адмирал Тиндалл, столь преступно распорядился жизнями их мужей, братьев, сыновей. Мысль эта была ещё горше, чем безутешное отчаяние.

– Каперанг Вэллери? – Голос Тиндалла доходил на хриплый шепот. Вэллери подошел к контр-адмиралу и остановился, мучительно кашляя: клочья ледяного тумана, проникавшие в носоглотку, острым ножом рассекали воспаленные легкие. Столь явные страдания Вэллери адмирал даже не заметил – настолько он был удручен и подавлен. – Ах, вы здесь? Командир, вражеский крейсер должен быть уничтожен.

Вэллери кивнул с угрюмым видом.

– Да, сэр. Каким образом?

– Каким образом? – В ореоле капюшона, покрытого капельками влаги, лицо Тиндалла казалось бескровным и изможденным. Но адмирал с неким подобием улыбки добавил: – Семь бед – один ответ... Я предлагаю атаковать крейсер силами эскорта, включая «Улисс», и прикончить немца. – Горько опустив уголки губ, Тиндалл невидящим взглядом смотрел на пелену тумана. – Нехитрый тактический маневр, который возможно осуществить даже при моих скромных способностях.

Внезапно умолкнув, он перегнулся через борт и тотчас пригнул голову: в воде (явление редкое), всего в нескольких ярдах от корабля, разорвался неприятельский снаряд, окатив мостик фонтаном брызг.

– Мы, то есть «Стерлинг» и «Улисс», атакуем его с зюйда, – продолжал адмирал, – и отвлечем на себя огонь его артиллерии и радарную установку. Орр со своими сорвиголовами обойдет фрица с норда. В таком тумане эсминец сможет подойти вплотную и произвести торпедный залп. Для одиночного корабля условия неблагоприятные, шансов уцелеть у него немного.

– Все корабли эскорта? – повторил Вэллери, глядя на адмирала. – Вы намереваетесь

отрядить все корабли охранения?

– Именно это я намерен сделать, каперанг Вэллери.

– Но, возможно, этого-то и добивается противник, – возразил командир «Улисса»...

– Самоубийство? Славная смерть во имя фатер-ланда? Неужели вы в это верите? – насмешливо проговорил Тиндалл. – Такие идеи погибли вместе с Лангесдорфом и Миддельманном.

– Да нет же, сэр! – нетерпеливо проговорил Вэллери. – Он хочет отвлечь нас на себя, чтобы конвой остался без охранения.

– Ну и что? – резко спросил Тиндалл. – Кто отыщет конвой в этом молоке? – Он обвел рукой вокруг, показывая кружащие вокруг густые полосы тумана. – Черт побери, старина, если бы не туманные буи, даже наши собственные суда не могли бы видеть друг друга. Я уверен, что и никто другой не увидит.

– Не увидит? – быстро переспросил Вэллери. – А если поблизости находится ещё один немецкий крейсер, оборудованный радарной установкой? Или ещё одна «волчья стая»? И те, и другие могут поддерживать радиосвязь с нашим знакомцем, что у нас по корме. А уж он-то знает наш курс с точностью до минуты!

– Радиосвязь? Но разве наши радисты не следят за переговорами противника?

– Да, сэр. Следят. Но, как мне сказали, в диапазоне сверхвысоких частот это не так-то просто.

Тиндалл буркнул что-то непонятное и умолк. Он испытывал адскую усталость. У него не было больше ни сил, ни желания продолжать спор. Но Вэллери, в тревоге сдвинув брови, снова заговорил.

– Почему наш «приятель» преследует нас по пятам, время от времени постреливая? Да потому, что он лезет из кожи вон, чтобы мы шли в каком-то определенном направлении. Иначе к чему ему было уменьшать на девяносто процентов вероятность попадания и использовать лишь половину орудий главного калибра?

– Возможно, он рассчитывает на то, что мы придем к такому выводу. – Тиндалл с трудом напрягал свою мысль. В голове его словно стоял туман – туман не менее плотный и непроницаемый, чем те влажные густые полосы, что, кружась, проносились мимо. – Возможно, он хочет нагнать на нас страху и заставить изменить курс, – разумеется, повернуть на север, где нас, вполне вероятно, поджидает «волчья стая».

– Вполне допустимо, – согласился Вэллери. – Но вероятно и другое. Возможно, противник сделал ещё более тонкий ход. А вдруг он рассчитывает, что мы, поняв очевидное, с целью избежать опасности, будем следовать прежним курсом, то есть поступим именно так, как ему нужно?.. Это умный враг, сэр. Мы уже успели в этом убедиться.

Что же сказал Брукс Старру там, в Скапа-Флоу, целую вечность тому назад? «Каждый нерв тела, каждая клеточка мозга перенапряжены до крайности, и ты чувствуешь, что находишься на самом краю пропасти, называемой безумием...» Тиндалл с тупым изумлением подумал, до чего точно описал Брукс это состояние. Теперь он и сам знал, что такое «находиться на самом краю пропасти»... Тиндалл смутно создавал, что стоит на краю той самой пропасти. Голова словно налита свинцом; мысль пробивается с трудом, словно слепец, бредущий по колена в грязи. Он догадывался, что это, должно быть, первый (а может, последний?) симптом нервного срыва... Одному Богу известно, сколько было таких срывов на «Улиссе» за последние месяцы... Но он все-таки адмирал... Он обязан что-то предпринять, что-то сказать.

– К чему гадать на кофейной гуще, Дик? – произнес он жестко.

Вэллери пристально поглядел на адмирала: находясь на мостике, старина Джайлс никогда прежде не обращался к нему иначе, как «командир».

– Надо что-то предпринять, на что-то решиться. Для успокоения совести оставим «Вектру». И никого больше. – Тиндалл усмехнулся. – Для черной работы, которая нам предстоит, понадобится по крайней мере пара эсминцев. Бентли, запишите текст радиogramмы: «Всем кораблям охранения и коммодору Флетчеру на «Кейп-Гаттерасе»...

Рассекая непроницаемую стену тумана, на зюйд-вест мчались четыре корабля, покрыв за десять минут половину дистанции до корабля противника. «Стерлинг», «Викинг» и «Сиррус» поддерживали постоянную радиосвязь с «Улиссом»: для них, ничего не видящих за серой пеленой, «Улисс» был поводырем.

– На мостике! Докладывает радиометрист! Докладывает радиометрист!

Глаза всех, кто там находился, впелись в диск динамика.

– Противник ложится на зюйд, увеличивает ход.

– Поздно надумал! – хрипло прокричал Тиндалл, стиснув кулаки в предвкушении успеха. – Слишком поздно изменил курс!

Вэллери ничего не ответил. Проходили секунды. «Улисс» по-прежнему мчался сквозь холодный туман по глади студеного моря. Неожиданно динамик снова ожил.

– Неприятельский корабль делает поворот на сто восемьдесят градусов. Ложится на зюйд-ост. Скорость хода противника двадцать восемь узлов.

– Двадцать восемь узлов? Удирает во все лопатки! – Тиндалл словно ожил, – Командир, предлагаю «Сиррусу» и «Улиссу» полным ходом следовать курсом зюйд-ост, атаковать и задержать противника. Пусть радист передаст депешу Орру. Запросить у радиометриста курс противника.

Тиндалл замолчал, нетерпеливо ожидая ответа.

– На мостике! Докладывает радиометрист! Курс противника триста двенадцать. Курс не изменяется. Повторяю, курс не изменяется.

– Курс не изменяется, – отозвался Тиндалл. – Командир, открыть огонь! Управление огнем по радиометрическим данным. Теперь-то он попался! – воскликнул он торжествующе. – Он слишком долго выжидал. Он в наших руках, командир!

Вэллери снова промолчал. Тиндалл посмотрел на него с каким-то гневным недоумением.

– Разве вы не согласны?

– Не знаю, сэр, – качая головой, произнес Вэллери. – Ничего не могу сказать. Почему он так долго выжидал? Почему не начал отходить в ту самую минуту, когда мы оставили конвой?

– Слишком уверен в себе, черт его побери! – прорычал Тиндалл.

– Или слишком уверен в чем-то другом, – отдельно проговорил командир «Улисса». – Возможно, он хотел убедиться в том, что мы действительно увязались за ним.

Тиндалл опять что-то раздраженно пробурчал, хотел было что-то возразить, но не успел: от залпа носовой башни «Улисс» вздрогнул всем корпусом. Из-за страшного жара пламени туман над баком корабля на мгновение рассеялся. Еще несколько секунд – и серая пелена должна была снова окутать корабль.

Но тут, словно по волшебству, посветлело. «Улисс» прорвал полосу густого тумана; в образовавшейся бреши на траверзе крейсера все увидели «Сиррус», похожий на гончую, держащую в пасти гигантскую кость. Эсминец несся курсом зюйд-вест, делая свыше тридцати четырех узлов. «Стерлинг» и «Викинг», окутанные туманом, остались за кормой.

– Орр находится слишком близко, – резко проговорил Тиндалл. – Почему не сообщил об этом Боуден?

Так нам противника в вилку не взять. Передать «Сиррусу»: «Следовать курсом 317 градусов в течение пяти минут». Командир, то же относится к «Улиссу». Лево пять градусов на пять минут, затем лечь на прежний курс.

Едва он успел усесться в свое кресло, а «Улисс», снова окутанный туманом, только лишь начал менять курс, как ожил динамик.

– На мостике! Докладывает радиорубка! Докладывает радиорубка...

Метнув в туман языки пламени и клубы дыма, оглушительно ухнули оба орудия второй носовой башни. Одновременно со страшным грохотом и взрывом под ногами находившихся на мостике подпрыгнула палуба. Людей взметнуло точно катапультной, и они полетели, сшибаясь друг с другом, ударяясь о металл, отчего получали страшные ушибы, ломали кости. Не в силах тотчас оправиться от страшного умственного и физического потрясения, люди оцепенели; барабанные перепонки болели, едва не лопнув от давления воздушной волны; носоглотку разъедали ядовитые газы, глаза слепил густой черный дым. А бесстрастный голос в динамике все твердил и твердил что-то неразборчивое.

Дым понемногу рассеялся. Шатаясь, точно пьяный, Тиндалл поднялся на ноги и ухватился за брусок – компенсатор девиации: адмирала швырнуло взрывом на середину компасной площадки. Он встряхнул головой. Все вокруг ходило ходуном. Здорово же его шарахнуло, он даже не помнит, как все произошло. И кисть чьей-то руки... Почему она так нелепо вывернута? Да это же его собственная кисть, подумал он с вялым изумлением. Странное дело, совсем не больно. Перед ним возникло лицо Карпендера. Повязку со лба штурмана сорвало, рана, полученная во время страшной бури, открылась, лицо залито кровью. «Что бы сказала та девушка из Хенли, о которой он твердил, если бы увидела его в таком виде?» – подумал почему-то Тиндалл. Отчего не перестанет бубнить, точно помешанный, этот голос в динамике?.. Неожиданно ум его прояснился.

– Боже мой! Боже! – Он изумленно уставился на обезображенный настил палубы и под ней расколотый на куски асфальт. Отпустив брусок, адмирал тотчас ткнулся в ветрозащитное стекло; чувство равновесия подтвердило то, чему отказывались верить глаза: вся компасная площадка наклонилась на пятнадцать градусов вперед.

– В чем дело, штурман? – Голос его звучал хрипло, напряженно и показался незнакомым даже ему самому. – Скажите, Бога ради, что произошло? Взрыв в казенниках второй башни?

– Нет, сэр, – ответил Карпендер, проводя по глазам рукой, и рукав его комбинезона тотчас окрасился кровью. – Прямое попадание, сэр. Точно в надстройку.

– Он прав, сэр.

Кэррингтон, далеко перегнувшись через ветровое стекло, пристально всматривался вниз. Даже в такую минуту Тиндалла удивило спокойствие капитан-лейтенанта, его почти нечеловеческое самообладание.

– Нам здорово не повезло, – продолжал Кэррингтон. – Поврежден носовой скорострельный автомат, прямо под нами – пробоина величиной с дверь... Должно быть, натворило там бед...

Едва ли адмирал расслышал последние слова. Опустившись на колени возле Вэллери, он подложил ему под голову здоровую руку. Командир корабля лежал, скрючившись, у дверцы. Он хрипло, прерывисто дышал, захлебываясь кровью, которая шла у него горлом. Лицо Вэллери было смертельно-бледно.

– Крайслер, вызвать на мостик Брукса, то есть начальника медицинской службы! – закричал Тиндалл. – Живо!

– На мостике! Докладывает радиорубка. Докладывает радиорубка. Прошу подтвердить сообщение. Прошу подтвердить сообщение.

Голос в динамике говорил торопливо, уже не так монотонно, и теперь даже в его металлической бесстрастности ощущалась какая-то тревога.

Положив трубку, Крайслер озабоченно посмотрел на адмирала.

– Ну? – властно спросил Тиндалл. – Он скоро придет?

– Никто не отвечает, сэр. – Поколебавшись, юноша прибавил: – Линия, видно, повреждена.

– Так какого дьявола вы здесь стоите? – взревел Тиндалл. – Сбегайте за ним. Первый офицер, прошу принять на себя командование кораблем! Бентли, вызовите на мостик старшего офицера!

– На мостике! Докладывает радиорубка. Докладывает радиорубка.

Тиндалл испепеляющим взглядом впился в динамик, но тотчас похолодел: до его сознания дошел смысл слов радиста.

– ...Попадание в кормовую часть. Из дивизиона живучести докладывают, что разрушен шифрпост. Радиолокационные рубки номер шесть и семь выведены из строя. Повреждена корабельная лавка. Кормовой командно-дальномерный пост получил значительные повреждения.

– Кормовой пост! – Тиндалл с бранью начал стаскивать перчатки, но тотчас сморщился от острой боли: он забыл, что у него сломана рука. Осторожно подложив под голову Вэллери свои толстые перчатки, он с трудом поднялся.

– Кормовой командный пост! Но ведь там Тэрнер! Боже, неужели же он...

Не договорив, адмирал, спотыкаясь, бросился к задней части мостика. Опираясь о поручни трапа, Тиндалл с опаской посмотрел в сторону юта.

Сперва он не увидел ничего, кроме задней трубы и грот-мачты. Сводящий с ума плотный серый туман, круживший над кораблем, был совершенно непроницаем. Неожиданно туман и дым, висевшие над ютом, на какое-то мгновение рассеялись. Тиндалл судорожно вцепился в поручни; косточки пальцев побелели как слоновая кость.

Кормовой надстройки как не бывало. Вместо неё возвышалась нелепая груда исковерканного, изуродованного металла. Взору Тиндалла предстала третья башня, обычно невидимая с мостика. Башня на вид повреждений не имела. Но остальные сооружения кормовой надстройки исчезли. Не было ни радиолокационных рубок, ни шифрпоста, ни служебного помещения корабельной полиции, ни корабельной лавки. Кормовой камбуз, должно быть, уничтожен почти полностью. Смерть прошла по юту стальной метлой. Чудом уцелела лишь обрубленная грот-мачта. Но сразу за ней адмирал увидел кормовой пост управления, венчавший это чудовищное нагромождение. Кормовой пост скособочен, укрепленный на нем дальномер сбит. Именно тут находился Тэрнер, старший офицер крейсера... Тиндалл покачнулся и едва не упал с верхней ступеньки крутого трапа. Он встряхнул головой, чтобы прогнать туман, сдавливавший его мозг. Где-то в области темени ощущалась странная тупая боль. Именно там, казалось, и возникал этот туман... «Корабль-счастливчик» – так когда-то называли «Улисс». Двадцать месяцев ходил он в самые трудные походы и не получил ни единой царапины... Но Тиндалл знал, что когда-нибудь счастье от него отвернется.

Заслышав торопливые шаги ног, поднимавшихся по металлическому трапу, он с усилием поднял отяжелевшие веки и тотчас узнал смуглое, худощавое лицо старшего сигнальщика Дэвиса. Тот поднимался с флаг-дека. Лицо его было белым как полотно, он учащенно дышал. Дэвис открыл было рот, но тут же осекся, уставившись на поручни.

– Ваша рука, сэр! – Он перевел изумленный взгляд на глаза адмирала. – На ней же нет перчатки!

– Неужели так? – Тиндалл посмотрел на свою руку с некоторым удивлением. – И в самом деле. Благодарю вас, Дэвис.

С этими словами он убрал руку с мерзлой стали и равнодушно поглядел на кровоточащую, с содранной кожей, ладонь.

– Пустяки. В чем дело, паренек?

– Я только что с поста управления авиацией. – Глаза Дэвиса потемнели от пережитого

ужаса. – Там разорвался снаряд. Пост... его просто не существует. А запасной командный пункт, что над ним...

Срывающийся голос сигнальщика утонул в грохоте залпа первой башни. Казалось почему-то странным, что орудия главного калибра по-прежнему действуют.

– Я там был, сэр, – продолжал Дэвис несколько спокойнее. – Все... Словом, беднягам не повезло.

– А что с командером Уэстклиффом? – произнес Тиндалл, хотя и понимал, что цепляется за соломинку.

– Не знаю, сэр. Пост управления разнесло в клочья. И если он находился там...

– Где же ему ещё было находиться? – прервал его мрачным голосом Тиндалл. – Авиационный офицер никогда не оставлял свой командный пункт во время боевой тревоги...

Сжав в кулаки изуродованные руки, адмирал замолчал: послышался пронзительный визг и оглушительный треск снарядов, разорвавшихся до жути близко. Оба эти звука слились в адскую какофонию.

– Боже мой! – прошептал Тиндалл. – Чуть снова не угодило! Дэвис! Что за дьявол!

Голос внезапно превратился в мучительный стон. Отчаянно размахивая руками, чтобы сохранить равновесие, адмирал ударился спиной о палубу, да с такой силой, что едва не отбил себе легкие. Это Дэвис, взвившись точно снаряд катапульты, перелетел через последние три ступеньки трапа и с размаху ударил головой и плечами в живот адмиралу.

Упав на ноги Тиндалла, юноша неподвижно лежал, раскинув руки.

С усилием набрав воздуха в легкие, Тиндалл словно всплывал из пучины обморока. Еще ничего не соображая, он машинально приподнялся, но сломанная рука подломилась, не выдержав тяжести тела. От ног, похоже, тоже не было проку. Они были точно ватные. Туман рассеялся, и в потемневшем небе возникали ослепительные разноцветные вспышки – красные, зеленые, белые. Что это, осветительные снаряды? Какой-то новый тип? Усилием воли адмирал заставил себя размышлять. До его сознания дошло, что между этими яркими отблесками и пронзительной болью где-то в лобной части его мозга есть какая-то связь. Он провел по лицу тыльной стороной ладони: глаза его были все ещё зажмурены...

– Вы ранены, сэр? Не двигайтесь. Мы вас сию же минуту унесем отсюда, – прогудел над головой адмирала грудной, властный голос. Тиндалл отпрянул назад в неопишемом ужасе. Это был голос Тэрнера, а Тэрнер, он знал, погиб. Уж не умер ли и он сам? И мир, куда он теперь попал, – это жуткий мир, где все смешалось – крошечный мрак и ослепительный свет, – темный и яркий мир, наполненный болью, бессилием и голосами из прошлого?

Неожиданно веки его открылись. В каком-то футе от себя Тиндалл увидел худощавое пиратское лицо старшего офицера, озабоченно склонившегося над ним.

– Тэрнер! Неужели это Тэрнер? – с надеждой протянул руку адмирал и, несмотря на боль, благодарно ощутил прикосновение жесткой ладони старпома.

– Тэрнер! Ну, конечно же, это вы! А я-то думал...

– Кормовой командный пост? Меня там и близко не было. Я шел сюда, уже по трапу на бак поднимался, когда разорвался первый снаряд. Меня швырнуло на палубу... Как себя чувствуете, сэр?

– Слава Богу! Слава Богу! Только вот ноги. Силы небесные, что это?

Глаза его расширились от изумления. Над самой головой Тэрнера навис похожий на дерево огромный белый ствол, наклонившийся на левый борт. Протянув руку, можно было коснуться этой громады.

– Это фок-мачта, сэр, – объяснил Тэрнер. – Последним снарядом её ниже рея срезало. Воздушная волна закинула обломок на мостик. Боюсь, почти полностью разрушен пункт

управления зенитным огнем. Мачту вдавило в главный командно-дальномерный пост. Юный Кортни вряд ли смог уцелеть... Дэвис вовремя заметил, что она падает. Я поднимался вслед за ним.

«Дэвис!» – Тиндалл только сейчас вспомнил о нем. Ну, конечно же, Дэвис! Должно быть, это он и придавил ему ноги. Вытянув шею, Тиндалл смог увидеть тело юноши; огромная мачта упала тому на спину.

– Ради Бога, старпом, вытащите его!

– Лежите, сэр, скоро придет Брукс. С Дэвисом все в порядке.

– В порядке? Вы говорите, в порядке! – кричал своим голосом Тиндалл, не обращая внимания на молчаливые фигуры, скапливавшиеся вокруг. – Вы что, спятили, Тэрнер? Бедняга парень, должно быть, мучается.

Сделав отчаянное усилие, адмирал попытался подняться, но несколько пар рук – заботливых и крепких – удержали его.

– С ним все в порядке, сэр. – Голос Тэрнера прозвучал непривычно тихо. – Это правда, сэр. Дэвис больше не мучается. Он отмучился.

Тиндалл все понял. Ошеломленный страшным открытием, закрыв глаза, адмирал плашмя упал на спину.

Глаза его были все ещё закрыты, когда появился Брукс, уверенный, расторопный. С его приходом у всех словно отлегло от сердца. Не прошло, казалось, и минуты, как адмирал снова был на ногах – потрясенный, весь в синяках и ушибах, но в целом невредимый. Открыто выражая неповиновение доктору, Тиндалл настоял, чтобы его отвели на мостик. При виде Вэллери, который, пошатываясь, прижимал ко рту белое полотенце, глаза его вспыхнули. Но он промолчал. Нагнув голову, адмирал с мучительным усилием забрался в свое высокое кресло.

– На мостике! Докладывает радиорубка! Докладывает радиорубка. Прошу подтвердить сообщение.

– Этот проклятый болван все ещё бормочет? – сварливо заметил Тиндалл. – Почему никто не заткнет ему глотку?

– Вы были без сознания всего лишь несколько минут, сэр, – заметил Капковый мальчик.

– Несколько минут! – Тиндалл изумленно уставился на него и тотчас умолк. Потом взглянул на Брукса, перевязывавшего ему правую руку.

– Начальнику корабельной медслужбы больше нечего делать? – спросил он неприязненно.

– Да, нечего, – проворчал Брукс. – Когда снаряды рвутся в четырех стенах, начальнику медслужбы остается одно... подписывать свидетельства о смерти, – добавил он грубо. Вэллери и Тэрнер переглянулись. Вэллери понял, что Брукс даже не догадывается, насколько тяжело состояние Тиндалла.

– На мостике! Докладывает радиорубка! «Вектра» снова запрашивает указаний. Срочно. Срочно.

– «Вектра», – Вэллери взглянул на умолкнувшего, оцепеневшего адмирала и повернулся к посыльному. – Крайслер! Во что бы то ни стало доберитесь до радиста. Пусть повторит первое донесение.

Снова поглядев на Тиндалла и увидев его искаженное лицо, он посмотрел вниз, через борт, куда смотрел адмирал... И тотчас отпрянул в ужасе, подавив внезапную тошноту. Зенитчик, находившийся в гнезде ниже мостика, – ровесник Крайслера, должно быть, увидев падающую мачту, попытался спастись. Едва он выскочил из гнезда, как антенна радиолокатора, укрепленная на мачте, обрушившейся на мостик, – стальная решетка площадью в добрую сотню квадратных футов – с размаху ударила по нему. Комендор лежал без движения – обезображенный, изуродованный, не похожий на человеческое существо. Лежал, раскинув руки,

словно распяты на спаренном стволе своего «эрликона».

Вэллери отвернулся в душевной боли. Боже, до чего безумная и бессмысленная эта вещь – война! Будь проклят этот немецкий крейсер, эти немецкие артиллеристы! Будь они трижды прокляты!.. Хотя что это он? Ведь они просто делают свое дело, и делают его дьявольски умело. Невидящим взором каперанг уставился на остатки своего мостика. Какая точность, будь они неладны! «Интересно, получил ли повреждения вражеский корабль?» – машинально подумал Вэллери. Очевидно, нет, а теперь попасть в него и вовсе невозможно. «Улисс», по-прежнему мчавшийся в тумане на зюйд-ост, стал слеп, пав жертвой непогоды и немецких орудий, выведших из строя обе радарные установки. Хуже того, и оба командно-дальномерных поста в безнадежном состоянии. Если так будет продолжаться и дальше, криво усмехнулся он, останется одно: пустить в ход абордажные крючья и сабли. Хотя орудия главного калибра «Улисса» и уцелели, с военной точки зрения крейсер беспомощен. Больше того, он попросту обречен. Как это выразился кочегар Райли? Ах, да. «Нас бросают на съедение своре волков». Вот именно, брошены на съедение волкам. Но только Нерон, подумал он устало, был бы способен ослепить гладиатора, прежде чем бросить его на арену...

Огонь прекратился. На мостике воцарилась могильная тишина. Невыносимая, небывалая тишина. Слышен был лишь шум воды, рассекаемой форштевнем, глухой рев огромных втяжных вентиляторов котельного отделения да монотонное, действующее на нервы щелканье гидролокатора. Но, странное дело, эти звуки лишь усугубляли безмолвие.

Вэллери увидел, что глаза всех устремлены на адмирала Тиндалла. Старина Джайлс бубнил что-то неразборчивое. Его лицо стало вдруг мертвенно-серым, изможденным. Адмирал перегнулся через борт. Казалось, взгляд его был прикован к убитому юноше. А может быть, к решетке локатора? Дошло ли до его сознания, что в действительности означают сбита радарная антенна и разрушенные командно-дальномерные посты? Вэллери долго смотрел на адмирала, потом отвернулся, поняв, что дошло.

– На мостике! Докладывает радиорубка! Докладывает радиорубка!

Все, кто находился на мостике, и без того взвинченные до предела, так и подпрыгнули, заслышав голос в динамике. Все, кроме Тиндалла. Он застыл словно изваяние.

– Донесение с «Вектры». Первое донесение, полученное в 09.52.

Вэллери взглянул на часы. Прошло всего шесть минут. Невероятно!

– Повторяем текст донесения. «Установлены контакты. Три контакта. Повторяю, три. Отставить три. Пять контактов. Крупное сосредоточение подводных лодок противника впереди по курсу и на траверзе. Вступаю в бой».

Всем было известно, что, вопреки указаниям руководства, Тиндалл самолично принял решение оставить конвой почти без всякого охранения. На свой страх и риск. Вэллери невольно восхитился мастерством, с каким была подложена приманка и рассчитано время захлопнуть мышеловку. Каково-то воспримет старина Джайлс этот страшный просчет, завершивший целый ряд роковых ошибок, – просчетов, за которые, говоря по справедливости, судить его нельзя... Но держать ответ ему все равно придется. Железный голос динамика прервал размышления командира крейсера.

– Передаю текст второго донесения с «Вектры»:

«Вступил в бой. Начал бомбометание. Один транспорт торпедирован, тонет. Танкер торпедирован, имеет повреждения, но остается на плаву, управляется. Прошу срочных указаний. Прошу срочной помощи».

В динамике щелкнуло. Снова воцарилась напряженная, неестественная тишина. Так продолжалось пять, десять, двадцать секунд. Потом все, словно сговорясь, как-то неловко отвернулись.

Тиндалл стал слезать со своего кресла. Движения его были неуклюжими, медленными. Он неуверенно зашаркал ногами – так ходят очень дряхлые люди. Было заметно, что он сильно хромает. Правая рука, неестественно белая из-за наложенной на неё повязки, поддерживала сломанную кисть левой руки. В фигуре адмирала ощущалось какое-то неестественное, как бы вымученное достоинство, лицо было бесстрастно, лишь бледный отсвет улыбки, казалось, ещё играл на нем. Потом он заговорил – словно бы с самим собой.

– Я нездоров, – произнес он. – Спускаюсь вниз.

Крайслер, при всей своей молодости понявший разыгравшуюся у него на глазах трагедию, отворил дверцу и вовремя подхватил Тиндалла, когда тот оступился на ступеньке трапа.

Адмирал, бросив через плечо умоляющий взгляд, заметил сочувственный кивок Вэллери.

Оба – старик и юноша – медленно, бок о бок, пошли в сторону юта. Спустя короткое время шарканье стихло.

Изуродованный мостик стал удивительно пустынным, а те, кто на нем находились, чувствовали себя словно осиротелыми. Старины Джайлса – жизнерадостного, энергичного, неутомимого Джайлса – больше не было. Люди ещё не успели осознать непоправимое: столь быстрой и разительной была эта страшная перемена в адмирале. В ту минуту они лишь почувствовали себя беззащитными, беспомощными и одинокими.

– Ибо сказано: «Устами младенцев глаголет истина...» – Конечно же, первым нарушил тишину Брукс. – Николлс всегда утверждал...

Осекшись на полуслове, старый врач медленно, словно что-то припоминая, покачал головой.

– Схожу выясню, не могу ли чем-нибудь помочь, – проговорил он и стал торопливо спускаться с мостика.

Вэллери, проводив его взглядом, повернулся к Бентли. Поросшее седой щетиной, осунувшееся лицо командира, казавшееся мертвенно бледным в туманном полусвете, было бесстрастно.

– Отправьте три депеши, главстаршина. Сначала «Вектре»: «Идти курсом 360 градусов. Не рассеиваться. Повторяю, не рассеиваться. Иду на помощь». – Помолчав, он добавил: – «Подписано: Командующий 14-й эскадрой авианосцев». Записали?.. Хорошо. Шифровать некогда. Пусть передают клером. Пошлите немедленно кого-нибудь из ваших людей в радиорубку.

– Второе радио «Стерлингу», «Сиррусу» и «Викингу»: «Немедленно оставить преследование. Курс норд-ост. Ход самый полный». Это тоже передать открытым текстом.

Вэллери повернулся к Карпентеру.

– Как голова, штурман? Можете нести службу?

– Разумеется, сэр.

– Спасибо, мой мальчик. Вы слышали, что я говорил? Конвой изменит курс на норд... минут через шесть, в 10.15. Скорость его шесть узлов. Рассчитайте как можно скорей наш курс соединения с конвоем.

– Третье радио, Бентли. «Стерлингу», «Сиррусу» и «Викингу»: «Радар выведен из строя. Не могу обнаружить вас. Выпустить туманные буи. Подавать сигналы сиреной с перерывом в две минуты». Эту депешу пусть зашифруют. Подтверждения депеш тотчас на мостик. Старший офицер!

– Слушаю, сэр. – Тэрнер в мгновение ока был рядом.

– Объявить обычную походную готовность. Полагаю, к тому времени, как мы придем, «волчья стая» уберется восвояси. Кто будет на подвахте?

– А Бог её знает? – откровенно признался Тэрнер. – Допустим, вахта левого борта.

Вэллери усмехнулся.

– Левого так левого. Отрядите из подвахтенных две партии. Пусть первая партия расчищает обломки. Всё за борт. Ничего не оставлять. Вам понадобится кузнец и его подручный, а Додсон, думаю, выделит вам газорезчиков. Руководство примет на себя. Вторая партия будет выполнять обязанности похоронной команды. Пусть её возглавит Николлс. Все трупы снести в корабельную лавку... Через час дать мне отчет о потерях и повреждениях сумеете?

– Сделаю это гораздо раньше, сэр... Нельзя ли поговорить с вами с глазу на глаз?

Оба зашли в броневую рубку. Когда дверь за ними захлопнулась, Вэллери с любопытством и чуть ли не весело взглянул на Тэрнера.

– Снова бунт, старпом?

– Нет, сэр. – Тэрнер, расстегнув куртку, достал из заднего кармана брюк плоскую бутылку и посмотрел сквозь неё на свет.

– Слава Богу, цела! – произнес он с облегчением. – Боялся, что она разбилась, когда я упал. Это ром, сэр. Неразбавленный. Я знаю, вы противник подобного зелья, но ничего. Хлебните, вам это необходимо!

Вэллери нахмурил брови.

– Ром. Послушайте, старпом, что это вы себе позволяете?

– К едреной матери правила и уставы, командир! – грубо прервал его Тэрнер. – Выпейте, вам это будет как нельзя кстати! Вы контужены, потеряли много крови и до смерти замерзли.

Он открыл фляжку и сунул её в руки Вэллери, который неохотно взял её.

– Будем смотреть фактам в лицо. Вы нам нужны, нужны как никогда, а вы едва стоите на ногах. Да, да, едва стоите, – прибавил он сурово. – А ром поможет вам продержаться ещё несколько часов.

– Вы весьма деликатны, – пробормотал Вэллери. – Хорошо, как вам угодно.

Он замолчал, не донеся флягу до рта.

– Кстати, вы подали мне одну мысль, старпом. Прикажите боцману начать раздачу рома. Велите сыграть сигнал: «Улучшить состояние!» Каждому матросу двойную порцию. Им это тоже понадобится. – Глотнув, он поморщился. Но не вкус рома вызвал у него гримасу отвращения. – Особенно похоронной команде, – добавил он.

Глава 10

В ПЯТНИЦУ пополудни

Щелкнул выключатель, и хирургическую палату, где начало темнеть, залило резким голубоватым светом. Вздвогнув, Николлс проснулся и машинально прикрыл рукой утомленные веки: резало глаза. Он прищурился и с усилием взглянул на стрелки ручных часов. Уже четыре! Неужели он так долго спал? Боже, ну и колотун!

Восседая в зубо­вра­че­б­ном кресле, он с трудом повернул голову назад. У двери стоял Брукс. Запорошенный снегом капюшон, словно венец, обрамлял его серебристые волосы. Онемевшими пальцами он пытался распечатать пачку сигарет. Наконец ему удалось вытащить одну сигарету. Держа в руке горящую спичку, он насмешливо поднял брови.

– Привет, Джонни! Простите, что разбудил вас, но вы нужны командиру. Правда, времени у вас ещё хватит. – Поднеся сигарету к угасающему пламени, он снова поднял глаза. – Как себя чувствуете? Хотя чего тут спрашивать? Я себя чувствую ещё хуже. Не осталось ли у вас этой отравы?

– Отравы, сэр? – в тон ему ответил Николлс. – Она понадобилась вам только потому, что поставили ошибочный диагноз? С адмиралом все будет в порядке, не волнуйтесь.

– О дьявол! До чего же несносны зеленые юнцы, особенно в тех, слава Богу, редких случаях, когда они оказываются правы... Я имел в виду ту самую бутылку контрабандного зелья, что изготовлено на острове Молл.

– Колл! – поправил его Николлс. – Но это неважно, как оно называется, – все равно его больше нет. Это вы его выпили, – прибавил он недружелюбно. Он устало усмехнулся при виде огорченного лица Брукса, затем, сжавшись, произнес: – Но бутылочка «Талис-кера» у нас найдется.

Подойдя к шкафчику с надписью «Яд», он отвинтил крышку флакона с наклейкой «Лизол». Он скорее услышал, чем увидел, как стекло коснулось стекла, и машинально, как бы со стороны, попытался определить, почему у него так сильно трясутся руки.

Брукс опустошил свой стакан и блаженно вздохнул, чувствуя, как по всему телу разливается благодатное тепло.

– Спасибо, мой мальчик, спасибо. У вас налицо все задатки первоклассного лекаря.

– Вы так думаете, сэр? А я нет. Я больше так не думаю. После сегодняшнего дня. – Он поморщился, вспомнив что-то. – Их было сорок четыре. Одного за другим, словно мешки с мусором, их побросали за борт. На все ушло каких-то десять минут.

– Сорок четыре? – поднял глаза Брукс. – Неужели так много?

– Не совсем, сэр. Это число пропавших без вести. Убитых человек тридцать, и Бог знает, сколько кусков и ключев... В посту управления авиацией пришлось пустить в ход швабры и лопаты. – Он невесело усмехнулся. – Сегодня я не обедал. Не думаю, что и у остальных из похоронной команды появился аппетит. Задраю-ка я этот иллюминатор.

Он поспешно отвернулся от Брукса и пересек лазарет. Невысоко над горизонтом сквозь редкий снежок он заметил мигающий свет вечерней звезды. Значит, туман рассеялся – туман, который спас конвой, укрыл корабли от подводных лодок, когда транспорты резко повернули на север. Он увидел «Вектру» с бомбосбрасывателями, на которых не оставалось ничего, даже отдаленно похожего на глубинные бомбы. Увидел «Вайтуру», подбитый танкер, почти по палубу осевший в воду, который угрюмо тащился в хвосте конвоя. Видел четыре транспорта типа «Виктори» – огромные, мощные, надежные и в то же время, при всей их кажущейся

неуязвимости, какие-то жалкие. Захлопнув водонепроницаемую крышку иллюминатора, туго закрутив все до последнего барашка, Николлс круто обернулся.

– Почему мы не поворачиваем назад, черт возьми? – вырвалось у него. – Кого Старик хочет одурачить, нас или немцев? Без авиационной поддержки, без радара, без малейшей надежды на помощь! Немцы теперь знают наши координаты с точностью до дюйма, а дальше им будет ещё проще следить за нами. А впереди ещё целая тысяча миль! – Повысив голос, он продолжал: – И теперь каждый поганый немец, действующий в Ледовитом океане, – будь то надводный корабль, субмарина или самолет – облизывается, выжидая момент, когда можно будет прикончить нас на досуге. – Он в отчаянии покачал головой. – Я не боюсь опасности, сэр. Вы это знаете. Но ведь мы свидетели самого настоящего убийства, если не сказать самоубийства. Выбирайте, что вам угодно, сэр. Все равно конец будет одинаков.

– Послушайте, Джонни, что-то вы разговорились...

– Почему же он не поворачивает назад? – Николлс даже не услышал замечания, сделанного Бруксом. – Ему стоит только отдать приказ. Чего он хочет? Смерти или славы? Чего ищет? Бессмертия за мой счет, за наш счет? – Он зло выругался. – Пожалуй, Райли был прав. Не правда ли, заголовок получится превосходный: «Капитан первого ранга Ричард Вэллери, кавалер ордена «За боевые заслуги», посмертно представлен...»

– Заткнитесь! – Фраза прозвучала как удар хлыста. Глаза Брукса стали холодными, как Ледовитый океан, – И вы смеее подобным образом отзываться о капитане первого ранга Вэллери? – продолжал старый врач. – Осмеливаетесь чернить имя достойнейшего человека...

Не окончив фразы, Брукс с гневным удивлением покачал головой. Он молчал, тщательно подыскивая нужные слова, не сводя при этом глаз с побелевшего, напряженного лица лейтенанта.

– Он отличный офицер, лейтенант Николлс. Возможно, даже превосходный офицер. Но это не самое главное. Это ещё ничего не значит. Главное то, что он самый честный, самый порядочный человек из всех, кто ходил по этой не знающей милосердия, Богом забытой земле. Ни вы, ни я ему не чета. Никто ему не чета. Он один в этом мире, но никогда не бывает одинок. С ним такие люди, как апостол Петр, Беда Достопочтенный^[8], святой Франциск Ассизский. – С коротким смешком Брукс прибавил: – Не правда ли, забавно слышать подобные речи от такого закоренелого циника, как я?.. Возможно, мои слова кажутся вам святотатственными, хотя правда не может быть святотатством. А я знаю, что это правда.

Николлс ничего не сказал. Лицо его словно окаменело.

– Гибель, слава, бессмертие... – безжалостно продолжал Брукс. – Таковы были ваши слова, не так ли? Смерть? – Он усмехнулся и снова покачал головой. – Для Ричарда Вэллери смерти не существует. Слава? Конечно, он стремится к славе, каждый из нас ищет славы, но все великосветские «Лондон Гэзетт», все букингемские дворцы мира, вместе взятые, не помогут нашему командиру снискать такой славы, какая ему нужна. Капитан первого ранга Вэллери не ребенок, а лишь дети забавляются побрякушками... Что касается бессмертия... – Брукс усмехнулся, но уже без всякого сарказма, и положил руку на плечо Николлсу. – Я вас спрашиваю, Джонни, разве это не глупо – стремиться к бессмертию, если одной ногой стоишь в могиле?

Николлс ничего не ответил. Затянувшееся молчание стало тягостным, шум воздуха, втягиваемого вентилятором, – раздражающе громким. Наконец Брукс откашлялся и многозначительно посмотрел на «Лизол».

Наполнив стаканы, Николлс закрыл шкафчик. Заметив взгляд молодого лейтенанта, Брукс почувствовал жалость. Да, что же сказал Каннингем^[9] во время немецкого вторжения на Кипр?.. «Неразумно злоупотреблять долготерпением людей». Банально, но справедливо. Справедливо

даже по отношению к таким людям, как Николлс. Какое тяжкое испытание пришлось, должно быть, на долю этого мальчика. Целое утро он извлекал из-под обломков изуродованные останки того, что недавно называлось людьми. В довершение всего, ему было вменено в обязанность опознать каждый из трупов, осмотреть все куски...

– Еще один шаг, и я окажусь в дерьме. – Голос Николлса был едва слышен. – Не знаю, что и сказать в свое оправдание. Не понимаю, как я мог говорить подобным образом... Простите меня.

– И вы меня простите, – искренне проговорил Брукс. – Я был с вами резок. Мне действительно жаль, – подняв стакан, он стал любовно рассматривать его содержимое. – За наших врагов, Джонни. За их гибель и посрамление. Не забудем и адмирала Старра.

Осушив залпом стакан, Брукс поставил его и пристально посмотрел на Николлса.

– Полагаю, вам следует выслушать и все остальное, Джонни. Знаете, почему Вэллери не поворачивает назад? – Он криво усмехнулся. – Вовсе не потому, что этих проклятых немецких лодок сзади ничуть не меньше, чем впереди, а это наверняка так. – Брукс закурил новую сигарету и стал спокойно продолжать: – Сегодня утром командир связался с Лондоном. Он высказал предположение, что конвой Эф-Ар-77 отправят на дно (правда, он выразился иначе, сказал, что конвой будет истреблен, что одно и то же) задолго до того, как он достигнет мыса Нордкап. Вэллери просил хотя бы разрешить ему, на худой конец, обогнуть Нордкап с севера, а не идти прямо на восток... Жаль, что сегодня не было заката, – прибавил он не без юмора. – Хотелось бы взглянуть на него ещё раз.

– Ну, разумеется, – нетерпеливо проговорил Николлс. – И каков же был ответ?

– Что? Ах да, ответ...

Вэллери рассчитывал получить его тотчас же. А ждать пришлось целых четыре часа. – Брукс улыбнулся, но глаза его были невеселы. – Кто-то где-то замышляет нечто грандиозное. Скорее всего, гигантскую десантную операцию. Только об этом – молчок, Джонни.

– Само собой, сэр.

– Но что именно, не имею ни малейшего представления. Возможно, даже давно обещанный Второй фронт. Во всяком случае, для операции, очевидно, крайне необходима поддержка флота метрополии. Но флот метрополии по рукам и ногам связан «Тирпицем». Отсюда – приказ во что бы то ни стало разделаться с этим линкором. Любой ценой. – Брукс усмехнулся, в глазах сверкнул холодок. – Мы – большие шишки, Джонни, важные персоны. Мы представляем собой самую богатую, самую лакомую приманку и потребовались для того, чтобы заполучить самую богатую, самую лакомую добычу в мире, хотя подозреваю, что шарниры капкана, при помощи которого намереваются поймать эту добычу, подзаржавели... Радиограмма была подписана первым лордом адмиралтейства... и Старром. Решение принято на уровне кабинета. Мы должны следовать дальше. Идем прямо на восток.

– Выходит, мы и есть та самая «любая цена», – возмущенно проговорил Николлс. – Нас заранее списали, как залежалый товар.

– Да, нас заранее списали, – согласился Брукс. В динамике над его головой щелкнуло, и он простонал: – Вот чертова музыка! Опять двадцать пять!

Дождавшись, когда замрет горн, возвещающий вечернюю боевую тревогу, Брукс протянул руку в сторону Николлса, поспешившего было к двери.

– К вам это не относится, Джонни. Пока. Я говорил, вы нужны командиру. Через десять минут после объявления тревоги он велел явиться на мостик.

– Что? На мостик? Какого ещё дьявола?

– Восклициания такого рода не украшают младшего офицера, – с торжественной миной произнес Брукс. – Какое впечатление произвели на вас морячки? – продолжал он без всякой

связи с предыдущим. – Ведь вы работали с ними все утро. Такие же, как всегда?

Николлс заморгал недоуменно, потом пришел в себя.

– Пожалуй. – Помолчав, прибавил: – Как ни странно, дня два назад они были в лучшей форме. Ну, а теперь они в таком же состоянии, как тогда, в Скапа-Флоу. Зомби, бродячие привидения. Даже хуже. Теперь они и ходят-то еле-еле! – Николлс сокрушенно покачал головой. – Одни носилки тащили пять-шесть человек. То и дело запинаятся, натыкаются на разные предметы. Словом, спят на ходу. Глаза открыты, но ничего не видят. Люди чертовски устали, даже под ноги себе не смотрят.

– Знаю, Джонни, знаю, – кивнул Брукс. – Сам все видел.

– В них не осталось больше ни бунтарства, ни злобы. – Николлс говорил с каким-то изумлением, пытаясь сложить в стройное целое расплывчатые, рассеянные впечатления. – Для мятежа они просто выдохлись. Но дело не в этом. Когда мы расчищали пост наведения истребителей, то и дело слышались от них такие вот фразы: «Счастливчик», «Умер легкой смертью» и все в таком вот духе. А ещё говорили: «Старый Джайлс совсем из ума выжил». Вы бы видели, каким жестом сопровождалась эта фраза. Причем говорили без всякого юмора, даже мрачного юмора висельников... – Николлс снова покачал головой. – Не знаю, что это с ними, сэр. Апатия, безразличие, безнадежность, называйте как хотите. Словом, люди они пропащие!

Брукс пристально поглядел на него, потом негромко спросил:

– Пропащие, говорите? – После некоторого раздумья он прибавил: – Знаете, Джонни, пожалуй, вы правы... Но, как бы то ни было, поднимайтесь наверх. Командир намерен сделать обход корабля.

– Что? – Николлс был поражен. – Во время боевой тревоги? Покинуть мостик?

– Вот именно.

– Ну это невозможно, сэр. Это... это беспрецедентно!

– Таков уж каперанг Вэллери. Об этом-то я и твержу вам весь вечер.

– Но этим он убьет себя! – негодуя воскликнул Николлс.

– Именно так и я сказал ему, – согласился Брукс. – С клинической точки зрения он уже умирает. Он давно должен быть мертв. В чем у него душа держится, одному Богу известно. Во всяком случае, жив он не переливанием плазмы и не лекарствами... Иногда, Джонни, нам полезно напоминать, сколь ограничены возможности медицины. Кстати, это я уговорил его взять вас с собой... Не нужно заставлять ждать себя.

То, что увидел лейтенант Николлс, напоминало чистилище. Во время продолжавшегося целых два часа обхода корабля им с Вэллери пришлось перешагивать через высокие комингсы дверей, втискиваться в невероятно узкие люки и горловины, пробираться между изуродованными стальными конструкциями, взбираться и спускаться по сотне трапов, стунуть на холоде, от которого заходится сердце. Но воспоминание об этом обходе на всю жизнь останется в его памяти, всякий раз согревая душу удивительно теплым и светлым чувством признательности к Вэллери.

Командир крейсера, Николлс и главный старшина Хартли начали обход корабля с юта. Вэллери и слышать не хотел, чтобы его, как прежде, сопровождал полицейский сержант Гастингс. Грузная фигура Хартли дышала какой-то спокойной уверенностью. В тот вечер Хартли работал точно вол, открывая и закрывая десятки водонепроницаемых дверей, поднимая и опуская бесчисленное количество тяжелых люков, поворачивая тысячи задраек, закрывавших эти двери и люки, и уже через десять минут после начала обхода, несмотря на протест Вэллери, протянул свою могучую руку и предложил командиру помощь.

По крутому бесконечному трапу все трое спустились в оружейный погреб четвертой башни

– темный, мрачный каземат, тускло освещенный крохотными, как спичечные головки, лампочками. Здесь работали бывшие мясники, булочники, ремесленники, то есть те, кто до мобилизации занимался мирным ремеслом. Почти сплошь это были вояки, годные лишь для службы в военное время. Распоряжался ими опытный кадровый артиллерист. Работа, которую они выполняли, была грязной, тяжелой и неблагодарной. Как ни странно, до этих людей никому не было никакого дела. Странно потому, что работа эта была чрезвычайно опасна. В случае попадания в каземат восьмидюймового бронебойного снаряда или торпеды четырехдюймовая броня оказалась бы не более надежной защитой, чем лист газетной бумаги...

Уставленные снарядами и гильзами стены погреба отпотели, по ним стекали струйки ледяной воды. Часть матросов сидели или лежали, прислонясь к стеллажам. Лица у людей посинели, осунулись; все дрожали от стужи. В холодном воздухе тяжелым облаком повис пар от их дыхания. Несколько человек топтались вокруг элеватора по лужам ледяной воды. Засунув руки в карманы, понунив голову, сторбленные, изнемогающие от усталости, бедняги то и дело спотыкались. Ходячие привидения, думал Николлс, привидения, да и только. И чего они бродят? Лежали бы уж лучше.

Наконец все заметили присутствие командира корабля. Один за другим моряки останавливались или поднимались со своих мест, прилагая мучительные усилия. Зрение у них настолько ослабло, ум притупился до такой степени, что никто не поразился, не удивился приходу командира.

– Вольно, вольно, – поспешно сказал Вэллери. – Кто здесь старший?

– Я, сэр. – Облаченная в робу грузная фигура медленно вышла вперед и остановилась перед командиром.

– Ах, это вы, Гардинер, не правда ли? – Командир показал на людей, ходящих вереницей вокруг элеватора. – Ради Бога, объясните, Гардинер, что тут происходит?

– Лед, – лаконично ответил унтер-офицер. – Приходится месить воду ногами. А не то она сразу же замерзнет. Замерзнет сию же минуту. А раз на палубе погреба образовался лед – пиши пропало.

– Разумеется, разумеется! Но почему не пустите в ход помпы, осушительную систему?

– Все замерзло!

– Но не все же время вы ходите?

– В штилевую погоду – все время, сэр.

– Боже правый! – Вэллери покачал головой. Он был потрясен. Прямо по воде он направился к группе, находившейся в центре помещения. Прикрыв рот огромным зеленым в белую клетку шарфом, худенький, невзрачный паренек надрывно кашлял.

– Здоровы ли вы, мой мальчик? – Вэллери участливо положил руку на дрожащее плечо юноши.

– Да, сэр. Как же иначе? – Юноша поднял бледное лицо, искаженное болью. – Конечно, здоров, – прибавил он с вызовом.

– Как ваша фамилия?

– Мак-Куэйтер, сэр.

– Должность?

– Камбузник.

– Сколько вам лет?

– Восемнадцать, сэр.

«Боже милостивый, – подумал Вэллери, – я не крейсером команду, а детским садом!»

– Родом из Глазго, верно? – улыбнулся Вэллери.

– Оттуда, сэр, – смело ответил юноша.

– Я так и подумал. – Командир посмотрел на ноги Мак-Куэйтера, по щиколотки стоявшего в воде.

– Почему сапоги не надели? – спросил внезапно Вэллери.

– Нам их не выдают, сэр.

– Дружище, но у вас же насквозь мокрые ноги!

– Не знаю, сэр. Наверно. Да и что из того? – сказал просто Мак-Куэйтер. – Я их все равно не чувствую.

Вэллери поморщился. Понимает ли командир, подумал, глядя на него, Николлс, сколь угнетающее, жалкое зрелище представляет он сам со своим изможденным, бескровным лицом, красными, воспаленными глазами, с пятнами крови на губах и на носу, вечно с полотенцем в левой руке – потемневшим и мокрым. Неожиданно, без всякой причины, Николлсу стало стыдно; он вдруг понял, что подобная мысль не могла даже в голову прийти такому человеку.

– Скажи мне, сынок, по чести, ты устал?

– Что да, то да. Устал, сэр.

– Я тоже, – признался Вэллери. – Но не сможешь ли ты потерпеть ещё немного? – Командир ощутил, как хрупкие плечи расправились под его пальцами.

– Конечно смогу, сэр! – произнес юноша обиженно, почти сердито. – Как же иначе?

Вэллери медленно обвел взглядом матросов. Когда он услышал негромкий хор одобрительных голосов, темные глаза его засветились. Он хотел было сказать что-то, но не смог: помешал острый приступ кашля. Потом, снова подняв глаза, он обвел встревоженные лица моряков и неожиданно отвернулся.

– Мы вас не забудем, – проговорил он. – Обещаю, мы вас не забудем.

И старый моряк прямо по луже пошагал к трапу. Через десять минут все трое выбрались из башни. Очистившись, ночное небо было сплошь усыпано алмазными блесками звезд, этими брызгами застывшего огня, рассыпанными по синему бархату бездонного свода. Стужа была невыносимой. Когда дверь башни захлопнулась за ними, капитан первого ранга невольно поежился от холода.

– Хартли!

– Слушаю, сэр!

– В башне я почувал запах рома!

– Да, сэр. Я тоже, – как ни в чем не бывало, даже весело отозвался главстаршина. – Дух там, как в хорошем кабаке. Только вы не беспокойтесь, сэр. Люди приберегают свои порции рома для боевой вахты. Полэкипажа так делает.

– Это же строго-настрого запрещено уставом, главный! Вы сами прекрасно знаете!

– Знаю. Но что в этом за беда, сэр? Ром людей согревает. А если и придает морячкам пьяной храбрости, тем лучше. Помните тот вечер, когда носовая зенитная батарея сбила два пикировщика?

– Конечно.

– Расчет был пьян в стельку. Иначе вряд ли бы у них что вышло... Теперь же, сэр, это им просто необходимо.

– Возможно, вы правы, главный. Я их не осуждаю. – Вэллери хмыкнул. – Не утруждайте себя, давно знал об этом. Но там стоял такой дух, хоть топор вешай.

Поднялись в третью башню, которую обслуживали морские пехотинцы, потом спустились орудейный погреб. Где бы ни появлялся Вэллери, как это было в четвертой башне, своим приходом он ободрял моряков. Он обладал обаянием, был наделен необъяснимой силой, заставлявшей людей подниматься над собой, силой, пробуждавшей в них душевные качества, о существовании которых моряки и сами не подозревали. Видя, как тупая апатия и безысходность

постепенно уступают решимости, пусть решимости отчаяния, Николлс испытывал недоумение. Ведь лейтенант знал, что физически и духовно люди давно переступили грань, за которой начинается это отчаяние. Он попытался было представить себе, как это делается, понять подход, метод Вэллери. Но подход, убедился он, был всякий раз иным. В сущности, то была естественная реакция на конкретные обстоятельства, на ту или иную обстановку – реакция, в которой нет никакого расчета, никакой нарочитости. Что касается метода, то метода как такового не существовало. Тогда, может быть, движущей силой была жалость? Жалость к человеку, проявляющему недюжинное мужество, несмотря на то, что он одной ногой стоит в могиле? А может, стыд? Если этот страдалец терпит лишения, заставляя двигаться свое истощенное тело, не похожее на тело живого человека, если он убивает сам себя для того лишь, чтобы убедиться, каково нам, то, дескать, видит Бог, мы тоже сумеем все вынести? Вот в чем разгадка, убеждал себя Николлс. Вот какие чувства двигают людьми. Жалость и стыд. И юный врач возненавидел себя за то, что так думал, – не потому, что мысль эта была нелепой, а потому, что он лгал самому себе... Николлс слишком устал, чтобы думать. Бессвязные, разрозненные мысли путались. Так было со всеми. Даже Энди Карпентер (неслыханное дело!) чувствовал себя не вполне нормальным и не отрицал этого. Любопытно, как бы ответил на мучивший молодого доктора вопрос Капковый мальчик. Энди, верно, тоже размышлял, но размышлял на свой манер, словно находясь дома, на берегах Темзы. Интересно, что представляет собой эта девушка из Хенли? Имя её начинается с «Х» – Хелена, Христина? Почему он знает? На правом нагрудном кармане его капкового комбинезона золотом вышита буква «Х». Это она вышивала её. Но какая она из себя, эта девушка? Белокурая и веселая, как сам Капковый мальчик? Или темноволосая, добрая и отзывчивая, как Франциск Ассизский? Святой Франциск Ассизский? При чем тут он? Ах да, старый Сократ говорил о нем. Не тот ли это человек, о котором писал Аксель Мунте...

– Николлс! Вы здоровы? – обеспокоенно спросил Вэллери.

– Да, да, конечно, сэр. – Николлс встрепенулся, словно силясь сбросить с себя невидимый груз. – Просто задумался. Куда теперь, сэр?

– В кубрик машинистов, к аварийным партиям, в щитовую, в третье слаботочное отделение. Хотя что же я? Его больше нет. Ведь именно там был убит Нойс, не так ли?.. Хартли, буду вам премного обязан, если вы иногда позволите мне касаться ногами палубы...

Они обошли все перечисленные помещения и добрый десяток других, Вэллери не пропустил ни одного, самого отдаленного уголка, как бы ни был труден доступ туда, если был уверен, что в отсеке на боевом посту находится хотя бы один матрос.

Наконец они оказались в машинно-котельном отделении, где с непривычки у человека сдавливают барабанные перепонки, где от жары захватывает дух. В носовом котельном Николлс настоял на том, чтобы Вэллери передохнул. От боли и усталости лицо командира сделалось серым. Хартли с кем-то разговаривал в углу. Какая-то фигура, заметил краешком глаза Николлс, вышла из котельного.

Потом он увидел коренастого смуглого кочегара со ссадинами на щеках и огромным, но уже поблекшим синяком под глазом. В руках он держал складной парусиновый стул. С глухим стуком кочегар поставил стул позади командира.

– Садитесь, сэр, – грубым голосом произнес он.

– Спасибо, спасибо, – благодарно проговорил Вэллери, усаживаясь. Потом поднял брови. – Райли? – удивился он, затем перевел взгляд на Гендри, старшину котельных машинистов. – Скрепя сердце выполняет распоряжение начальства?

– Он сам решил принести стул, сэр! – замявшись, ответил Гендри.

– Приношу свои извинения, Райли! – с искренним сожалением произнес Вэллери. – Спасибо за стул, большое спасибо.

Он изумленно поглядел Райли вслед, потом снова посмотрел на Гендри, вопросительно подняв брови.

Гендри пожал плечами.

– Хоть убейте, не могу его понять. Странная личность. Он может, глазом не моргнув, проломить человеку череп свинцовой трубой, и в то же время подберет котенка или хромого пса. Если вы принесете ему птицу с подбитым крылом, можете считать, что теперь вы для Райли свой человек. Но о ближних он невысокого мнения, сэр.

Устало откинувшись назад, Вэллери молча, медленно кивнул и закрыл глаза. Николлс склонился над командиром.

– Послушайте, сэр, – тихо, но настойчиво просил он. – Следует прекратить обход. Вы же свалитесь, сэр, честное слово, свалитесь. Обход можно будет продолжить как-нибудь в другой раз.

– Боюсь, ничего не выйдет, – терпеливо объяснил Вэллери. – Вам трудно это понять, но другого раза не будет.

Вэллери повернулся к Гендри.

– Так вы полагаете, что справитесь, старшина?

– Насчет нас не беспокойтесь, сэр, – ответил Гендри. Акцент выдавал в нем уроженца Девоншира. – Себя поберегите, а уж кочегары вас не подведут, – прибавил он с грубоватой нежностью.

С усилием поднявшись на ноги, Вэллери слегка коснулся рукава Гендри.

– А знаете, старшина, я был в этом уверен... Готовы, Хартли? – Командир вдруг умолк, заметив огромную закутанную фигуру, ждущую у основания трапа. У верзилы было темное, мрачное лицо. – Кто это? Ах да, узнал. Никогда бы не подумал, что кочегарам бывает настолько холодно, – улыбнулся он.

– Да, сэр, это Петерсен, – сказал негромко Хартли. – Он пойдет с вами.

– Что, и Петерсен? Кто же так распорядился? Кстати, это не он ли...

– Да, сэр. Он был... правой рукой Райли, когда произошло злополучное столкновение в Скапа-Флоу...

Начальник медицинской службы отдал распоряжение. Петерсен будет оказывать нам помощь.

– Нам? Мне, вы хотите сказать. – В голосе Вэллери не было ни возмущения, ни горечи. – Хартли, послушайте моего совета, не попадайтесь в руки докторам... Вы считаете, что этого кочегара не стоит опасаться? – прибавил он полушутя.

– Он глотку перегрызет всякому, кто косо на вас посмотрит, – заявил с уверенностью Хартли. – Он славный человек, сэр. Простой, доверчивый, но славный и честный.

Петерсен шагнул в сторону, чтобы пропустить их к трапу, но Вэллери остановился и, подняв голову, взглянул в угрюмые голубые глаза белокурого гиганта, который был на целых шесть дюймов выше его ростом.

– Здравствуйте, Петерсен. Хартли говорит, что вы идете с нами. Вам действительно этого хочется? Видите ли, это вовсе не обязательно.

– Прошу вас, сэр, сделайте одолжение, – отчетливо произнес Петерсен. На лице его застыла странная смесь отчаяния и чувства собственного достоинства. – Мне очень жаль, что так все случилось тогда...

– Да я не о том! – успокоил его Вэллери. – Вы меня неправильно поняли. Наверху лютый мороз. Но я был бы весьма признателен, если бы вы пошли с нами. Пойдете?

Петерсен растерянно уставился на командира, потом по лицу его, покрасневшему от удовольствия, медленно расплылась улыбка. Едва Вэллери поставил ногу на первую ступеньку,

как огромная рука подхватила его куда-то ввысь.

Ощущение, рассказывал впоследствии Вэллери, было таково, словно он поднимался на лифте.

Из котельного вчетвером пошли в машинное отделение, к инженер-механику Додсону – жизнерадостному, добродушному, всезнающему Додсону, инженеру до мозга костей, всецело преданному огромным механизмам, где он был и царь и бог. Потом, поднявшись по сходному трапу, расположенному между искореженной, разбитой корабельной лавкой и помещением корабельной полиции, попали в кубрик машинистов, а оттуда – на верхнюю палубу. После адской жары котельного отделения, очутившись на морозе, они едва вынесли столь резкий перепад температур: разница составляла почти сто градусов. Жалкая «арктическая» одежда не спасала от холода, и у них тотчас перехватило дыхание.

Торпедный аппарат правого борта (по объявленной боевой готовности обслуживался только он) находился в каких-то четырех шагах. Обнаружить боевой расчет, спрятавшийся с подветренной стороны шкиперской, почти полностью разрушенной снарядами «Блу Рейнджера», оказалось делом несложным: торпедисты притопывали замерзшими ногами, стучали зубами от холода.

Вэллери взглянул в полумрак.

– Старший торпедный электрик здесь?

– Это вы, господин капитан первого ранга? – В голосе вопрошавшего прозвучало удивление и сомнение.

– Да, это я. Как дела?

– Все в порядке, сэр, – произнес нерешительно старшина. – Вот только у Смита, похоже, левая нога отморожена.

– Отправьте его вниз. Немедленно. И организуйте десятиминутные вахты: один дежурит у телефона, остальные четверо в рубке машинистов. Не медля. Вы меня поняли? – И Вэллери поспешил прочь, словно боясь услышать слова благодарности и увидеть смущенные, радостные улыбки матросов.

Пройдя минно-торпедную мастерскую, где хранились запасные торпеды и баллоны со сжатым воздухом, группа по трапу поднялась на шлюпочную палубу. Вэллери остановился, на мгновение положив одну руку на лебедку, другой прижимая ко рту окровавленный шарф, ставший на холоде жестким и ломким. Во тьме он с трудом различал двигавшиеся по обоим бортам крейсера громады транспортов. На фоне звездного неба были почему-то отчетливо видны лишь их мачты. Суда как бы нехотя покачивались на плавной волне. Вэллери поежился и подтянул шарф повыше. Боже, ну и холод! Он двинулся вперед, опираясь о руку Петерсена. Слой снега толщиной в три–четыре дюйма заглушал шум шагов. Подойдя к «эрликону», командир положил руку на плечо закутанного наводчика, который сидел, сгорбившись в три погибели, в своем гнезде.

– Все ли в порядке, комендор?

Никакого ответа. Зенитчик словно бы шевельнулся, качнулся вперед, потом снова замер.

– Я спрашиваю вас, все ли в порядке? – Голос Вэллери стал жестче. Встряхнув наводчика, он нетерпеливо повернулся к Хартли.

– Уснул, главный! Уснул на боевом посту! Понимаю, все еле держатся на ногах от недосыпания. Но ведь он подводит своих товарищей, которые надеются на него! Этого простить нельзя. Запишите его фамилию!

– Записать фамилию? – негромко отозвался Николлс. Он понимал, что ему не следовало говорить подобным образом, но не смог пересилить себя. – Записать фамилию? – повторил он. – А для чего? Чтобы послать его родным похоронную? Ведь он же мертв!

Снова повалил снег – холодный, сырой; ветер чуть покрепчал. Вэллери ощущал, как невидимые в темноте ледяные хлопья прикасаются к его щекам; слышал унылый, жалобный стон ветра, воющего в такелаже. Командир зябко передернул плечами.

– У него полетела грелка. – Хартли убрал руки и выпрямился. У главстаршины был утомленный, печальный вид. – К стенкам гнезд автоматических пушек они тайком привинчивают электрические обогреватели. Канониры целыми часами греются возле них, сэр... Думаю, у него сгорел предохранитель. Тысячу раз твердили им, чтобы были осторожнее, сэр. Тысячу раз!

– Боже мой! Боже мой! – сокрушенно покачал головой Вэллери. Внезапно он почувствовал себя дряхлым и измученным. – Какая нелепая, бессмысленная смерть... Велите снести его в корабельную лавку, Хартли.

– Нельзя, сэр, – вслед за Хартли выпрямился Николлс. – Нужно подождать... Видите ли, такая стужа – быстрое трупное окоченение... Словом, придется подождать.

Вэллери кивнул, с усилием отвернулся. Внезапно динамик, укрепленный на палубе возле лебедки, ожил, нарушив ледяную тишину вечера.

– На боевых постах! На боевых постах! Просьба командиру немедленно связаться с мостиком.

Трижды повторив сообщение, динамик щелкнул и умолк.

Вэллери быстро повернулся к Хартли.

– Где ближайший телефон, главстаршина?

– Вот здесь, сэр, – Хартли повернулся к гнезду «эрликона», снял с мертвого комендора головные телефоны и микрофон.

– Если, конечно, зенитный командный пост функционирует.

– Да, то, что от него осталось, действует.

– Зенитный пост? Соедините меня с мостиком. Будет говорить командир. – Хартли протянул Вэллери микрофон и наушники. – Прошу вас, сэр.

– Благодарю. Мостик? Да, командир у телефона... Да, да... Отлично. Отрядите «Сиррус»... Нет, старпом, я все равно не в состоянии что-либо предпринять. Сохраняйте место в порядке, и только.

Вэллери передал телефон Хартли.

– «Викинг» обнаружил подводную цель, – произнес он. – На левом траверзе.

Отвернувшись, он машинально поглядел через борт, вглядываясь вдаль. Потом, поняв бесполезность этого занятия, пожал плечами.

– Мы послали ему на помощь «Сиррус». Пойдемте дальше.

Обход шлюпочной палубы они завершили визитом, нанесенным расчету зенитной многостволки, установленной на шкафуте. Промерзшей до костей, дрожащей от холода прислугой командовал бородач Доил, который на чем свет ругал погоду, не забывая при этом выбирать подходящие выражения. Затем вся группа снова спустилась на главную палубу. Теперь Вэллери уже не пытался даже символически протестовать против помощи и поддержки Петерсена. Старый моряк был признателен этому великану и мысленно благословлял Брукса за его предусмотрительность и заботливость. Вэллери растрогала та удивительная деликатность и предупредительность, с какой гигант норвежец убирал свою руку всякий раз, как они останавливались, чтобы побеседовать с матросами, или проходили мимо какой-нибудь группы.

Открыв забранную сеткой дверь возле камбуза, Николлс и Вэллери стали ждать, пока Хартли и Петерсен отобьют задрайку люка, который вел вниз, в кочегарский кубрик. Внезапно они услышали приглушенный гул отдаленных разрывов глубинных бомб – всего взрывов было четыре, – почувствовали, как вздрогнул от гидродинамического удара корпус крейсера. При

первом взрыве Вэллери сразу напрягся и, наклонив набок голову, весь превратившись в слух, уставился куда-то в пространство. Постояв мгновение в нерешительности, командир пожал плечами и занес ногу над комингсом люка. Сделать что-либо было невозможно.

В центре кубрика находился другой люк, гораздо тяжелее. Открыли и его. Трап вел вниз, в рулевой пост, находившийся, как и на всех современных кораблях, вдалеке от мостика, в утробе крейсера ниже броневых поясов. Пока Петерсен поднимал массивный люк – стальную плиту весом в сто девяносто килограммов, снабженную противовесом, Вэллери беседовал со старшиной рулевых. Люк открывал вход в трюм, в самое чрево «Улисса», где помещались центральный пост и отделение слаботочных агрегатов номер два.

Удивительным, похожим на диковинный лабиринт было это помещение. Оно поражало зрение и слух. Возле каждой переборки, вперемешку с десятками выключателей, рубильников и реостатов выстроились бесконечные ряды предохранителей и иных приборов, при виде которых у непосвященного рябило в глазах. А от доброго десятка низковольтных преобразователей, чей тонкий писк, сливаясь в диком диссонансе, измазывал нервы, голова шла кругом. Спустившись по трапу, Николлс выпрямился. Его охватила неприятная дрожь. До чего жуткое место!

«Немудрено, – подумал Николлс, – если разум и нервная система человека, не выдержав этой ужасной, беспрестанной какофонии, соскользнут за ту грань, где начинается безумие!» В отделении слаботочных агрегатов находились всего два человека – штурманский электрик и его помощник. Склонившись над гидрокомпасом системы Сперри, оба возились с прибором, вводя поправку на широту. Они вскинули на вошедших глаза, и усталое удивление, написанное на их лицах, сменилось усталой радостью. Вэллери обменялся с ними всего несколькими фразами – разговаривать в этом аду было невозможно – и затем направился к двери, ведущей в центральный пост.

Положив руку на поворотную скобу, командир застыл на месте. Рванула ещё одна серия глубинных бомб – на этот раз гораздо ближе, не больше чем в двух кабельтовых. То, что это были глубинные бомбы, подсказал опыт: внизу, в чреве бронированного корабля, не слышно ни взрыва, ни рева воды, вырвавшейся на поверхность. Слышен лишь страшный металлический удар, словно некий исполин грохнул огромным молотом в борт и обшивка разошлась при этом по швам. Вслед за серией, почти одновременно, послышались ещё два удара. Не дождавшись, когда затихнет отзвук последнего взрыва, Вэллери вошел в пост управления огнем, за ним – его спутники. Петерсен, шедший последним, неслышно затворил за собой дверь. Вой электромоторов разом стих, сменившись благоговейной тишиной, царившей в центральном посту.

Половину этого помещения – этого мозга корабля, – как и агрегатное отделение, загроможденного множеством блоков предохранителей, занимали две огромные электронные машины. Эти вычислительные устройства связывали между собой командно-дальномерные посты и орудийные башни. Обычно работа здесь была напряженной, тяжелой. Но командно-дальномерные посты утром были почти целиком выведены из строя снарядами немецкого крейсера, так что вычислительные устройства оказались фактически бесполезными. В обезлюдившем помещении поста было необычно тихо. Электронный компьютер обслуживали всего восемь матросов и один офицер.

Несмотря на многочисленные таблички «не курить», под подолоком лениво плыло синее облако табачного дыма, к которому тянулись тонкие лиловые спирали, оканчивавшиеся рдеющими точками сигарет. Дымки сигарет придавали Николлсу какую-то уверенность, вселяли в него надежду. В неестественной, натянутой, как тетива, тишине, среди неподвижных, точно изваяния, людей эти дымки были единственной прочной гарантией жизни.

Николлс с рассеянным любопытством посмотрел на матроса, сидевшего ближе всех к нему.

Худощавый, темноволосый, тот, ссутулясь, облокотился о стол. Дымящаяся сигарета находилась всего лишь в дюйме от полуоткрытого рта. Дымок, причудливо завиваясь, разъедал глаза, но матрос, не замечая этого, глядел куда-то перед собой, уставясь в одну точку. На сигарете выросла шапка пепла чуть ли не в два дюйма. «Интересно, – машинально подумал Николлс, – сколько времени сидит он в таком положении, совершенно неподвижно... и что тому причиной?» Конечно же ожидание. Вот именно, томительное ожидание. Как он сразу не понял? Ожидание. Но чего? И вдруг Николлс ясно представил себе это невыносимое чувство ожидания, которое испытывают люди, чьи нервы напряжены сверх всякого предела, точно туго натянутая струна – прикоснись, и она лопнет, – ожидание разящего удара торпеды, которая в любую минуту может оборвать их жизнь. Он впервые понял, почему матросы, подтрунивающие над всем и вся, отпускающие шуточки в адрес друг друга, никогда не избирали предметом острот тех, кто находится в центральном посту. Над смертниками не подшучивают. Помещение это расположено на шесть метров ниже ватерлинии, впереди – орудийный погреб второй башни, позади – носовое котельное отделение, внизу – ничем не защищенное днище, отличная – лучше не придумать – цель для акустических мин и торпед. Обитатели этого помещения со всех сторон окружены стихией, за каждым углом их подстерегает смерть. Достаточно вспьшки, случайной искры – и костлявая тут как тут... А если же из тысячи шансов уцелеть на их долю все же выпадет один, то наверху целый ряд люков, которые запросто может заклинить корежащим, уродующим металл взрывом. Ко всему, основная идея кораблестроителей заключается в том, чтобы люки, конструкция которых намеренно утяжелена, в случае их повреждения оставались задранными с целью изоляции нижних помещений, если те заполнятся водой. Людям, находящимся здесь, в центральном, это известно.

– Добрый вечер. Как у вас дела? Всё ли в порядке?

Голос Вэллери, ровный, спокойный, как всегда, прозвучал неестественно громко. Испуганные лица – белые, напряженные, в глазах изумление – повернулись в сторону вошедших. Взрывы глубинных бомб, догадался Николлс, заглушили шум их шагов.

– Не обращайтесь внимания на этот грохот, – успокаивающе продолжал Вэллери. – Отставшая от своей «стаи» подводная лодка. «Сиррус» её преследует. Благодарите небо за то, что вы здесь, а не в той подлодке.

Никто не произнес ни слова. Николлс заметил, что матросы поглядывают то на командира, то на дымящиеся сигареты, которые они держат в руках, и понял охватившее их смущение, неловкость от того, что их захватили врасплох.

– Есть ли какие-либо донесения с центрального командно-дальномерного поста, Брайерли? – спросил Вэллери офицера, сделав вид, что не заметил напряженности, воцарившейся с его приходом,

– Нет, сэр. Никаких. Наверху все спокойно.

– Превосходно. – Голос Вэллери прозвучал совсем весело. – Никаких вестей – самые лучшие вести.

Сунув руку в карман, он протянул Брайерли свой портсигар.

– Курите? А вы, Николлс?

Достав сигареты и сам, он спрятал портсигар и машинально взял спички, лежавшие возле ближайшего к нему оператора. Возможно, он и заметил испуганное недоумение матроса, слабую улыбку, чуть опустившиеся в долгом, беззвучном вздохе облегчения плечи, но и бровью не повел.

Громовой грохот новой серии глубинных бомб заглушил скрип люка и резкий, конвульсивный кашель Вэллери, возникший в тот момент, когда дым проник в его легкие. Лишь потемневшее полотенце выдало его. Когда затих последний отзвук взрыва, Вэллери озабоченно

посмотрел на Брайерли.

– Господи Боже! Неужели тут у вас всегда так грохочет?

– Более или менее, сэр. Обычно более, – едва улыбнулся Брайерли.

Вэллери медленно обвел взглядом моряков, кивнул в сторону носа.

– Там орудейный погреб, не правда ли?

– Да, сэр.

– А вокруг пузатенькие топливные цистерны?

Брайерли кивнул. Глаза всех присутствующих были прикованы к командиру.

– Понимаю. Говоря по правде, не хотел бы променять свою работу на вашу... Николлс, пожалуй, мы останемся здесь на несколько минут, выкурим не торопясь по сигарете. Тем истовой, – усмехнулся он, – будем славословить Бога, когда выберемся.

Минут пять Вэллери спокойно беседовал с Брайерли и его людьми. Наконец затушил окурок и, распрощавшись, направился к двери.

– Сэр, – остановил его голос худощавого темноволосого артиллериста, у которого Вэллери брал спички.

– Да, в чем дело?

– Вам это может пригодиться. – С этими словами он протянул командиру чистое белое полотенце. – То, которое у вас, сэр... Я хочу сказать...

– Спасибо. – Вэллери без лишних слов взял полотенце. – Большое спасибо.

Несмотря на помощь Петерсена, от долгого и трудного подъема на верхнюю палубу Вэллери выбился из сил. Он едва волочил ноги.

– Послушайте, сэр, это же безумие! – в отчаянии воскликнул Николлс. – Простите, сэр, у меня это вырвалось. Только... давайте пойдем к начальнику медслужбы. Прошу вас!

– Конечно, – раздался в ответ хриплый шепот. – Это наш следующий пункт захода.

Сделав несколько шагов, группа оказалась возле дверей лазарета. Вэллери настоял на том, чтобы увидеться с Бруксом с глазу на глаз. Выйдя через некоторое время от Брукса, он выглядел как-то странно посвежевшим, походка его стала бодрее. Командир улыбался, Брукс тоже.

После того как Вэллери отошел, Николлс приблизился к Бруксу.

– Вы что-нибудь дали ему, сэр? – спросил он. – Ей-Богу, он же убивает себя!

– Он принял кое-что, – улыбнулся Брукс. – Я знаю, что он убивает себя, он – тоже. Но он знает, зачем это делает, и я знаю, зачем, и он знает, что я это знаю. Во всяком случае, ему стало лучше. Не стоит волноваться, Джонни.

Николлс подождал на верхней площадке трапа возле лазарета, пока командир со своими спутниками вернутся с телефонной станции и первого отделения слаботочных агрегатов. Когда группа поднялась наверх, юноша шагнул в сторону, но Вэллери, взяв Николлса под руку, медленно пошел рядом с ним. Они миновали канцелярию минно-торпедной боевой части. Вэллери коротко кивнул Карслейку, который числился командиром одной из аварийных партий. Тот, по-прежнему забинтованный до самых глаз, посмотрел на Вэллери диким, отсутствующим взглядом. Похоже, он не узнал командира. Ничего не сказав, Вэллери покачал головой, потом, улыбаясь, повернулся к Николлсу.

– Тайное заседание Британской медицинской ассоциации состоялось, не так ли? – спросил он. – Ничего, Николлс, не беспокойтесь. Это я должен беспокоиться.

– Но почему же, сэр?

Вэллери, снова качнув головой, произнес:

– Ром в орудейных башнях, сигареты в центральном посту, а теперь – славное старое виски во флаконе из-под «Лизола». Я уже решил, что командер Брукс собирается отравить, меня. Что за прекрасная это была бы смерть! Превосходное зелье! Примите извинения начальника

медслужбы за то, что он посягнул на ваши личные запасы.

Николлс, густо покраснев, начал извиняться, но Вэллери прервал его:

– Полно, мой мальчик. Какое это имеет значение? Любопытно, что же мы обнаружим далее. Торговлю наркотиками на шпилевой палубе или, не дай Бог, танцовщиц во второй башне?

Но, кроме стужи и несчастных, голодных, измученных людей, они не обнаружили ничего. Николлс заметил, что после визита Вэллери настроение моряков повышалось. Зато сами они совсем выбились из сил; Николлс чувствовал это по себе. Ноги у него стали точно резиновые, он беспрестанно дрожал. Оставалось только гадать, откуда брались силы у Вэллери. Даже могучий Петерсен начинал сдавать – не столько от того, что ему приходилось чуть ли не тащить на себе командира, сколько от возни с бесчисленным количеством задраек на дверях и люках, намертво схваченных морозом. Каждую из них приходилось отбивать кувалдой.

Прислонясь к переборке, чтобы отдышаться после подъема из орудийного погреба первой башни, Николлс с надеждой поглядел на командира.

Перехватив его взгляд, Вэллери понимающе улыбнулся.

– Можно сказать, мы уже закончили, дружок. Осталась только шпилевая. Полагаю, там никого нет, но все равно надо бы заглянуть.

Они медленно обошли громоздкие механизмы, расположенные в центре шпилевой палубы, миновали аккумуляторную и шкиперскую, электромастерскую и карцер и оказались у запертой двери малярной – самого переднего помещения на корабле.

Вэллери, протянув руку, машинально дотронулся до ручки двери и, утомленно улыбнувшись, отвернулся. Проходя мимо карцера, он вдруг откинул крышку иллюминатора, на всякий случай заглянул внутрь и пошел было дальше. Но, словно спохватившись, внезапно остановился и, круто повернувшись, снова открыл крышку «глазка».

– Господи Боже! Да это же Ральстон! Какого черта вы тут делаете? – воскликнул он.

Ральстон усмехнулся. Даже сквозь толстое стекло было видно, что улыбка безрадостна и не коснулась его голубых глаз. Жестом он указал на закрытый иллюминатор, словно желая сказать, что ничего не слышит.

Вэллери нетерпеливо открыл иллюминатор.

– Что вы тут делаете, Ральстон? – властно спросил он, впившись в матроса пронзительным взглядом глаз из-под насупленных бровей. – В такую пору – и в карцере! Что же вы молчите, точно воды в рот набрали! Отвечайте же, черт побери!

Николлс медленно повернул голову в сторону командира. Старик сердится! Неслыханно! Он мудро рассудил, что не следует в такую минуту попадаться ему под руку.

– Меня заперли, сэр. – Слова были достаточно невинны, но тон, которым они были произнесены, словно говорил: «Что за дурацкий вопрос!» Вэллери чуть заметно покраснел.

– Когда?

– В 10.30, сегодня утром, сэр.

– Кто, позволю себе спросить?

– Старшина корабельной полиции.

– По чьему распоряжению? – с яростью спросил Вэллери.

Ральстон, не говоря ни слова, посмотрел на него долгим взглядом.

– По вашему, сэр.

– По моему? – изумленно воскликнул Вэллери. – Но я не отдавал приказа запереть вас в карцер!

– Вы также не запрещали меня запирать, – спокойно произнес Ральстон.

Вэллери вздрогнул: он допустил промах, совершил непростительную ошибку, и это было

неприятно.

– Где ваш боевой пост? – спросил Вэллери.

– Торпедный аппарат левого борта, сэр. «Так вот почему прислуга была лишь у аппарата правого борта», – подумал Вэллери.

– Но почему... почему вас оставили здесь во время боевой тревоги? Разве вам не известно, что это запрещено, что это нарушение устава?

– Да, сэр. – Снова едва заметная невеселая улыбка. – Известно. Но известно ли это старшине полиции, я не знаю. – Помолчав секунду, он снова улыбнулся. – Возможно, он просто забыл про меня, – предположил Ральстон.

– Хартли! – Вэллери овладел собой. Голос его был ровен и угрюм. – Старшину полиции сюда, немедленно. Пусть принесет ключи! – Закашлявшись, он сплюнул кровь в полотенце и опять взглянул на Ральстона.

– Я сожалею, что так произошло, мой мальчик, – проговорил он, выделяя каждое слово. – Искренне сожалею.

– Что с танкером? – вдруг негромко спросил Ральстон.

– Как? Как вы сказали? – Вопрос застал Вэллери врасплох, – С каким танкером?

– С тем, что был подбит утром, сэр?

– Все ещё движется в составе конвоя, – не скрывая изумления, произнес Вэллери. – Но сильно осел. А в чем дело?

– Просто интересуюсь, сэр. – Улыбка юноши хотя и была кривой, но все же это была улыбка. – Дело в том...

Он умолк на полуслове: могучий, глухой рев разорвал молчание ночи; от удара взрывной волны «Улисс» резко накренился на правый борт. Вэллери зашатался и потерял бы равновесие, не подхвати его расторопная рука Петерсена.

Удержавшись на ногах, когда корабль качнулся, выпрямляясь, в обратную сторону, командир с неожиданной печалью взглянул на Николлса. Чересчур знакомым был этот звук.

Николлс посмотрел, преисполненный жалости к умирающему человеку, на чьи плечи легло новое бремя, и в ответ медленно кивнул головой, нехотя соглашаясь с невысказанной мыслью, которую он прочитал в глазах командира.

– Боюсь, что вы правы, сэр. Торпеда. В кого-то угодило.

– Внимание, внимание! – В тишине, наступившей после взрыва, голос, доносившийся из динамика, установленного в шпильевой, прозвучал неестественно громко. – Внимание, внимание! Командира срочно на мостик. Командира срочно на мостик...

Глава 11

В ПЯТНИЦУ вечером

Ухватившись за поручень трапа, ведущего на полубак, Вэллери наклонился. Согнувшись чуть ли не пополам, он вглядывался в потемневшую воду, но тщетно. Перед глазами плыл густой туман, окропленный пятнами крови, пронизанный ослепительным светом. Дышать было трудно, каждый вдох разрывал легкие, нижние ребра словно стискивало огромными клещами, которые так и расплющивали его тело. Этот поспешный подъем на мостик, когда Вэллери, спотыкаясь, сбегал с полубака, едва не доконал его. «Еще бы немного, и мне крышка, – подумал он. – В следующий раз надо поосторожнее...» Мало-помалу зрение вернулось к нему, но яркий свет по-прежнему мучительно резал глаза. «Клянусь небом, – подумал Вэллери, – даже слепому видно, что тут происходит». А различимы были лишь смутный, едва заметный силуэт танкера, глубоко, очень глубоко осевшего в воду, и огромный, в несколько сотен метров вышиной, столб пламени, взвившегося в небо из плотного облака дыма, окутавшего носовую часть торпедированного судна. Хотя танкер находился в полумиле от крейсера, рев пламени был невыносим. Оцепенев от ужаса, Вэллери смотрел на это зрелище. Николлс, стоявший позади, не переставая озлобленно бранился вполголоса.

Вэллери ощутил у своего локтя руку Петерсена.

– Желаете подняться на мостик, сэр?

– Минутку, Петерсен. Пойдите пока рядом.

Ум командира снова включился, взгляд натренированных глаз машинально обводил горизонт. Сорокалетний опыт службы не пропал даром. «Странное дело, – подумал Вэллери, – самого танкера почти не видно. Это, должно быть, «Вайтура». Ее, вероятно, скрывает густая пелена дыма». Зато остальные суда конвоя, залитые зловецим заревом, – белые, точно привидения, – четко выделялись на фоне темно-синего неба, на котором поблекли даже звезды.

До сознания Вэллери дошло, что Николлс перестал монотонно браниться и теперь спрашивает:

– Ведь это же танкер, сэр! Надо бы уйти в укрытие! Помните, что произошло с тем танкером!

– Каким?

– С «Кичеллой». Кажется, будто было это много дней назад. Боже милостивый! А на деле это случилось лишь сегодня утром!

– Когда танкеры гибнут, Николлс, они гибнут сразу. – Казалось, голос Вэллери звучал словно откуда-то издалека. – Если же только горят, это может длиться очень долго. Танкеры умирают тяжело, страшно тяжело, мой мальчик. Они держатся на плаву даже тогда, когда любое другое судно давно бы пошло ко дну.

– Но ведь... ведь у него в борту пробоина с дом величиной! – возразил Николлс.

– И все-таки это так, – отозвался Вэллери. Казалось, он все ждал, ждал чего-то. – У этих судов огромный запас плавучести. В каждом из них до двадцати семи герметически закрытых танков, не говоря о коффердамах, насосных отсеках, машинном отделении... Вы когда-нибудь слышали об устройстве Нельсона? Чтобы удержат судно на плаву, с помощью этого устройства в нефтяные цистерны закачивают сжатый воздух. А слышали ли вы о Дадли Мэйсоне, капитане «Огайо»? Вы слышали...

Вэллери умолк, и, когда заговорил вновь, усталости в его голосе как не бывало.

– Я так и думал! – воскликнул он резким, возбужденным голосом. – Я так и думал!

«Вайтура» все ещё на ходу, все ещё управляется! Боже мой, да она делает чуть ли не пятнадцать узлов! На мостик, живо!

Ноги Вэллери оторвались от палубы и едва слышно коснулись её вновь: великан Петерсен осторожно опустил командира перед самым носом оторопевшего старшего офицера. Заметив изумление на худощавом пиратском лице Тэрнера, то, как кустистые его брови поползли вверх, а профиль в зареве горящего танкера стал ещё более рельефным, словно высеченным резцом, Вэллери чуть улыбнулся. «Вот человек, на четырёста лет опоздавший родиться, – почему-то пришла ему в голову мысль. – Но как славно иметь такого человека рядом!»

– Все в порядке, старпом, – произнес он с коротким смешком. – Брукс решил, что мне нужен свой Пятница. Это котельный машинист Петерсен. Чересчур усерден, нередко понимает распоряжения слишком буквально... Но нынче он для меня был ангелом-хранителем... Однако хватит обо мне. – Ткнув большим пальцем в сторону танкера, горевшего таким ярким пламенем, что болели глаза, он спросил: – Что вы на это скажете?

– Отличный маяк для немецкого корабля или самолета, которому вздумалось бы искать нас, будь он неладен, – проворчал Тэрнер. – Того и гляди, сообщит наши координаты в Трондхейм.

– Вот именно, – кивнул Вэллери. – Кроме того, это отличное освещение мишеней, которые мы представляем собой для той субмарины, что только что торпедировала «Вайтуру». Опасное соседство, старпом. Кстати, сработано великолепно – ведь стреляли почти в полной темноте.

– Кто-то, видно, забыл задраить иллюминатор. За каждым не уследишь. Да и не так уж все великолепно. Во всяком случае, для этой подлодки, будь она трижды проклята. «Викинг» нащупал фрица, из лап не выпускает... Я сразу же отрядил его на поиск.

– Молодец! – с теплом произнес Вэллери. Посмотрев на горящий танкер, он снова повернулся к Тэрнеру. Лицо его стало жестким.

– С ним надо кончать, старпом.

– С ним надо кончать, – кивнув головой, точно эхо отозвался Тэрнер.

– Это «Вайтура», не так ли?

– Так точно. Тот самый танкер, что получил попадание утром.

– Кто на нем капитаном?

– Понятия не имею, – признался Тэрнер. – Первый офицер, штурман! Не знаете, где список состава конвоя?

– Нет, сэр. – Капковый нерешительно замялся, что было совсем на него не похоже. – Знаю только, что он был у адмирала. Наверно, теперь списка не существует.

– Почему вы так полагаете?

– Спайсер, его буфетчик, утром чуть не задохнулся от дыма. Войдя в адмиральскую каюту, он обнаружил, что адмирал развел в ванне настоящий костер, – с несчастным видом продолжал Капковый. – Сказал, что сжигает важные бумаги, которые не должны попасть в руки противника. Большею частью это были старые газеты, но, думаю, что и список попал туда же, потому что документа нигде нет.

– Бедный старый... – Тэрнер осекся на полуслове, вспомнив, что говорит об адмирале, и сокрушенно покачал головой. – Запросить Флетчера на «Кейп Гаттерасе»?

– Ни к чему, – нетерпеливо оборвал его Вэллери. – Некогда. Бентли, распоряжение капитану «Вайтуры»: «Прошу немедленно покинуть судно. Намерены потопить танкер».

Неожиданно Вэллери пошатнулся, но успел схватить Тэрнера за рукав.

– Виноват, – проговорил он. – Ноги ослабли. Какое там – совсем не держат. – Он с невеселой улыбкой оглядел озабоченные лица. – К чему далее притворяться, не правда ли? Особенно когда собственные ноги тебе не повинуются? О Господи милостивый! Пропавшее мое дело.

– Ничего удивительного, тысяча чертей! – выругался Тэрнер. – Я с бешеным псом не стал бы так обращаться, как вы с собой обращаетесь! Прошу вас, сэр. Вот вам адмиральское кресло, ну же. А если не сядете, наущу на вас Петерсена, – погрозил он, заметив протестующий жест командира. Однако в конце концов с кроткой улыбкой Вэллери позволил посадить себя в кресло. Облегченно вздохнув, он блаженно откинулся на спинку, положил локти на подлокотники. Он чувствовал себя совсем разбитым и беспомощным. Обессилевшее его тело было насквозь пронизано болью и лютым холодом. Несмотря на это, он испытывал благодарность и гордость; о том, чтобы командир спустился к себе в каюту, Тэрнер даже не заикнулся.

Послышался стук дверцы, рокот голосов. В следующее мгновение Тэрнер очутился рядом с каперангом.

– Прибыл старшина корабельной полиции, сэр. Вы посылали за ним?

– Конечно. – Вэллери повернулся в кресле; лицо его было сумрачно. – Подойдите сюда, Гастингс!

Старшина корабельной полиции вытянулся во фронт. Как всегда, лицо его походило скорее на маску, чем на лицо живого человека. Освещенное жутким заревом, оно, как никогда, казалось непроницаемым и бесстрастным.

– Слушайте внимательно. – Пламя ревели так громко, что Вэллери пришлось повысить голос. Даже это усилие оказалось для него утомительным. – Мне с вами некогда сейчас разбираться. Вызову вас утром. А пока освободите старшего матроса Ральстона, и немедленно. После этого передайте свои полномочия, а также всю документацию и ключи унтер-офицеру Перрату. Вы дважды превысили свои права – это уже непослушание, и оно должно быть наказано. Кроме того, вы оставили человека в запертом помещении во время боевой тревоги. Заключение мог бы погибнуть, как крыса, попавшая в мышеловку. Вы отстранены от должности. У меня все.

Несколько секунд Гастингс стоял неподвижно. Потрясенный, он не верил услышанному и не произносил ни слова. Стальная цепь дисциплины лопнула. Бесстрастной маски как не бывало. На искаженном лице Гастингса появилось крайнее изумление. Умоляюще воздев руки, он шагнул к командиру.

– Лишить меня полномочий? Лишить меня должности? Но вы не смеете, сэр! Вы не имеете права...

Голос его прервался, сменившись стоном боли: железная рука Тэрнера сжала ему локоть.

– Командиру не говорят: «Вы не имеете права!» – прошипел старший офицер. – Слышали, что сказал командир корабля? Убирайтесь с мостика!

Дверца со щелчком закрылась за Гастингсом. Как ни в чем не бывало, Кэррингтон произнес:

– На «Вайтуре» нашелся толковый парень. Установил красный фильтр на сигнальный фонарь. Иначе ничего бы не разглядеть.

И напряжение тотчас спало. Взоры всех, кто находился на мостике, обратились в сторону красного огня, мигавшего на средней надстройке танкера метрах в тридцати от пожарища и все-таки едва различимого. Неожиданно огонь погас.

– Что он написал, Бентли? – поспешно спросил Вэллери.

Бентли смущенно откашлялся.

– Текст донесения следующий: «Вы что, рехнулись? Только попробуйте, и я вас протараню. Машина исправна. Можем идти дальше».

Вэллери на мгновение прикрыл глаза. Он начал понимать, каково приходилось старому Джайлсу. Когда каперанг открыл веки, решение было принято.

– Передайте на «Вайтуру»: «Вы подвергаете опасности весь конвой. Немедленно оставить судно. Повторяю: немедленно».

Командир повернулся к старшему офицеру. Рот его кривился страдальчески.

– Я обнажаю перед ним голову. Как бы вы себя чувствовали, если бы под вами находилось такое количество горючего, что при взрыве его вы мигом очутились бы в царстве небесном?.. В некоторых цистернах, должно быть, есть ещё нефть... Боже, до чего неприятно угрожать такому человеку!

– Знаю, сэр, – пробормотал Тэрнер. – Понимаю, что это такое... Интересно, что там подельвает «Викинг»? Выяснить?

– Запросите его по радио, – распорядился Вэллери. – Пусть сообщит о результатах поиска. – Он оглянулся назад, ища глазами лейтенанта-торпедиста. – А где же Маршалл?

– Маршалл? – удивился Тэрнер. – В лазарете, конечно. Он ранен. У него сломаны четыре ребра, помните?

– Ах да, конечно! – Вэллери устало покачал головой, досадуя на себя. – А старшина-минер Нойес, так, кажется, его звали?.. Ах да. Убит вчера в помещении номер три. Что с Виккерсом?

– Он находился в командно-дальномерном посту.

– В командно-дальномерном посту, – медленно повторил Вэллери. Отчего это до сих пор не остановилось у него сердце, удивлялся каперанг. Он давно уже миновал ту стадию, когда кости стынут, а кровь свертывается. Все его тело, казалось, походило на огромную глыбу льда... Он даже представить себе не мог, что бывает такая стужа. Очень странно, мелькнула у него мысль, что он перестал дрожать...

– Я сам произведу залп, сэр, – прервал его размышления Тэрнер. – Переведу управление торпедной стрельбой на мостик. Правда, когда я служил на базе Чайна, я был самым бездарным офицером-торпедистом. – Он едва заметно улыбнулся. – Но, может, кое-какие навыки ещё не забылись!

– Спасибо, – с признательностью произнес Вэллери. – Займитесь этим сами.

– Придется стрелять аппаратом правого борта, – напомнил старший офицер. – Прибор управления левобортного аппарата утром разбило вдребезги. Вес у фок-мачты приличный... Пойду произведу нужные расчеты... Боже правый! – воскликнул Тэрнер, до боли стиснув плечо командира. – Да ведь это же адмирал! На мостик поднимается!

Вэллери недоверчиво оглянулся. Старший офицер был прав. Отворив дверцу мостика, Тиндалл направлялся к нему – в этом не было никакого сомнения. Темная тень ограждения мостика падала на адмирала, и тот казался как бы лишенным тела. Четко, точно на барельефе, выделялась в свете пожара его обнаженная голова, едва прикрытая пучками жидких седых волос, серое, жалкое, осунувшееся лицо, опущенные, невероятно худые плечи, прикрытые черным дождевиком. Ниже ничего не было видно. Ни слова не говоря, неслышно ступая по мостику, Тиндалл остановился возле Вэллери.

Опираясь о с готовностью подставленную руку Тэрнера, командир медленно слез с кресла. Адмирал, без улыбки поглядев на каперанга, с важным видом кивнул и сам забрался в кресло. Взяв бинокль, лежавший перед ним на полке, стал пристально вглядываться вдаль.

Тэрнер первым заметил неладное.

– Вы без перчаток, сэр!

– Что? Что вы сказали? – Положив бинокль на место, Тиндалл принялся внимательно разглядывать свои окровавленные, забинтованные руки. – Ах, вот что! Знаете, так и думал, забыл что-то. Это со мной во второй раз. Спасибо, старпом.

Он признательно улыбнулся и, снова вскинув к глазам бинокль, стал изучать поверхность моря. Внезапно Вэллери почувствовал, как его пронизала струя ещё более жгучего холода, не

имевшего никакого отношения к студеной арктической ночи.

Постояв в нерешительности секунду, Тэрнер повернулся к Карпентеру.

– Штурман! Я, кажется, видел у вас в рубке рукавицы.

– Да, сэр! Сию минуту! – С этими словами Капковий торопливо сбежал с мостика. Тэрнер снова посмотрел на адмирала.

– Ваша голова, сэр. Вы без головного убора. Не наденете ли канадку или башлык, сэр?

– Башлык? – весело изумился Тиндалл. – А на кой он мне черт? Мне не холодно... Прошу прощения, старпом. – Он направил бинокль в самую середину зарева. Тэрнер снова посмотрел на адмирала, взглянул на Вэллери, потом, постояв в раздумье, пошел в сторону кормы.

Карпентер поднимался с рукавицами на мостик, когда динамик ожил.

– На мостике! Докладывает радиорубка! Докладывает радиорубка. Донесение с «Викинга»: «Контакт с подводной лодкой утерян. Продолжаю поиск».

– «Утерян контакт!» – воскликнул Вэллери. – Только этого ещё не хватало – хуже не придумаешь! Где-то рыскает необнаруженная подлодка, а весь конвой освещен, словно ярмарочная площадь.

«Да какая там ярмарочная площадь, – подумал он с горечью. – Еще хуже. Ярмарочный тир с мишенями на выбор. И сдачи не дашь, если контакт утерян. Теперь жди беды...» Резко покачнувшись, чтобы не упасть, он ухватился за нактоуз. Вэллери совсем забыл, насколько он ослаб, как трудно ему удержаться на ногах при малейшем крене мостика.

– Бентли! Ответа с «Вайтуры» не было?

– Нет, сэр. – Бентли был озабочен не менее командира, он понимал, как дорога теперь каждая минута. – Возможно, у них нет электроэнергии. Нет, нет, вот он снова сигналит, сэр!

– Сэр!

– Да, старпом, – оглянулся Вэллери. – В чем дело? Неужели снова дурные вести?

– Боюсь, что да, сэр. Торпедный аппарат правого борта заклинило.

– Заклинило, – раздраженно отрезал Вэллери. – Что тут удивительного? Лед, замерзший снег. Срубите его, растопите кипятком, паяльными лампами, черт побери...

– Простите, сэр, – огорченно покачал головой Тэрнер. – Тут совсем другое дело. Заклинило поворотную платформу и зубчатую рейку. Должно быть, снарядом, который угодил в шкиперскую. А возможно, и оттого, что под аппаратом находился агрегатный отсек, также разбитый снарядом. Как бы то ни было, аппарату капут.

– Так в чем же дело? – нетерпеливо воскликнул Вэллери. – Используйте аппарат левого борта.

– Прибор для управления торпедной стрельбой с мостика вышел из строя, сэр, – возразил Тэрнер. – Может быть, использовать прицел для автономной стрельбы?

– Почему бы нет? – сердито спросил Вэллери. – В конце концов, торпедистов для этого и готовят. Свяжитесь с расчетом левобортного аппарата – полагаю, телефонная связь с ним не нарушена, – пусть изготовятся к залпу.

– Есть, сэр.

– И еще, Тэрнер.

– Я вас слушаю, командир.

– Вы уж меня извините. – Вэллери криво усмехнулся. – Как говаривал старина Джайлс, я старая перечница. Будьте уж великодушны.

Тэрнер дружелюбно улыбнулся командиру, но тотчас же помрачнел.

– Ну, как он, сэр? – кивнул он в сторону адмирала. Долгим взглядом посмотрев на старшего офицера, Вэллери едва заметно покачал головой. Тэрнер мрачно кивнул и тотчас исчез.

– Бентли! Что докладывают с танкера?

– Я сбился, сэр, – признался Бентли. – Не смог всего разобрать. Танкер пишет, что собирается оставить конвой и идти самостоятельно, сэр.

Идти самостоятельно! Вэллери понимал, это не выход из положения. Танкер, возможно, будет гореть несколько часов, демаскируя конвой, даже если ляжет на другой курс. Подумать только, идти самостоятельно. Танкер беззащитен, поврежден, охвачен пламенем, а до Мурманска тысяча миль, тысяча страшных – страшнее не бывает – миль! Вэллери закрыл глаза. Сердце защемило. Такой капитан, такое судно, а он должен их топить!

Неожиданно заговорил Тиндалл.

– Право тридцать градусов! – приказал он. Голос адмирала прозвучал громко и властно. Вэллери оцепенел. Право тридцать! Да ведь они врежутся в «Вайтуру».

На мостике несколько секунд царила полная тишина, затем Кэррингтон, который был вахтенным офицером, отрепетовал, склонившись над переговорной трубой:

– Право тридцать градусов.

Вэллери бросился было вперед, но остановился, заметив выразительные жесты Кэррингтона. Оказалось, раструб переговорной трубы тот заткнул перчаткой.

– Прямо руль!

– Есть прямо руль!

– Одерживай! Командир?

– Да, сэр.

– Этот свет режет мне глаза, – пожаловался Тиндалл. – Нельзя ли его выключить?

– Попробуем, сэр. – Подойдя к адмиралу, Вэллери негромко произнес: – У вас усталый вид, сэр. Спустились бы вниз.

– Что? Мне спуститься вниз?

– Да, сэр. Мы пошлем за вами, когда понадобится, – прибавил он, чтобы убедить Тиндалла.

Подумав, Тиндалл решительно покачал головой.

– Ничего не выйдет, Дик. Это было бы несправедливо по отношению к тебе. – Голос Тиндалла стал невнятным, он пробормотал что-то насчет «адмирала Тиндалла». Но Вэллери не был уверен в этом.

– Я не расслышал, что вы сказали, сэр?

– Ничего! – оборвал его Тиндалл. Он отвернулся и посмотрел на «Вайтуру», но вдруг, вскрикнув от боли, закрыл рукой глаза. Вэллери тоже отшатнулся назад, прищурив глаза, чтобы уберечь их от ослепительной вспышки, возникшей на «Вайтуре».

Взрыв почти одновременно ударил по их барабанным перепонкам, воздушной волной обоих сбilo с ног. Танкер был торпедирован снова. На этот раз вражеская торпеда угодила в кормовую часть судна, вблизи машинного отделения. Ввысь взметнулся огромный сноп пламени. Только средняя надстройка, где находился ходовой мостик, каким-то чудом была свободна от дыма и огня. Потрясенный, Вэллери думал: «Теперь он, должен погибнуть. Долго ему не продержаться». Но он сознавал, что обманывает себя, пытаясь уйти от неизбежного, уйти от решения, которое предстояло принять. Танкеры, как он сам говорил Николлсу, умирают тяжело, мучительно долго. «Бедный старый Джайлс, – подумал он вне всякой связи, – бедный старый Джайлс».

Вэллери пошел назад, к дверце левого борта.

– Вы сделаете то, что вам приказывают, черт вас побери! – зло кричал в микрофон старший офицер. – Слышите? Немедленно изготовить аппарат! Да, я сказал: «Немедленно!» Вэллери в удивлении дотронулся до его рукава.

– В чем дело, старпом?

– Вот наглец, будь он проклят! – рывкнул Тэрнер. – Он учит меня, что надо делать!

– Кто?

– Командир расчета. Ваш знакомец Ральстон! – гневно воскликнул Тэрнер.

– Ральстон! Ах да! – вспомнил Вэллери. – Он же мне говорил, что это его боевой пост. Так что же произошло?

– Что произошло? Заявляет, что не сможет произвести залп. Ему, видите ли, не хочется, он не желает стрелять. Вконец распустился, черт бы его побрал! – кипятился Тэрнер.

– Ральстон? Вы уверены? – недоуменно заморгал Вэллери. – Интересно, в чем же дело?.. У этого юноши страшная трагедия... Вы думаете...

– Не знаю, что тут думать! – Тэрнер снова снял трубку. – Аппарат развернут? Наконец-то!.. Что? Что вы сказали?.. Почему бы не расстрелять из орудий? Какие тут к дьяволу орудия? – Он с треском повесил телефонную трубку и резко повернулся к Вэллери. – Он просит, умоляет расстрелять танкер из пушек, а не торпедировать его! Мальй, видно, спятил. Я покажу этому наглецу, что такое флотская дисциплина!

Никогда ещё Вэллери не видел Тэрнера таким разгневанным.

– Не можете ли вы поставить Кэррингтона к этому телефону, сэр?

– Да, да, конечно! – злость Тэрнера в какой-то степени передалась и командиру. – Каковы бы ни были его чувства, сейчас не время выражать их! – отрезал он. – Одерните его хорошенько! Возможно, я был слишком мягок к нему, слишком снисходителен. Может, он полагает, что мы у него в долгу, морально обязаны ему, потому что столь круто с ним обошлись... Ну, хорошо, хорошо, старпом! – прибавил он, видя явное нетерпение Тэрнера. – Ступайте. Через три-четыре минуты начинаем атаку.

Резко повернувшись, он направился к компасной площадке.

– Бентли!

– Да, сэр!

– Последнюю светограмму на «Вайтуру».

– Вы только взгляните, сэр, – вмешался Кэррингтон. – Он снижает ход.

Вэллери, подойдя к ветровому стеклу, весь подался вперед. «Вайтура», представлявшая собой ревущее облако пламени, быстро отставала.

– Вываливают шлюпбалки, сэр! – возбужденно доносил Капковый мальчик. – Кажется, да, да, теперь ясно вижу... Спускают на воду шлюпку!

– Слава тебе, Господи! – едва слышно прошептал Вэллери. Он чувствовал себя словно приговоренный к смерти, которого неожиданно помиловали. Наклонив голову, он обеими руками вцепился в край ветрового стекла: от напряжения он совсем ослаб. Несколько секунд спустя он поднял глаза. – Шифровка «Сиррусу», – распорядился он спокойно. – «Отстать от конвоя. Подобрать всех находящихся в шлюпке «Вайтуры». – Перехватив быстрый взгляд Кэррингтона, он пожал плечами. – Мы рискуем в любом случае, капитан-лейтенант, так что к черту распоряжения адмиралтейства. Видит Бог, – произнес он с неожиданным озлоблением, – я бы дорого дал, чтобы увидеть в Баренцевом море шлюпку, набитую до отказа вояками с Уайтхолла, которые выбросили лозунг: «Уцелевших не подбирать!»

Отвернувшись, Вэллери заметил Николлса и Петерсена.

– Вы все ещё здесь, Николлс? Не лучше ли вам спуститься вниз?

– Как вам будет угодно, сэр, – произнес Николлс. Поколебавшись, он кивнул в сторону Тиндалла: – Я полагал, возможно...

– Пожалуй, вы правы, – устало кивнул Вэллери. – Там будет видно. Подождите пока, хорошо? Штурман! – возвысил он голос.

– Есть, сэр.

– Обе малый вперед!

– Есть обе малый вперед!

Сначала «Улисс» едва заметно сбавил ход, потом стал двигаться еле-еле, при этом постепенно отставая от конвоя. Вскоре его обогнали замыкавшие кильватерные колонны суда, шедшие, молотя по воде винтами, на норд-вест. Снег повалил гуще, но суда, по-прежнему залитые зловецим заревом, казались до жути беззащитными и беспомощными.

Кипя от гнева, Тэрнер застыл как вкопанный возле торпедного аппарата левого борта. Грозные трубы, освещенные пламенем пожара, были изготовлены к залпу. Жерла их нависли над водой, на поверхности которой вспыхивали отблески пожара. На сиденье наводчика, расположенном над центральной трубой аппарата, он сразу же разглядел Ральстона.

– Ральстон! – Голос Тэрнера был резким, повелительным. – Я хочу поговорить с вами!

Быстро обернувшись, Ральстон поднялся с сиденья и, спрыгнув на палубу, очутился лицом к лицу со старшим офицером. Оба они были одинакового роста, и глаза их встретились – голубые, неподвижные, встревоженные глаза Ральстона и темные от гнева глаза Тэрнера.

– В чем дело, Ральстон, черт побери? – проскрежетал Тэрнер. – Отказываетесь выполнить приказ?

– Нет, сэр. – Голос Ральстона был спокоен, но в нем чувствовалось какое-то напряжение. – Это неправда.

– Неправда? – Глаза Тэрнера сузились, он едва сдерживал свою ярость. – Тогда какого дьявола вы заявляете, что не хотите обслуживать аппарат? Намерены перецеголять кочегара Райли? Вы что, рехнулись?

Ральстон ничего не ответил.

Приняв молчание юноши за дерзкий вызов, Тэрнер взорвался. Схватив Ральстона за отвороты канадки сильными пальцами, старший офицер притянул торпедиста к себе.

– Я задал вопрос, Ральстон, – сказал он тихо. – Ответа я не слышал. Я жду. Что это все значит?

– Ничего, сэр. – В глазах Ральстона была лишь печаль, но не страх. – Я... я просто не хочу этого делать, сэр. Я не могу... не могу топить наше же судно! – Теперь в его голосе звучала просьба и, пожалуй, отчаяние, но Тэрнер остался глух к ним. – Почему судно должно погибнуть, сэр? – вырвалось у юноши. – Почему? Почему?

– Не ваше дело, дьявол вас побери! Но я все-таки объясню. Из-за этого танкера весь конвой подвергается опасности! – Тэрнер почти вплотную приблизил свое лицо к лицу Ральстона. – У вас есть обязанности, вы должны выполнять распоряжения начальников. Ну так и выполняйте! Живо! – взревел он, видя нерешительность Ральстона. – Марш к аппарату! – последние слова Тэрнер чуть ли не выплюнул.

Ральстон не двинулся с места.

– Но ведь есть другие торпедисты, сэр! – воскликнул он, умоляюще взметнув ввысь руки. Что-то в его голосе заставило одуматься ослепшего от гнева Тэрнера. Потрясенный открытием, он вдруг понял, в каком отчаянном состоянии находится Ральстон. – Почему не могут они?..

– Пусть грязную работу выполнит за вас кто-то другой? Вы это хотите сказать, не так ли? – с убийственной насмешкой произнес Тэрнер. – Хотите, чтобы другие сделали то, что не желаете делать сами, вы, заносчивый сопляк! Связной! Передайте мне свой аппарат. Свяжусь с мостиком.

Взяв телефон, старший офицер взглянул на Ральстона, который, медленно взобравшись на свое сиденье, склонился над расчетной таблицей.

– Первый офицер? Говорит старпом. Здесь все готово. Командир на месте?

– Да, сэр. Сейчас позову. – Положив трубку, Кэррингтон подошел к командиру. – Сэр,

докладывает старший офицер...

– Минуту! – поднятая рука, напряженность в голосе командира заставили Кэррингтона умолкнуть на полуслове. – Посмотрите, капитан-лейтенант. Что вы думаете на этот счет?

Вэллери показал на «Вайтуру», не замечая фигуры адмирала, облаченной в дождевик. Понутив голову, Тиндалл что-то бессвязно бормотал себе под нос.

Кэррингтон посмотрел туда, куда указывал командир. На шлюпке, на ходу опущенной с танкера, отдали фалинь. Смутно различимый сквозь густой снег, битком набитый людьми, вельбот быстро отставал от судна, над которым повисло плотное облако дыма – настолько быстро, что первый лейтенант тотчас сообразил, в чем дело. Обернувшись, он увидел потухший взор Вэллери – его усталые, постаревшие глаза. Кэррингтон медленно кивнул:

– Танкер увеличивает ход, сэр. Он на плаву, управляется... Что вы намерены предпринять, сэр?

– Да поможет мне Бог, у меня нет выбора. «Викинг» молчит, «Сиррус» молчит, от нашего акустика также нет никаких донесений. А эта подлодка все ещё рыщет... Сообщите Тэрнеру о случившемся. Бенгли!

– Да, сэр?

– Передайте на «Вайтуру». – Губы Вэллери были сжаты добела, глаза, наполненные болью, потемнели. – «Покинуть судно. Через три минуты вас торпедируем. Это последнее предупреждение». Лево двадцать градусов!

– Есть лево двадцать!

«Вайэура» легла на норд, двигаясь под углом к курсу конвоя. Медленно описав циркуляцию, «Улисс» шел почти параллельно танкеру, чуть отстав от него.

– Средний вперед, штурман!

– Есть средний вперед!

– Штурман!

– Слушаю, сэр?

– Что там говорит адмирал? Вы не можете разобраться?

Наклонившись к Тиндаллу, Карпентер прислушался, затем покачал головой. С его меховой шапки упали хлопья снега.

– Прошу прощения, сэр, но из-за пожара на танкере невозможно что-либо расслышать... По-моему, он что-то напевает, сэр.

– О Боже! – Вэллери повернулся, потом медленно поднял голову. Даже такое ничтожное усилие было невыносимо для него.

Вытянувшись, он посмотрел на «Вайтуру». На танкере снова мигал красный сигнальный фонарь. Командир попытался было прочесть светограмму сам, но писали слишком быстро. Возможно, просто глаза его переутомились, а возможно, он был уже не в состоянии думать... В этом крохотном алом огоньке, вспыхивавшем между двух половин гигантского занавеса из пламени, медленно, торжественно, неизбежно смыкавшихся вместе, было что-то загадочное, гипнотическое. Потом алый огонек потух, потух так неожиданно, так внезапно, что, услышав голос Бенгли, Вэллери не сразу понял смысл его слов.

– Светограмма с танкера, сэр.

Вэллери ещё крепче вцепился в край нактоуза. Бенгли скорее вообразил, чем заметил кивок командира.

– Текст донесения: «Катитесь к едрене-фене. На военных моряков кладу с прибором. Лучшие пожелания».

Голос Бенгли затих, слышен был лишь рев пламени да одинокое теньканье гидролокатора.

– Лучшие пожелания. – Вэллери покачал головой в недоумении. – Лучшие пожелания!

Должно быть, сошел с ума. Не иначе. Он шлет нам лучшие пожелания, а я должен его потопить... Капитан-лейтенант!

– Слушаю, сэр?

– Передать старпому: «Аппарат товсь!»

Отрепетовав полученную с мостика команду, Тэрнер повернулся к Ральстону.

– Аппарат товсь!

Перегнувшись через борт, он увидел, что танкер по-прежнему находится чуть впереди крейсера, который заканчивал циркуляцию, ложась на боевой курс.

– Осталось минуты две.

По тому, как утихла дрожь палубы, он понял, что «Улисс» замедляет ход. Секунда-другая, и крейсер рыскнет вправо. В трубке снова затрещало; звук был едва различим из-за рева пламени. Он прислушался к голосу в телефоне, потом поднял голову.

– Стрелять только из первой и третьей труб. Установки средние. Скорость цели одиннадцать узлов.

– Сколько осталось до залпа? – спросил в телефон Тэрнер.

– Сколько до залпа? – отрепетовал Кэррингтон.

– Девяносто секунд, – хрипло ответил Вэллери. – Штурман! Право десять градусов!

Услышав треск упавшего бинокля, он вскочил на ноги и увидел, как адмирал повалился вперед и с размаху ударился лицом и шеей о край ветрового стекла. Руки Тиндалла болтались безжизненно, как плети.

– Штурман!

Но Капковий мальчик уже подскочил к адмиралу. Просунув руку ему под мышку, он приподнял Тиндалла, чтобы снять его с ветрового стекла.

– Что случилось, сэр? Что с вами?

Тиндалл чуть шевельнулся, продолжая прижиматься щекой к краю ветрового стекла.

– Холодно, холодно, – монотонно повторял он дребезжащим старческим голосом.

– Что? Что вы сказали, сэр? – умоляюще спрашивал его штурман.

– Холодно. Мне холодно. Мне ужасно холодно! О, мои ноги! – Стариковский голос утих, и Тиндалл соскользнул в угол мостика. Снег падал на его серое лицо, обращенное к небу.

Карпентера озарила догадка, перешедшая в уверенность. В испуге он опустился на колени рядом с адмиралом. Вэллери услышал приглушенное восклицание, увидел, как штурман выпрямился и повернулся к нему с белым от ужаса лицом.

– На нем... на нем нет ничего, сэр, – произнес он, запинаясь. – Он бос! Ноги у него обморожены!

– Бос? – недоверчиво переспросил Вэллери. – Неужели? Не может быть!

– Он в одной лишь пижаме, сэр!

Вэллери наклонился к адмиралу, стаскивая с рук перчатки. Коснувшись пальцами холодной, как лед, кожи, он ощутил внезапную тошноту. В самом деле, адмирал был бос! И в одной лишь пижаме! Бос! Так вот почему не слышно было его шагов! Он машинально вспомнил, что термометр показывал тридцать пять градусов мороза^[10]. А Тиндалл – с голыми ногами, к которым прилипла слякоть и снег, – по меньшей мере пять минут сидел на морозе!.. Вэллери почувствовал, как огромные руки подхватили его под мышки, и в следующее мгновение он уже стоял на ногах. Петерсен. Конечно, это Петерсен! Кто же еще? А позади него маячил Николлс.

– Предоставьте его мне, сэр. Петерсен, отнесите адмирала вниз.

Бодрый, уверенный голос Николлса, голос человека, очутившегося в своей стихии, успокоил Вэллери, помог вернуться к действительности, к её насущным проблемам, как не

помогло бы ничто другое. До его сознания дошел четкий, размеренный голос Кэррингтона, который сообщал курс и скорость, отдавал распоряжения. «Вайтуру» он увидел по левой скуле. Медленно, но верно танкер перемещался в сторону кормы крейсера. Даже на таком расстоянии ощущалась адская жара. Каково же тем, кто стоит на мостике судна, помилуй их, Боже!

– На курсе, первый офицер! – произнес он. – Стрелять самостоятельно.

– На курсе, стрелять самостоятельно, – эхом отозвался Кэррингтон, словно находясь на учебных стрельбах на полигоне в Соленте.

– Есть стрелять самостоятельно, – отозвался Тэрнер. Повесив трубку, он обернулся к Ральстону. – Действуйте, – проговорил он тихо.

Ответа не последовало. Сгорбившаяся фигура, точно изваяние застывшая на сиденье наводчика, не подавала никаких признаков жизни.

– Тридцать секунд до залпа, – резко произнес Тэрнер. – Все готово?

– Так точно. – Фигура шевельнулась. – Все готово, сэр. – Резко повернувшись, Ральстон воскликнул в порыве отчаяния: – Бога ради, сэр! Неужели нельзя найти никого другого?!

– Двадцать секунд до залпа! – прошипел Тэрнер. – Хочешь, чтобы на твоей совести была гибель тысячи человек, трусливая твоя душа? Попробуй только промахнуться!..

Ральстон медленно отвернулся. На какое-то мгновение лицо его осветилось адским заревом горящего танкера, и Тэрнер с ужасом увидел, что лицо юноши залито слезами. Потом заметил, что он шевелит губами.

– Не беспокойтесь, сэр. Я не промахнусь. – Голос его прозвучал безжизненно, с непонятной горечью.

Охваченный скорее недоумением, чем гневом, Тэрнер увидел, как торпедист вытер глаза рукавом, как правая рука его схватила спусковую рукоятку первой трубы. Тэрнеру отчего-то пришла вдруг на память знаменитая строка из Чосера: «Копье вонзилось в плоть и, задрожав, застыло...» В движении руки Ральстона была та же щемящая душу решимость, та же роковая бесповоротность. Внезапно – настолько внезапно, что Тэрнер невольно вздрогнул, – рука торпедиста конвульсивно отдернулась назад. Послышался щелчок курка машинного крана, глухой рев в пусковой камере, шипенье сжатого воздуха, и торпеда вылетела вон. На какую-то долю секунды её злое гладкое тело сверкнуло в свете зарева и тяжело плюхнулось в воду. Не успела вылететь эта торпеда, как аппарат снова вздрогнул, и вслед за первой помчалась вторая смертоносная сигара.

Пять, десять секунд Тэрнер точно зачарованный смотрел широко раскрытыми глазами на две струи пузырьков, которые мчались стрелой и исчезали вдали. «В зарядном отделении каждой из этих злоеущих сигар – полторы тысячи фунтов аматола... – мелькнуло в голове у Тэрнера. – Спаси, Господи, несчастных, оставшихся на «Вайтуре»!

В динамике, установленном на шкафуте, щелкнуло.

– Внимание! Внимание! Всем немедленно в укрытие. Всем немедленно в укрытие.

Очнувшись, Тэрнер оторвал взгляд от поверхности моря. Он поднял глаза и увидел, что Ральстон все ещё сидит, сгорбившись на своем сиденье.

– Слезай оттуда, болван! – закричал он. – Хочешь, чтоб при взрыве танкера тебя изрешетило? Слышишь?

Молчание. Ни слова, ни движения, один лишь рев пламени.

– Ральстон!

– Со мной все в порядке, сэр. – Голос Ральстона прозвучал глухо; он даже головы не повернул.

Тэрнер с руганью вскочил на торпедный аппарат и, стащив Ральстона с сиденья, поволок его в укрытие. Ральстон не сопротивлялся: казалось, он был охвачен глубокой апатией,

совершеннейшим безразличием, когда человеку все становится трын-трава.

Обе торпеды попали в цель. Конец был скор и удивительно неэффектен... Люди, находившиеся в укрытиях, напряженно прислушивались, ожидая взрыва. Но взрыва не последовало.

Устав бороться, «Вайтура» переломилась пополам и медленно, устало накренившись, исчезла в пучине.

Спустя три минуты, открыв дверь командирской рубки, Тэрнер втолкнул Ральстона.

– Вот он, сэр, – произнес он мрачно. – Не угодно ли взглянуть на этого ослушника?

– Именно это я и хочу сделать! – Вэллери, положив вахтенный журнал, холодно оглядел торпедиста с головы до ног.

– Отлично сработано, Ральстон, но это не оправдывает вашего поведения. Прошу извинить, старпом, – произнес он. Повернувшись к Карпентеру, Вэллери взял у него текст шифровки. – По-моему, текст составлен удачно. Придется по душе светлейшим лордам адмиралтейства, – прибавил он с горечью. – Суда, которые не удалось пустить ко дну немцам, мы топим сами... Не забудьте связаться утром с «Гаттерасом» и запросить фамилию капитана «Вайтуры».

– Он мертв... Можете теперь не беспокоиться... – произнес с мукой Ральстон и тут же отшатнулся: Тэрнер ударил его ладонью по лицу. Тяжело дыша, старший офицер смотрел на него потемневшими от гнева глазами.

– Ах ты, наглец! – проговорил он едва слышно. – Все-таки вывел меня из терпения.

Ральстон медленно поднял руку, потер вспухшую от удара щеку.

– Вы меня неверно поняли, сэр! – В голосе его не было и следа обиды. Юноша говорил так тихо, что офицерам пришлось напрячь слух, чтобы расслышать его слова. – Вы хотите узнать фамилию капитана «Вайтуры»? Я могу сказать: Ральстон. Майкл Ральстон. Это был мой отец.

Глава 12

СУББОТА

Всему бывает конец, на смену ночи приходит рассвет. Даже если ночь бесконечно долга, он все-таки наступает. Наступил рассвет и для конвоя Эф-Ар-77. Серый, мрачный, столь же безнадежный, сколь долгой была ночь.

Он застал конвой в трехстах пятидесяти милях севернее Полярного круга. Двигаясь точно на ост, по семьдесят второй параллели, конвой находился на полпути между Ян-Майеном и мысом Нордкап. Долгота его, по приблизительным расчетам Капковского мальчика, составляла восемь градусов сорок пять минут к востоку от Гринвича, хотя твердой уверенности у штурмана не было. Из-за густого снега и сплошной облачности пришлось полагаться на счисление: когда в порт управления зенитным огнем угодил снаряд, автопрокладчик вышел из строя. До порта назначения оставалось около шестисот морских миль. Шестисот миль, сорок часов хода, и конвой – вернее, то, что от него к тому времени останется, – войдет в Кольский залив. А оттуда до Полярного и Мурманска – рукой подать... Сорок часов хода.

Рассвет застал конвой – теперь в нем насчитывалось четырнадцать судов и кораблей – рассредоточенным по площади свыше трех квадратных миль. Суда сильно качала усиливающаяся зыбь, шедшая от норд-норд-оста. Да, в конвое осталось всего четырнадцать единиц, глубокой ночью исчезло ещё одно судно. Что послужило причиной его гибели? Мина, торпеда? Никто не знал и никогда не узнает. Застопорив машины, «Сиррус» целый час обследовал место трагедии, освещая поверхность моря затемненными десятидюймовыми сигнальными прожекторами. Никого из членов экипажа не удалось обнаружить. Орр, командир «Сирруса», и не рассчитывал на это: температура воздуха была ниже двадцати градусов мороза по Цельсию.

Рассвет наступил после бессонной ночи, после непрерывных боевых тревог, бесконечных акустических контактов, беспрестанной бомбежки невидимых и неуязвимых подводных лодок. Бомбежки, которая не достигла никаких результатов. Но лишь с точки зрения кораблей охранения. Зато для противника то была двойная победа: измученным морякам пришлось всю ночь оставаться на своих боевых постах, что притупило, возможно бесповоротно, последние остатки прежней, отточенной, как лезвие бритвы, бдительности, от которой как никогда зависела теперь судьба корабля. Но главная опасность заключалась в ином: бомбосбрасыватели на кораблях эскорта были совершенно пусты. Враг не на шутку взялся за дело, мертвой хваткой вцепившись в горло конвоя!.. То, чего ещё никогда не случалось, сейчас произошло: на кораблях не осталось ни одной глубинной бомбы. Зубы у конвоя были вырваны, обороняться стало нечем. С минуты на минуту «волчьи стаи» обнаружат, что теперь можно нападать безнаказанно и когда заблагорассудится...

С рассветом, как обычно, была объявлена утренняя боевая тревога, хотя и без того люди находились на своих боевых постах пятнадцать часов кряду. То были пятнадцать часов лютого холода и страданий, и за все это время у личного состава «Улисса» во рту не было ничего, кроме ломтика корнбифа с черствым сухарем, потому что выпечь свежий хлеб пекарям было недосуг, да кружки какао. Эти утренние боевые тревоги сами по себе имели особое значение в жизни корабля, продлевая ожидание атаки противника на два бесконечных часа. А для человека, качающегося на ногах от неимоверной усталости, буквально пальцами придерживающего слипающиеся веки, в то время как мозг – источник мучительных страданий – принуждает его забыть хотя бы на секунду, хотя бы только раз, для такого человека даже минута тянется как

вечность. Утренние боевые тревоги имели для экипажа особое значение потому, что во время походов в Россию являлись испытанием на выносливость каждого – испытанием, показывавшим, кто чего стоит на самом деле. Экипаж же «Улисса» – корабля, заклеянного как мятежный, – люди, осужденные и приговоренные к наказанию, физически сломленные и распятые духовно, люди, которым никогда уж не стать прежними, – этот экипаж не хотел покрыть себя позором. Конечно, не все испытывали такое чувство, потому что были обыкновенными людьми, но многие поняли – или начинали понимать, – что рубеж, за который они перешагнули, это не обязательно край пропасти, что это, скорее, долина, начало долгого подъема по противоположному склону холма. Человек же, однажды начав восхождение, никогда не оглядывается назад.

Ни пропасти, ни долины для некоторых не существовало. К их числу принадлежал, к примеру, Кэррингтон. Проведя на мостике целых восемнадцать часов, он по-прежнему оставался самим собой – нестигаемым, бодрым, отличавшимся какой-то непринужденной, никогда не подводившей его наблюдательностью, человеком невероятной выносливости, который никогда не сдает, ибо даже мысль о том, что он может сдать, казалась нелепой. Таким уж он уродился. Под стать ему были люди вроде старшего боцмана Хартли, старшего котельного машиниста Гендри, старшего сержанта Ивенса и сержанта Мак-Интоша. Эти люди – до странности похожие друг на друга, рослые, смелые и добродушные – впитали в себя лучшие флотские традиции. Молчаливые, никогда не кичащиеся своей властью, они отдавали себе отчет в том, сколь важна их роль. Они понимали – и с этим первым бы согласился любой флотский офицер, – что именно они, старшины, а не офицерский состав, представляют собой опору британского королевского флота. Это крайне развитое в них чувство ответственности и придавало им стойкость гранита. Были, конечно, и такие люди – всего лишь горстка – люди наподобие Тэрнера, Капкового мальчика и Додсона, – которые с рассветом как бы выросли над собой. Опасность, трудности радовали их, ведь лишь в подобных обстоятельствах они могли проявить себя целиком, ибо опасность была их стихией, тем, ради чего они родились на свет. Были, наконец, и такие люди, как Вэллери, который, свалившись пополуночи с ног, до сих пор спал в командирской рубке; как старый врач Брукс. Их якорем спасения была мудрость, ясное понимание того, сколь относительно значение имеют как их собственные личности, так и судьба конвоя. Этим якорем была их логическая оценка обстановки, сочетавшаяся в этих людях с сочувствием к человеческим слабостям и страданиям.

На другой чаше весов находился иной сорт людей – их было несколько десятков, не более. Людей, опустившихся до предела. Они пали жертвой себялюбия, жалости к самим себе, страха. Так случилось с Карслейком. Пали оттого, что с них сорван был их покров, мишура власти. Так случилось с Гастингсом. Оттого, что не выдержали легшего на их плечи бремени, а станового якоря, который смог бы спасти их, у них не было. Так случилось со старшим санитаром Джонсоном и десятком других людей.

Между этими двумя полюсами оказались люди иного сорта, составлявшие большинство. Достигнув, казалось бы, предела терпения, они обнаружили, что человеческая выносливость безгранична, и в этом открытии нашли для себя целительный источник. Оказывается, подняться на противоположный склон ложбины можно, правда с посохом. Для Николлса, измученного настолько, что не хватало слов описать его состояние, уставшего от долгой и утомительной работы в операционной, этим посохом были гордость и стыд. Для старшего матроса Дойла, который, съжившись в три погибели, прятался от ледяного ветра за передней трубой и видел страдания дрожавших от холода молодых комендоров из расчета под его началом, таким посохом была жалость. Но, если бы ему об этом сказали, он, бранясь на чем свет стоит, стал бы отрицать подобное утверждение. Для юного Спайсера – буфетчика Тиндалла – этим посохом

тоже была жалость, жалость к человеку, умирающему в своей адмиральской каюте. Хотя Тиндаллу пришлось ампутировать обе ноги ниже коленей, он мог бы жить. Но у него не осталось желаний бороться, цепляться за жизнь; Брукс понимал, что смерть старый Джайлс примет как избавление. А для многих десятков, если не сотен таких, как больной чахоткой Мак-Куэйтер, заочневший в промокшей одежде (правда, теперь ему не надо было больше топтаться на ослабших ногах вокруг элеватора, из-за сильной качки вода не замерзала); как великан Петерсен, щедро тративший свои силы, помогая товарищам; как юный Крайслер, чьи зоркие глаза стали и вовсе незаменимыми, потому что радарная установка выведена из строя и юноша непрерывно наблюдал за горизонтом, – для таких людей посохом этим был Вэллери и глубокое уважение к нему, и безграничная любовь, и ещё – уверенность, что они не должны подвести командира.

Вот каковы были прочные канаты, надежные якорь-цепи, воедино соединявшие экипаж крейсера в то хмурое, серое утро, – гордость, жалость, стыд, любовь, печаль и природный инстинкт самосохранения, хотя последний фактор вряд ли нынче много значил. Что же до пресловутой ненависти к врагу, любви к своим близким и отечеству – понятиям, которые внушают миру сентиментальные обыватели, борзописцы и краснобаи, занятые шовинистической болтовней, – ни одно из этих чувств не вдохновляло моряков «Улисса». Никто и словом не обмолвился об этом.

Ненависти к врагу в них не было. Чтобы кого-то ненавидеть, надо его знать в лицо, а они его не знали. Моряки просто проклинали своих врагов, уважали их, боялись и уничтожали, когда выпадал случай, иначе те уничтожили бы их самих. Люди вовсе не думали, что сражаются за короля и отечество; они понимали: война неизбежна, но им претило, когда необходимость эту прикрывали трескучей лжепатриотической фразой. Они лишь выполняли то, что им приказывают, иначе их бы поставили к стенке. Любовь к близким? В этом заключен известный смысл, но не более. Защищать свою семью – естественное чувство, но оно представляет собой уравнение, истинность которого прямо пропорциональна расстоянию. Довольно сложно вообразить себе, чтобы зенитчик, скрючившийся в обледенелом гнезде «эрликона» где-нибудь неподалеку от острова Медвежий, воображал, что защищает утопающий в розах заветный коттедж в Котсуолде.

...Что же до остального, то искусственно раздуваемая ненависть к другим нациям и расхожий миф о короле и отечестве не стоят и ломаного гроша. Когда человек стоит у последней черты, когда на исходе надежда и выдержка, лишь великие и простые чувства – любовь, печаль, сострадание, отчаяние – помогут ему найти в себе силы, чтобы перешагнуть этот рубеж.

Наступил полдень, а караван, сомкнув строй, по-прежнему мчался вперед сквозь плотную снежную пелену. Тревог не объявляли с самого утра. Теперь до порта назначения оставалось тридцать шесть часов, всего лишь тридцать шесть часов ходу. Только бы продержалась такая же погода!.. Крепкий ветер, густой снегопад помешали бы немецким самолетам подняться в воздух, а почти нулевая видимость и крутая волна не позволили бы всплыть на перископную глубину ни одной подводной лодке... Чем черт не шутит... Ведь осталось каких-то тридцать шесть часов!

Адмирал Джон Тиндалл скончался почти сразу после полудня. Брукс, сидевший возле него все утро, записал в документе, что причиной смерти является «послеоперационный шок и переохлаждение». На самом же деле Джайлс умер потому, что не хотел больше жить. Он лишился доброго имени, утратил веру в свои силы, в себя. Его терзали угрызения совести; по его вине погибли сотни людей. А поскольку он лишился ног, то навсегда утратил возможность продолжать привычный для себя и единственный образ жизни, который он знал и любил,

которому посвятил сорок пять лет, к которому был привержен. Джайлс встретил смерть охотно и радостно. В полдень он пришел в сознание и посмотрел на Брукса и Вэллери с улыбкой здорового, а не душевнобольного человека. У Брукса сжалось сердце при виде этой невеселой улыбки. А как заразительно смеялся Джайлс в былые времена!.. Потом адмирал закрыл глаза и пробормотал что-то невнятное насчет семьи, хотя Брукс знал: никакой семьи у него не было. Снова открыв глаза, адмирал посмотрел на Вэллери так, словно видел его впервые. Отыскав взглядом Спайсера, он проговорил: «Поддай стул командиру, мой мальчик». И умер.

Хоронили его в два часа пополудни, в самую пургу. Порыв ветра, смешанного с тучами снега, заглушали голос командира, читавшего заупокойную молитву. Британский флаг ещё полоскался над наклоненной вниз доской, моряки даже не успели заметить, как тело адмирала исчезло в пучине. Сиротливо, словно из какой-то неведомой и печальной страны, прозвучал горн. Потом моряки (их было, самое малое, человек двести), молча отвернувшись, побрели в свои стылые кубрики.

Не прошло и получаса, как метель стихла, словно её и не бывало. Ветер тоже ослаб, и, хотя небо было по-прежнему темным, а снег все валил и валил, хотя зыбь была настолько ещё сильна, что крен судов водоизмещением в пятнадцать тысяч тонн при качке достигал пятнадцати градусов, было ясно, что шторм идет на убыль. На мостике, в орудийных башнях, в кубриках люди молча прятали глаза друг от друга.

Около пятнадцати часов «Вектра» обнаружила подводную лодку. Получив светограмму, Вэллери задумался.

Если послать «Вектру» на поиск и эсминец, обнаружив местонахождение лодки, начнет, как водится, описывать вокруг неё спираль, постепенно сужая её, то командир немецкой субмарины сразу обратит внимание на то, что преследователь не сбрасывает глубинные бомбы. И как только немец улучит минуту, чтобы всплыть и связаться по радио со своим штабом, – а это лишь вопрос времени, – то каждая немецкая подлодка, действующая севернее Полярного круга, будет знать, что конвой Эф-Ар-77 можно атаковать, не опасаясь возмездия. Однако вряд ли в такую погоду следовало ожидать нападения подводного противника. Не говоря уж о том, что при волнении невозможно удержаться на перископной глубине, сама подводная лодка представляла бы весьма неустойчивую платформу для торпедной стрельбы. Ведь при волнении взбудоражены не только поверхностные, но и удаленные от поверхности слои воды. Волнение это ощутимо на глубине десяти, двенадцати и пятнадцати метров, а в особенно крепкий шторм волнение это испытывается на глубине чуть ли не тридцати метров. В то же время не исключалась возможность, что командир субмарины все-таки воспользуется ничтожным, одним из тысячи, шансом и попытается провести атаку. Вэллери все же приказал «Вектре» начать поиск.

Но сделал он это слишком поздно. Правда, то, что произошло, произошло бы в любом случае. «Вектра» все ещё мигала сигнальным фонарем, подтверждая получение приказа, как до «Улисса» донесся грохот мощного взрыва. Глаза всех, кто находился на мостике, принялись обшаривать горизонт в поисках дыма и пламени, наклоненной палубы и судна, покотившегося в сторону от курса, – признаков того, что торпеда угодила в цель. Ничего такого видно не было. Лишь чуть ли не полминуты спустя почти случайно обнаружили, что «Электра», головной в правой кильватерной колонне транспорт, начала сбавлять ход, потом, словно выбившись из сил, застопорила ход, по-прежнему находясь на ровном киле. Дифферента ни на нос, ни на корму не было – почти наверняка торпеда попала в машинное отделение.

На «Сиррусе» замигал сигнальный фонарь. Прочтя светограмму, Бентли повернулся к командиру корабля.

– Капитан третьего ранга Орт просит разрешения подойти к левому борту и снять с

транспорта команду.

– К левому? – переспросил Тэрнер, потом кивнул: – Слепой борт для лодки. В штиль дело вполне возможное, сэр, но в такую погоду... – Старший офицер посмотрел на «Сиррус», который сильно валило с боку на бок, и пожал плечами. – Краску ему пообдерет, как пить дать.

– Что за груз на «Электре», не знаете? – спросил Вэллери. – Не взрывчатые вещества?

Оглянувшись кругом и увидев, что каждый покачал головой, он обратился к Бентли:

– Запросите «Электру», нет ли у неё в трюмах взрывчатки.

Бентли простучал заслонкой, потом стих. Вскоре стало ясно, что ответа не будет.

– Нет, видно, электроэнергии или сигнальный фонарь разбит, – вмешался Капковый мальчик. – Может, предложить им поднять под сигнальным реем один флаг, если у них есть взрывчатка на борту, и два – если нет?

Вэллери одобрительно кивнул.

– Вы слышали, Бентли?

Командир перегнулся через ограждение мостика и посмотрел назад. Пока Бентли отстукивал светограмму, «Вектра» находилась на правой раковине, примерно в миле от крейсера. Качаясь то с боку на бок, то с носу на корму, она кружилась на одном месте. Эсминец обнаружил убийцу, но бомбосбрасыватели его были пусты.

Круто обернувшись, Вэллери перевел взгляд на «Электру». Ответа все не было... Вдруг под ноком рея взвились два флага.

– Передать на «Сиррус», – скомандовал он. – «Даю добро. Действуйте крайне осмотрительно».

Неожиданно его тронули за рукав.

– Вы слышите? – спросил Тэрнер.

– Что именно? – резко повернулся Вэллери.

– А Бог его знает. Что-то с «Вектрой». Взгляните! Вэллери посмотрел в ту сторону, куда указывал старший офицер. Сперва он ничего не мог различить, потом заметил фонтанчики воды, возникавшие в кильватерной струе корабля и тотчас, исчезающие в набегавших волнах. Потом, напрягши слух (мешали порывы ветра), услышал глухой рокот подводных взрывов.

– Чем это «Вектра» занимается, черт побери? – спросил Вэллери. – Что это она такое сбрасывает?

– Фейерверк устраивает, – проворчал Тэрнер. – А вы как считаете, первый?

– Это двадцатипятифунтовые подрывные заряды, – сдержанно ответил Кэррингтон.

– Он прав, сэр, – согласился Тэрнер. – Их-то они и сбрасывают. А проку от них не больше, чем от бенгальских огней, – прибавил он насмешливо.

Но старпом ошибался. Действительно, сила взрыва такого заряда в десять раз меньше, чем у глубинной бомбы, но если заряд попадет в боевую рубку лодки или взорвется возле рулей, то результат будет столь же губительным. Не успел Тэрнер закрыть рот, как на поверхность выскочила субмарина – первая лодка в надводном положении, которую увидели на «Улиссе» за шесть месяцев без малого, – и, повиснув на секунду в воздухе, шлепнулась днищем о воду и закачалась на крутой волне.

Драматическая внезапность появления подлодки – ведь ещё секунду назад море было пустынным, и вдруг на виду у всего конвоя на волнах прыгает немецкая подводная лодка, – внезапность эта застала врасплох все корабли, в том числе и «Вектру». Лодка попала эсминцу, что называется, не под ту ногу: описывая восьмерку, «Вектра» двигалась в противоположную от подлодки сторону. Расчет многоствольного автомата открыл огонь, но это оружие печально знаменито тем, что из него трудно попасть в цель и при самых благоприятных обстоятельствах, а в условиях качки, да ещё в то время, когда быстроходный корабль описывает

циркуляцию, это вообще гиблое дело. Правда, наводчики «эрликонов» вlepили несколько снарядов в боевую рубку, а спаренные «льюисы» поливали корпус лодки градом пуль, жужжавших, точно осиный рой. Но к тому времени, как «Вектра», сделав разворот, готова была пустить в ход главный калибр, подлодка медленно скрылась под поверхностью моря.

Орудия эсминца калибром 4,7 дюйма открыли огонь по тому месту, где исчезла субмарина. Но после того, как два снаряда, отскочив рикошетом от воды, едва не угодили в одно из судов конвоя, огонь прекратился. «Вектра» устремилась прямо к месту погружения немецкой подлодки. Наблюдатели на «Улиссе» разглядели в свои бинокли закутанные в канадки фигуры матросов. Те стояли на кормовой палубе один за другим, сбрасывая – за борт подрывные заряды. Почти сразу же на «Вектре» руль положили вправо на борт, и эсминец снова ринулся на зюйд, ощерившись с правого борта орудиями, которые смотрели в воду.

На сей раз субмарина, должно быть, получила более серьезные повреждения, причиненные не то снарядами, не то подрывными зарядами, сброшенными напоследок. Вся окутанная кипящей пеной, лодка снова выскочила на поверхность – на этот раз ещё более стремительно – и снова попала «Вектре» не под ту ногу: лодка всплыла на левой раковине эсминца, кабельтовых в трех.

Теперь лодка больше не погружалась. Ни командиру её, ни экипажу храбрости было не занимать. Распахнулся рубочный люк, и по скоб-трапу на палубу посыпались матросы, которые тотчас бросились к пушке, готовые вступить в безнадежное единоборство с превосходящим их силою и числом противником.

Двое первых артиллеристов даже не успели добежать до орудия: огромными валами, переклестывавшими через палубу подлодки, их смыло за борт. Но вместо них к пушке кинулись другие. Лихорадочно вращая маховики, они разворачивали ствол орудия, наводя его на приближавшийся с каждой секундой смертоносный форштевень эсминца. Невероятное дело, – несмотря на то, что волны перекачивались через палубу лодки, сбивая матросов с ног, а сама лодка качалась и подпрыгивала на волнах, – первый же снаряд, выпущенный в упор, угодил прямо в мостик «Вектры». Первый этот снаряд оказался и последним; орудийную прислугу точно сдуло ветром: одни комендоры упали возле орудия, другие, судорожно дрыгая ногами, полетели за борт.

Началась расправа. «Вектра» была вооружена двумя счетверенными скорострельными установками типа «Болтон Пол Дефайэнт», предназначенными для ночного боя и оснащенными прицелами типа «Астродом». Расположенные на полубаке корабля, обе одновременно открыли огонь, выплевывая каждые десять секунд триста снарядов. Избитое выражение «смертоносный ливень» оказалось бы тут как нельзя кстати. Более двух секунд на открытой палубе подводной лодки не удавалось продержаться никому. Спасения от этого града не было. Один за другим в самоубийственном порыве выскакивали из рубочного люка немецкие подводники, но никому из них не удавалось добраться до орудия.

Никто из находившихся на «Улиссе» не смог впоследствии припомнить, когда именно они поняли, что «Вектра», нос которой то высоко задирался, то опускался вниз, намеревается таранить подводную лодку. Возможно, командиру эсминца такая мысль даже не приходила в голову. Возможно, полагая, что подводная лодка снова произведет погружение, и не желая упустить её на этот раз из рук, он решил снести ей рубку вместе с перископом. Возможно, он был убит снарядом, разорвавшимся на мостике. А может быть, в последнюю секунду изменив свое решение, он отвернул круто вправо свой корабль, несшийся прямо на боевую рубку неприятельской лодки.

Сначала всем показалось, что «Вектра» пройдет по носу подводной лодки, не задев её, но надежда эта тотчас угасла. Стремительно спускаясь по крутому склону волны, нижней частью

форштевня «Вектра» нанесла мощный удар по корпусу подлодки метрах в десяти от её носа и рассекла каленую сталь прочного корпуса лодки, словно он был из картона. Киль «Вектры» все ещё продолжал углубляться в корпус лодки, расширяя пробоину, как с молниеносной быстротой, один за другим, последовали два громовых удара, слившихся в один страшный взрыв. В небо взметнулось облако кипящей воды и изуродованного железа, скрывшее оба корабля. О причине взрыва можно было лишь догадываться, но результаты его были очевидны. Вследствие какой-то необъяснимой случайности в зарядном отделении одной из торпед взорвался заряд тола – вещества, обычно чрезвычайно инертного и стойкого к ударам. А это, в свою очередь, вызвало детонацию торпед в соседних стеллажах, а возможно, и всего боезапаса в носовом оружейном погребе «Вектры».

Огромные каскады воды медленно, словно нехотя устремились вниз, и взорам наблюдателей предстали «Вектра» и подводная лодка, вернее, то, что от них осталось. Разум отказывался верить, что такие обломки могут ещё держаться на плаву. Субмарина очень глубоко осела; было такое впечатление, словно корпус её обрывается сразу за оружейной площадкой. Носовой части эсминца впереди мостика как не бывало: казалось, неким гигантским ножом «Вектру» разрезало пополам. Разум отказывался верить происходящему: на глазах у всех изуродованная «Вектра» ринулась в ту же впадину, куда устремилась вражеская подлодка. Устало, словно нехотя, «Вектра» повалилась на лодку. Боевая рубка лодки легла на палубу миноносца между мачтой и мостиком. Спустя мгновение оба корабля скрылись под водой, падая на дно океана в объятиях друг друга.

Шедшие последними в строю конвоя суда успели удалиться мили на две от места, где разыгралась трагедия, и на столь значительном расстоянии да ещё при таком сильном волнении разглядеть, уцелел ли кто-нибудь, было невозможно. Да и вряд ли кто-нибудь уцелел. Если на поверхности моря и оставались ещё люди, которые барахтались в ледяной воде, выбиваясь из сил и взывая о помощи, минуты их были сочтены. Прежде чем спасательное судно пришло бы к ним на выручку, они бы насмерть заоченели. А конвой уходил все дальше на восток. Отстали от него лишь два судна: «Электра» и «Сиррус».

«Электра», имея крен на левый борт, дрейфовала лагом к волне, тяжело, неуклюже покачиваясь. Крен её к этому времени достиг почти пятнадцати градусов. На переднюю и заднюю палубы транспорта высыпала вся команда. Завидев на левой раковине «Сиррус», приближавшийся к ним, отчаянно прыгая на волнах, моряки не стали садиться в вельбот. Вельбот уже был вывален на шлюпбалках за борт, но убрать его назад оказалось невозможно. Повиснув в воздухе на высоте шести метров, шлюпка раскачивалась из стороны в сторону. Бранясь почему зря, Орт ещё на подходе к «Электре» дважды семафорил ей, требуя стравить шлюп-тали. Но вельбот по-прежнему болтался на шлюпбалках, словно огромная гиря, не позволяя «Сиррусу» подойти вплотную к транспорту. Видно, на транспорте возникла паника, а, скорее всего, морозом сковало тормозные барабаны шлюпочных лебедок.

Времени терять было нельзя: ещё десять минут, и «Электра» пойдет ко дну.

«Сиррус» сделал всего два захода. Орт не собирался останавливаться у борта транспорта: громадное, в пятнадцать тысяч тонн, судно подмяло бы под себя эсминец. При первом заходе он медленно, имея ход всего пять узлов, приблизился к «Электре», не дойдя до её борта метров шесть. Ближе подходить он не осмелился из-за качки, швырявшей оба судна навстречу друг другу.

Когда носовая часть «Сирруса» поравнялась с мостиком «Вектры», люди, ждавшие этой минуты, начали прыгать на бак эсминца. Они прыгали, когда полубак «Сирруса» подкинуло вровень с палубой транспорта, прыгали и тогда, когда он стал опускаться на четыре–шесть метров. Какой-то моряк – с чемоданом и брезентовым мешком в руке – небрежно перешагнул

через поручни обоих судов, когда они на какое-то мгновение как бы застыли. Люди прыгали с жуткой высоты на обледенелую палубу, вывихивая себе при этом лодыжки и тазобедренные суставы, ломая голени и берцовые кости. Двое прыгнули, но промахнулись. В немыслимом бедламе раздался вопль, от которого леденеет кровь: это одного из моряков ударило железным корпусом корабля, погасив в нем жизнь. Потом послышались страшные крики отчаяния: второй, скользя вдоль огромного борта «Электры», попал под винты «Сирруса».

Тут-то и случилась беда. Случилась вовсе не по вине командира «Сирруса» – тот управлял кораблем безукоризненно. Но даже его искусство оказалось бессильным против двух шальных волн, невесть откуда взявшихся. Они были вдвое больше остальных. Первая швырнула «Сиррус» в сторону «Электры», затем, пройдя под днищем транспорта, круто накренила его на левый борт, в то время как другая волна чуть не опрокинула «Сиррус», повалив его направо. Поручни и верхний пояс обшивки «Сирруса» погнулись и лопнули на протяжении метров сорока. Одновременно в лобовую часть мостика с размаху ударилась шлюпка, которая тотчас разбилась в щепки. Прозвенел машинный телеграф, за кормой «Сирруса» вскипела белая пена. Казалось, корабль встrepенулcя, ужаснувшись тому, сколь близок был конец. Но, к счастью, смерть, от которой экипаж был на волоске, пощадила людей. Все обошлось, лишь один бедняга сорвался в воду при столкновении.

В следующий миг «Сиррус», круто повернув, уже уходил прочь от «Электры».

Через пять минут «Сиррус» снова вернулся. Холодный расчет, железная выдержка, удача, постоянно сопутствовавшая Орру, сказались в том, что на сей раз, улучив минуту, когда вода возле «Электры» на какой-то миг успокоилась, Орт мятым правым бортом прижался к «Электре». К этому времени транспорт осел настолько глубоко, что не мог уже придавить эсминец. Дружеские руки подхватили моряков, прыгавших с «Электры», смягчая удар при падении. Спустя тридцать секунд эсминец отвалил от транспорта. Палуба «Электры» успела опустеть. Минуты через две корпус тонущего судна потряс глухой удар. Это взорвались котлы. Судно медленно повалилось на бок. Мачты и дымовая труба коснулись поверхности воды и исчезли в пучине. На какую-то долю секунды на сером фоне моря и неба блеснули темное днище, киль и затем скрылись в волнах. В течение целой минуты на поверхность моря вырывались огромные пузыри воздуха. Постепенно они становились все меньше и меньше и наконец вовсе пропали.

Битком набитый спасенными, «Сиррус» лег на курс сближения и увеличил ход, чтобы догнать конвой. Конвой под кодовым названием Эф-Ар-77. Конвой, о судьбе которого королевский флот до сих пор пытается забыть. Тридцать шесть судов вышли из Скапа-Флоу и из залива Сент-Джон. Теперь их в конвое насчитывалось двенадцать, всего лишь двенадцать. А до Кольского залива оставалось почти тридцать два часа ходу...

Тэрнер с задумчивым видом наблюдал, как приближается с кормы «Сиррус». Даже старпому изменила на какое-то время присущая ему бодрость духа и бьющая через край энергия. Оторвав взгляд от эсминца, он украдкой с жалостью посмотрел на командира, походившего теперь на живые мощи. Одному Богу известно, откуда у Вэллери берутся силы, чтобы отвоевывать у смерти час за часом. Между тем смерть, сама мысль о ней, неожиданно понял Тэрнер, стала, должно быть, желанной, заветной для Вэллери. Посмотрев на командира в упор, старпом увидел на лице его – этой маске – боль и печаль и молча яростно выругался. Измученные глаза каперанга безжизненно поглядели на старшего офицера. Поспешно прокашлявшись, Тэрнер спросил Вэллери:

– Сколько теперь может быть спасенных на «Сиррусе», сэр?

– Представления не имею, старпом, – устало приподнял плечи Вэллери. – Человек сто. Возможно, больше, а что?

– Сто... – задумчиво повторил Тэрнер. – Сто человек, обреченных на смерть приказом никого не спасать. Интересно, что-то скажет наш приятель Старр, если Ортт высыплет эту малую толику в подол адмиралу, когда вернемся в Скапа-Флоу?

Глава 13

В СУББОТУ пополудни

«Сиррус» находился ещё в миле от конвоя, когда на эсминце замигал сигнальный фонарь. Прочтя донесение, Бентли повернулся к Вэллери.

– Донесение с «Сирруса», сэр. «Имею на борту двадцать пять – тридцать раненых. Трое в очень тяжелом состоянии. Срочно нужен доктор».

– Подтвердите получение светограммы, – произнес Вэллери. Поколебавшись мгновение, он проговорил: – Передайте лейтенанту медицинской службы Николлсу, что командир просит его подняться на мостик. – Повернувшись к Тэрнеру, он слабо улыбнулся. – Не могу представить себе атлетическую фигуру старины Брукса на спасательном буйе, да ещё в такую погоду. Путешествие будет не из приятных.

Тэрнер снова оглянулся на «Сиррус», подхлывший с веста, подпрыгивая на волнах и описывая мачтой дугу градусов в сорок.

– Да, на пикник походить оно не будет, – согласился он. – Ко всему, надувные спасательные буйи не предназначены для таких телес, какими наградило небо нашего почтенного доктора.

«Странное дело, – подумал Тэрнер, – до чего же все очерствели: после того как «Вектра» протаранила подводную лодку и погибла сама, никто даже словом о ней не обмолвился».

Скрипнула дверца. Медленно повернувшись, Вэллери ответил на приветствие Николлса.

– «Сиррусу» понадобился доктор, – произнес он без всяких околичностей. – Как вам это нравится?

Чтобы устоять на вздыбившейся палубе, Николлс за что-то ухватился рукой. Покинуть «Улисс»! Даже мысль об этом, к собственному его удивлению, возмутила Николлса. Подумать только, подобное чувство испытывает он, Джонни Николлс, которому так претит все, что связано с флотской службой. Должно быть, у него с головой не все в порядке. И вдруг он осознал, что находится в полном здравии, и понял, почему ему хочется остаться здесь. Дело было вовсе не в гордости, принципе или какой-то обиде... Просто... просто он почувствовал, что сроднился с кораблем. Сроднился – более точного, более ясного определения невозможно было найти; он понял, сколь близки ему судьбы этого корабля, этих людей. Заметив, что на него устремлены любопытные взоры, юноша смутился и стал смотреть на бурное море.

– Ну так как? – не скрывая нетерпения, спросил Вэллери.

– Мне это вовсе не нравится, – признался Николлс. – Но, разумеется, сэр, я отправлюсь на эсинец. Прикажете отбыть сию же минуту?

– Как только соберете вещи, – кивнул Вэллери.

– Значит, сейчас. Походный комплект у нас всегда наготове. – Николлс снова взглянул искоса на беспокойную воду. – Что мне нужно делать? Прыгать в воду?

– Даже не думай! – дружелюбно воскликнул Тэрнер, хлопнув лейтенанта по спине своей широкой ладонью. – Тебе не о чем беспокоиться, – гудел он весело. – И почувствовать ничего не успеешь. Насколько я помню, именно так ты выразился недели две назад, когда удалял мне коренной зуб. – Вспомнив эту операцию, Тэрнер болезненно поморщился. – Дадим тебе спасательный буй, дружок, вот что!

– Спасательный буй! – удивился Николлс. – Разве вы не заметили, какая нынче погода? Из меня всю душу вытрясет!

– О невежество молодости! – печально покачал головой Тэрнер. – Естественно, мы

прикроем тебя бортом. Прокатишься точно в «Роллс-Ройсе», мой мальчик! Сейчас же снарядим буй. – Он отвернулся. – Крайслер, найдите главстаршину Хартли. Пусть на мостик поднимется.

Крайслер и виду не подал, что слышит. Он находился в своей излюбленной позе – руки на трубах паропровода, верхняя часть лица прижата к окулярам мощного бинокля, укрепленного на пульте управления прожекторной установкой правого борта. Каждые несколько секунд рука его опускалась и чуть поворачивала рифленый поворотный винт. А после этого – снова полная неподвижность.

– Крайслер! – взревел Тэрнер. – Вы что, оглохли?

Прошло ещё три, четыре, пять секунд. По-прежнему молчание. Глаза всех были устремлены на Крайслера, когда тот внезапно подался назад и, поглядев на лимб, круто повернулся. Лицо его было взволнованно.

– Курсовой сто градусов правого борта! – воскликнул он. – Курсовой сто градусов. Самолеты. Над самым горизонтом. – Он снова прилип к окулярам бинокля. – Четыре, семь. Отставить, десять! Десять самолетов! – закричал он.

– Курсовой правого борта сто градусов? – Тэрнер вскинул к глазам бинокль.

– Не вижу ни черта! А ты не ошибся, паренек? – воскликнул он.

– Никак нет, сэр! – Во взволнованном голосе юноши прозвучала твердая убежденность.

Тэрнер в два прыжка очутился возле сигнальщика.

– Дай-ка я взгляну! – властно произнес старший офицер. Он посмотрел в окуляры, крутнул раз-другой поворотный винт, потом отошел назад, сердито хмуря брови.

– Что ты мне голову морочишь, приятель? – проворчал он. – У тебя плохое зрение или мерещится? Знаешь что?..

– Он прав, – спокойно прервал его Кэррингтон. – Я тоже их вижу.

– И я, сэр! – воскликнул Бентли.

Тэрнер кинулся назад к биноклю, прильнул к окулярам и тотчас замер. Повернувшись к Крайслеру, он улыбнулся:

– Напомни мне как-нибудь, чтобы я извинился! – Не успев договорить фразу, он снова очутился на компасной площадке.

– Сигнал конвою! – отдавал распоряжения Вэллери. – Походный ордер «Эйч». Первый офицер, обе машины полный вперед! Боцманмат! Объявить по трансляции: «Расчеты всех огневых средств к бою!» Старший офицер!

– Есть, сэр!

– Расчетам всех зенитных установок! Выбор цели самостоятельный, вести огонь самостоятельно! Как ваше мнение? Как насчет главного калибра?

– Пока неясно... Крайслер, ты не можешь сказать?..

– «Кондоры», сэр, – угадал вопрос Крайслер.

– «Кондоры»! – Тэрнер изумленно открыл глаза. – Целая дюжина «кондоров»! А ты уверен?.. Ну ладно, ладно! – оборвал он себя поспешно. – Конечно, «кондоры». – Поискав глазами свой шлем, старший офицер повернулся к Вэллери. – Где эта распроклятая жестянка? Сигнальщик говорит: «кондоры»!

– Раз говорит, значит, так оно и есть, – с улыбкой отозвался Вэллери. Невозмутимое спокойствие командира поразило Тэрнера. – Целеуказание башням с мостика. Управление огнем автономное. Каково ваше мнение? – продолжал Вэллери.

– Согласен, сэр. – Тэрнер посмотрел на двух телефонистов, находившихся позади компасной площадки, – каждый из них обслуживал группу телефонов, связанных с носовыми и кормовыми башнями.

– Эй, ребята! Держать ушки на макушке! Работать четко!

Вэллери подозвал Николлса.

– Спуститесь-ка лучше вниз, молодой человек, – посоветовал он. – Сожалею, но ваше путешествие откладывается.

– А я не сожалею, – признался Николлс.

– Струсили? – улыбнулся Вэллери.

– Никак нет, сэр, – улыбнулся в ответ Николлс. – Не струсил. Вы сами знаете.

– Знаю, что не струсили, – спокойно согласился Вэллери. – Я понимаю... Благодарю вас.

Проводив взглядом Николлса, спускавшегося с мостика, он жестом подозвал к себе посыльного из радиорубки и повернулся к Карпентеру.

– Когда было отправлено последнее донесение адмиралтейству, штурман? Взгляните в вахтенный журнал.

– Вчера в полдень, – тотчас ответил Капковый мальчик.

– Не знаю, что бы я без вас делал, – проговорил командир корабля. – Наши координаты?

– Семьдесят два градуса двадцать минут северной широты, тринадцать градусов сорок минут восточной долготы.

– Благодарю вас. – Командир взглянул на Тэрнера. – Думаю, что соблюдать радиомолчание больше не имеет смысла, как, старпом?

Тэрнер кивнул головой.

– Отправьте эту шифровку, – быстро проговорил Вэллери. – «Лондон, начальнику штаба флота»... Что подельвают наши друзья, старпом?

– Заходят с запада, сэр. Обычный гамбит. Атака с большой высоты с кормовых курсовых углов. Я так полагаю, – прибавил он мрачно. – Правда, – он несколько просветлел, – облачность всего тысяча футов.

Вэллери кивнул и продолжал:

– «Конвой Эф-Ар-77. Шестнадцать ноль-ноль. Широта семьдесят два тридцать. Долгота тринадцать сорок. Курс девяносто. Ветер пять баллов, северный. Значительное волнение. Положение отчаянное. С прискорбием извещаю, что адмирал Тиндалл скончался сегодня в двенадцать ноль-ноль. Танкер «Вайтура» торпедирован вчера вечером, потоплен мною. «Уошингтон Стейт» затонул сегодня в ноль один сорок пять. «Вектра» затонула в пятнадцать пятнадцать вследствие столкновения с субмариной. «Электра» затонула в пятнадцать тридцать. Подвергаюсь массированному налету авиации. Конвой атакуют минимум двенадцать «Фокке-вильфов-200». Думаю, старпом, это реальное предположение, – усмехнулся он криво. – Светлейшие лорды будут потрясены. Ведь они придерживаются мнения, что такое количество «кондоров» не найдется во всей Норвегии. «Срочно высылайте поддержку, – продолжал он диктовать. – Крайне необходима авиация. Отвечайте немедленно». Прошу отправить депешу, не мешкая.

– Потрите нос, сэр! – воскликнул Тэрнер.

– Спасибо. – Вэллери стал тереть отмороженный нос, казавшийся мертвенно бледным на посиневшем лице, но спустя уже несколько секунд бросил это занятие, чтобы не расходовать попусту те немногие силы, что у него оставались. – Морозец изрядный, старпом, – спокойно проговорил он.

Дрожа от холода, командир ухватился рукой за стойку, чтобы встать на ноги. Подняв к глазам бинокль, оглядел суда и корабли конвоя. Они перестраивались в походный ордер под кодовым названием «Эйч». Суда рассыпались по поверхности моря в кажущемся беспорядке, нарушив строй двух кильватерных колонн, упрощавший задачу вражеским летчикам при атаке с кормы. Теперь им придется атаковать разрозненные цели. Суда рассеялись, но не совсем – они по-прежнему находились достаточно близко друг к другу, чтобы общими усилиями создать

плотную завесу огня. С удовлетворением кивнув головой, Вэллери повернулся в сторону кормы и направил бинокль на запад.

Он убедился, что это действительно «кондоры». Приблизившиеся с кормы огромные четырехмоторные машины, опустив закрылки, медленно, неторопливо отвалили вправо, потом легли на курс 180 градусов, догоняя конвой. При этом они набирали высоту, все время набирали высоту.

Вэллери тотчас стали ясны два обстоятельства. Во-первых, противник знал, где находится конвой, – командование «Люфтваффе» не имело обыкновения посылать тяжелые бомбардировщики наобум: оно даже «Чарли» не удосужилось выслать на разведку. Наверняка их накануне обнаружила какая-нибудь подводная лодка, сообщившая своему командованию координаты и курс конвоя: при таком волнении немудрено не заметить перископ. Во-вторых, немцам было известно, что радарная установка «Улисса» выведена из строя. «Фокке-вульфы» набирали высоту, чтобы спрятаться за ближайшие облака. Они выйдут из-под прикрытия за несколько секунд до бомбометания. При радарном управлении огнем с такой близкой дистанции подобный маневр почти наверняка означал бы самоубийство. Но немцы знали, что опасаться им нечего.

Вот уже последний «кондор», надрывно завывая, тяжело взмыл вверх и исчез совсем из виду. Вэллери устало пожал плечами и опустил бинокль.

– Бентли!

– Слушаюсь, сэр!

– Походный ордер «Ар». Немедленно.

Под носом рея затрепетали сигнальные флаги. Прошло пятнадцать, двадцать секунд – горевшему нетерпением командиру они показались вечностью, – но ничего не происходило. Затем, точно марионетки, послушные умелому кукловоду, все суда конвоя стали поворачивать – те, что находились слева от «Улисса», стали поворачивать на север, находившиеся справа – на юг. Когда «кондоры» прорвутся сквозь облака – самое большее, прикинул Вэллери, через две минуты – под собой они увидят лишь пустынное море. Пустынное, если не считать «Улисса» и «Стерлинга» – кораблей, прекрасно вооруженных, чтобы постоять за себя. И тогда «кондоры» окажутся под плотным перекрестным огнем с транспортов и эскадренных миноносцев. Изменить же курс для того, чтобы пройти вдоль транспортов для бомбежки, у них не будет времени. Вэллери усмехнулся про себя. Не ахти какой эффективный защитный маневр, но лучшего при данных обстоятельствах не придумать... Услышав голос Тэрнера, отдававшего отрывистые, как лай, команды по трансляции, он почувствовал глубокое удовлетворение от того, что передал оборону корабля в умелые руки старшего офицера. Если бы только сам он не чувствовал себя таким усталым!..

Прошло девяносто секунд, сто, две минуты... а «кондоров» все не было видно. Сотня глаз впились в рваную тучу, нависшую над кормой: она упрямо продолжала оставаться все такой же серой и расплывчатой.

Прошло две с половиной минуты. Никаких признаков «кондоров».

– Никто ничего не заметил? – обеспокоенно спросил Вэллери. Он неотрывно смотрел на тучу по корме корабля. – Ничего? Совсем ничего? – На мостике по-прежнему царила тишина – гнетущая, тяжелая.

Прошло уже три минуты. Три с половиной. Четыре. Вэллери отвел глаза в сторону, чтобы дать им отдохнуть, и перехватил взгляд Тэрнера, направленный на него. На худощавом лице старпома застыло выражение растущего беспокойства, которое сменилось сначала едва заметной, потом все более твердой уверенностью. Уверенностью в том, что что-то неладно. Словно сговорившись, оба повернулись к носу крейсера и впились взглядом в небо.

– Вот оно что! – торопливо проговорил Вэллери. – Пожалуй, вы правы, старпом! – Командир заметил, что все, кто находился на мостике, тоже напряженно смотрели вперед. – Они проскочили мимо. Намерены в лоб атаковать. Предупредить орудийные расчеты! Боже мой, чуть не провели нас, – пробормотал он под нос.

– Глядеть в оба всем! – прогудел Тэрнер. Напряжение исчезло, сменившись прежним радостным оживлением, волнующим ожиданием боя. – Повторяю: всем! Мы с вами в одной лодке. Две недели отпуска тому, кто первый обнаружит «кондор»! Я не шучу.

– С какого числа отпуск? – сухо спросил Капковый мальчик.

Тэрнер улыбнулся юноше. Но улыбка тут же пропала: он резко вскинул голову, к чему-то прислушиваясь.

– Слышите? – спросил Тэрнер. Он говорил вполголоса, точно опасаясь, что его услышит противник. – Они где-то над нами. Но где именно, черт их разберет. Если бы не ветер...

Злобный торопливый стук «эрликонов», установленных на шлюпочной палубе, прервал его на полуслове. Молниеносным движением он кинулся к микрофону. И все-таки он опоздал – он опоздал бы в любом случае. В разрывах облаков уже видны были три «кондора», летевшие строем фронта. Они шли на высоте всего лишь ста пятидесяти метров, находясь менее чем в полумиле от крейсера. Заходили они с кормы. С кормы! Должно быть, бомбардировщики, спрятавшись за облака, снова повернули на восток, чтобы ввести противника в заблуждение... Прошло шесть секунд, а это время, достаточное для того, чтобы даже тяжелая машина, выйдя в пологое пике, успела покрыть расстояние в полмили. Растерянные, охваченные болью и досадой люди и глазом не успели моргнуть, как бомбардировщики обрушились на конвой.

Приближались сумерки – этот зловещий полумрак арктических широт. В темнеющем небе четко виднелись трассы зенитных снарядов – жарко тлеющие алые точки. Сначала они беспорядочно металась и блекли где-то вдали, потом гасли, едва успев вспыхнуть, вонзаясь в фюзеляжи атакующих «кондоров». Однако под огнем бомбардировщики находились слишком мало времени – всего каких-то две секунды, – а эти гигантские машины обладали невероятной живучестью. Головной бомбардировщик выровнялся на высоте около девяноста метров. Бомбы весом в четверть тонны, пролетев какую-то долю секунды параллельно курсу самолета, нехотя изогнув траекторию полета, устремились к «Улиссу». Асинхронно, натужно ревя своими четырьмя моторами, «кондор» тотчас взмыл ввысь, ища за облаками укрытия.

В цель бомбы не попали. Они упали в тридцати футах от корабля, взорвавшись при соприкосновении с водой. Тем, кто находился в центральном посту, машинных и котельных отделениях, грохот и удар, должно быть, показались страшными, буквально оглушающими. В небо взметнулись огромные, выше мачт, столбы воды метров шесть в диаметре и, повиснув на мгновение в воздухе, обрушились на мостик и шлюпочную палубу крейсера, промочив до нитки расчеты зенитных автоматов и «эрликонов», установленных на открытых площадках. Температура была около семнадцати градусов мороза по Цельсию.

Самое худшее заключалось в том, что стена воды полностью ослепила зенитчиков. Следующий «кондор» атаковал крейсер, не встретив никакого сопротивления, если не считать огня одинокого «эрликона» на барбете под правым крылом мостика. Подход был осуществлен блестяще, точно вдоль диаметральной плоскости крейсера, но пилот, очевидно стараясь удержать машину точно на курсе, проскочил мимо. На этот раз были сброшены три бомбы. Сначала казалось, что они упадут мимо, но первая бомба, ударив в полубак между волноотводом и шпилем, взорвалась под палубой, откуда взлетели искореженные стальные обломки. Когда стих гул взрыва, моряки, стоявшие на мостике, услышали яростный грохот. Должно быть, взрывом повредило шпиль, одновременно сорвав стопор якорь-цепи, и правый якорь, ничем теперь не удерживаемый, падал на дно Ледовитого океана, увлекая за собой якорь-

цепь.

Остальные бомбы угодили в воду прямо по курсу корабля. Со «Стерлинга», находившегося в миле от него, казалось, что «Улисс» погребен под огромным водяным столбом. Но столб рухнул, и «Улисс», со стороны невредимый, продолжал мчаться дальше. Вздрыбленный нос закрывал спереди все повреждения; ни пламени, ни дыма не было: сотни галлонов воды, ринувшейся в огромные рваные пробоины в обшивке палубы, залили бы пожар, если бы он и начался. «Улисс» по-прежнему был кораблем-счастливчиком...

И вдруг, после двадцати месяцев фантастического везения, баснословной удачи, превратившей «Улисс» в легенду, притчу во языцах, в символ неуязвимости, удача покинула его.

По иронии судьбы «Улисс» сам накликал на себя беду. К этому времени успели открыть огонь кормовые орудия главного калибра, в упор бившие 152-миллиметровыми снарядами по пикирующим на корабль бомбардировщикам. Первый же снаряд, выпущенный третьей башней, угодил третьему бомбардировщику в правое крыло между моторами, оторвав его начисто, и крыло, кружась, точно осенний лист, упало в темное, бурное море. Какую-то долю секунды «фокке-вульф» летел прежним курсом, потом клюнул носом и с диким, оглушительным воем уцелевших моторов стал почти отвесно пикировать на палубу «Улисса».

На то, чтобы избежать удара, что-то предпринять, времени не осталось. Несколько бомб врезались в кипящую воду кильватерной струи – «Улисс» несся со скоростью свыше тридцати узлов, – две бомбы пробили кормовую палубу и взорвались внутри корабля – первая в кормовом матросском кубрике, вторая в кубрике морских пехотинцев. Секунду спустя в четвертую башню со страшным ревом врезался охваченный ослепительным пламенем горящего бензина «кондор». Он падал со скоростью свыше трехсот миль в час.

Невероятно, но то был последний налет на «Улисс». Невероятно потому, что теперь корабль был уязвим, незащищен против нападения с кормы. Четвертая башня была разрушена, уцелевшая каким-то чудом третья башня оказалась почти целиком погребенной под обломками «кондора», а расчет её ослеплён дымом и языками пламени. «Эрликаны» на шлюпочной палубе тоже умолкли. Комендоров, едва не захлебнувшихся в водопаде, который низвергнулся на них меньше минуты назад, вытаскивали из их гнезд. И без того трудная эта задача стала почти невыполнимой: канадки на зенитчиках замерзли, и, когда их вытаскивали, ткань трещала и рвалась как бумага. Людей поспешно тащили вниз, в проход возле камбуза и оставляли там в буквальном смысле оттаивать. То было адским мучением, но иного способа спасти их от скорой и верной смерти в обледенелых орудийных гнездах не было.

Остальные бомбардировщики, отвалив вправо, постепенно набирали высоту. Со всех сторон их окружали белые пушистые облачка разрывов, но самолеты, словно заколдованные, продолжали идти дальше. Вот они уже исчезли в облаках, поворачивая на юго-восток, чтобы лечь на обратный курс. «Странно, – подумал Вэллери, – ведь следовало ожидать, что, использовав момент внезапности, машины общими усилиями обрушатся на подбитый «Улисс». Ведь до сих пор экипажам «кондоров» храбрости было не занимать...» Но он не стал ломать голову, занятый более неотложными делами. А их было немало.

Вся кормовая часть крейсера была охвачена огнем. Правда, горело лишь на палубе и в кубрике, но опасность угрожала всему кораблю: внизу находились орудийные погреба третьей и четвертой башен. Десятки матросов из аварийных партий, спотыкаясь и падая на обледенелую раскачивающуюся палубу, уже бежали на ют, на ходу разматывая пожарные рукава. Смерзшиеся кольца рукавов, бывало, неожиданно распрямлялись от напора воды и сбивали людей с ног. Некоторые тащили под мышкой или на плече огромные красные огнетушители. Один несчастный – то был матрос первого класса Ферри, оставивший лазарет, несмотря на

строгий запрет, – пробегая по левому борту мимо разбитой корабельной лавки, поскользнулся и ударился грудью о третью башню. В этом месте поручни были срезаны оторвавшимся от фюзеляжа левым крылом «кондора». Ферри, отчаянно цепляясь руками и ногами за гладкую ледяную палубу, сломанной рукой ухватился за уцелевшую стойку, но не удержался и соскользнул за борт. Пронзительный, полный ужаса вопль заглушил на секунду рев пламени и тут же смолк: вода сомкнулась над головой моряка. А внизу находились винты.

Первыми принялись за дело те, кто был оснащен огнетушителями, как и полагается при тушении горящего бензина, – вода лишь повредила бы делу, увеличила бы площадь пожара, разбрызгав во все стороны горящую жидкость, а бензин, который легче воды и с нею не смешивается, продолжал бы пылать с прежней силой. Но проку от огнетушителей было мало, и не столько потому, что у некоторых из них замерзли выпускные клапаны, сколько от того, что из-за страшной жары невозможно было приблизиться к пожару. Между тем тетрагидрометановые огнетушители размером поменьше, которые предназначались для тушения электропроводки, оказались вовсе непригодны. Эти огнетушители никогда прежде не использовались; матросы «Улисса» знали лишь, что содержащаяся в них жидкость выводит самые застарелые пятна на одежде. Можно внушить матросу-радисту, что напряжение в две тысячи вольт смертельно; можно объяснить артиллеристу, что приносить спички в оружейный погреб – безумие; можно втолковать торпедисту, что небрежное обращение с гремучей ртутью – сумасшествие, но попробуйте кому-нибудь из них втолковать, что отлить из огнетушителя несколько капель жидкости – преступное легкомыслие... Несмотря на регулярные проверки, большинство огнетушителей оказались заполненными наполовину, а некоторые и вовсе пустыми.

От пожарных рукавов проку было не многим больше. К магистрали правого борта подсоединили два шланга, открыли краны, но шланги повисли безжизненно. Магистраль правого борта, по которой подавалась забортная вода, замерзла – явление, обычное для систем пресной воды, – но ведь тут текла морская вода! Третий рукав был присоединен к магистрали левого борта, но кран оказалось невозможно отвернуть. Когда же по нему принялись колотить молотками и ломом, кран сломался у основания: ведь при особо низких температурах молекулярная структура металлов претерпевает изменения, и сопротивление на разрыв становится ничтожным. Хлынувшая под мощным напором вода до нитки промочила всех, кто находился поблизости. Спайсер, буфетчик покойного адмирала, бледный, с печальными глазами, жалкое подобие прежнего шустрого паренька, – отшвырнул прочь кувалду и зарыдал от гнева и досады. Удалось открыть другой кран левобортной системы, но, прежде чем вода наполнила плоский смерзшийся рукав, прошла целая вечность.

Постепенно пожар на верхней палубе сник – не столько благодаря усилиям моряков, тушивших его, сколько из-за того, что, кроме бензина, который сгорел, горючего материала оставалось немного. После этого, протаскив брандспойты и огнетушители в огромные рваные пробоины, стали заливать пламя, бушевавшее в кубриках. Между тем среди раскаленных докрасна дымящихся обломков, заваливших кормовую палубу, пробирались два моряка, облаченные в асбестовые костюмы. Одним из них был лейтенант Николлс, другим – старший телеграфист Браун, специалист по спасательным работам.

Первым появился Браун. С трудом расчищая себе дорогу, он добрался до двери в четвертую башню. Те, кто находился в проходах по левому и правому борту, наблюдали, как он привязывает тяжелую дверь, которая гулко хлопала в такт качке. Потом увидели, как он вошел внутрь. Меньше чем через десять секунд Браун снова появился в дверях. Опустившись на колени, в поисках опоры он судорожно цеплялся за комингс. Все тело его извивалось в конвульсиях, его рвало прямо в кислородную маску.

При виде этого зрелища Николлс не стал тратить времени на осмотр четвертой башни и обугленных трупов в обгоревшем фюзеляже «кондора». Торопливо вскарабкавшись по крутым ступенькам скобтрапа на площадку третьей башни и обойдя её с задней стороны, он попытался открыть дверь. Но сделать это ему не удалось: задрайки не то прихватило морозом, не то перекосило взрывом. Джонни огляделся вокруг в поисках какого-нибудь рычага, но, завидев Дойла, отступил в сторону. Худощавый бородатый моряк – дымящаяся канадка, сосредоточенное выражение лица – приближался, держа в руках кувалду. После нескольких сильных и метких ударов (внутри гулкой башни грохот, должно быть, невыносим, подумал Николлс) дверь подалась. Дойл привязал её, чтобы она не качалась, и шагнул в сторону, пропуская лейтенанта.

Николлс влез внутрь башни. Что им теперь за дело до нашей суеты, с горечью подумал молодой офицер. Все до единого в башне были мертвы. Старший унтер-офицер Ивенс сидел, выпрямившись на своем сиденье, – он и после смерти, казалось, оставался таким же твердым и решительным, каким был в жизни. Рядом с ним лежал Фостер – смелый, вспыльчивый капитан морской пехоты. Смерть застала его врасплох. Остальные сидели или лежали, находясь на своих боевых постах, с первого взгляда совершенно невредимые. Лишь кое у кого из уголка рта или из уха сбегала струйка крови. На морозе кровь уже застыла: пламя, бушевавшее на палубе, относил ветром к корме, и оно не касалось брони орудийной башни. Удар, очевидно, был страшен, смерть – мгновенна. Сделав усилие, Николлс наклонился над убитым телефонистом, осторожно снял с него наушники и микрофон и вызвал мостик.

Трубку снял сам командир. Выслушав донесение, он повернулся к Тэрнеру. У него был вид старого, придавленного несчастьем человека.

– Лейтенант Николлс докладывал, – произнес Вэллери. Несмотря на усилие казаться спокойным, ужас и боль застыли в каждой морщине его худого, изможденного лица. – Четвертая башня разбита. В живых не осталось никого. Третья башня с виду цела, но все, кто находился внутри, погибли. По словам лейтенанта, причина гибели – удар взрывной волны. Пожар в кормовом кубрике до сих пор не погашен... Ну, в чем дело, дружище?

– Докладывают из орудийного погреба четвертой башни, сэр, – неуверенно проговорил матрос. – Артиллерийского офицера просят к аппарату.

– Скажите, что его нет, – коротко ответил Вэллери. – У нас нет времени... – Умолкнув на полуслове, он резко вскинул глаза на связного. – Вы сказали, погреб четвертой башни? Дайте-ка мне трубку.

Взяв телефонную трубку, он откинул назад капюшон канадки.

– Орудийный погреб? У аппарата командир корабля. В чем дело?.. Что, что?.. Отвечай же, приятель, я ничего не слышу... Вот дьявольщина! – Вэллери круто повернулся к старшему торпедному электрику, находившемуся на мостике. – Попрошу переключить телефон на усилитель, а то ни черта не слышно... Ага, теперь совсем другое дело.

Динамик над штурманской рубкой ожил. Он звучал как-то хрипло, гортанно, вдвойне неразборчиво из-за сильного шотландского акцента говорившего.

– А теперь слышите? – прогудело в динамике.

– Слышу, – гулко отозвался голос самого Вэллери, усиленный громкоговорителем. – Это Мак-Куэйтер, не так ли?

– Так точно, сэр. Неужто узнали? – В голосе юного матроса прозвучало откровенное изумление. Несмотря на усталость и подавленное состояние, Вэллери не смог удержаться от улыбки.

– Это сейчас не имеет значения, Мак-Куэйтер. Кто там у вас за старшего, Гардинер?

– Так точно, сэр. Он самый.

– Попросите его к телефону, хорошо?

– Не могу, сэр. Убит он.

– Убит! – недоверчиво воскликнул Вэллери. – Вы сказали, он убит, Мак-Куэйтер?

– Ну да. И не только он. – Голос юноши звучал почти сердито, но ухо Вэляери уловило едва заметную дрожь. – Меня самого шарахнуло, но теперь со мной все в порядке.

Вэллери подождал, когда у юноши прекратится приступ хриплого, надрывного кашля.

– Но... но что же произошло?

– Почему я знаю?.. Виноват, не могу знать, сэр. Грохот страшный раздался, а потом... Что потом было, хоть убей, не помню... У Гардинера весь рот в крови.

– Сколько... сколько вас там осталось?

– Баркер, Уильямсон и я еще. Только мы одни. Никого больше.

– Ну и... Как они себя чувствуют, Мак-Куэйтер?

– Они в порядке. Вот только Баркер считает, что ему каюк. Очень уж он плох. У него, похоже, чердак поехал.

– Что, что?

– Свихнулся он, говорю, – терпеливо объяснял Мак-Куэйтер. – Умом тронулся. Какую-то чепуху мелет. Дескать, скоро предстанет перед Творцом, а совесть у него нечистая. Всю жизнь, говорит, только и знал, что обманывал ближнего.

Вэллери услышал, как Тэрнер фыркнул, и тут вспомнил, что Баркер заведовал корабельной лавкой.

– Уильямсон заряды в стеллажи укладывает. А то вся палуба завалена этими хреновинами.

– Мак-Куэйтер! – резко проговорил Вэллери, по привычке одергивая матроса.

– Виноват, сэр. Забылся... А что теперь нам делать?

– То есть как что делать? – нетерпеливо переспросил Вэллери.

– Как быть с погребом? Коробка горит, что ли? Здесь жара страшная. Хуже, чем у нечистого в пекле!

– Что? Что ты сказал? – крикнул Вэллери, на этот раз забыв сделать ему внушение. – Жара, говоришь? Сильная жара? Да живей отвечай, парень!

– До задней переборки не дотронуться, – просто ответил Мак-Куэйтер. – Пальцы обжигает.

– Но система орошения! – закричал Вэллери. – Разве она не действует?! Господи Боже! Да ведь погреб может в любую минуту взлететь на воздух!

– И то верно, – спокойно подтвердил Мак-Куэйтер. – Я тоже так подумал. А система орошения – она не работает, сэр. Температура уже на двадцать градусов выше нормы.

– Что же вы стоите сложа руки?! – ужаснулся Вэллери. – Открывайте оросители вручную. Если там настолько жарко, вода в системе не должна замерзнуть. Живей, паренек, шевелись! Если погреб взорвется, крейсер погиб. Бога ради, торопись!

– Я уже пробовал, сэр, – тихо произнес Мак-Куэйтер. – Ни черта не получается. Заклинило начисто!

– Тогда сломай патрубок! Где-нибудь там валяется лом. Стукни им хорошенько. Да поживей!

– Ладно, сэр, так и сделаю. Только как мне потом закрыть систему? – в спокойном голосе юноши на мгновение появилась нотка отчаяния. «Наверное, это что-то с динамиком», – решил Вэллери.

– Это невозможно! Но не беспокойтесь! – нетерпеливо, не скрывая тревоги, проговорил Вэллери. – Воду мы потом откачаем. Торопитесь, Мак-Куэйтер, торопитесь!

После кратковременной тишины послышался приглушенный вопль и удар – видно, во что-то мягкое. Потом раздался тонкий металлический звон, усиленный динамиком, за ним град

торопливых ударов. Мак-Куэйтер, должно быть, не переставая колотил по вентилям. Внезапно стук прекратился.

Подождав, пока Мак-Куэйтер возьмет микрофон, Вэллери озабоченно спросил:

– Ну, как дела? Работают оросители?

– Дела идут как по маслу, сэр. – В голосе юноши появилась новая нотка – нотка гордости и удовлетворения. – Я только что шарахнул ломом Баркера, – прибавил он с оживлением.

– Что сделал? – переспросил Вэллери.

– Баркера, говорю, огрел ломом по черепу, – отдельно произнес Мак-Куэйтер. – Помешать мне хотел. Струхнул старый болван... Да чего тут о нем толковать... А здорово работают оросители, сэр. Я ещё никогда раньше не видел, как они действуют. Воды уже по лодыжки. Пар так и шипит, отскакивают от задней переборки!

– Хватит! – резко проговорил Вэллери. – Сейчас же оставьте погреб. Да не забудьте захватить с собой Баркера!

– Однажды я смотрел кино. В Глазго, в «Парамаунте», вроде бы. Я был тогда, кажется, на взводе, – задумчиво говорил Мак-Куэйтер. Переглянувшись с Тэрнером, Вэллери понял, что тот тоже пытается стряхнуть с себя ощущение нереальности происходящего. – Ну и ливень же был. Только здесь почище будет. А пару – куда там! Будто в парнике в ботаническом саду!

– Мак-Куэйтер! – взревел Вэллери. – Вы меня слышите? Оставьте помещение, вам говорят! Немедленно, слышите?

– Уже до колен вода, – восхищенно говорил Мак-Куэйтер. – До чего же прохладно... Что вы сказали, сэр?

– Я сказал, убирайтесь прочь! – проскрежетал Вэллери. – Сию же минуту!

– Ах да. Понятно. Убираться, вы говорите. Я так и подумал. Не так-то это просто. Вообще невозможно. Люк перекосило. И крышку люка заклинило.

Эхо его голоса замерло в стлом молчании мостика. Моряки, потрясенные, замерли. Вэллери, машинально опустив грубку, невидящим взглядом обвел находящихся на мостике. Тэрнер, Кэррингтон, Капковий мальчик, Бентли, Крайслер и другие моряки – все они выжидающе глядели на него. Выражение это сменилось ужасом. Командир понял; что на их лицах как в зеркале отразились чувства, написанные на лице у него самого. На секунду, точно собираясь с мыслями, он прищурил глаза, затем снова взял микрофон.

– Мак-Куэйтер! Мак-Куэйтер! Вы все ещё там?

– А где же еще? – несмотря на то, что голос его был искажен динамиком, в нем явственно слышалось раздражение. – Какого дьявола...

– Ты уверен, что крышку люка заклинило? – воскликнул в отчаянии Вэллери, перебивая его. – А если попробовать оторвать задрайки ломом?..

– Да хоть динамитом рви эту проклятую крышку... Будет то же самое, – деловито ответил Мак-Куэйтер. – И потом, она докрасна раскалилась, крышка-то. Видно, пожарище будь здоров наверху.

– Подожди минуту, – произнес Вэллери и оглянулся. – Тэрнер, прикажите Додсону послать кого-нибудь к главному клапану кормовой системы затопления. Пусть стоит наготове, если его закрыть понадобится.

Каперанг подошел к ближайшему телефонисту.

– Вы соединены с ютом? Хорошо! Дайте мне трубку... Алло, говорит командир. Кто у телефона? Это вы, Хартли? Выясните, насколько силен пожар в кормовых кубриках. Поторопитесь. В орудийном погребе четвертой башни находятся несколько матросов. Им оттуда никак не выбраться. Система орошения включена, а крышку входного люка заклинило... Да, да, я подожду у телефона.

В нетерпеливом ожидании он похлопывал рукой по аппарату. Медленным взглядом обвел суда конвоя, увидел, что транспорты меняют курс, занимая прежнее место в порядке. Внезапно он весь обратился в слух.

– Да, командир слушает... Да... Что? Потребуется полчаса или час?.. Боже правый! Неужели так долго? Вы уверены?.. Нет, у меня все.

Положив трубку на место, он медленно поднял свое лишенное всякого выражения лицо.

– Пожар в матросском кубрике ликвидирован, – произнес монотонно Вэллери. – В кубрике морской пехоты – над артиллерийским погребом четвертой башни – сущий ад. По словам Хартли, раньше чем через час пожар потушить не удастся. Капитан-лейтенант, не спуститесь ли вниз?

Прошла минута, целая минута. Слышны были лишь щелканье гидролокатора да мерные удары крутых волн, рассекаемых форштевнем крейсера.

– Думаю, температура в погребе достаточно снизилась, – проговорил наконец Капковский мальчик. – Может быть, воду возможно отключить на достаточно длительный срок?.. – неуверенно прибавил он.

– Достаточно понизилась? – переспросил Тэрнер, шумно прокашливаясь. – Как это выяснить? Только Мак-Куэйтер мог бы нам это сказать... – Он внезапно умолк, осознав зловещий смысл сказанного.

– Вот мы его и спросим, – с усилием проговорил Вэллери и поднял трубку. – Мак-Куэйтер!

– Есть, сэр!

– Если опасность миновала, может, отключить систему орошения? Как вы считаете, температура...

Не докончив фразы, командир крейсера замолчал. Воцарилась почти осязаемая тишина. О чем думает сейчас Мак-Куэйтер, мелькнула у него мысль, о чем подумал бы он сам на его месте.

– Подождите, – прогудело в динамике. – Залезу наверх, узнаю, как там дела.

Снова над мостиком повисла неестественная тишина. Вэллери вздрогнул: динамик снова ожил.

– Черта с два! Будь я трижды проклят, если я смогу подняться на этот трап ещё раз... Сейчас пока я на нем стою, но, пожалуй, долго не продержаться.

– Ничего... – Вэллери осекся, ужаснувшись фразе, едва не вырвавшейся у него. Если Мак-Куэйтер упадет с трапа, он утонет, как крыса.

– И то правда. Главное дело – погреб. – Прерываемый приступами мучительного кашля, голос юного матроса звучал необычно спокойно. – Снаряды в верхних стеллажах вот-вот расплавятся. Дела совсем плохи, сэр.

– Понимаю. – Ничего другого Вэллери не мог придумать. Глаза его были закрыты. Он чувствовал, что качается. Сделав над собой усилие, он продолжал: – Как Уильямсон? – Спросить что-нибудь другое он был не в состоянии.

– Скоро ему каюк. Он по шею в воде, за стеллажи цепляется. – Мак-Куэйтер снова закашлялся. – Говорит, хочет кое-что передать напоследок старпому и Карелейку.

– Кое-что передать?

– Ага. Пусть, говорит, старый пират завязывает, хватит ему в рюмку заглядывать, – смачно проговорил матрос.

Послание же, предназначавшееся Карслейку, было непечатным.

Вэллери даже не возмущился.

– А вы сами, Мак-Куэйтер, – сказал он, – ничего не хотите передать? Может быть... – он умолк, поняв нелепость своих слов.

– Я? Ничего я не хочу... Разве только перевод на блокшив. Да вот спохватился я позднечко. Уильямсон! – воскликнул он с тревогой в голосе.

– Уильямсон, держись, парень. Сейчас приду!

В установленном на мостике динамике послышался треск ударившейся о металл трубки. Потом все стихло.

– Мак-Куэйтер! – закричал в микрофон Вэллери. – Отвечайте же. Вы меня слышите? Мак-Куэйтер!

Но динамик, висевший у него над головой, молчал. Наступила мертвая, жуткая тишина. Вэллери поежился, пронизываемый ледяным ветром... Суток не прошло после посещения им этого погреба. И вот теперь он затоплен. Каперанг явственно представил себе орудийный погреб. Перед мысленным его взором он встал так же четко, как прошлым вечером. Представил темный, пещерный мрак и крохотные точки лампочек аварийного освещения. Как медленно поднимается снизу черная вода. Представил себе этого болезненного мальчика-шотландца с тощими плечиками и наполненными болью глазами. Вот он изо всех сил пытается удержать голову товарища над ледяной водой, с каждой секундой теряя последние силы. Вэллери понимал, что минуты ребят сочтены, что угасла последняя надежда. С внезапной ясностью он вдруг понял, что, когда двое этих юношей выбьются из сил, они пойдут ко дну вместе. Мак-Куэйтер ни за что не выпустит друга из рук. Восемнадцать лет, совсем ещё мальчик... Вэллери отвернулся. Спотыкаясь, точно слепой, отворил дверцу и поднялся на компасную площадку. Снова повалил снег. Отовсюду надвигалась темнота.

Глава 14

В СУББОТУ вечером

Рассекая полярные сумерки, «Улисс» раскачивался, продвигаясь вперед. Тяжело, неуклюже задирает нос, а потом так же грузно врывается в волны. Лишившись обеих мачт, без единой шлюпки и спасательного плота, с поврежденными носовыми и кормовыми надстройками, скособоченным мостиком и изуродованной кормовой башней, наполовину погребенной под обломками «кондора», крейсер представлял собой нелепое зрелище. И все же, несмотря на бросающиеся в глаза огромные пятна красного сурика и зияющие черные пробоины в полубаке и на юте, откуда валил густой дым, сквозь который прорывались языки пламени, – несмотря на все это, крейсер по-прежнему походил на зловещий, грациозный призрак, некое сказочное существо, чьей стихией, чьим обиталищем был Ледовитый океан. Существо призрачное, изящное, в высшей степени выносливое... и все ещё смертоносное. Корабль по-прежнему имел пушки и мощные машины. Огромные, могучие механизмы, сказочно живучие. Так, по крайней мере, казалось...

Прошло пять бесконечно долгих минут – пять минут, в течение которых небо потемнело ещё больше, пять минут, в течение которых с кормы поступали донесения о том, что удалось лишь ограничить распространение пожара, пять минут, в течение которых Вэллери в какой-то степени обрел свойственное ему самообладание. Но теперь он чрезвычайно ослаб.

Наполненную мраком тишину внезапно вспорол телефонный звонок. Крайслер, сняв трубку, повернулся в сторону мостика:

– Сэр! Докладывают из кормового машинного отделения. Просят к телефону командира.

Тэрнер, взглянув на Вэллери, предложил:

– Позвольте, я сам этим займусь!

– Благодарю, – признательно кивнул Вэллери. В свою очередь наклонив голову, Тэрнер подошел к телефону.

– У телефона старший офицер. Кто говорит? Ах, лейтенант Грайрсон? В чем дело, Грайрсон? Может, для разнообразия найдутся хорошие вести?

Чуть ли не целую минуту Тэрнер не произносил ни слова.

Все, кто находился на мостике и слышал легкое потрескивание в наушниках, скорее почувствовали, чем увидели, как напряженно сжался рот старпома, олицетворявшего внимание.

– Но какое-то время продержится? – неожиданно спросил Тэрнер. – Да, да, разумеется... Передайте ему, сделаем все, что возможно... Добро. Прошу докладывать каждые полчаса.

– Пришла беда – отворяй ворота, – проворчал Тэрнер, кладя трубку. – Машина работает с перебоями, перегревается. Погнут правый средний вал. Додсон сам сейчас в туннеле гребного вала. Говорит, вал искривлен, что банан.

– Зная Додсона, – едва заметно улыбнулся Вэллери, – можно предположить, что немного нарушена центровка вала, только и всего.

– Возможно, – с серьезным видом проговорил Тэрнер. – Но главное то, что поврежден коренной подшипник и перебитая масляная магистраль.

– Даже так? – негромко произнес Вэллери.

– Додсон огорчен донельзя. По его словам, повреждение давнишнее. Он считает, все началось в ту ночь, когда во время шторма смыло за борт глубинные бомбы. – Тэрнер покачал головой. – Этот вал испытал неизвестно какие перегрузки... А сегодня его совсем доконало... Подшипник приходится смазывать вручную. Стармех намерен до предела уменьшить обороты

машины, а то и вовсе выключить её. Механики будут держать нас в курсе.

– Есть ли возможность исправить повреждение? – хмурясь, спросил Вэллери.

– Нет, сэр, никакой.

– Ну, хорошо. Идти со скоростью конвоя. Старший офицер!

– Есть, сэр.

– Пусть экипаж остается на боевых постах всю ночь. Сообщать людям о случившемся незачем, но, пожалуй, это самое разумное решение. Мне кажется...

– Что это? – воскликнул Тэрнер. – Смотрите! Что это он делает, черт возьми? – Он ткнул пальцем в сторону транспорта, замыкавшего правую кильватерную колонну. Судовые орудия били по какой-то невидимой цели: вечернее небо рассекали белые полосы трассирующих снарядов. Бросившись к микрофону трансляции, старший офицер заметил, что орудия главного калибра на «Викинге» изрыгают дым и рваные языки огня.

– Всем орудиям открыть огонь по воздушным целям. Курсовой – сто десять правого борта! Стрелять самостоятельно! Выбор цели самостоятельный!

Услышав команду «право на борт», отданную Вэллери, старпом понял, что командир хочет повернуться носовыми башнями в сторону противника.

Но было слишком поздно. Едва «Улисс» начал менять курс, как из облаков бесшумно вынырнули вражеские самолеты. В угрюмом мраке огромные, неуклюжие машины казались призрачными, нереальными. Внезапно взревели авиационные моторы, взметнулось пламя выхлопа. «Кондоры», ни малейшего сомнения. Те самые «кондоры». Снова одурачили их, исчезнув для того лишь, чтобы вернуться опять. Убрав газ, подошли на малой высоте, с подветренного борта, так что суда конвоя не слышали приглушенного рокота моторов. Расчет времени и дистанции произведен был безукоризненно.

В крайний транспорт угодило по меньшей мере семь бомб. Увидеть в полумраке попадания было невозможно, зато взрывы были слышны. Пролетая над транспортом, каждый из нападающих поливал палубу транспорта пулеметным огнем. Орудийные установки на торговых судах не имели почти никакой защиты от пуль, так что военные моряки, обслуживавшие легкие зенитки, и морские артиллеристы, составлявшие расчеты тяжелых орудий, нанимаясь на транспорты, направлявшиеся в Россию, знали, что шансы выжить у них не очень велики. Для немногих комендоров, которые уцелели после бомбежки, злобный стук немецких пулеметов был, пожалуй, последним звуком, услышанным в жизни.

Когда бомбы обрушились на соседний транспорт, первое судно представляло собой груды исковерканного металла, над которой взвивались языки пламени. Ко всему, видно, у него была вырвана часть днища: имевший сильный крен транспорт медленно разломился надвое позади мостика, словно оснащенный шарниром где-то ниже ватерлинии. Не успел затихнуть рев моторов последнего бомбардировщика, скрывшегося вдали, как транспорт исчез в пучине океана.

Тактика внезапности принесла противнику полный успех. Один транспорт был потоплен, второй, получив сильный дифферент на нос, покатился круто в сторону, затем остановился. На судне царил зловещая тишина, не видно было ни дыма, ни огня, ни одной живой души не оставалось на палубе. Третий транспорт получил тяжелые повреждения, но по-прежнему управлялся. Нападающие не потеряли ни одной машины.

Тэрнер приказал прекратить огонь: некоторые зенитчики продолжали ошалело палить в темноту. Возможно, то были любители пострелять, а скорее всего, им что-то померещилось. Ведь что только не пригрезится утомленному разуму, что только не увидят зававшие, с воспаленными красными веками глаза, не знавшие отдыха столько суток и часов, что Тэрнер потерял им счет. И когда умолк последний «эрликон», старпом снова услышал гул тяжелых

авиационных моторов, из-за порывов ветра то усиливавшийся, то стихавший, похожий на отдаленный шум прибора гул.

Что-либо предпринять было невозможно. «Фокке-вульф», правда, прикрытый низкой облачностью, даже не пытался скрывать своего присутствия: зловещее гудение все время преследовало конвой. Было ясно, что вражеский самолет кружит над кораблями.

– Что вы на это скажете, сэр? – спросил Тэрнер.

– Не знаю, – медленно, задумчиво проговорил Вэллери. – Не знаю, что и сказать. Во всяком случае, визитов со стороны «кондоров» не будет, я в этом уверен. Для этого несколько темновато. И потом, эти знают, что теперь им нас врасплох не поймать. Скорее всего, наблюдение.

– Наблюдение! Но через полчаса будет темно, как в преисподней! – возразил Тэрнер. – По моему, на психику давят.

– Бог его знает, – устало вздохнул Вэллери. – Скажу только одно. Я продал бы бессмертную душу за пару «корсаров», за радарную установку, туман или же ночь, вроде той, что была в Датском проливе. – Вэллери коротко хохотнул и тут же закашлялся. – Слышали, что я сказал? – спросил он шепотом. – Никогда бы не подумал, что вспомню с такой тоской о той ночи... Когда мы вышли из Скапа-Флоу, старпом?

– Пять, нет, шесть суток назад, сэр, – прикинув в уме, ответил Тэрнер.

– Шесть суток! – недоверчиво покачал головой Вэллери. – Всего шесть суток назад. А осталось у нас... осталось всего тринадцать судов.

– Двенадцать, – спокойно поправил Тэрнер. – Семь транспортов, танкер и корабли охранения. Двенадцать... Колупнули бы разок старого «Стерлинга», – прибавил он хмуро.

Вэллери поежился от внезапного снежного заряда. Погруженный в думы, он наклонил голову, чтобы спрятаться от пронзительного ветра и колючего снега. Резким движением повернулся.

– К Нордкапу подойдем на рассвете, – проговорил он рассеянно. – Пожалуй, нам туго придется, старпом. Немцы обрушат на нас все, что найдется под рукой.

– Проходили же мы раньше, – возразил Тэрнер.

– У нас пятьдесят шансов из ста, – разговаривая с собой, продолжал Вэллери, похоже, не слыша слов старпома, – «Улисс» и сирены... «Быть может, нас поглотит всех пучина...» Желаю вам удачи, старпом.

Тэрнер широко открыл глаза.

– Что вы хотите сказать?..

– И себе тоже, разумеется. – Вэллери улыбнулся, вскинув голову. – Мне тоже очень нужна удача, – прибавил он едва слышно.

Тут Тэрнер сделал то, чего никогда бы не осмелился сделать. В почти полной тьме он наклонился над командиром и, осторожно повернув его лицо, впился в него встревоженным взглядом. Вэллери не протестовал. Спустя несколько секунд Тэрнер выпрямился.

– Сделайте милость, сэр, – спокойно произнес он. – Спуститесь к себе вниз. Я сам обо всем позабочусь. Скоро придет и Кэррингтон. Пожар на корме почти потушен.

– Нет, только не сегодня. – Вэллери улыбался, но в голосе его была какая-то странная решимость. – И не посылайте свою челядь за стариной Сократом. Прошу вас, старпом. Я хочу остаться на мостике. Хочу в эту ночь все увидеть своими глазами.

– Да, да, разумеется. – Тэрнеру почему-то не захотелось настаивать. – Принесите командиру в его рубку галлон горячего, как огонь, кофе... А вы полчаса пробудете в рубке, – твердо проговорил старший офицер, повернувшись к Вэллери. – И выпьете все это пойло, иначе... иначе не знаю, что с вами сделаю...

– Я в восторге! – обрадовался Вэллери. – Кофе, разумеется, будет приправлен вашим восхитительным ромом?

– А как же иначе? Только... Будь этот жулик Уильямсон неладен! – проворчал раздраженно Тэрнер. Помолчав, он медленно прибавил: – Впрочем, не стоило так говорить о нем... Бедняги, здорово им досталось... – Он умолк. Наклонив голову, прислушался. – Интересно, долго ли будет висеть над нами этот мерзавец «Чарли», – пробормотал он.

Вэллери прокашлялся, чтобы ответить, но не успел он открыть рта, как в динамике щелкнуло.

– На мостике! Докладывает радиорубка. Докладывает радиорубка. Примите два донесения.

– Бьюсь об заклад, одно из них от этого сорвиголовы Орра, – проворчал Тэрнер.

– Первая шифровка с «Сирруса»: «Прошу разрешения подойти к борту транспорта снять людей. Семь бед – один ответ».

Вэллери стал вглядываться сквозь редешую снежную пелену во мрак ночи, в бушующее море.

– При таком-то волнении? – пробормотал он. – Да и темнота – хоть глаз коли. Он разобьется вдребезги.

– Это сущие пустяки по сравнению с тем, что с командером сделает Старр, когда до него доберется! – весело воскликнул Тэрнер.

– Шансы у Орра ничтожны. Я лично... я бы не решился отдать ему такой приказ. Неоправданный риск. Кроме того, транспорт получил сильные повреждения. Вряд ли много людей уцелело.

Тэрнер ничего не сказал.

– Передать на «Сиррус», – четко проговорил Вэллери. – «Благодарю. Разрешаю. Желаю удачи». Пусть радист передаст следующее донесение.

После краткой паузы динамик снова ожил.

– Вторая радиограмма для командира корабля из Лондона. Расшифровывается. Сию же минуту отправляю на мостик с посылным.

– Пусть читает вслух, – распорядился Вэллери.

– «Командующему 14-й эскадрой авианосцев и конвоем Эф-Ар-77, – загудел спустя несколько мгновений бас в динамике. – Чрезвычайно огорчены полученным известием. Продолжайте идти курсом девяносто. Выслана эскадра боевых кораблей. Идет на сближение курсом зюйд-зюйд-ост. Ход полный. Рандеву завтра ориентировочно в четырнадцать ноль-ноль. Лорды адмиралтейства шлют наилучшие пожелания и поздравления контр-адмиралу Вэллери, повторяю, контр-адмиралу Вэллери. Начальник штаба флота. Лондон».

Динамик умолк. Слышны были лишь пощелкивание гидролокатора да монотонный пульсирующий гул моторов «кондора», но в воздухе ещё трепетала радость, прозвучавшая в голосе оператора.

– Светлейшие лорды стали непривычно учтивы, – проговорил Капковый мальчик, и на этот раз оказавшийся на должной высоте. – Можно сказать: весьма порядочно с их стороны.

– Давно пора, чтоб они лопнули, – проворчал Тэрнер. – Поздравляю вас, сэр, – прибавил он тепло. – Наконец-то с берегов Темзы сверкнул нам светлый луч.

Одобрительный ропот пронесся по мостику. На мгновение все забыли о дисциплине, субординации. Никто даже не пытался скрыть своей радости.

– Спасибо, спасибо. – Вэллери был тронут, тронут до глубины души. Обещана долгожданная помощь. Одна надежда на эту помощь для каждого из членов экипажа означает выбор между жизнью и смертью, а этих людей интересуется одно – представление его к адмиральскому чину! «Туфли, доставшиеся в наследство от мертвеца», – подумал он и хотел

было высказать это вслух, но вовремя спохватился: к чему омрачать искреннюю радость моряков?

– Большое спасибо, – повторил он. – Однако, господа, вы пропустили мимо ушей единственную новость, которая имеет сколько-нибудь существенное значение...

– Ничего подобного, – пробасил Тэрнер. – Боевая эскадра – как же! Придет к шапочному разбору, мать их в душу. Нет, нет, они, конечно, подоспеют. К похоронам или чуть позже. Возможно, даже успеют подобрать несколько уцелевших. Наверное, в составе эскадры линейные корабли «Илластриес» и «Фьюриес»?

– Возможно. Я не знаю... – Вэллери с улыбкой покачал головой. – Несмотря на недавнее мое... э... повышение в чине, светлейшие лорды не устаивают меня своим доверием. Но на подходе авианосцы. За несколько часов до рандеву они смогут выслать вперед самолеты, чтобы с рассветом обеспечить нам воздушную поддержку.

– Ничего не получится, – пророчески проговорил Тэрнер. – Погода испортится, и машины не смогут подняться. Попомните мое слово.

– Возможно, о ясновидящий! – улыбнулся Вэллери. – Поживем – увидим... Что вы сказали, штурман? Я не совсем вас понял...

– Просто мне пришла в голову мысль, – усмехнулся Капковый мальчик. – Завтра для нашего юного доктора будет знаменательный день. Ведь он твердо уверен, что линейные корабли выходят в море лишь для участия в морских парадах в Спитхеде в мирное время.

– Вы мне напомнили, – спохватился Вэллери. – Мы же обещали послать врача на «Сиррус»...

– У Николлса дел по горло, – вмешался Тэрнер. – Он хоть и не очень-то обожает нас, вернее флот, но работу свою любит, уж это точно. Облачился в асбестовый костюм и, по словам Кэррингтона, он уже... – Умолкнув на полуслове, старший офицер поднял голову, глядя в редкую пелену снегопада. – Вы только посмотрите! Совсем обнаглел проклятый «Чарли»!

С каждой секундой рев моторов «кондора» нарастал в диком крещендо. Огромная машина с бешеным воем пронеслась всего в сотне футов от сбитых мачт крейсера. Гул моторов постепенно затих: самолет полетел дальше кружить над конвоем.

– Радио кораблям охранения! – быстро проговорил Вэллери. – Пропустить самолет! Не трогать его! Никаких осветительных снарядов! Ни единого выстрела! Он хочет нас раззадорить, чтобы мы себя выдали... Только бы на транспортах... О Боже! Идиоты! Идиоты несчастные! Что вы наделали!

Какое-то торговое судно в левой кильватерной колонне открыло огонь из пушек – не то из «эрликонов», не то из «бофорсов». Стреляли наугад, вслепую. В темноте да ещё в пургу шансы обнаружить самолет по одному лишь звуку ничтожны.

Стрельба продолжалась каких-то десять–пятнадцать секунд. Но этого было достаточно, чтобы навлечь беду. «Чарли» отвалил прочь; послышался натужный рев моторов: самолет круто набирал высоту.

– Как вы полагаете, сэр, что это значит? – в упор спросил Тэрнер.

– Предстоят большие неприятности, – со спокойной уверенностью сказал Вэллери. – Это что-то новое. Но только не игра на наших нервах, как вы, старпом, полагаете. И он вовсе не изматывает нас, лишая сна. Ведь до Нордкапа рукой подать. Преследовать нас долго он не сможет: стоит нам дважды резко изменить курс и... Ага! – выдохнул он. – Что я вам говорил?

Ослепительный свет, обжегший зрачки людей, с ошеломляющей внезапностью превратил ночь в день. Высоко в небе над «Улиссом» невыносимо ярко вспыхнула и, разорвав снежную пелену, словно легкую прозрачную вуаль, повисла под куполом парашюта осветительная бомба. Лениво раскачиваясь из стороны в сторону под порывами ветра, бомба медленно приближалась

к поверхности моря, внезапно ставшего черным, как ночь, и корабли, одетые в ослепительно белый панцирь изо льда и снега, на чернильном фоне моря и неба стали видны как на ладони.

– Сбить эту чертову свечку! – пролаял в микрофон Тэрнер. – Расчетам всех «эрликонов» и скорострельных автоматов! Сбить эту бомбу! – Он положил микрофон. – Хотя при такой качке это все равно что попасть в луну пивной бутылкой, – пробормотал он. – До чего же странно себя чувствуешь. Ей-Богу!

– Это верно, – подхватил Капковый мальчик. – Будто во сне, когда ты идешь по оживленной улице и вдруг обнаруживаешь, что на тебе одни лишь ручные часы. «Гольый и беззащитный» – таково, полагаю, соответствующее случаю определение. А для малограмотных – «попался со спущенными портками». – Он машинально стряхнул снег с капкового комбинезона с вышитой на нагрудном кармане буквой «Х» и тревожным взглядом впился в темноту, кольцом окружавшую пятно света. – Не нравится мне все это, – пожаловался он.

– Мне тоже, – сокрушенно проговорил Вэллери. – Не нравится мне и внезапное исчезновение «Чарли».

– А он и не исчезал, – мрачно произнес Тэрнер. – Прислушайтесь! – Напрягши слух, они услышали где-то вдалеке прерывистый рокот мощных моторов. – С кормы заходит.

Меньше чем минуту спустя «кондор» снова проревел у них над головами – пройдя на этот раз выше, в облаках. И снова сбросил осветительную бомбу, вспыхнувшую много выше, чем первая, уже над самой серединой конвоя.

Грохот моторов снова сменился отдаленным рокотом, потом асинхронный вой усилился. «Кондор» догнал конвой во второй раз.

Сверкнув на мгновение в разрыве между облаками, он повернул налево, описывая круг вокруг конвоя, залитого беспощадным заревом опускающихся вниз «люстр». И, когда самолет, ревя моторами, улетел прочь, с интервалом в четыре секунды ослепительным огнем вспыхнули ещё четыре бомбы. Теперь вся северная часть горизонта была залита зловещим мерцающим светом, рельефно выделявшим каждую деталь картины. А южная часть неба погрузилась во мрак: освещенное пятно обрывалось сразу за правой кильватерной колонной конвоя.

Тэрнер первым оценил обстановку, понял значение подобного маневра. Эта догадка поразила его точно удар грома. С хриплым воплем он бросился к микрофону трансляции; обращаться за разрешением было некогда.

– Вторая башня! – взревел он. – Огонь осветительными снарядами в зюйдовом направлении. Курсовой девяносто правого борта, девяносто правого. Угол возвышения десять градусов. Взрыватели установить на ближнюю дистанцию. Огонь по готовности. – Быстро взглянув через плечо, он проговорил: – Штурман! Вы не видите?..

– Вторая башня разворачивается, сэр.

– Отлично, отлично! – Старший офицер снова взял микрофон. – Расчеты всех орудий! Расчеты всех орудий! Приготовиться к отражению налета авиации противника с правого борта. Вероятное направление атаки с правого траверза. Предполагаемый противник – торпедоносцы. – Краешком глаза он заметил, как на нижнем рее замигали сигнальные огни: это Вэллери отдавал распоряжения конвою.

– Вы правы, старпом, – прошептал Вэллери. В ослепительном сиянии бескровное, бесплотное лицо его, обтянутое одной кожей, едва ли походило на лицо живого человека. Казалось, то была мертвая голова, одухотворенная лишь блеском запавших глаз и внезапной дрожью век, когда, разрывая тишину, словно удар бича, хлестнул залп второй башни. – Должно быть, правы, – проговорил он медленно. – Все суда конвоя освещены с севера, и логично предположить, что атака будет произведена со стороны темной части горизонта.

Он внезапно умолк, увидев милях в двух южнее «Улисса» огромные светлые шары

разрывов.

– Вы-таки оказались правы, – проговорил он негромко. – Пожаловали незваные гости.

Едва не задевая друг друга крыльями, самолеты летели с юга. Они двигались тремя волнами, по три–четыре машины в каждой. Шли на высоте около полутора метра, и в тот момент, когда начали рваться выпущенные крейсером снаряды, клюнув носом, машины уже теряли высоту, ложась на боевой курс. Перейдя в пике, торпедоносцы стали рассредоточиваться, как бы выбирая индивидуальные цели. Но это была только уловка. Несколько секунд спустя стало ясно, что объектом нападения являются лишь два корабля – «Стерлинг» и «Улисс». Даже идеальнейшая цель – подбитый транспорт и эскадренный миноносец «Сиррус», подошедший к нему, – не привлекла внимания атакующих. Видно, торпедоносцы получили особый на то приказ.

Вторая башня дала ещё один залп осветительными снарядами с взрывателями, установленными на минимальную дистанцию, потом орудия перезарядили осколочными. К этому времени открыли интенсивный заградительный огонь пушки всех судов конвоя. Торпедоносцам – тип самолетов было трудно определить, но похоже, то были «хейнкели» – теперь приходилось пробиваться сквозь плотную завесу смертоносных стальных осколков. Элемент внезапности был потерян: выпустив осветительные снаряды, «Улисс» выиграл двадцать драгоценных секунд.

Разомкнутым строем, чтобы рассредоточить огонь зенитных средств, к крейсеру устремились пять самолетов. Они снижались, ложась на курс торпедной атаки. Неожиданно один из самолетов, летевших, едва не касаясь волн, запоздав на какую-то долю секунды выровняться, задел вспенившийся гребень, отскочил, а потом пошел прыгать с волны на волну (машины летели перпендикулярно движению волн) и исчез в пучине. То ли пилот неверно рассчитал дистанцию, то ли снежным зарядом залепило ветрозащитное стекло – «фонарь», – сказать трудно.

Секунду спустя летевшая в центре порядка головная машина, мгновенно охваченная пламенем, развалилась на куски: снаряд ударил в зарядное отделение торпеды. Третий самолет, приближавшийся с запада, резко отвалил влево, чтобы увернуться от сыпавшихся градом осколков, поэтому сброшенная им торпеда не причинила кораблю никакого вреда. Промчавшись в кабельтове от кормы «Улисса», смертоносная сигара ушла в открытое море.

Оставшиеся два торпедоносца, бросаясь из стороны в сторону, дабы избежать попадания, с самоубийственной храбростью ринулись в атаку. Прошло две секунды, три, четыре – а они все приближались, летя сквозь пелену снега и плотного огня словно заколдованные. Попасть в подлетающий вплотную самолет теоретически проще простого; в действительности же происходит иное. Почти полная неуязвимость торпедоносцев на всех театрах военных действий – будь то Арктика, Средиземное море или Тихий океан, высокий процент успешных атак, несмотря на почти сплошную стену огня, постоянно ставили в тупик экспертов. Напряженность, взвинченность до предела, страх – вот что, самое малое, было тому причиной. Ведь, если атакует торпедоносец, то или ты его, или он тебя. Третьего не дано. Ничто так не действует на психику (за исключением, конечно, чайкокрылого «юнkersа», пикирующего почти отвесно), как зрелище приближающегося торпедоносца, наблюдаемого в прицел, когда он растет у тебя на глазах и ты знаешь, что жить тебе осталось каких-то пять секунд... А из-за сильной бортовой качки крейсера добиться точности зенитного огня было невысказано.

Два последних самолета летели крыло к крылу. Тот, что находился под более острым курсовым углом, сбросив торпеду меньше чем в двухстах метрах от корабля, круто взмыл вверх и, поливая надстройки крейсера градом пуль и снарядов, отвалил вправо. Торпеда, косо ударившись о воду, срикошетировала, подпрыгнула высоко в воздух, затем, врезавшись носом в

крупную волну, ушла вглубь, пройдя под днищем крейсера.

Несколькими секундами раньше неудачную атаку провел последний торпедоносец. Летя всего в трех метрах от поверхности воды, он вплотную приблизился к крейсеру, не выпустив торпеды и ни на дюйм не увеличивая высоту. Видны уже кресты на плоскостях, до крейсера не больше сотни метров. В последнюю секунду пилот отчаянным усилием попытался набрать высоту. Но спусковой механизм, видно, заело – виною тому была не то какая-то механическая неполадка, не то обледенение. Очевидно, пилот намеревался сбросить торпеду в самую последнюю минуту, рассчитывая, что мгновенное уменьшение веса поможет машине круто взмыть вверх.

Нос торпедоносца с размаху врезался в переднюю трубу крейсера, а правое крыло, ударившись о треногу мачты, отлетело словно картонное. Взвилось ослепительное пламя, но ни дыма, ни взрыва не было. Мгновение спустя смятый, изувеченный самолет, из боевой машины превратившийся в пылающее распятие, с шипением упал в море в десятке метров от корабля. Едва над ним сомкнулась вода, раздался страшной силы подводный взрыв. Оглушительный удар, похожий на удар гигантского молота, поваливший крейсер на правый борт, сбил с ног людей и вывел из строя систему освещения левого борта.

Старший офицер «Улисса», едва не задохнувшийся от газов кордита, оглушенный разрывами авиационных снарядов, вонзавшихся в палубу мостика на расстоянии вытянутой руки, с мучительным трудом поднялся на ноги и встряхнул головой. Но не ударной волной швырнуло его на палубу. Он сам успел упасть навзничь какими-нибудь пятью секундами раньше, заведя, что, изрыгая пламя, пушки другого торпедоносца в упор бьют по мостику.

Первая мысль Тэрнера была о Вэллери. Он увидел его лежащим у нактоуза. Командир корабля лежал на боку, как-то странно скрючившись. Во рту у Тэрнера пересохло. Внезапно похолодев, он поспешно нагнулся над Вэллери и осторожным движением повернул его на спину.

Вэллери лежал неподвижно, не подавая признаков жизни. Ни следов крови, ни зияющей раны видно не было. Слава Богу! Стянув с руки перчатку, Тэрнер сунул ладонь под полы канадки и тужурки. Ему показалось, что он ощутил слабое, едва заметное биение сердца. Он осторожно приподнял голову командира, лежавшую на обледеневшей палубе, и взглянул вверх. Рядом стоял Капковый мальчик.

– Вызовите Брукса, штурман, – нетерпеливо проговорил старший офицер. – Немедленно!

Капковый мальчик нетвердой походкой двинулся к телефонам. Матрос-телефонист, навалившись на дверцу, сжимал в руке трубку.

– Лазарет, живо! – приказал штурман. – Пусть начальник медслужбы... – Он внезапно замолк, сообразив, что матрос ещё не успел опомниться, чтобы понять, чего от него требуют. – Ну-ка, дай мне аппарат!

Нетерпеливо протянув руку, Карпентер схватил головной телефон и оцепенел: матрос начал сползать, волоча безжизненно руки, и рухнул на палубу. Отворив дверцу, Карпентер широко раскрытыми глазами глядел на убитого, лежавшего у его ног. Между лопаток у комендора зияла дыра величиной с кулак.

Убитый лежал возле акустической рубки, которая, как лишь сейчас заметил Капковый мальчик, была насквозь изрешечена пулями и пушечными снарядами. Штурман похолодел: выходит, аппаратура выведена из строя, крейсер лишен последнего средства защиты от подводных лодок. В следующее мгновение Карпентер с ужасом подумал о том, что в рубке, верно, находился акустик... Блуждающий взгляд его остановился на Крайслере, поднимавшемся на ноги у пульта управления торпедной стрельбой. Тот тоже впился невидящим взором в акустическую рубку. Не успел штурман и слова сказать, как сигнальщик бросился вперед и в

отчаянии начал колотить по заклинившейся двери рубки. Штурману показалось, будто ему слышны рыдания. И тут он вспомнил: фамилия акустика тоже была Крайслер. С тяжелым сердцем Капковий мальчик снова взялся за трубку...

Тэрнер положил голову командира поудобнее, потом подошел к правому углу пеленгаторного мостика. Бентли – всегда спокойный, неназойливый старшина сигнальщиков – сидел на палубе. Спина его оказалась стиснутой трубами паропровода. Голова опущена. Приподняв ему подбородок, Тэрнер увидел незрячие глаза унтер-офицера – единственное, что сохранилось от лица, превратившегося в кровавое месиво. Негромко, яростно выбранившись, Тэрнер попытался оторвать мертвые пальцы от рукоятки сигнального фонаря, потом оставил мертвеца в покое. Узкий луч прожектора освещал загадочным светом мостик, над которым сгущался мрак.

Старший офицер принялся внимательно осматривать мостик, устанавливая потери. Он обнаружил ещё троих убитых. То, что они умерли мгновенно, без муки, было не слишком утешительно. «Пять убитых – неплохой результат атаки, длившейся всего три секунды», – подумал с горечью Тэрнер. Лицо его окаменело: поднявшись по кормовому трапу, он вдруг понял, что зияющая перед ним дыра – это все, что осталось от передней дымовой трубы. Больше он ничего не смог разглядеть: в мертвенном свете угасающей осветительной бомбы шлюпочная палуба превращалась в темное расплывчатое пятно. Круто повернувшись на каблуках, он двинулся назад к компасной площадке.

Теперь хоть «Стерлинг» можно разглядеть без труда, подумал он мрачно. Да, что он сказал каких-то десять минут назад? «Пусть бы разок колупнули «Стерлинг»!» Или что-то вроде того. Губы у него передернулись. Вот его и колупнули. И ещё как! «Стерлинг», находившийся в миле по носу от «Улисса», катился круто вправо, на зюйд-ост. Над полубаком бешено плясали языки пламени. Тэрнер прильнул к окулярам ночного бинокля, пытаясь определить объем повреждений, но от носовой палубы до задней стороны мостика корабль был закрыт плотной стеной огня. Разглядеть что-либо было невозможно, однако, несмотря на крупную волну, старпом заметил, что «Стерлинг» накренился на правый борт. Впоследствии выяснилось, что «Стерлинг» получил два попадания. Сначала в носовое котельное отделение ударила торпеда, а спустя несколько секунд в крыло мостика врезался торпедоносец с подвешенной под фюзеляжем торпедой. Почти наверняка с ним произошло то же, что и с самолетом, атаковавшим «Улисс»: из-за сильного холода заело механизм сбрасывания торпеды. Для тех, кто находился на мостике и на нижних палубах, смерть, видно, наступила мгновенно. В числе убитых были Джефферис, командир крейсера, первый офицер и штурман.

Последний торпедоносец исчез в темноте. Повесив трубку, Кэррингтон повернулся к Хартли.

– Как вы думаете, главный, один управитесь? Меня вызывают на мостик.

– Пожалуй, справлюсь, сэр. – Испачканный копотью, в пятнах пены от огнетушителей, Хартли устало провел рукавом по лицу. – Самое худшее позади... Где лейтенант Карслейк? Разве не он...

– Бог с ним, – резко проговорил Кэррингтон. – Я не знаю, где он, и знать не хочу. Что греха таить, мы превосходно обошлись без него. Если он и появится, все равно возглавлять аварийную группу будете вы. Приступайте.

Повернувшись, он быстро зашагал по проходу левого борта, неслышно ступая резиновыми подошвами сапог по смерзшемуся снегу и льду.

Проходя мимо разбитой корабельной лавки, он увидел высокую темную фигуру, стоящую в проходе между засыпанной снегом крайней трубой торпедного аппарата и стойкой леерного ограждения. Ударяя краном огнетушителя о стойку, моряк пытался открыть его. Секунду спустя

Кэррингтон заметил, как из мрака возникла ещё чья-то фигура и стала подкрадываться сзади к человеку с огнетушителем, подняв над головой не то дубинку, не то лом.

– Полундра! – крикнул Кэррингтон.

Спустя две секунды все было кончено. Бросок нападающего, грохот огнетушителя, выпавшего из рук моряка, стоявшего у борта: мгновенно оценив обстановку, тот упал навзничь; пронзительный вопль гнева и ужаса, вырвавшийся у нападающего: перелетев через согнутую спину своей жертвы, он пролетел между торпедным аппаратом и леерным ограждением. Послышался всплеск, затем наступила тишина.

Подбежав к моряку, лежавшему на палубе, Кэррингтон помог ему встать на ноги. В свете догорающей «люстры» он увидел, что это Ральстон, старший торпедный электрик. Схватив его за руки, Кэррингтон озабоченно спросил:

– Как себя чувствуете? Он вас ударил? Господи Боже, кто бы это мог быть?

– Благодарю вас, сэр. – Ральстон часто дышал, но на лице его было почти невозмутимое выражение. – Еще бы немного, и мне конец. Очень вам благодарен, сэр.

– Кто бы это мог быть? – изумленно повторил Кэррингтон.

– Я его не видел, сэр, – угрюмо произнес Ральстон. – Но знаю, кто это. Младший лейтенант Карслейк. Он всю ночь бродил за мной, глаз с меня не спускал. Теперь я понял почему.

Обычно невозмутимый и бесстрастный, первый офицер не скрыл своего изумления. Он удрученно покачал головой.

– Я знал, что он вас не очень-то жаловал! – проговорил он. – Но дойти до такого! Не представляю даже, как и доложить о случившемся командиру...

– А зачем докладывать? – безучастно отозвался Ральстон. – Стоит ли вообще рассказывать об этом кому бы то ни было? Может быть, у него есть родные? К чему огорчать их, причинять неприятности? Пусть всякий думает, что ему заблагорассудится, – с нервным смешком продолжал моряк. – Пусть считают, что он умер геройской смертью, сражаясь с огнем, упал за борт или что-то вроде этого. – Торпедист посмотрел на темную воду, пронесившуюся за бортом, и невольно поежился. – Оставьте его в покое, сэр. Он свое получил.

Перегнувшись через леерное ограждение, Кэррингтон тоже поглядел за борт, потом отвернулся и посмотрел на стоявшего перед ним высокого юношу. Хлопнув его по рукаву, он медленно кивнул головой и пошел прочь.

Услышав стук дверцы, Тэрнер опустил бинокль и увидел рядом с собой Кэррингтона, который молча смотрел на горящий крейсер. В эту минуту послышался слабый стон Вэллери, и Кэррингтон поспешно наклонился к фигуре, лежавшей ничком у его ног,

– Боже мой! Наш Старик! Он тяжело ранен, сэр?

– Не знаю, капель. Если это не так, то свершилось чудо, черт побери! – прибавил он с горечью. Нагнувшись, приподнял контуженного с палубы и прислонил спиной к нактоузу.

– Что с вами, сэр? – участливо спросил старший офицер. – Вы ранены?

Вэллери зашелся в кашле – долгим, мучительным. Потом едва заметно покачал головой.

– Я цел, – чуть слышно прошептал он, попытавшись улыбнуться. При свете прожектора было видно, что улыбка получилась жалкой и жуткой. – Упал на палубу, но при этом, по-видимому, ударился о нактоуз. – Он потерял лоб, покрытый синяками и ссадинами. – Что с кораблем, старпом?

– К черту корабль! – грубо оборвал его Тэрнер. Обхватив командира за пояс, он осторожно поставил его на ноги.

– Как дела на юте, капель?

– Идут на лад. Пожар ликвидируется. За главного я оставил Хартли. – О Карслейке первый лейтенант ни словом не обмолвился.

– Хорошо. Примите командование кораблем. Свяжитесь по радио со «Стерлингом» и «Сиррусом», выясните, что с ними. Пойдемте, сэр. Сюда, в командирскую рубку.

Вэллери слабо запротестовал, но это было просто символическим жестом: он слишком ослаб, чтобы стоять на ногах. Каперанг невольно осекся, увидев, как белеет снег, озаряемый узкой неподвижной полоской света. Взгляд его скользнул к источнику этого света.

– Бентли? – прошептал он. – Неужели он... – Старпом молча кивнул, и Вэллери с усилием отвернулся. Они прошли мимо убитого телефониста, лежавшего за дверцей мостика, и остановились у гидроакустической рубки. Забившись между командирской рубкой и перекосившейся, изуродованной дверью рубки гидроакустика, закрыв лицо рукавом, кто-то рыдал. Вэллери положил руку на сотрясаемое рыданиями плечо, заглянул в лицо плачущему.

– В чем дело? Ах, это ты, дружок, – произнес он, увидев обращенное к нему белое лицо. – Что случилось, Крайслер?

– Дверь, сэр! – Дрожащий голос Крайслера звучал глухо. – Мне её никак не открыть.

Лишь сейчас Вэллери увидел, во что превратилась акустическая рубка. Ум его был все ещё в оцепенении, и внезапная, страшная мысль о том, во что превратился оператор, была, пожалуй, лишь следствием ассоциации.

– Да, – произнес он спокойно. – Дверь заклинило... Ничего нельзя сделать, Крайслер. – Он взгляделся в глаза юноши, наполненные тоской. – Полно, мой мальчик, к чему зря убиваться?..

– Там мой брат, сэр. – Безысходное отчаяние этих слов словно хлыстом ударило Вэллери, Господи Боже! Он совсем забыл... Ну конечно же, Крайслер, старший акустик... Он усталился на убитого, лежавшего у его ног, уже запорошенного снегом.

– Пусть отключат прожектор, старпом, – произнес он рассеянно. – Крайслер!

– Да, сэр, – безжизненным голосом ответил юноша.

– Спуститесь вниз, принесите, пожалуйста, кофе.

– Кофе, сэр? – Бедняга был ошеломлен и растерян. – Кофе! Но ведь... ведь мой брат...

– Я знаю, – мягко ответил Вэллери. – Знаю. Прошу вас, сходите за кофе.

Крайслер, спотыкаясь, пошел к трапу. Когда дверь командирской рубки затворилась за ним, Вэллери щелкнул выключателем и повернулся к старпому.

– Вот и толкуй тут о славной смерти в бою, – проговорил он спокойно. – Dulce et decorum^[11]... Вот тебе и гордые потомки Нельсона и Дрейка. С той поры, как на глазах у Ральстона погиб его отец, не прошло и суток... А теперь этот мальчик. Стоит, пожалуй...

– Я обо всем позабочусь. – Тэрнер понял командира с полуслова. Он до сих пор не мог простить себе то, как он обошелся с Ральстоном накануне, хотя юноша готовно принял его извинение, да и потом выказывал знаки своего расположения.

– Отвлеку как-нибудь Крайслера, чтобы не видел, как открываем рубку... Садитесь, сэр. Хлебните-ка отсюда. – Он слабо улыбнулся. – Все равно наш друг Уильямс выдал мою тайну... Эге! Нашего полку прибыло.

Свет погас, и на тусклом фоне открытой двери появилась грузная фигура, заполнившая собой весь проем. Дверь захлопнулась, и оба увидели Брукса, зажмурившегося от внезапно вспыхнувшей лампочки. Он раскраснелся и тяжело дышал. Глаза его впились в бутылку, которую держал в руках Тэрнер.

– Ага! – проговорил он наконец. – Играем в бутылочки, не так ли? Посуда, несомненно, принимается любая.

Найдя место поудобнее, он поставил свой саквояж и начал в нем рыться. В эту минуту кто-то резко постучал.

– Войдите, – произнес Вэллери. Вошел сигнальщик и протянул депешу.

– Из Лондона, сэр. Старшой говорит, что вы, может быть, захотите ответить.

– Благодарю. Я позвоню вниз.

Дверь распахнулась и снова закрылась. Вэллери взглянул на Тэрнера: руки его были уже пусты.

– Спасибо, что так быстро убрали следы преступления, – улыбнулся он. Потом покачал головой. – Глаза... У меня что-то неладно с глазами. Не прочтете ли вы радиogramму, старпом?

– А вы тем временем примите приличное лекарство, – прогудел Брукс, – вместо этой дряни, которой потчует старший офицер. – Порывшись в саквояже, он извлек оттуда бутылку с янтарной жидкостью. – При всех достижениях современной медицины – вернее сказать, из всех медицинских средств, какими я располагаю, – ничего лучше этого я не смог сыскать.

– Вы сказали об этом Николлсу? – Вэллери лежал теперь, закрыв глаза, на кушетке. На бескровных губах его играла бледная улыбка.

– Да нет, – признался Брукс. – Еще успеется. Выпейте!

– Спасибо. Ну, выкладывайте хорошие вести, Тэрнер.

– Хорошие вести, говорите? – внезапное спокойствие в голосе Тэрнера ледяной глыбой придавило ожидавших ответа людей. – Нет, сэр, вести вовсе не хорошие.

«Контр-адмиралу Вэллери, командующему 14-й эскадрой авианосцев и конвоем Эф-Ар-77. – Тэрнер читал монотонно и бесстрастно. – Согласно донесениям, «Тирпиц» с эскортом крейсеров и эскадренных миноносцев с заходом солнца вышел из Альта-Фьорда. Значительная активность на аэродроме Альта-Фьорда. Остерегайтесь нападения надводных кораблей под прикрытием авиации. Примите все меры к тому, чтобы не допустить потерь среди кораблей и транспортов конвоя. Начальник штаба флота. Лондон».

Тэрнер подчеркнул старательно сложил листок и положил его на стол.

– Великолепно, не правда ли? – проронил он. – Что-то они там ещё выкинут?

Вэллери приподнялся на кушетке, не замечая крови, которая извилистой струйкой сбегала у него из уголка рта. Лицо его, было спокойно и неподвижно.

– Пожалуй, я теперь выпью этот стакан, Брукс, если не возражаете, – сказал он без всякого волнения. – «Тирпиц». «Тирпиц». – Он устало, словно во сне, помотал головой. «Тирпиц» – название этого линкора каждый произносил с каким-то тайным трепетом и страхом – слово, которое в течение последних лет целиком владело умами стратегов, разрабатывавших операции в Северной Атлантике. Наконец-то он выходит из базы, этот бронированный колосс, родной брат линкора, одним свирепым ударом поразившего насмерть крейсер «Худ», который был любимцем всего британского флота и считался самым мощным кораблем в мире. Разве устоял бы против него их крохотный крейсер с броней не крепче ореховой скорлупки?.. Он снова покачал головой – на этот раз сердито – и заставил себя вернуться к насущным нуждам.

– Что ж, господа, время всякой вещи под небом. И «Тирпиц» – одна из них. Когда-нибудь это должно было случиться. Нам не повезло. Приманка была слишком близка, слишком аппетитна.

– Мой юный коллега будет вне себя от восторга, – мрачно проговорил Брукс. – Наконец-то увидит настоящий линейный корабль.

– Вышел с заходом солнца, – вслух размышлял Тэрнер. – С заходом. Господи Боже! – воскликнул он. – Даже если учесть, что ему придется пройти весь фьорд, он настигнет нас через четыре часа.

– Вот именно, – кивнул Вэллери. – Уходить на север тоже нет смысла. Нас догонят, прежде чем мы приблизимся хотя бы на сотню миль к нашим.

– К нашим? К нашим большим парням, что идут к нам на выручку? – презрительно фыркнул Тэрнер. – Мне не хочется изображать из себя заезженную граммпластинку, но я снова повторяю, что они появятся к шапочному разбору, мать их в душу! – Помолчав, он снова

выругался. – Наденось, теперь этот старый подонок будет доволен!

– К чему такой пессимизм? – вопросительно поднял глаза Вэллери. Затем негромко прибавил: – У нас есть ещё возможность через какие-то двое суток живыми и невредимыми вернуться в Скапа-Флоу. Ведь в шифровке ясно сказано: «Избегайте напрасных потерь». А «Улисс» – один из самых быстроходных кораблей в мире. Все очень просто, господа.

– Ну, нет! – простонал Брукс. – После такого нервного напряжения внезапная разрядка будет убийственной. Я этого не выдержу.

– Полагаете, что повторяется история с конвоем Пи-Кью-17^[12]? – улыбнулся Тэрнер, но улыбка не коснулась его глаз. – Британский королевский флот не вынесет такого позора. Каперанг... контр-адмирал Вэллери никогда этого не допустит. Что касается меня и нашей банды головорезов и бунтарей, то ручаюсь, никто из нас не смог бы спать спокойно, совершив подобную подлость.

– Черт подери! – пробормотал Брукс. – Да это же настоящий поэт!

– Вы правы, старпом. – Вэллери опустошил стакан и в изнеможении откинулся назад. – Однако выбор у вас не очень велик... Но что вы скажете, если мы получим приказ... э-э-э... срочно отходить?

– Вы не смогли прочесть этот приказ, – отрезал Тэрнер. – Помните, вы как-то говорили, что у вас глаза пошаливают?

– «Друзья любезные в бою со мной плечом к плечу стояли...» – продекламировал вполголоса Вэллери. – Благодарю вас, господа. Вы облегчаете мою задачу.

Вэллери приподнялся, упершись локтем: решение у него уже созрело. Он улыбнулся Тэрнеру, и лицо его снова стало почти мальчишеским.

– Сигнал всем судам конвоя и кораблям эскорта: «Прорываться на север».

Тэрнер изумленно уставился на командира.

– На север? Вы сказали «на север»? Но ведь приказ адмиралтейства...

– Я сказал: на север, – невозмутимо повторил Вэллери. – Мне безразлично, как отнесется к этому адмиралтейство. Мы и так достаточно долго шли у него на поводу. Мы захлопнули капкан. Что ему ещё надо? Если повернуть на север, у конвоя остаются шансы уцелеть – шансы, возможно, ничтожные, но можно будет хоть постоять за себя. Продолжать двигаться на восток – самоубийство. – Он снова улыбнулся, почти мечтательно. – Чем дело кончится – неважно, – произнес он негромко. – Думаю, мне не придется краснеть за свое решение. Ни теперь, ни потом.

Тэрнер просиял.

– Есть приказать повернуть на север, адмирал.

– Сообщите о решении командующему, – продолжал Вэллери. – Запросите у флагманского штурмана курс сближения с конвоем. Передайте конвою, что мы будем следовать за ним, прикрывая отход судов. Как долго мы сумеем продержаться, другой вопрос. Не будем обманывать себя. Уцелеть у нас один шанс из тысячи... Что нам ещё остается сделать, старпом?

– Помолиться, – лаконично ответил Тэрнер.

– И поспать, – прибавил Брукс. – В самом деле, почему бы вам не поспать с полчаса, сэр?

– Поспать? – искренне развеселился Вэллери. – Нам и без того вскоре представится такая возможность. Для сна у нас целая вечность.

– В ваших словах есть смысл, – согласился Брукс. – Вполне возможно, что вы правы.

Глава 15

В СУББОТУ вечером

Одна за другой поступали на мостик депеши. С транспортов поступали тревожные, озабоченные запросы, просьбы подтвердить сообщение о выходе «Тирпица» в море. «Стерлинг» докладывал о том, что борьба с пожаром в надстройке идет успешно, что водонепроницаемые переборки в машинном отделении держатся. Орт, командир «Сирруса», сообщал, что эсминец имеет течь, но водоотливные помпы справляются (корабль столкнулся с тонущим транспортом), что с транспорта снято сорок четыре человека, что «Сиррус» сделал все, что полагается, и нельзя ли ему идти домой. Донесение это поступило после того, как на «Сиррусе» получили дурные вести. Тэрнер усмехнулся про себя: он знал, что теперь ничто на свете не заставит Орра оставить конвой.

Донесения продолжали поступать. Они передавались с помощью сигнальных фонарей и по радио. Не было никакого смысла сохранять радиомолчание, чтобы затруднить работу вражеских станций радиоперехвата: местонахождение конвоя было известно противнику с точностью до мили. Не было нужды запрещать и визуальную связь, поскольку «Стерлинг» все ещё пылал, освещая море на милю вокруг. Поэтому донесения все поступали и поступали – донесения, полные страха, уныния и тревоги. Но наиболее тревожная для Тэрнера весть была передана не сигнальным прожектором и не по радио.

После налета торпедоносцев прошла добрая четверть часа. «Улисс», шедший теперь курсом 350 градусов, то вставал на дыбы, то зарывался носом во встречные волны. Неожиданно дверца, ведущая на мостик, с треском распахнулась, и какой-то человек, тяжело дыша и спотыкаясь, подошел к компасной площадке. Тэрнер, к этому времени вернувшийся на мостик, внимательно взглянул на вошедшего, освещенного багровым заревом «Стерлинга», и узнал в нем трюмного машиниста. Лицо его было залито потом, превратившимся на морозе в корку льда. Несмотря на лютую стужу, он был без шапки и в одной лишь рубашке. Трюмный страшно дрожал – дрожал от возбуждения, а не от студеного ветра: он не обращал внимания на стужу.

– Что случилось, приятель? – схватив его за плечи, спросил озабоченно Тэрнер. Моряк, ещё не успевший перевести дух, не мог и слова, произнести.

– В чем дело? Выкладывайте же!

– Центральный пост, сэр! – Он дышал так часто, так мучительно, что говорил с трудом. – Там полно воды!

– В центральном посту? – недоверчиво переспросил Тэрнер. – Он затоплен? Когда это произошло?

– Точно не знаю, сэр. – Кочегар все ещё не мог отдышаться. – Мы услышали страшный взрыв, минут этак...

– Знаю, знаю! – нетерпеливо прервал его Тэрнер. – Торпедоносец сорвал переднюю трубу и взорвался в воде у левого борта корабля. Но это, старина, произошло пятнадцать минут назад! Пятнадцать минут! Господи Боже, да за столько времени...

– Распределительный щит выведен из строя, сэр. – Трюмный, начавший ощущать холод, съежился, но, раздосадованный обстоятельством и медлительностью старпома, выпрямился и, не соображая, что делает, ухватился за его куртку. Тревога в его голосе стала ещё заметнее. – Нет току, сэр. А люк заклинило. Людям никак оттуда не выбраться!

– Заклинило крышку люка? – Тэрнер озабоченно сощурил глаза. – Но в чем дело? – властно спросил он. – Перекос, что ли?

– Противовес оборвался, сэр. Упал на крышку. Только на дюйм и можно её приподнять. Дело в том, сэр...

– Капитан-лейтенант! – крикнул Тэрнер.

– Есть, сэр. – Кэррингтон стоял сзади. – Я все слышал... Почему вам её не открыть?

– Да это же люк в центральный пост! – в отчаянии воскликнул трюмный. – Черт знает какая тяжесть! Четверть тонны потянет, сэр. Вы его знаете, этот люк. Он под трапом возле поста управления рулем. Там только вдвоем можно работать. Никак не подступишься. Мы уже пробовали... Скорее, сэр. Ну пожалуйста.

– Минутку. – Кэррингтон был так невозмутим, что это бесило. – Кого же послать? Хартли? Он все ещё тушит пожар. Ивенса? Мак-Интоша? Убиты. – Он размышлял вслух. – Может, Беллами?

– В чем дело, капель? – вырвалось у старпома. Взволнованность, нетерпение трюмного передались и ему. – Что вы как пономарь?..

– Крышка люка вместе с грузом весят тысячу фунтов, – проговорил Кэррингтон. – Для особой работы нужен особый человек.

– Петерсен, сэр! – трюмный мгновенно сообразил, в чем дело. – Нужно позвать Петерсена?

– Ну конечно же! – всплеснул руками Кэррингтон. – Ну, мы пошли, сэр. Что, ацетиленовый резак? Нет времени! Трюмный, прихватите ломы, кувалды... Не позвоните ли вы в машинное, сэр?

Но старпом уже снял телефонную трубку и держал её в руке.

На кормовой палубе пожар был почти ликвидирован.

Лишь кое-где сохранились очаги пожара – следствие сильного сквозняка, раздувавшего пламя. Переборки, трапы, рундуки в кормовых кубриках от страшной жары превратились в груды исковерканного металла. Пропитанный бензином настил верхней палубы толщиной почти в три дюйма точно слизнуло гигантской паяльной лампой. Обнажившиеся стальные листы, раскаленные докрасна, зловеще светились и шипели, когда на них падали хлопья снега.

Хартли и его люди, работавшие на верхней палубе и в нижних помещениях, то мерзли, то корчились от адского жара. Они работали как одержимые. Одному Богу известно, откуда брались силы у этих измученных, едва державшихся на ногах людей. Из башен, из служебного помещения корабельной полиции, из кубриков, из поста аварийного управления рулем – отовсюду они вытаскивали одного за другим моряков, застигнутых взрывом, когда в корабль врезался «кондор». Вытаскивали, бранясь, обливаясь слезами, и снова бросались в эту преисподнюю, несмотря на боль и опасность, раскидывая в стороны все ещё горящие, раскаленные обломки, хватаясь за них руками в обожженных, рваных рукавицах. Когда же рукавицы терялись, они оттаскивали эти обломки голыми руками.

Мертвецов укладывали в проходе вдоль правого борта, где их ждал старший матрос Дойл. Еще каких-нибудь полчаса назад Дойл катался по палубе возле камбуза, едва не крича от страшной боли: промокший до нитки возле своей зенитной установки, он закоченел, после чего начал отходить. Спустя пять минут он уже снова был около орудия, негибачый, крепкий как скала, и прямой наводкой всаживал в торпедоносцы один снаряд за другим. А теперь, все такой же неутомимый и спокойный, он работал на юте. Этот железный человек с обросшим бородой лицом, точно отлитым из железа, и львиной гривой, взвалив на плечи очередного убитого, подходил к борту и осторожно сбрасывал свою ношу через леерное ограждение. Сколько раз повторил он этот страшный путь, Дойл не знал; после двадцати ходок он потерял счет мертвецам. Конечно, он не имел права делать то, что делал: церемония погребения на флоте соблюдается строго. Но тут было не до церемоний. Старшина-парусник был убит, а никто, кроме него, не захотел бы да и не смог защитить в парусину эти изуродованные, обугленные груды

плоти и привязать к ним груз. «Мертвецам теперь все равно», – бесстрастно думал Доил. Кэррингтон и Хартли были того же мнения и не мешали ему.

Под ногами Николлса и старшего телеграфиста Брауна, до сих пор не снявших свои нелепые асбестовые костюмы, гудела дымящаяся палуба. Удары тяжелых кувалд, которыми оба размахивали, отбивая задрайки люка четвертого артиллерийского погреба, – гулко отдавались в соседних помещениях корабля. В дыму, полумраке из-за страшной спешки они то и дело промахивались, и тогда тяжелый молот вырывался из онемевших рук и летел в жадную тьму.

Может, ещё есть время, лихорадочно думал Николлс, может, ещё успеем. Главный клапан затопления закрыт пять минут назад. Есть ещё какая-то надежда, что двое моряков, запертых внутри, ещё держатся за трап, подняв головы над водой.

Оставалась одна, всего одна задрайка. Они попеременно ударяли по ней со всего размаха. Внезапно задрайка оторвалась у основания, и под страшным давлением сжатого воздуха крышка люка молниеносно распахнулась. Браун вскрикнул от дикой боли: тяжелая крышка с силой ударила его по правому бедру. Он рухнул на палубу и остался лежать, издавая мучительные стоны.

Даже не удостоив его взглядом, Николлс перегнулся через комингс люка и направил мощный луч фонаря внутрь погреба. Но не увидел там ничего – ничего, что хотел бы увидеть. Внизу была лишь вода – черная, вязкая, зловещая. Подернутая пленкой мазута, она мерно поднималась и опускалась бесшумно, без плеска, перекачиваясь из одного конца в другой по мере того, как крейсер то взлетал вверх, то падал вниз, скользя по склону огромной волны.

– Эй, внизу! Есть там кто живой? – громко крикнул Николлс. Его голос – голос, он заметил словно бы со стороны, глухой, надтреснутый от волнения, – многократно усиленный эхом, с грохотом покатился по железной шахте. – Эй, внизу? – крикнул он опять. – Есть тут кто-нибудь? – Он напряг слух в мучительном ожидании, но в ответ не услышал ни малейшего, даже самого слабого шороха. – Мак-Куэйтер! – крикнул он в третий раз. – Уильямсон! Вы меня слышите? – Он снова стал вглядываться, прислушался снова, но внизу была лишь темнота да глухой шепот маслянистой воды, колыхавшейся из стороны в сторону. Он посмотрел на сноп света и был поражен тем, как быстро поглотила поверхность воды этот яркий луч. А там, под её поверхностью... Его бросило в озноб. Даже вода казалась мертвой – какой-то стоялой, мрачной и страшной. Внезапно рассердившись на себя, он тряхнул головой, отгоняя нелепые первобытные страхи. Расшалилось воображение, надо будет подлечиться. Отступив назад, он выпрямился. Бережно, осторожно затворил раскачивавшуюся взад-вперед крышку люка. Палуба загудела: раздался удар кувалды. Потом ещё один, и еще, и еще...

Додсон, командир механической части, шевельнулся и застонал. Он попытался открыть глаза, но веки были словно чугунные. И ему казалось, что вокруг него стояла стеной темнота – абсолютная, непроницаемая, почти осязаемая. Поражаясь своей беспомощности, он силился вспомнить, что же произошло, сколько времени он тут лежит. Шея – возле самого уха – страшно болела. Медленным, неуклюжим жестом он стащил с руки перчатку, осторожно пощупал. Ладонь была мокрой и липкой. Он с удивлением обнаружил, что волосы его пропитаны кровью. Ну, конечно, то была кровь, он ощущал, как она медленной, густой струёй течет по щеке.

И эта мощная вибрация, сопровождаемая каким-то неуловимым напряженным звуком, заставившим стиснуть зубы... Он слышал, почти осязал эту вибрацию – здесь, совсем рядом. Додсон протянул голую руку и инстинктивно отдернул её, прикоснувшись к какой-то гладкой вращающейся детали, которая, вдобавок, была чуть ли не раскалена докрасна.

Коридор гребного вала! Ну конечно же. Он находился в коридоре гребного вала. Когда выяснилось, что масляные магистрали обоих левых валов перебиты, он решил сам исправить

неполадки, чтобы не останавливать машину. Он знал, что корабль подвергся налету. Сюда, в самую утробу корабля, не проникал никакой звук. Здесь не было слышно ни шума авиационных моторов, ни даже выстрелов собственных пушек, хотя он и ощутил сотрясение при залпах орудий главного калибра, снабженных гидравлическими амортизаторами, – это неприятное чувство ни с чем не спутаешь. Потом раздался взрыв торпеды или бомбы, упавшей возле самого крейсера. Слава Богу, что он в ту минуту сидел спиной к борту корабля. Случись иначе – он наверняка сыграл бы в новый ящик: его швырнуло бы на соединительную муфту вала и намотало бы на неё как чулок.

Вал! Господи Боже, вал! Он раскалился почти докрасна, а подшипники совсем сухие! Додсон начал судорожно шарить вокруг. Найдя аварийный фонарь, повернул его основание. Фонарь не горел. Стармех повернул его изо всей силы ещё раз. Потрогав, нащупал неровные края разбитой лампочки и стекла и отшвырнул ставший теперь бесполезным прибор в сторону. Достал из кармана фонарик, но выяснилось, что и он разбит вдребезги. Вконец отчаявшись, принялся искать масленку на ощупь. Она была опрокинута, рядом валялась патентованная пружинная крышка. Масленка оказалась пустой.

Масла ни единой капли. Одному Богу было известно, каков предел выносливости металла, подвергнутого страшным перегрузкам. Ему же самому это известно не было. Даже для самых опытных инженеров остается загадкой, где граница усталости металла. Но, как у всех людей, всю жизнь посвятивших машинам, у Додсона появилось как бы шестое чувство. И вот теперь это шестое чувство беспощадно терзало его. Масло! Нужно во что бы то ни стало достать масла! Однако он понимал, насколько он плох; голова кружилась, он ослаб от контузии и потери крови, а туннель был длинным, скользким и опасным. И, вдобавок ко всему, неосвещенным. Стоит оступиться, сделать неверный шаг и... Ведь рядом этот вал... Старший механик осторожно протянул руку, на какое-то мгновение прикоснулся к валу и, пронизанный внезапной болью, отдернул её. Прижав ладонь к щеке, он понял, что трением содрало и обожгло кожу на кончиках пальцев. Выбора не оставалось. Собранный с духом, он подтянул ноги под себя и поднялся, коснувшись свода туннеля.

И в то же мгновение он заметил свет – раскачивающуюся из стороны в сторону крохотную светлую точку, которая, казалось, находится где-то невероятно далеко – там, где сходятся стены туннеля, – хотя он знал, что свет этот всего в нескольких ярдах от него. Поморгав, Додсон опустил веки, потом снова открыл глаза. Свет медленно приближался. Уже слышно шарканье шагов. И стармех тотчас обмяк, голова сделалась словно невесомой. Он с облегчением опустился на пол, снова для безопасности упершись ногами в основание подшипника.

Человек с фонарем в руке остановился в паре футов от старшего механика. Повесив фонарь на кронштейн, осторожно опустился рядом с Додсоном. Свет фонаря упал на его темное лицо с лохматыми бровями и тяжелую челюсть. Додсон замер от изумления.

– Райли! Котельный машинист Райли! – Глаза его сузились. – Какого дьявола вы тут делаете?

– Два галлона масла принес, – ворчливым голосом произнес Райли. Сунув в руки стармеху термос, прибавил: – А тут кофей. Я валом займусь, а вы пока кофею похлебайте... Клянусь Христом-Спасителем! Да этот проклятый подшипник раскалился докрасна!

Додсон со стуком поставил термос на палубу.

– Вы что, оглохли? – спросил он резко. – Как вы здесь оказались? Кто вас послал? Ваш боевой пост во втором котельном отделении!

– Грайрсон меня прислал, вот кто, – грубо ответил Райли. Смуглое лицо его оставалось невозмутимым. – Дескать, машинистов не может выделить. Очень уж они незаменимые, мать их в душу... Не переборщил?

Густое, вязкое масло медленно стекало по перегретому подшипнику.

– Инженер-лейтенант Грайрсон! – чуть не со злостью проговорил Додсон. Тон, каким он сделал это замечание, был убийственно холоден. – Ко всему, это наглая ложь, Райли. Лейтенант Грайрсон и не думал вас сюда присылать. Скорее всего, вы сказали ему, что вас послал сюда кто-то другой?

– Пейте свой кофе, – резко проговорил Райли. – Вас в машинное вызывают.

Инженер-механик стиснул кулаки, но вовремя сдержался.

– Ах ты, нахал! – вырвалось у него. Но он тут же опомнился и ровным голосом произнес: – Утром явитесь к старшему офицеру за взысканием. Вы мне за это заплатите, Райли!

– Ничего не выйдет.

«Чтоб ему пусто было, – в ярости подумал Додсон. – Еще и ухмыляется, наглец...»

– Это почему же? – спросил он с угрозой.

– Потому что вы обо мне не станете докладывать. – Райли, похоже, испытывал несказанное удовольствие от беседы.

– Ах, вот оно что! – Додсон быстро оглянулся. Губы его сжались. Он осознал, как он беспомощен здесь, в этом темном туннеле. Поняв вдруг, что должно сейчас произойти, он взглянул на крупную, зловеще ссутулившуюся фигуру Райли. «И ещё улыбается, – подумал Додсон. – Но никакая улыбка не скрасит это уродливое звериное лицо. Улыбка на морде тигра...» Страх, усталость, постоянное напряжение – все это творит с людьми ужасные вещи. Но их ли вина в том, во что они превращаются, а также в том, какими рождаются на свет?.. Если сейчас что-то случится, то прежде всего по вине его самого, Додсона. Стармех помрачнел, вспомнив, как Тэрнер назвал его самым последним олухом за то, что он не захотел отправить Райли за решетку.

– Ах, вот в чем дело? – повторил он негромко. Повернувшись лицом к кочегару, он крепко уперся ногами в блок подшипника. – Это тебе с рук не сойдет, Райли. Можешь схлопотать двадцать пять лет каторги. Попробуй только...

– Да черт побери! – раздраженно воскликнул Райли. – О чем вы толкуете, сэр? Пейте свой кофе, поживей. Не слышали, вас в машинном ждут! – повторил он нетерпеливо.

Додсон как-то обмяк и стал неуверенно отвинчивать крышку термоса. У него вдруг появилось странное чувство: словно все происходит не наяву, а во сне, словно сам он зритель, посторонний наблюдатель, не имеющий никакого отношения к этой фантастической сцене. Голова все ещё страшно болела.

– Скажите, Райли, – сказал он негромко, – почему вы так уверены в том, что я не подам на вас рапорт?

– Да подать-то вы можете, – снова повеселел Райли, – только завтра меня самого в каюте у старпома не будет.

– То есть как так – не будет? – Это был полувывоз, полувопрос.

– А так, – усмехнулся Райли. – Потому как старпома не будет, да и каюты тоже не будет. – Блаженно потягиваясь, кочегар сцепил на затылке пальцы рук. – Вообще ничего не будет.

Не столько слова, сколько интонация, с какой они были сказаны, заставила Додсона прислушаться. Он вдруг сразу понял, что, хотя Райли и улыбается, ему вовсе не до шуток. Додсон с любопытством взглянул на кочегара, но ничего не сказал.

– Только что по трансляции выступал старпом, – продолжал Райли. – «Тирпиц» вышел в море. В запасе у нас всего четыре часа.

Эта простая фраза, сказанная без всякой рисовки, желания произвести впечатление, исключала всякое сомнение. «Тирпиц» в море, «Тирпиц» в море, твердил Додсон мысленно. У них осталось четыре часа. Всего четыре часа... Инженер-механик даже поразился спокойствию,

с каким он сам отнесся к этому известию.

– Ну, так как? – озабоченно спросил Райли. – Пойдете вы или нет? Кроме шуток, сэр. Вас вызывают... срочно!

– Врешь! – произнес Додсон. – А кофе зачем принес?

– Для себя. – Улыбка исчезла с лица Райли, оно стало хмурым и сосредоточенным. – Просто я решил, не худо бы вам хлебнуть горяченького. Видок-то у вас не ахти какой... А в машинном вас поставят на ноги.

– Вот туда-то ты сейчас и пойдешь, – ровным голосом произнес Додсон.

Райли и виду не подал, что это относится к нему.

– А ну, Райли, живо! – сухо проговорил Додсон. – Я вам приказываю!

– Да отгребитесь вы от меня! – раздраженно сказал кочегар. – Я остаюсь. Неужели для того, чтоб держать в руках вшивую масленку, обязательно иметь три золотые сопля на рукаве? – прибавил он презрительно.

– Пожалуй, не обязательно. – Тут корабль сильно качнуло, и Додсон, не удержавшись на ногах, ткнулся Райли в бок. – Извините, Райли. Похоже, начинает штормить. Значит, это финал.

– Что, что? – переспросил Райли.

– Финал. Конец то есть. Всякая дальнейшая борьба не приведет ни к чему... Послушайте, Райли, – проговорил он вполголоса, – что вас заставило прийти сюда?

– Я ж вам говорил, – сокрушенно вздохнул Райли. – Грайрсон. То бишь, лейтенант Грайрсон послал меня.

– Что вас заставило прийти сюда? – продолжал стармех, словно не слыша слов Райли.

– Это мое гребаное дело! – с яростью в голосе ответил Райли.

– Нет, что вас сюда привело?

– Да оставьте вы меня в покое, ради Бога! – закричал кочегар. Голос его гулким эхом отозвался под сводами туннеля. Неожиданно он в упор посмотрел на офицера и, кривя рот, проговорил: – Сами, что ли, не знаете, черт бы вас побрал?

– Прикончить меня хотели?

Райли пристально поглядел на стармеха, потом отвернулся, ссутулив плечи и низко опустив голову.

– Из всех ублюдков на корабле вы один вступились за меня, – пробормотал он. – Один из всех, кого я знал, – медленно, словно в раздумье, добавил он.

Хотя слово «ублюдок» в какой-то мере относилось и к нему, правда в положительном смысле, Додсону стало вдруг стыдно за свое предположение.

– Если бы не вы, – продолжал негромко Райли, – в первый раз меня посадили бы в карцер, а во второй – в тюрьму. Помните, сэр?

– Вы тогда вели себя довольно глупо, Райли, – признался Додсон.

– Зачем вы за меня вступились? – Верзила-кочегар, по всему видно, был взволнован. – Ведь все же знают, что я за фрукт...

– Так ли? Сомневаюсь... По-моему, на самом деле вы лучше, чем кажется.

– Бросьте мне мозги пачкать, – насмешливо фыркнул Райли. – Я-то знаю, кто я такой. Уж это точно. Я – самое последнее дерьмо. Все говорят, что я дерьмо! И правду говорят... – он подался вперед. – Знаете что? Я католик. Через четыре часа... – он оборвал фразу на полуслове. – Надо встать на колени, верно? – усмехнулся он. – Покаяться, а потом надо попросить... Как его?..

– Отпущения грехов?

– Вот-вот. Оно самое. Отпущения грехов. А вы знаете что? – отдельно произнес он. – Мне на него наплевать, на это отпущение.

– Возможно, вам оно и не нужно, – проговорил как бы про себя Додсон. – Последний раз говорю, ступайте в машинное отделение.

– Не пойду!

Старший механик вздохнул, поднял с пола термос.

– В таком случае, может быть, соизволите выпить со мной чашечку кофе?

Подняв глаза, Райли улыбнулся и, удачно подражая полковнику Каскинсу, герою популярной развлекательной программы, проговорил:

– А вообще-то кто-кто, а я возражать не стану.

Вэллери повернулся на бок, подогнув под себя ноги, и машинально потянулся за полотенцем. Истощенное, слабое тело старика ходило ходуном от надрывного оглушительного кашля, который отражался от бронированных стенок рубки. Господи, так плохо он ещё никогда себя не чувствовал. Но, странное дело, боли он не ощущал. Приступ кашля прекратился. Взглянув на пунцовое мокрое полотенце, Вэллери, собрав оставшиеся силы, с внезапным отвращением швырнул его в дальний угол рубки.

«Вы же на собственном хребте тащите эту проклятую посудину!» – невольно вспомнилась эта фраза, сказанная старым Сократом, и командир «Улисса» слабо улыбнулся. Но он сознавал, что никогда ещё не был так нужен на крейсере, как сейчас. Он знал: стоит чуть помедлить, и ему никогда больше не выйти из рубки.

Делая над собой адское усилие, Вэллери приподнялся с койки и сел, обливаясь потом. Затем с трудом перебрал ноги через ограждение. Едва подошвы его ног коснулись палубного настила, «Улисс» вздыбился. Покачнувшись, Вэллери ударился о кресло и беспомощно соскользнул на пол. Прошла целая вечность, прежде чем ценой страшного напряжения ему удалось снова подняться. Ещё одно такое усилие, и ему конец.

Следующим препятствием была дверь – тяжелая стальная дверь. Как-то надо её открыть, но сделать это сам он был не в состоянии. Он положил ладони на ручку двери, та открылась сама собой, и Вэллери очутился на мостике, глотая морской ветер, который острым ножом сек глотку и разрушенные легкие. Он оглядел корабль с носа до кормы. Пожары утихали – и на «Стерлинге», и на юте «Улисса». Слава Богу, хоть это пронесло! Отворотив ломом дверь акустической рубки, двое матросов осветили её фонарем. Не в силах выдержать подобного зрелища, Вэллери отвернулся и, вытянув руки точно слепой, стал на ощупь искать дверцу рубки.

Увидев командира, Тэрнер бросился ему навстречу и осторожно посадил его в кресло.

– Зачем же вы пришли? – сказал он мягко. Потом внимательно поглядел на начальника. – Как себя чувствуете, сэр?

– Много лучше, благодарю вас, – ответил Вэллери. И с улыбкой прибавил: – Вы же знаете, старпом, у нас, контр-адмиралов, есть определенные обязанности. Я отнюдь не намерен зря получать свое княжеское жалованье.

– Всем отойти назад! – приказал Кэррингтон. – Зайти в рулевой пост или подняться на трап. Посмотрим, в чем тут дело.

Он наклонился и принялся разглядывать огромную стальную плиту. Прежде он даже не представлял, насколько тяжела и массивна крышка этого люка. Крышка приподнята всего лишь на какой-то дюйм. В щель засунут лом. Рядом сломанный блок. Противовес лежит возле комингса рулевого поста. «Слава Богу, хоть этот груз оттащили», – подумал Кэррингтон.

– Тяжами пробовали поднять? – отрывисто спросил он.

– Да, сэр, – ответил матрос, стоявший к нему ближе всех, показав на груды тросов, сваленную в углу. – Ничего не получается. Трап нагрузку выдерживает, но как никак не

подцепить – все время соскальзывает. – Матрос показал на крышку. – Одни задрайки согнуты – ведь их пришлось отгибать кувалдами, – а другие повернуты не так, как надо... Я же знаю свое дело, сэр.

– Я в этом не сомневаюсь, – рассеянно произнес Кэррингтон. – Ну-ка, помогите-ка мне.

Сделав глубокий вдох, он ухватился пальцами за край крышки. Матрос, стоявший у края люка (другой его край находился возле самой переборки), последовал его примеру. Оба напряглись так, что их спины и мышцы ног задрожали от натуги. Лицо Кэррингтона налилось кровью, в ушах застучало. Он выпрямился. Так они только надорвутся: эта проклятая крышка не сдвинулась ни на йоту. Немало, видно, пришлось положить труда, чтобы приоткрыть её. «Хоть люди и измучены, но ведь должны же они вдвоем приподнять край крышки», – подумал Кэррингтон. Выходит, заело шарниры. Но возможен и перекос палубы. Если же это так, размышлял первый офицер, то и с помощью талей ничего не сделать. Когда необходим рывок, от талей нет никакого проку: как их ни набей, слабина всегда остается.

Опустившись на колени, он прижал губы к щели.

– Эй, внизу! – крикнул он. – Вы меня слышите?

– Слышим, – послышался слабый, приглушенный голос. – Ради Бога, вызволите нас отсюда. Мы будто крысы в мышеловке.

– Это вы, Брайерли? Не беспокойтесь, мы вас вызволим. Много ли там у вас воды?

– Какая тут к черту вода? Одна нефть! Наверно, повреждена левая топливная цистерна. Кольцевой коридор, должно быть, тоже затоплен.

– Высок ли уровень воды?

– Помещение затоплено на три четверти! Стоим на генераторах, цепляемся за щиты. Один из ребят сорвался. Мы не смогли его удержать. – В голосе, хотя и приглушенном люком, явственно слышалась тревога, почти отчаяние. – Поторопитесь, умоляем вас!

– Вам говорят, вызволим! – резко, властно произнес Кэррингтон. Уверенности в том, что он сказал, у него самого не было, однако он и виду не подал, иначе среди тех, кто оказался в западне, быстро распространилась бы паника. – Снизу не можете нажать?

– На трапе только один человек может поместиться, – крикнул Брайерли. – Никакого упора нет.

Он неожиданно умолк, послышались ругательства.

– Что произошло? – отрывисто спросил Кэррингтон.

– Трудно держаться, – прокричал в ответ Брайерли. – Волны гуляют фута в два высотой. Одного смыло... Вот он, кажется, снова тут. Темно, как в преисподней.

Услышав стук тяжелых шагов, Кэррингтон поднял голову. По трапу спускался Петерсен. В такой тесноте белокурый норвежец показался гигантом. Кэррингтон посмотрел на него, разглядел необычайно развитые плечи, могучую грудную клетку, огромные руки, – одна была опущена вниз, в другой он небрежно, словно это были тростинки, держал три лома и кувалду. Увидев кочегара, его серьезные глаза, синевшие из-под льняных пряжей, Кэррингтон вдруг ощутил какую-то странную уверенность.

– Нам люк не открыть, Петерсен, – сказал он просто. – Не сумеете ли вы?

– Попробую, сэр. – Положив свой инструмент, норвежец наклонился и схватил конец лома, торчащего из-под крышки люка. Потом быстро и легко выпрямился. Крышка чуть приподнялась, но лом, словно кусок проволоки, начал сгибаться и согнулся почти под прямым углом.

– По-моему, крышку заело, сэр. – Петерсен даже не запыхался. – Очевидно, что-то с шарнирами.

Обойдя крышку люка с другой стороны, он внимательно осмотрел шарнирное соединение и

довольно хмыкнул. Три удара со всего маху, прямо по торцу соединения, и рукоятка молота сломалась. Петерсен отшвырнул прочь ставшую бесполезной кувалду и взял другой лом – гораздо тяжелее.

Этот лом тоже согнулся, но крышка приподнялась – уже на дюйм. Взяв две кувалды поменьше, которыми до этого отбивали задрайки, великан-норвежец принялся колотить по шарнирам. Наконец сломались и обе эти кувалды.

На этот раз, сложив вместе два лома, он подsunул их под угол крышки и нагнулся. Пять, десять секунд стоял он в такой позе, не двигаясь с места. Потом часто, глубоко задышал. Неожиданно задержал дыхание. По лицу его ручьями полил пот, все тело задрожало от адского напряжения. И вдруг – невероятное дело! – оба лома стали сгибаться.

Кэррингтон смотрел словно зачарованный. Он никогда ещё не видел ничего подобного; да наверняка и остальные. Он был в этом уверен. Он мог поклясться, что каждый из этих ломов выдерживает, самое малое, полтонны. Он не верил своим глазам, но это было так: по мере того как гигант выпрямлялся, ломы сгибались все больше и больше. И вдруг – настолько неожиданно, что все подскочили, – крышка разом открылась. Всего на целых пять-шесть дюймов. Петерсен отлетел в сторону, ударившись о переборку. Ломы, вырвавшись у него из рук, с плеском упали в воду.

Великан тигром кинулся к крышке люка. Ухватившись за край, он напряг могучие мышцы рук и плеч, наваливаясь изо всех сил на тяжелую стальную плиту. Три, четыре раза надавливал он на нее. На пятый раз массивная крышка с визгом распахнулась и с грохотом ударилась о стойку. Защелка, удерживавшая крышку вертикально, закрылась. Люк был открыт. Петерсен улыбался. Давно на лице Петерсена не видели улыбки. Он обливался потом, грудь часто-часто поднималась и опускалась, точно мехами накачивая воздух в натруженные легкие.

В отсеке слаботочных агрегатов вода всего на два фута не доходила до комингса люка. Порою, когда корабль падал в ложбину между крутых валов, в верхнее помещение через комингс вливалась темная маслянистая жидкость. Освобожденных из плена моряков быстро вытащили наверх. Они с ног до головы были выпачканы нефтью, глаза залеплены густой жижей. Казалось, они только что вышли из преисподней. Вконец измученные переживаниями, бедняги были на грани полного коллапса. Даже инстинкт самосохранения не смог заставить их найти в себе силы двигаться. А трое других моряков, вцепившихся в скоб-трап, застряли в шахте, не в состоянии сделать ни шагу больше. Они наверняка сорвались бы в черную бездну, если бы не Петерсен, – тот нагнулся и словно малых детей вытащил их из шахты люка.

– Немедленно отправить их в лазарет! – распорядился Кэррингтон, наблюдая за тем, как мокрым насквозь, дрожащим от холода людям помогали подниматься. Потом с улыбкой повернулся к Петерсену: – Мы поблагодарим вас потом, Петерсен. Дело ещё не закончено. Теперь этот люк надо наглухо задраить.

– Дело трудное, сэр, – мрачно произнес Петерсен.

– Трудное или нет, а сделать его нужно, – оборвал котельного машиниста Кэррингтон. Вода все чаще и чаще выплескивалась через комингс люка, заливая основание рулевого поста. – Запасной рулевой пост выведен из строя. Если рулевую машину зальет, всем нам конец.

Петерсен ничего не сказал. Приподняв защелку, он навалился на упорно сопротивляющуюся крышку люка и на фут опустил её. Потом, упершись плечом в трап, встал на тяжелую плиту и судорожным движением выпрямился. Взвизгнув, крышка опустилась примерно на сорок пять градусов. Норвежец передохнул, изогнул спину точно лук, ухватившись руками за трап, и начал что есть силы колотить ногами по краю крышки. До комингса люка оставалось дюймов пятнадцать.

– Нужны тяжелые кувалды, сэр, – озабоченно проговорил Петерсен.

– Некогда! – покачал головой Кэррингтон. – Еще две минуты, и давление воды не позволит закрыть крышку люка. Вот ещё дьявольщина-то! – воскликнул он сокрушенно. – Если бы крышка закрывалась снизу! Тогда даже я сумел бы прижать её к комингсу.

Петерсен ничего не сказал и на этот раз. Присев на корточки у края люка, он заглянул в темноту.

– Я кое-что придумал, сэр, – проговорил он торопливо. – Что если вы вдвоем встанете на крышку и упретесь в трап руками? Да, да, вот так, сэр. Повернитесь ко мне спиной, тогда упор будет сильнее.

Положив ладони на железную ступеньку трапа, капитан-лейтенант что есть мочи напрягся. Внезапно послышался всплеск, за ним металлический стук. Мгновенно обернувшись, Кэррингтон успел заметить лишь сжимающую лом огромную руку, которая тотчас исчезла под крышкой люка. Петерсена и след простыл. Подобно многим крупным, сильным людям, он был быстр и ловок, как кошка, и спрыгнул в люк, не издав и звука.

– Петерсен! – Кэррингтон опустился на колени возле шахты. – Не валяй дурака, черт тебя возьми! Вылезай, идиот несчастный! Ты что, утонуть захотел?

Ответа не было. Воцарилась полная тишина, которая казалась ещё невыносимее из-за чуть слышного плеска воды. Неожиданно раздался стук металла, потом пронзительный скрип, и люк опустился дюймов на шесть. Не успел Кэррингтон сообразить, в чем дело, как тяжелая плита опустилась ещё ниже. Охваченный отчаянием, первый офицер схватил лом и подsunул его под крышку люка. Спустя долю секунды крышка с грохотом ударилась о него. Приложив рот к щели, Кэррингтон крикнул:

– О Господи! Петерсен! Ты в своем уме? Открой, открой сейчас же! Слышишь?

– Не могу... – Кочегар умолк на полуслове: волна накрыла его с головой. – ...И не хочу. Вы же сами сказали... некогда... другого выхода не было.

– Но я совсем не это имел в виду...

– Я знаю. Это не важно... так будет лучше. – Слова норвежца почти невозможно было разобрать. – Передайте командиру, что Петерсен очень сожалеет... Я хотел было сказать ему вчера сам...

– Сожалеешь? О чем ты ещё там сожалеешь? – Кэррингтон в отчаянном усилии навалился на железный лом, но тяжелая крышка даже не дрогнула.

– Тот морской пехотинец... в Скапа-Флоу... Я не хотел его убивать, я ни за что не посмел бы убить человека... Но он вывел меня из себя, – просто сказал великан-норвежец. – Он убил моего товарища.

На секунду Кэррингтон ослабил пальцы, сжимавшие лом. Петерсен! Ну конечно, кто же кроме него мог свернуть шею тому солдату! Петерсен – рослый, веселый скандинав, которого вдруг словно подменили, и он превратился в мрачного гиганта. Не зная ни покоя, ни сна, днём и ночью, как неприкаянный, бродил он по палубам, кубрикам, переходам корабля. Озаренный изнутри, Кэррингтон внезапно понял, что творится в пострадавшей душе этого простого, доброго парня.

– Послушай же, Петерсен! – заклинал он. – Мне совершенно наплевать на то, что когда-то произошло. Никто об этом не узнает. Обещаю. Прошу тебя, Петерсен. Будь умницей...

– Так будет лучше... – Приглушенный голос звучал необычно умиротворенно. – Убить человека грех... Нельзя после этого жить... Я это понял... Прошу вас... Это очень важно. Передайте моему командиру. Петерсен сожалеет и стыдится... Я делаю это ради моего командира.

Лом из рук Кэррингтона внезапно вышибло. Крышка люка захлопнулась. В помещении рулевого поста эхом отдавались глухие металлические удары. Это продолжалось с минуту.

Потом стук оборвался. Слышен был лишь плеск воды возле рулевого поста да скрип штурвала: удерживая крейсер на румбе, рулевой переключивал руль.

Заглушая низкий рев втяжных вентиляторов, вой многих десятков электромоторов и шум волн, бьющих о борт крейсера, струился чистый, мелодичный голос. Даже холодная бесстрастность динамиков не могла исказить этот прекрасный девичий голос... Так бывало не раз. Когда не было необходимости соблюдать полнейшую тишину, то, чтобы скрасить монотонность бесконечно долгих часов ночи, по распоряжению командира корабля по трансляционной сети передавали граммофонные записи.

Почти неизменно репертуар был сугубо классическим, или, как зачастую говорят чванливые, высокомерные люди, был составлен из популярных классических произведений. Бах, Бетховен, Чайковский, Ледар, Верди, Делиус... «Концерт №1 си-бемоль минор», «Ария для струны соль», «Луна над рекой Альстер», «Clair de Lune», «Вальс конькобежцев» – все это никогда не прискучивало экипажу крейсера. Нетрудно вообразить, что скажут на это снобы, которые судят о музыкальном вкусе матросов по расхожим среди обывателей представлениям о изменности привычек и нравов моряков. «Смехотворно! Нелепо!» Людям этим неведомо, какая благоговейная, словно в храме, тишина царила в переполненном до отказа ангаре гигантского авианосца на рейде Скапа-Флоу, когда, прикасаясь к струнам скрипки, пел магический смычок Иегуди Менухина. В благодатное, волшебное царство музыки скрипач уносил тысячи матросов, заставляя их забыть о суровой военной действительности, об испытаниях, доставшихся на их долю во время недавнего дозора или боевого похода.

На этот раз пела девушка. То была Дина Дурбин. Она исполняла песню «Под родным небосводом», хватавшую за душу тоской по далекой отчизне. В нижних помещениях и на верхней палубе, склоняясь над могучими механизмами или съезжившись подле орудий, слушали моряки этот прелестный голос, летевший над кораблем, окутанным мраком и снегом. Вспоминая свой дом, они думали о своей тяжелой доле и о том, что скоро наступит утро, которое им не суждено встретить. Неожиданно песня оборвалась.

– Внимание! Внимание! – загрохотали динамики. – Говорит... говорит старший офицер корабля. – Низкий голос Тэрнера звучал угрюмо. Услышав его, все насторожились. – У меня недобрые вести, – Тэрнер говорил медленно, спокойно. – С прискорбием сообщая... – Он умолк, потом заговорил вновь – на этот раз ещё медленнее: – Пять минут назад скончался ваш командир Ричард Вэллери. – На мгновение динамик замолчал, потом ожил вновь. – Он умер на командном мостике, в своем адмиральском кресле. Он знал, что умирает. Думаю, он совсем не мучился... Он настоял... Настоял на том, чтобы от его имени я поблагодарил вас за верную службу. «Передайте морякам, – таковы были его последние слова, которые я запомнил. – Передайте им, – сказал он, – что без них я был бы как без рук, что Господь наградил меня лучшим экипажем, о каком только смеет мечтать командир корабля». Потом добавил: «Пусть они простят меня. После всего, что они для меня сделали... Словом, передайте, что я страшно огорчен тем, что оставляю их в беде». Вот все, что он сказал. «Передайте им, что я огорчен». И умер.

Глава 16

В СУББОТУ НОЧЬЮ

Ричард Вэллери умер. Умер в печали, удрученный мыслью, что оставляет экипаж корабля без командира. Но, прежде чем наступил рассвет, за своим адмиралом последовали сотни моряков. Они гибли на борту крейсеров, эсминцев, транспортов. Вопреки опасениям Вэллери корабли эти, подобно судам злосчастливого конвоя Пи-Кью-17, погибли не от орудийных залпов «Тирпица». «Тирпиц» так и не вышел из Альта-Фьорда. В сущности, они погибли от того, что внезапно переменилась погода.

Ричард Вэллери умер. С его смертью в моряках «Улисса» произошла разительная перемена. Вэллери словно бы унес с собой смелость, доброту, кротость, непоколебимую веру, безграничную терпимость к людям, понимание их. Ничего этого у моряков «Улисса» не осталось. Но что из того? Экипажу «Улисса» смелость была более не нужна, ибо теперь люди эти не боялись ничего. Вэллери был мертв, и лишь с его смертью моряки осознали, как уважали и любили они этого благородного человека. Осознали в полную меру. Поняли, что из их жизни ушло нечто необыкновенное, нечто такое, что навеки запечатлелось в их разуме и сердце, нечто бесконечно прекрасное и доброе, чему никогда более не бывать, и обезумели от горя. На войне же нет более грозного противника, чем человек, убитый горем. Благоразумие, осторожность, страх, боль – ничего этого для него уже не существует. Он живет лишь затем, чтобы убивать, уничтожать врага, причинившего ему это горе. Справедливо или нет, но в смерти своего командира моряки «Улисса» считали повинным неприятеля. Отныне их уделом стали печаль да всепоглощающая ненависть. «Зомби» – так однажды назвал их Николлс. Именно теперь моряки походили на зомби, ходячие привидения, которые, не находя себе места, все время бродили по раскачивающейся палубе, покрытой снегом и льдом. То были роботы, жившие лишь ради мести.

Погода изменилась перед самым концом средней вахты. Волнение не утихло: корабли конвоя по-прежнему сильно трепало. С норда шла крупная, крутая волна, и баки кораблей, рассекавших студеные воды, все больше обрастали сверкающим льдом. Внезапно ветер стих, и почти тотчас прекратилась пурга; последние клочья темной, тяжелой тучи унесло к зюйду. К четырем часам небо очистилось.

Ночь выдалась безлунная, но на небе, овеваемом ледяным северным ветром, высыпали яркие, крупные звезды.

Потом в северной части горизонта возникла едва заметная светлая полоска. Постепенно она стала увеличиваться. С каждой минутой полоса пульсирующего, вспыхивающего света поднималась все выше. Вскоре рядом появились ленты нежных пастельных оттенков голубого, зеленого, лилового цвета, но ярче других горел белый цвет. Полосы становились все шире и ярче. И наконец образовалась огромная сплошная белая завеса, протянувшаяся от одного края неба до другого...

То было северное сияние – само по себе красивое зрелище. В эту же ночь оно было особенно прекрасно. Но люди, находившиеся на кораблях и судах, залитых светом на фоне темного беспокойного моря, проклинали это великолепие.

Из всех, кто находился на мостике, звук этот первым услышал Крайслер – тот самый юноша, что обладал необыкновенным зрением и сверхъестественным слухом. Вскоре и остальные услышали вдалеке этот рокот – прерывистый, пульсирующий гул приближающегося с юга «кондора». Спустя немного времени все решили, будто «кондор» перестал приближаться, но, едва родившись, надежда эта умерла. Без сомнения, натужный рев означал, что «фокке-

вильф» набирает предельную высоту. Старший офицер с усталым видом повернулся к Кэррингтону.

– «Чарли» тут как тут, – проговорил он угрюмо. – Обнаружил нас, подлец. Уже радировал в Альта-Фьорд. Ставлю сто против одного в любой валюте, что на высоте около трех тысяч метров он сбросит осветительную бомбу. Она озарит участок радиусом пятьдесят миль.

– Можете быть уверены, что деньги останутся при вас. – Капитан-лейтенант сник на глазах. – Пари беспроигрышное... Потом, метрах на шестистах, повесит ещё пару «люстр».

– Уж это точно! – кивнул Тэрнер. – Штурман, далеко ли мы от Альта-Фьорда, по вашим расчетам? Я имею в виду, в летных часах?

– Час лету для машины со скоростью двести узлов, – спокойно произнес Капковый мальчик. Куда подевалась его былая бойкость? С тех пор как скончался Вэллери, он стал неразговорчив и мрачен.

– Всего лишь час! – воскликнул Кэррингтон. – Немцы непременно прилетят. Клянусь Богом, сэр, – прибавил он в раздумье, – нас намерены доконать окончательно. Нас ещё никогда раньше не бомбили и не торпедировали в ночное время. Нас ещё никогда не преследовал «Тирпиц». Нас ещё никогда...

– «Тирпиц»! – прервал его Тэрнер. – Где он, этот «Тирпиц», будь он проклят? Ему давно бы пора догнать нас. Понимаю, сейчас темно, и мы изменили курс, – прибавил он, заметив, что Кэррингтон намерен возразить. – Но боевое охранение из быстроходных эсминцев давно бы успело нас обнаружить... Престон! – воскликнул он, обращаясь к старшине-сигнальщику. – Глядеть веселей! Нам семафорят вон с того транспорта.

– Виноват, сэр. – Сигнальщик, едва стоявший на ногах от усталости, подняв фонарь, отстучал «квитанцию».

На «купце» снова сердито замигал огонь.

– «Поперечный излом фундамента машины, – читал Престон. – Повреждение серьезное. Вынужден сбавить ход».

– Подтвердить светограмму, – сухо произнес Тэрнер. – Что это за транспорт, Престон?

– «Огайо Фрейтер», сэр.

– Тот, что напоролся на торпеду пару дней назад?

– Он самый, сэр.

– Передайте: «Следует сохранять скорость и место в порядке». – Тэрнер выбранился. – Нашли время для поломки машины... Штурман, когда рандеву с эскадрой?

– Ровно через шесть часов, сэр.

– Шесть часов... – Тэрнер сжал зубы. – Через каких-то шесть часов, возможно, рандеву и состоится, – прибавил он с горечью.

– Возможно? – переспросил Кэррингтон.

– Да, возможно, – повторил Тэрнер. – Все зависит от погоды. Командующий не станет рисковать крупными кораблями в такой близости от побережья, не имея возможности поднять в воздух авиацию прикрытия. Вот, кстати, и ответ, почему до сих пор не появился «Тирпиц». Какая-то подводная лодка радировала ему, что наши авианосцы идут на юг. Он будет ждать улучшения погоды... Что теперь пишет транспорт, Престон?

Немного помигав, сигнальный фонарь на «Огайо Фрейтере» угас.

– «Необходимо снизить скорость, – читал сигнальщик, – Имею серьезные повреждения. Сбавляю ход. Сбавляю ход».

– Он и в самом деле сбавляет ход, – невозмутимо заметил Кэррингтон. Взглянув на старшего офицера, на его сосредоточенное лицо и потемневшие глаза, капитан-лейтенант понял, что им обоим в голову пришла одна и та же мысль. – Его песенка спета, сэр. Если

ТОЛЬКО...

– Что «если только»? – взорвался Тэрнер. – Если только мы не оставим ему охранение? А кого мы ему оставим, каплей? «Викинг», единственный боеспособный корабль? – Он медленно покачал головой. – Печься о благе большинства – вот в чем наша обязанность. Они это поймут. Престон, напишите: «К сожалению, не можем оставить вам эскорт. Сколько времени потребуется на ремонт?» Осветительная бомба вспыхнула прежде, чем Престон коснулся рукоятки сигнального фонаря. Она вспыхнула над самым конвоем. На какой именно высоте, определить было трудно, но где-то около двух – двух с половиной тысяч метров.

На фоне гигантской белой дуги северного сияния бомба казалась светящейся точкой. Но точка быстро приближалась, становясь все ярче: если к ней и был прикреплен парашют, то, видно, лишь для стабилизации полета.

В торопливый стук сигнального фонаря ворвался голос громкоговорителя.

– Мостик! Докладывает радиорубка. Мостик! Докладывает радиорубка. Деша с «Сирруса». «Трое спасенных умерли. Много умирающих и тяжелораненых. Срочно необходима медицинская помощь. Повторяю: срочно».

Динамик умолк, и в эту минуту «Огайо» замигал в ответ на светограмму флагмана.

– Пошлите за лейтенантом Николлсом, – распорядился Тэрнер. – Пусть тотчас же поднимется на мостик.

Кэррингтон посмотрел на темные грозные валы, увенчанные молочно-белой пеной, на полубак крейсера, то и дело тяжело ударявшийся о стену воды.

– Хотите рискнуть, сэр?

– Я должен это сделать. Вы бы поступили так же, каплей... Престон, что пишет «Огайо»?

– «Вас понял. Нам некогда возиться с британскими кораблями. Перенесем на другой раз.

Au revoir!»^[13].

– «В другой раз. Au revoir!» – негромко повторил Тэрнер. – Врет и не смеется. Черт меня побери! – вырвалось у него. – Если кто-нибудь посмеет сказать, что у янки кишка тонка, я ему в кровь разобью его подлую физиономию. Престон, напишите: «Au revoir! Желаю удачи». Каплей, я чувствую себя убийцей.

Он потер ладонью лоб, кивнул в сторону рубки, где лежал на кушетке Вэллери.

– Из месяца в месяц ему приходилось принимать такие решения. Неудивительно, что...

Но тут послышался скрип открываемой дверцы, и он замолчал.

– А, это вы, Николлс? Вам предстоит работа, мой мальчик. Хватит вам, лекарям, целый день слоняться без дела. – Он поднял руку. – Ну полно, полно, – усмехнулся он. – Я все знаю... Как дела на хирургическом фронте? – Тон его голоса стал серьезным.

– Мы сделали все, что в наших силах, сэр. Правда, делать нам оставалось немного, – проговорил спокойно Николлс. Лицо его осунулось, на нем появились складки, старившие юношу. – Но у нас очень туго с медикаментами. Бинтов почти не осталось. А анестезирующих средств и вовсе нет, если не считать неприкосновенного запаса. Однако начальник медслужбы не хочет к нему притрагиваться.

– Понятно, – пробормотал Тэрнер. – Как вы себя чувствуете, дружок?

– Отвратительно.

– Это видно по вам, – честно признался Тэрнер. – Николлс... Мне страшно жаль, мой мальчик... Но я хочу, чтобы вы отправились на «Сиррус».

– Есть, сэр. – В голосе юноши не было удивления: он давно догадался, зачем вызывает его старший офицер. – Прикажете отбыть сейчас?

Тэрнер молча кивнул. В свете опускающейся «люстры» четко вырисовывалось его худощавое, волевое лицо. «Такие лица не забываются», – подумал Николлс.

– Что с собою брать, сэр?

– Свои принадлежности. И только. Не в купейном же вагоне поедете, дружок!

– Так можно захватить с собой фотокамеру и пленку?

– Можно. – Тэрнер улыбнулся. – Не терпится запечатлеть последние секунды «Улисса», а?..

Не забывайте, «Сиррус» течет как решето. Штурман, свяжитесь с радиорубкой. Пусть прикажут «Сиррусу» подойти к крейсеру и принять доктора с помощью леерного устройства.

Снова скрипнула дверца. Тэрнер взглянул на грузную фигуру, усталой походкой приближавшуюся к компасной площадке. Брукс, как и каждый из членов экипажа, едва стоял на ногах, но голубые глаза его, как всегда, полны были огня.

– У меня повсюду соглядатаи, – заявил он. – Чего ради вы надумали сплавить юного Джонни на «Сиррус»?

– Извините, дружище, – проговорил Тэрнер. – Но, похоже, дела на «Сиррусе» из рук вон плохи.

– Понимаю. – Брукс поежился. Возможно, виною тому был жуткий, как погребальная песнь, вой ветра в разбитом снарядами рангоуте, а возможно, пронизывающая стужа. Снова поежившись, он взглянул вверх, на опускавшуюся осветительную бомбу. – Красиво, очень красиво, – пробормотал он. – В честь чего такая иллюминация?

– Ждем гостей, – криво усмехнулся Тэрнер. – Ведь так заведено издавна, о Сократ. Увидят огонек в окне – непременно пожалуют. – Он внезапно напрягся, лицо его словно окаменело. – Прощу прощения, я ошибся, – проронил он. – Гости уже пожаловали.

Последние слова его утонули в раскатах мощного взрыва.

Тэрнер ожидал этого: пять–шесть секунд назад он заметил узкий, как кинжал, сноп огня, взвившийся к небесам, который возник перед самым мостиком «Огайо Фрейтера». До транспорта, находившегося на правой раковине, было уже больше мили, но он был отчетливо виден в свете северного сияния. Свете, оказавшемся предательским: почти не имевшее хода судно было обнаружено рыскавшей поблизости немецкой подлодкой.

«Огайо Фрейтер» виден был недолго. Взрыв – и вслед за ним ничего: ни дыма, ни пламени, ни звука. Но спинной хребет транспорта был перебит: в днище, верно, зияла огромная пробоина, а трюмы были битком набиты танками и боеприпасами. Транспорт встретил свою кончину с каким-то удивительным достоинством: он затонул быстро, спокойно, без суеты. Через три минуты все было кончено.

Воцарившуюся на мостике угрюмую тишину нарушил Тэрнер. Он отвернулся; на лицо его, освещенное белым светом «люстры», было не слишком приятно смотреть.

– А ещё говорил: «Au revoir!» – пробормотал он, ни к кому не обращаясь. – Лгун несчастный!.. – Он сердито покачал головой, потом коснулся рукава Капкового мальчика. – Свяжитесь с радиорубкой! – резко проговорил он. – Прикажите «Викингу» заняться этой лодкой, пока мы не освободимся.

– Когда всему этому настанет, конец? – В призрачном свете лицо Брукса казалось неподвижным и утомленным.

– Одному Богу известно! Как я ненавижу этих подлых убийц! – простонал Тэрнер. – Я прекрасно понимаю, мы занимаемся тем же... Только дайте мне что-нибудь такое, что я мог бы видеть, с чем я мог бы помериться силами, что-нибудь такое...

– Не волнуйтесь, «Тирпиц» вы обязательно увидите, – сухо оборвал его Кэррингтон. – Судя по всему, он достаточно велик, чтобы его не заметить.

Взглянув на первого офицера, Тэрнер неожиданно улыбнулся. Хлопнув Кэррингтона по плечу, он откинул голову назад и впился взглядом в мерцающее на небе сияние, гадая, когда же повесят вторую «люстру».

– Ты не можешь уделить мне минуту, Джонни? – вполголоса проговорил Капковый мальчик. – Хотелось бы поговорить с тобой.

– Разумеется. – Николлс удивленно взглянул на друга. – Разумеется, могу, не одну, а десять, пока не подойдет «Сиррус». В чем дело, Энди?

– Виноват, я сейчас. – Штурман подошел к старшему офицеру. – Разрешите пройти в штурманскую рубку, сэр.

– Спички не забыли? – улыбнулся Тэрнер. – О'кей. Ступайте.

На лице Капкового мальчика появилась слабая тень улыбки. Взяв Николлса под руку, он проводил его в штурманскую; там зажег свет и достал сигареты. Штурман пристально смотрел на Николлса, поднесшего кончик сигареты к колеблющемуся язычку огня.

– Ты знаешь, Джонни? – внезапно произнес он. – Пожалуй, во мне есть шотландская порода.

– Шотландская кровь, – поправил его Николлс. – С чего это тебе взбрело в голову?

– И вот эта кровь говорит мне, что я обречен. Мои шотландские предки зовут меня к себе, Джонни. Я чувствую это всем своим существом. – Капковый мальчик словно не заметил, что его прервали. Он зябко поежился. – Не понимаю, в чем дело. Я ещё никогда не испытывал такого ощущения.

– Пустяки. У тебя несварение желудка, приятель, – бодро ответил Николлс. Но ему стало не по себе.

– На этот раз попал пальцем в небо, – покачал головой штурман, едва заметно улыбнувшись. – Ко всему, я двое суток куска в рот не брал. Честное слово, Джонни.

Слова друга произвели на Николлса впечатление. Чувства, искренность, серьезность – все это было ново в Капковом.

– Мы с тобой больше не увидимся, – негромко продолжал штурман. – Прощу тебя, Джонни, окажи мне услугу.

– Перестань валять дурака, – рассердился Николлс. – Какого черта ты...

– Возьми это с собой. – Капковый достал листок бумаги и сунул его в руки приятеля. – Можешь прочесть?

– Могу. – Николлс умерил свой гнев. – Да, я могу прочесть. – На листке бумаги стояло имя и адрес. Имя девушки и адрес в Сюррее. – Так вот как её звать, – произнес он тихо. – Хуанита... Хуанита. – Он проговорил это имя четко, с правильным испанским произношением. – Моя любимая песня и мое любимое имя, – проронил он.

– Неужели? – живо переспросил его Капковый мальчик. – Это правда? И мое тоже, Джонни. – Помолчав, он добавил: – Если так случится... словом, если я... Ты навести её, Джонни, ладно?

– О чем ты говоришь, старина? – Николлсу стало не по себе. Не то торопясь закончить этот разговор, не то шутливо он похлопал молодого штурмана по груди.

– Да в таком костюме ты смог бы вплавь добраться до Мурманска. Ты же сам твердил мне об этом раз сто.

Капковый мальчик улыбнулся. Но улыбка была не слишком веселая.

– Конечно же, конечно... Так ты сходишь, Джонни?

– Черт тебя побери, да! – в сердцах воскликнул Николлс. – Да, схожу. Кстати, мне пора идти ещё кое-куда. Пошли!

Выключив свет, отворил дверь и хотел было перешагнуть через комингс. Потом, раздумав, он вернулся и, закрыв дверь, снова включил свет. Капковый мальчик, даже не сдвинувшись с места, смотрел на него как ни в чем не бывало.

– Прости, Энди, – с искренним раскаянием проговорил Николлс. – Не знаю, что это на меня

нашло...

– Дурной нрав, – весело отозвался Капковый мальчик. – Тебя всегда бесило, когда я оказывался прав, а ты ошибался!

У Николлса перехватило дыхание, и он на секунду прикрыл глаза. Потом протянул руку.

– Всего наилучшего, Васко, – попытался он улыбнуться. – И не беспокойся. Я навещу её, если что... Словом, навещу, обещаю тебе. Хуанита... Но если застану там тебя... – с шутливой угрозой продолжал он, – тебе не поздоровится.

– Спасибо, Джонни. Большое спасибо. – Капковый мальчик был почти счастлив. – Желаю удачи, дружище... *Vaya con dios!* ^[14]. Так она мне всегда говорила на прощание. Так и в последний раз сказала.

Спустя полчаса лейтенант Николлс оперировал на борту «Сирруса».

Стрелки часов показывали 04.45. Стужа была нестерпимой. С норда дул ровный умеренный ветер. Волнение усилилось. Волна стали длиннее, а зловещие ложбины между ними глубже, и «Сиррусу», который тек, как решето, и был покрыт горой льда, доставалось здорово. Небо по-прежнему было ясным и неправдоподобно чистым. Северное сияние начало блекнуть, зажглись звезды. К поверхности моря опускалась пятая по счету осветительная бомба.

Именно в 04.45 они услышали этот звук – дальний гром пушек, доносившийся с юга. Грохот раздался минуту спустя после того, как на кромке горизонта вспыхнуло ровное белое пламя. Представить, что там происходит, было нетрудно. «Викинг», преследовавший подводную лодку, хотя был бессилён нанести ей удар, сам подвергся нападению. Бой, видно, был скоротечным и жестоким: орудийные залпы тотчас же смолкли. В эфире царило зловещее молчание. Никто так и не узнал, что же случилось с «Викингом»: из его экипажа не спасся ни один человек.

Едва умолкли пушки «Викинга», как послышался рев моторов «кондора», входящего на полных оборотах в пологое пике. Секунд пять, может десять, а казалось ещё дольше, несмотря на то что ни один зенитный расчет кораблей конвоя не успел накрыть его, – огромный «фоккевульф» летел, озаренный светом бомбы, сброшенной им самим, и вдруг исчез. А позади него небо вспыхнуло ярким пламенем, на которое было больно смотреть, – более ослепительным, чем лучи полуденного солнца. Световая сила этих «люстр» была столь велика, а действие их столь эффективно, что зрачки наблюдателей сузились, а веки плотно сжались. Прежде чем кто-либо успел понять, что происходит, вырвавшиеся из кольца света бомбардировщики обрушились на конвой. Расчет, координация действий самолета-наводчика и бомбардировщиков были изумительны.

В первой волне шло двенадцать машин. На этот раз они атаковали одновременно несколько целей: на каждый корабль приходилось не более двух самолетов. Тэрнера, наблюдавшего с мостика, как машины круто падают вниз и выравниваются, прежде чем хотя бы одна пушка «Улисса» успела открыть огонь, обуяла тревога. Было что-то ужасно знакомое в большой скорости, манере летать, в силуэтах этих самолетов. Внезапно он узнал их: это же «Хейнкель-111». А Тэриер знал, что «Хейнкель-111» оснащен крылатыми бомбами – оружием, которого он опасался больше всего.

И тут, словно кто-то нажал на невидимую кнопку, открыли огонь все до одного орудия «Улисса». Воздух наполнился дымом, едким запахом горящего кордита. Грохот стоял неопиcуемый. Внезапно Тэрнера охватило ощущение непонятной и свирепой радости... Черт с ними и с их крылатыми бомбами, думал он. Такая война ему по душе – не игра в кошки-мышки, не томительные, унылые прятки, когда пытаешься перехитрить засевшие в засаде «волчьи стаи», а драка врукопашную, в которой ты встречаешься с врагом лицом к лицу и ненавидишь его, и

уважаешь за то, что он сошелся с тобой в честном бою, и как проклятый стараешься уничтожить его. И Тэрнер знал, что люди «Улисса», не щадя живота, будут стремиться уничтожить этого врага. Не нужно было обладать незаурядными способностями, чтобы направить в нужное русло чувства, испытываемые его людьми. Да, теперь это были его люди. Они подавили в себе инстинкт самосохранения. Преступив порог страха, они увидели, что за ним ничего более нет, и потому были готовы подавать снаряды и нажимать на гашетки до тех пор, пока не упадут, сраженные врагом.

Головной «хейнкель» сдуло с неба страшным ветром смерти: удачным залпом его накрыла третья башня, обслуживаемая морскими пехотинцами, от которых осталась жалкая горстка, та самая башня, что сбила «кондор». Летевший следом за головной машиной «хейнкель» резко отвернул в сторону, спасаясь от дождя обломков, в которые превратились фюзеляж и моторы его ведомого, и спикировал, промелькнув перед носом крейсера на расстоянии всего одной длины корпуса. Затем круто накренился влево и, дав полный газ, снова ринулся на «Улисс». Расчеты орудий оказались сбитыми с толку; прошло несколько долгих секунд, прежде чем открыл огонь первый комендор. Этого времени «хейнкелю» хватило с лихвой, чтобы выйти на цель под углом 60 градусов, сбросить бомбу и рвануть в сторону, спасаясь от огня «эрликонов» и скорострельных автоматов. Каким-то чудом ему удалось спастись.

Крылатая бомба была сброшена, видно, недостаточно высоко. Сначала покачавшись, она затем выровнялась и, спикировав, вышла на горизонтальную траекторию поражения. Прорвав пелену дыма, бомба взорвалась с оглушительным грохотом. Взрыв потряс крейсер до самого киля, и у тех, кто находился на мостике, едва не разорвало барабанные перепонки.

Окинув взглядом кормовую часть корабля, Тэрнер решил, что судьба крейсера решена. Сам в прошлом офицер-торпедист, специалист по взрывчатым веществам, он мог определить степень разрушений, причиненных тем или иным взрывчатым веществом. Ему никогда ещё не доводилось оказываться в такой близости от столь убийственного взрыва. Недаром старпом боялся этих планирующих бомб, но он и представить себе не мог, насколько велика сила их действия: удар оказался в два, а то и в три раза сильнее, чем он предполагал.

Откуда было знать старшему офицеру, что он услышал не один, а два взрыва, происшедших почти одновременно. По воле случая крылатая бомба попала прямо в трубы торпедного аппарата левого борта. В них оставалась всего одна торпеда: двумя другими была потоплена «Вайтура». Амматол, находившийся в зарядной части торпеды, представляет собой чрезвычайно устойчивое, инертное вещество, не боящееся даже самых страшных ударов. Но взрыв бомбы произошел так близко и был так силен, что ответная детонация оказалась неизбежной.

Взрыв произвел чудовищные разрушения: рана, нанесенная кораблю, была тяжелой, хотя и не смертельной. Почти до самой ватерлинии борт крейсера был как бы распорот гигантским консервным ножом. От торпедных аппаратов не осталось и следа; палубы изрешечены, деревянные настилы разбиты в щепы, кожух дымовой трубы изуродован до неузнаваемости, а сама труба накренилась на левый борт, пожалуй, на все пятнадцать градусов. Однако основная энергия взрыва оказалась направленной в корму, так что ударная волна почти целиком ушла в воду, при этом камбуз и корабельная лавка, и без того получившие значительные повреждения, теперь превратились в свалку искореженного металла.

Поднятое взрывом облако пыли и обломков ещё не успело осесть, когда вдали скрылся последний из «хейнкелей». Вражеские машины летели, едва не задевая за гребни волн, при этом они выделяли немислимые пируэты, чтобы не попасть под проливной дождь огненных трасс. Потом, точно по волшебству, они исчезли; остались лишь внезапно навалившаяся оглушающая тишина и медленно догорающие «люстры», освещающие облако, точно саван закрывшее «Улисс», темные клубы дыма, валившие из недр разбитого «Стерлинга», да танкер, у которого

почти целиком была оторвана кормовая надстройка. Но ни одно из судов конвоя не дрогнуло и не остановилось, при этом было уничтожено пять «хейнкелей». «Победа, доставшаяся дорогой ценой, – размышлял Тэрнер, – если можно назвать это победой». Он понимал, что «хейнкели» вернутся снова. Нетрудно представить оскорбленную гордость и ярость немецкого верховного командования в Норвегии: насколько известно Тэрнеру, ещё ни один конвой, направлявшийся в Россию, не проходил в такой близости от побережья.

Чтобы не задеть огромный вращающийся вал, Райли осторожно вытянул онемевшую ногу. Он аккуратно налил масла на подшипник, боясь потревожить инженер-механика, который уснул, привалившись к стене туннеля и положив голову на плечо кочегару. Едва Райли выпрямился, как Додсон заворочался и открыл тяжелые, слипшиеся веки.

– Господи Боже! – проговорил он устало. – Вы всё ещё здесь, Райли?

То были первые слова, произнесенные им в течение нескольких часов.

– Это большая удача, что я здесь, черт бы меня побрал! – проворчал Райли и кивнул на подшипник. – Случись что, пожарный рукав сюда никто небось не притащит!

Он был несправедлив, и Райли сам понимал это: они с Додсоном менялись каждые полчаса; один отдыхал, а другой смазывал подшипник. Но Райли просто нужно было что-нибудь сказать, потому что ему все труднее становилось выдерживать неприязненный тон, разговаривая со стармехом.

Додсон усмехнулся про себя, но не сказал ничего. Наконец, откашлявшись, он как бы мимоходом заметил:

– Не кажется ли вам, что «Тирпиц» заставляет себя ждать?

– Да, сэр. – Райли чувствовал себя неловко. – Давно бы пора ей пожаловать, этой проклятой посудине!

– Не ей, а ему, – машинально поправил Додсон. – «Адмирал фон Тирпиц», как-никак... Почему вы не перестанете заниматься этой чепухой, Райли?

Райли что-то буркнул. Додсон вздохнул, потом лицо его просияло.

– Сходите-ка, принесите ещё кофе. У меня в горле пересохло.

– Не пойду, – наотрез отказался Райли. – Сходите лучше вы.

– Прошу вас, сделайте одолжение, – ласково проговорил Додсон. – Чертовски хочется пить.

– Так и быть, схожу. – Верзила-кочегар, выругавшись, с трудом поднялся на ноги. – Только где я его достану?

– В машинном отделении кофе сколько угодно. Если там не хлещут ледяную воду, значит, хлещут кофе. Чур, мне ледяной воды не надо, – поежился Додсон.

Взяв термос, Райли поковылял вдоль туннеля. Не успел он пройти и нескольких футов, как «Улисс» вздрогнул всем корпусом от залпа тяжелых орудий. То было сигналом начала воздушного налета.

Додсон вцепился в стенку. Он заметил, что Райли сделал то же самое, потом неуклюже, спотыкаясь, бросился бежать. Было что-то гротескное и знакомое в его манере бегать. Снова послышался удар орудий, и нелепая фигура, похожая на гигантского краба, охваченного паникой, припустилась ещё быстрее. «Паника, – подумал Додсон, – вот что бывает, когда людей охватывает паника». Снова весь коридор заходил ходуном – на этот раз сильнее. Должно быть, стреляла третья башня, она почти над ними. «Нет, я не осуждаю его. Слава Богу, что он сбежал. – Додсон мысленно улыбнулся. Наш друг Райли больше здесь не появится, он не из тех, кто быстро перековывается». Додсон устало откинулся назад. «Наконец-то я один», – пробормотал он едва слышно. Он ждал чувства облегчения. Но его не было. Взамен его появились досада, чувство одиночества и тоски и ещё – какая-то пустота и разочарование.

Но немного спустя Райли появился вновь. Он снова бежал неуклюже, по-крабьи, держа в руках трехпинтовый термос и две кружки. Задевая за стенку туннеля, он яростно бранился. Тяжело дыша, он не говоря ни слова сел рядом с Додсоном, налил тому дымящегося кофе.

– Какого дьявола вы вздумали вернуться? – резко проговорил Додсон. – Я вас не просил...

– Вы просили кофе, – грубо оборвал его Райли. – Вот и пейте, черт возьми.

В это мгновение в тускло освещенном коридоре гребного вала жутко отозвалось эхо взрыва бомбы и детонации торпеды в аппарате левого борта. Вибрация была так сильна, что они оба сшиблись. Кружка, которую держал Райли, выплеснулась Додсону на ногу. Ум Додсона так устал, реакции стали столь замедленными, что первая его мысль была о том, как дьявольски он озяб, до чего холодно в этом туннеле с «плачущими» стенками. Горячий, как кипяток, кофе мгновенно проник сквозь одежду, но Додсон не ощущал ни ожога, ни влаги: ноги ниже колен у него совсем онемели. Затем, встряхнув головой, он посмотрел на Райли.

– Ради Бога, в чем дело? Что происходит? Не знаете?

– Понятия не имею. Спрашивать было некогда. – Райли с наслаждением потянулся и принялся дуть на дымящийся кофе. Тут ему в голову пришла, видно, удачная мысль: широкая улыбка осветила мрачную физиономию кочегара.

– Не иначе, как «Тирпиц», – произнес он с надеждой.

В эту страшную ночь немецкие эскадрильи трижды поднимались с аэродрома в Альта-Фьорде и, гудя моторами, улетали в студеную арктическую ночь, держа курс на норд-норд-вест. Среди вод беспокойного Ледовитого океана они искали жалкие остатки конвоя Эф-Ар-77. Особого труда для них эти поиски не составляли – всю ночь конвой неотступно преследовал «фокке-вульф» – «кондор», несмотря на все попытки избавиться от него. У «кондора», казалось, был бесконечный запас этих смертоносных «люстр». Вполне возможно, что так оно и было, наверняка он не взял иного груза, кроме осветительных бомб. А бомбардировщикам оставалось лишь лететь на этот ориентир.

Первая атака началась примерно в 05.45 с высоты около девятисот метров. В нападении, похоже, участвовали «дорнье», но определить тип самолетов с полной уверенностью было сложно, поскольку неприятельские машины летели много выше всех трех осветительных бомб, висевших над водой. В сущности, атака оказалась не вполне удачной и проведена была без особого воодушевления. И вполне понятно: огневая завеса оказалась слишком плотной. Но из двух бомб, достигших цели, одна попала в транспорт, разрушив часть носовой надстройки, вторая поразила «Улисс». Пробив флаг-дек и адмиральский салон, бомба разорвалась в лазарете, битком набитом тяжелоранеными и умирающими. Для многих взрыв этот, должно быть, оказался избавлением, ниспосланным с неба, потому что на корабле давно кончились анестезирующие средства. Не уцелел никто. В числе прочих погиб Маршалл – минный офицер; Джонсон – старший санитар корабельного лазарета; старшина корабельной полиции, час назад раненный осколком трубы торпедного аппарата; Бэрджесс, беспомощно лежавший, стянутый смиренной рубашкой (ночью, когда бушевал шторм, он получил контузию и сошел с ума). В числе погибших оказались Браун, лежавший с раздробленным крышкой орудийного погреба бедром, и Брайерли, которого так или иначе ожидал конец: легкие у него разъело соляром. Брукса в лазарете не было.

Взрывом бомбы вывело из строя телефонную станцию. За исключением связи между мостиком и орудиями, а также телефона и переговорных труб, связывавших мостик с машиной, все корабельные коммуникации оказались нарушенными.

Вторая атака была осуществлена в семь часов утра всего шестью бомбардировщиками. То снова были «хейнкели», вооруженные крылатыми бомбами. Видно, выполняя приказ, они не обращали внимания на транспорты и сосредоточили свое внимание на крейсерах. Дорого

обошлась неприятелю эта атака: уцелели лишь две машины, а попадание было лишь одно. Но эта единственная бомба, угодившая в ют «Стерлинга», вывела из строя оба кормовых орудия.

С налитыми кровью глазами и обнаженной головой, несмотря на ледяной ветер, Тэрнер молча расхаживал по полуразбитому мостику «Улисса». Упорство, с каким держался на плаву «Стерлинг», отбиваясь оставшимися у него огневыми средствами, поражало его. Затем он взглянул на собственный корабль, напоминавший не крейсер, а плавучий лабиринт изувеченной стали. Но лабиринт этот, как ни удивительно, по-прежнему рассекал мощные волны. Взглянул – и удивился ещё больше. Изувеченные, горящие крейсера, крейсера, разбитые и изуродованные до неузнаваемости, не были в диковину Тэрнеру. На его глазах буквально до смерти были избиты крейсера «Тринидад» и «Эдинбург», тоже эскортировавшие транспорты, направлявшиеся в Россию. Но никогда ещё не доводилось ему видеть, чтобы корабли, получив такие страшные раны, как «Улисс» и старик «Стерлинг», все ещё могли оставаться в живых. Расскажи ему об этом кто-нибудь другой, он бы не поверил.

Третья атака началась перед самым рассветом. В серых утренних сумерках на конвой налетело полтора десятка «хейнкелей». Атакующие проявили недюжинную храбрость и решительность. И на этот раз единственными объектами атаки оказались крейсера, но особенно тяжело пришлось «Улиссу». Однако экипаж его не испугался встречи с врагом, не стал сетовать на судьбу, пославшую ему новое испытание. Эти странные, самоотверженные люди, эти «ходячие привидения», какими их видел Николлс, встретили неприятеля радостно: разве можно сразить врага, если он прячется? Страх, тревога, предчувствие смерти – это для них больше не существовало. Домашний очаг, родина, семья, жена, любимая девушка – то были одни слова, понятия, которые, лишь тронув человеческий разум, тотчас исчезали бесследно. «Передайте им, – сказал Вэллери. – Передайте им, что Господь наградил меня лучшим экипажем, о каком только смеет мечтать командир корабля». Вэллери. Вот что было важно. Это и все то, во что верил Вэллери, что было неотъемлемой частью этого душевного и доброго человека. Неотъемлемой потому, что то был сам Вэллери. И матросы подносили снаряды, запирали затворы орудий, нажимали на гашетки «эрликонов», забыв обо всем. Они помнили лишь о своем командире, который умер, умоляя простить его за то, что покидает их в беде. Помнили, что не должны предать его. Да, это были привидения, но привидения одержимые. Это были люди, поднявшиеся над самими собой, как это зачастую бывает, когда человеку известно, что его следующий, неизбежный шаг приведет его в горние выси...

Первым атаке подвергся «Стерлинг». Тэрнер увидел, как, войдя в отлогое пике, на крейсер с ревом устремились два «хейнкеля», чудом уцелевшие, несмотря на ожесточенный огонь бьющих в упор корабельных пушек. Бронебойные, замедленного действия бомбы поразили среднюю часть «Стерлинга» чуть ниже палубы и взорвались в котельном и машинном отделении – самом чреве корабля. Следующие три бомбардировщика были встречены лишь огнем скорострельных автоматов да «льюисов», носовые орудия главного калибра умолкли. Тэрнер похолодел: страшная догадка пронзила его мозг: очевидно, взрывом отрезало башни от источников электроэнергии^[15]. Вражеские бомбардировщики беспощадно подавили жалкое сопротивление, каждая бомба попала в цель. «Стерлинг» получил смертельную рану. Вновь охваченный пламенем, корабль сильно накренился на правый борт.

Рев авиационных моторов заставил Тэрнера резко обернуться. В первой волне двигалось пять «хейнкелей». Заходили они с разных высот и различных курсовых углов с целью рассредоточить зенитные средства крейсеров, но все машины метили в кормовую часть «Улисса». Дыма и грохота было столько, что Тэрнер лишь с трудом мог ориентироваться в обстановке. Воздух мгновенно наполнился свистом крылатых бомб и оглушительным лаем авиационных пушек и пулеметов. Одна бомба взорвалась в воздухе – чуть впереди кормовой

дымовой трубы. Над шлюпочной палубой пронесся стальной смерч, и тотчас смолкли все «эрликоны» и скорострельные автоматы: их расчеты погибли от осколков и удара взрывной волны. Вторая бомба, пробив верхнюю палубу и палубу кубрика машинистов, взорвалась в отсеке радиотелеграфистов, походившем теперь на склеп. Две другие бомбы, летевшие выше, ударили в кормовую орудийную палубу и третью орудийную башню. С зияющей сверху пробоиной и боками, словно вспоротыми гигантским тесаком, башня, сорванная с основания, лежала уродливой грудой на изувеченной палубе.

За исключением артиллеристов, находившихся на бот-деке и в орудийной башне, погиб лишь один моряк, но моряк этот был поистине незаменим. Осколком первой бомбы пробило баллон со сжатым воздухом, находившимся в мастерской торпедистов, где только что укрылся Хартли, старший боцман «Улисса», на ком, в сущности, держался весь корабль...

Вот крейсер врезался в облако густого черного дыма – это горело топливо в пробитых топливных цистернах «Стерлинга». Что происходило в течение последующих десяти минут, никто не помнил. Корабль, объятый дымом и пламенем, походил на преисподнюю, и матросы терпели поистине адские муки. «Улисс» вырвался из черного облака, но тут, паля из пушек и пулеметов, на него обрушились «хейнкели» (бомб у них больше не осталось). Так на упавшую на колени жертву набрасывается кровожадная волчья стая. Правда, крейсер нет-нет да огрызался: стреляло то одно орудие, то другое.

Например, отвечала пушка, установленная возле самого мостика. Перегнувшись вниз, Тэрнер увидел артиллериста, бывшего трассерами в пикирующий «хейнкель». В ту же минуту и «хейнкель» открыл огонь. Сбив с ног Капкового мальчика, Тэрнер кинулся назад.

Вражеская машина улетела, и пушки умолкли. Тэрнер с трудом поднялся на ноги, посмотрел через борт: зенитчик был мертв, одежда на нем была исполосована в клочья.

Услышав позади шум шагов, Тэрнер обернулся и увидел хрупкую юношескую фигуру. Отстранив чью-то руку, юноша перелез через ограждение мостика. На мгновение перед Тэрнером мелькнуло бледное, сосредоточенное лицо Крайслера, того самого юного сигнальщика, который ни разу не улыбнулся и ни с кем не разговаривал с тех самых пор, как была открыта рубка гидроакустика. В ту же секунду справа по борту он заметил трех «хейнкелей», делавших новый заход.

– Слезай, идиот! – закричал Тэрнер. – Жить надоело?

Крайслер взглянул на офицера широко раскрытыми, недоумевающими глазами, отвернулся и спрыгнул на бортовой барбет, где был установлен «эрликон». Перегнувшись, Тэрнер посмотрел вниз.

Ни слова не говоря, Крайслер попробовал вытащить убитого стрелка из гнезда, но сил у него не хватало. Лишь после нескольких судорожных, отчаянных рывков ему удалось стащить комендора с сиденья. Осторожно опустив мертвеца на палубу, он сам вскарабкался в освободившийся кокпит. Рука Крайслера, заметил Тэрнер, была рассечена и кровоточила, затем краешком глаза старпом увидел, как из пушек «хейнкеля» вырвалось пламя, и упал на пол.

Прошла одна секунда, две, три – три секунды, в продолжение которых вражеские снаряды и пули молотили по прочной броне мостика. И тут словно сквозь сон Тэрнер услышал, как застучал спаренный «эрликон». Юноша продолжал вести огонь до последней секунды. Он произвел всего лишь шесть выстрелов, но, окутанная дымом, огромная серая машина задела за командно-дальномерный пост левым крылом, которое тотчас же отлетело в сторону и упало в воду у противоположного борта корабля.

Крайслер по-прежнему сидел в кокпите. Правой рукой он держался за изувеченное авиационным снарядом левое плечо, пытаясь остановить кровь, льющуюся из перебитой артерии. И, когда следующий бомбардировщик ринулся на корабль, старший офицер увидел,

как раненая, окровавленная рука юноши потянулась к рукоятке спускового механизма.

В бессильном гневе старпом колотил кулаком по палубе. Упав на настил рядом с Кэррингтоном и штурманом, он думал о Старре – человеке, который навлек на них эти мучения, – и ненавидел его пуще всех на свете. В ту минуту он был готов убить этого подлеца. Думал о юном Крайслере, который испытывал адскую боль от плечевых упоров, представил карие глаза этого мальчика, тоску и муку в них. Тэрнер поклялся, что если останется жив, то представит юношу к Кресту Виктории.

Грохот пушек оборвался. «Хейнкель» отвалил вправо, оба мотора его были окутаны дымом. Вместе с Капковым мальчиком, точно стоворясь, Тэрнер поднялся на ноги и наклонился, чтобы посмотреть вниз. Но при этом едва не погиб. Он не заметил третий «хейнкель», который пронесся над мостиком – излюбленной мишенью самолетов, – поливая его огненным дождем. Ощувив возле щек ветерок пуль, Тэрнер резко откинулся назад, с маху ударившись спиной о палубу, да так, что не смог вдохнуть. Но, лежа на палубе, он не видел её. Перед взором старпома стояла иная картина, каленым железом врезавшаяся ему в память – образ Крайслера, которого он успел увидеть в долю секунды. В спине юноши зияла рана величиной с кулак. Стрелок упал, и от веса его тела стволы «эрликонов» задралась вверх. Оба ствола по-прежнему стреляли. Стреляли до тех пор, пока не опустели магазины; пальцы убитого судорожно сжимали гашетки.

Одна за другой смолкали пушки судов конвоя, вой авиационных моторов стал едва слышен. Налет окончился.

Тэрнер поднялся на ноги – на этот раз медленно, тяжело. Перегнувшись через край мостика, посмотрел на гнездо стрелка и отвернулся. Лицо его оставалось неподвижным.

Позади послышался кашель. Станный, булькающий. Тэрнер резко обернулся и оцепенел, сжав кулаки.

Не в силах ничем помочь, Кэррингтон опустился на колени рядом со штурманом. Тот сидел на палубе, опершись спиной о ножки адмиральского кресла. От левого бедра юноши к правому плечу, рассекая вышитую на груди букву «Х», шла ровная, аккуратная строчка круглых отверстий, прошитых пулеметом «хейнкеля». Должно быть, воздушной волной молодого штурмана отшвырнуло на самую середину мостика.

Тэрнер стоял как вкопанный. Ему стало не по себе; он понял, что жить штурману оставалось считанные секунды. Любое резкое движение оборвет тонкую нить, ещё связывавшую юношу с жизнью.

Почувствовав присутствие старшего офицера, ощутив на себе его взгляд, Капковый мальчик с усилием поднял голову. Ясные голубые глаза его уже помутнели, в лице не было ни кровинки. Машинально проведя рукой по пробитому пулями комбинезону, он ощупал отверстия. Взглянул на стеганый капковый костюм и невесело улыбнулся.

– Пропал, – прошептал он. – Пропал костюмчик! – Рука его с раскрытой ладонью соскользнула вниз. Голова тяжело упала на грудь. Ветер шевелил льняные волосы юноши.

Глава 17

В ВОСКРЕСЕНЬЕ утром

«Стерлинг» погиб на рассвете. Погиб, по-прежнему имея ход, по-прежнему разрезая форштевнем могучие волны. Изуродованный мостик и надстройки накалились докрасна; а когда адское пламя, питаемое соляром из разбитых топливных цистерн, раздувало ветром, металл раскалялся добела. Нелепое, страшное, хотя и не новое зрелище: именно так выглядел «Бисмарк», похожий на кусок стали в горниле, прежде чем торпеды «Шроп-шира» отправили корабль на дно.

«Стерлинг» погиб бы в любом случае, но пикировщики ускорили его конец. Северное сияние давно померкло. На севере темнела туча, которая готова была вот-вот затянуть все небо. Моряки молили провидение, чтобы туча эта закрыла собою конвой, спрятала его под снежным покровом. Однако «штуки»^[16] опередили тучу. «Штуки» – наводившие на противника страх пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87» с изломом крыльев, как у чайки, – появились с юга. Пролетев на большой высоте над конвоем, они развернулись и полетели назад, на юг. Очутившись на западе, на самом траверзе «Улисса», замыкавшего конвой, они начали новый разворот. Один за другим, в типичной для «юнкерсов» манере, пикировщики стали выходить из строя, падая на левое крыло. Сделав разворот, вражеские машины коршунами кинулись из поднебесья на свои жертвы.

Всякий самолет, пикирующий на изготовленную к бою зенитную установку, обречен. Так говорили ученые мужи, преподаватели артиллерийского училища на острове Уэйл и, теща собственное тщеславие, доказывали и без того очевидную истину, используя в качестве наглядных пособий зенитные орудия и воссоздавая боевую обстановку. К сожалению, воссоздать пикировщики было невозможно.

«К сожалению» – потому, что в боевых условиях единственным решающим фактором был именно пикирующий бомбардировщик. Чтобы убедиться в этом, надо самому очутиться возле орудия, слышать пронзительный вой и свист «штуки», падающей почти отвесно вниз, самому прятаться от ливня пуль, видеть, как с каждой секундой вражеская машина увеличивается в сетке прицела, и знать при этом, что никакая сила не предотвратит полет подвешенной под фюзеляжем пикировщика бомбы. Сотни человек – из тех, кто был свидетелем атаки «юнкерса» и остался в живых, – с готовностью подтвердят, что война не создала ничего более жуткого и деморализующего, чем зрелище «юнкерса» с его У-образным изломом крыльев в ту минуту, когда он с оглушительным ревом падает на вас перед самым выходом из пике.

Но в одном из ста, а, возможно, и из тысячи случаев, когда тот факт, что за пушкой сидел живой человек, не шел в счет, могло оказаться, что ученые мужи правы. Именно теперь-то и был этот тысячный случай, ибо ночью призрак страха исчез. Пикировщикам противостоял лишь один многоствольный зенитный автомат да полдюжины «эрликонов» – носовые башни использовать было невозможно. Но и этого оружия было достаточно, даже более чем достаточно, ибо оно находилось в руках людей нечеловечески бесстрастных, исполненных ледяного, как полярный ветер, спокойствия и проникнутых решимостью, от которой становилось страшно. В течение каких-то трех секунд были сбиты три «юнкерса». Два из них упали в море, не причинив кораблю вреда, а третий со страшным треском врезался в и без того разрушенный адмиральский салон.

Надежды на то, что топливные баки самолета не взорвутся, а бомба не сдетонирует при ударе, почти не было. Но ни того, ни другого не произошло. Казалось излишним восторгаться

храбростью ветерана – в минуты испытаний мужество становится обычным явлением, – когда бородатый Дойл, оставив свой скорострельный автомат, забрался на полубак и упал на бомбу, тяжело перекатывавшуюся по шпигату, наполненную чистым авиационным бензином. Достаточно было крохотной искры, высеченной башмаком Дойла или одним из стальных обломков «юнкерса», царапавших, по надстройке, и произошло бы непоправимое... Контактный взрыватель бомбы был цел, и бомба, словно живая, скользила и каталась по обледенелой палубе. Вырываясь из рук Дойла, крепко державшего её, бомба так и норовила ткнуться носом в переборку или в пиллерс.

Если же Дойл и подумал о том, что может произойти, то ему это было безразлично. Спокойно, почти небрежно, ударом ноги он сбил уцелевшую стойку леерного ограждения и спихнул бомбу вниз стабилизатором, резко оттолкнув в сторону её нос, чтобы детонатор не стукнулся о борт. Бомба упала в море, не взорвавшись.

Она упала в воду в ту самую минуту, когда первая бомба, проткнув, словно лист картона, дюймовую палубную броню «Стерлинга», взорвалась в машинном отделении. Вслед за нею в самое сердце гибнущего крейсера вонзились три, четыре, пять, шесть бомб, после чего освободившиеся от груза «юнкерсы», круто взмыв, отвалили в обе стороны от корабля. Люди, находившиеся на мостике «Улисса», взрыва этих бомб не слышали. Вместо него была жуткая, окающая тишина. Бомбы попросту исчезли в дыму и реве адского пламени.

«Стерлинг» был сражен не одним ударом, а целой серией все более мощных ударов. Он многое вынес, но терпеть далее у него не осталось сил. Так под градом ударов, наносимых неумелым, но свирепым противником, шатается и, не выдержав их лавины, падает на ринг боксер.

С окаменевшим лицом, мучаясь сознанием собственного бессилия, Тэрнер безмолвно смотрел, как гибнет «Стерлинг». Странное дело, думал устало старпом, он таков, как и все. Должно быть, крейсера, – пришла ему в голову отвлеченная мысль, – самые стойкие в мире корабли. Он видел гибель многих, и ни один из них не погиб просто, легко, эффектно. Ни внезапный нокаут, ни «удар из милосердия» не могли оборвать их жизнь – всякий раз их приходилось бить, бить до смерти... Так случилось и со «Стерлингом». Тэрнер, так крепко вцепился в разбитое ветрозащитное стекло, что у него заболели предплечья. Для него, как и для любого хорошего моряка, любимый корабль становился любимым другом, а старый храбрый «Стерлинг» вот уже пятнадцать месяцев был верным спутником «Улисса» и вместе с ним нес тяжкое бремя, участвуя в самых трудных конвоях. «Стерлинг» был последним из старой гвардии, ибо один лишь «Улисс» дольше него ходил в опасные походы. Тяжко видеть, как погибает друг; уставившись в обледенелый палубный настил и втянув голову в сгорбленные плечи, старпом отвернулся.

Тэрнер мог закрыть глаза, но не мог заткнуть уши. Он содрогнулся всем телом, услышав чудовищный клекот кипящей воды и шипенье пара. Это раскаленные добела надстройки «Стерлинга» стали погружаться в студёные воды Ледовитого океана. Пятнадцать, двадцать секунд продолжался этот страшный предсмертный вздох и внезапно оборвался, словно отсеченный ножом гильотины. Заставив себя поднять голову, Тэрнер увидел впереди лишь пустынное, мерно вздымающееся море да крупные жирные пузыри, поднимающиеся на поверхность. Когда к ним прикасались капельки дождя, выпадавшие из огромного облака пара, уже превращавшегося во влагу на этом лютном холоде, они лопались.

«Стерлинг» погиб, но потрепанные остатки конвоя, раскачиваясь с борта на борт и с носа на корму, упорно продвигались на север. Осталось всего семь судов – четыре «купца», в том числе флагманское судно коммодора, танкер, «Сиррус» и «Улисс». Ни одно из судов не было целым, все получили повреждения, тяжелые повреждения, но больше остальных досталось

«Улисс». Уцелело всего лишь семь судов. А ведь вначале в конвое насчитывалось тридцать шесть единиц.

В 08.00 Тэрнер послал светограмму «Сиррусу»: «Радиостанция выведена из строя. Сообщите командующему курс, скорость, место. Подтвердите randеву в 09.30. Зашифруйте».

Ответ пришел ровно час спустя. «Задержка из-за сильного волнения. Рандеву ориентировочно в 10.30. Выслать авиационное прикрытие невозможно. Продолжайте идти к месту назначения. Командующий».

– «Продолжайте идти!» – яростно воскликнул Тэрнер. – Вы только послушайте его! «Продолжайте идти!» А мы что делаем, черт возьми? Кингстоны открываем? – Он замотал головой в гневе и отчаянии. – Не люблю повторяться, – произнес он с горечью. – Но приходится. Как всегда, выручка приходит слишком поздно, тысяча чертей!^[17]

Давно наступил рассвет, день был в полном разгаре, когда вдруг начало снова темнеть. Небо обложили тяжелые свинцовые тучи – бесформенные, зловещие. То были снеговые тучи. Слава Богу, скоро повалит снег, только он теперь может спасти конвой.

Но снегопада не было. На них, как снег на голову, обрушились «юнкерсы». Сначала послышался размеренный, то стихающий, то усиливающийся, гул моторов: это бомбардировщики методически обшаривали пустынную поверхность моря («Чарли» улетел ещё на рассвете). Но обнаружить крохотный конвой было лишь вопросом времени. Спустя десять минут после первого оповещения об их приближении головной «юнкерс», падая на крыло, ринулся вниз.

Прошло всего десять минут, но этого оказалось достаточно для того, чтобы, посоветавшись, принять решение, какое приходит в минуту отчаяния. Когда «юнкерсы» приблизились, они обнаружили, что конвой движется строем фронта: танкер «Варелла» в середине, по два транспорта с обоих его бортов, чуть впереди, а «Сиррус» и «Улисс» прикрывают фланги. Случись рядом подводная лодка, ей ничего не стоило бы поразить разом все суда. Но метеорологические условия не благоприятствовали действиям подводных лодок, зато такой строй позволял по крайней мере постоять за себя. Если бы бомбардировщики приблизились с кормы – излюбленный прием «юнкерсов», – они натолкнулись бы на плотную завесу огня всех семи кораблей. Атакуй они с флангов, им пришлось бы сначала атаковать корабли охранения, поскольку ни один «юнкерс» не станет подставлять свое незащищенное брюхо под снаряды орудий военного судна... Бомбардировщики решили атаковать одновременно с обоих флангов – пять машин шли с востока, четыре с запада. На этот раз они несли запасные топливные баки.

Смотреть, как идут дела у «Сирруса», Тэрнеру было недосуг. Впору было следить лишь за тем, что происходит на собственном корабле: густой едкий дым, вырывающийся из стволов носовых башенных орудий, обволок мостик. В промежутках между оглушительными залпами орудий калибра 5,25 дюйма он слышал торопливые выстрелы скорострелки Дойл, установленной на шкафуте, и злобный стук «эрликонов».

Вдруг, да так, что у всех захватило дух, вспыхнули два мощных снопа ослепительно белого света, пронзившие сумрак дня. Широко раскрыв глаза, Тэрнер в яростном восторге оскалил зубы. Сорокачетырехдюймовые прожектора! Ну конечно же! Все ещё считающиеся секретными, огромные прожектора, способные обнаружить противника на расстоянии целых шести миль! Вот глупец! Как он мог забыть, о них? Вэллери часто использовал прожектора во время воздушных налетов – как засветло, так и в темное время. Ни один человек не мог выдержать взгляда этих страшных глаз, этого яркого, как солнце, пламени, не ослепнув при этом.

Часто моргая (дым разъедал ему глаза), Тэрнер посмотрел назад, чтобы выяснить, кто же находится у пульта управления прожекторами. Он догадался раньше, чем увидел его. Им мог

быть только Ральстон. Пульт управления прожекторами был его боевым постом в дневное время. Тэрнер просто не мог себе представить, чтобы кто-то другой, кроме этого рослого белокурого торпедиста, такого смышленного и находчивого, мог по своей инициативе включить прожектора.

Забившись в угол мостика, Тэрнер наблюдал за юношей. Он забыл про корабль, забыл даже о бомбардировщиках – ко всему, лично он ничего не мог предпринять – и словно замороженный впился глазами в прожекториста.

Глаза юноши прикинули к визиру, лицо его оставалось совершенно бесстрастным. Если бы в минуту, когда визир опускался, повинуясь легкому нажатию пальцев на штурвал, не напрягались мышцы спины и шеи, Ральстон походил бы на мраморное изваяние: при виде его неподвижного лица, нечеловеческой сосредоточенности становилось не по себе.

Ни одна жилка не дрогнула на этом лице – ни в тот момент, когда первый «юнкере» начал, словно обезумев, метаться во все стороны, пытаясь спастись от этого ослепительного снопа света, ни в то мгновение, когда вражеская машина ринулась вниз, но, выйдя из пике слишком поздно, упала в море в сотне ярдов от «Улисса».

О чем, интересно, думал этот юноша? О матери и сестрах, погребенных под развалинами дома в Кройдоне? О брате, павшем случайной жертвой мятежа в Скапа-Флоу, который теперь казался такой нелепицей? Об отце, погибшем от руки собственного сына? Тэрнер этого не знал, но что-то подсказывало, что задавать такие вопросы поздно, что этого не узнает никто.

Лицо Ральстона было нечеловечески спокойно. Оно оставалось спокойным и в ту минуту, когда второй пикировщик, промахнувшись, сбросил бомбу в море. Лицо его было неподвижным, когда третий бомбардировщик взорвался в воздухе. Оно оставалось спокойным и после того, как пушечными снарядами четвертого «юнкерса» был выведен из строя один из прожекторов... и даже тогда, когда снарядами последнего «юнкерса» вдребезги разбило пульт управления прожекторами, а самому оператору разворотило грудь. Ральстон умер мгновенно. Постояв долю секунды, словно не желая покидать свой боевой пост, он медленно опустился на палубу. Тэрнер склонился над погибшим. На открытые глаза юноши падали первые пушистые хлопья снега. И лицо его, и глаза были по-прежнему бесстрастны, словно маска. Тэрнер поежился словно от холода и отвернулся.

Всего одна бомба попала в «Улисс». Она угодила в носовую палубу сразу перед первой башней. Не пострадал никто, но от удара и сотрясения вышла из строя гидравлика. Единственной на корабле действующей орудийной башней оказалась вторая башня.

«Сиррусу» повезло меньше. Комендоры эсминца сбили один «юнкере», огнем с транспортов был уничтожен ещё один бомбардировщик, но две бомбы поразили корабль и взорвались в кормовом кубрике. На «Сиррусе», битком набитом моряками, снятыми с погибших кораблей, народу скопилось вдвое больше обыкновенного, и поэтому этот кубрик был обычно переполнен до отказа. Но по боевой тревоге все его покинули, так что там никто не погиб. Ни один моряк не погиб и впоследствии; во время новых походов в Россию эсминец не получил ни единого повреждения.

Надежда крепла с каждой минутой. До подхода боевой эскадры оставалось меньше часа. На корабли опустилась мгла, предвестница арктического шторма. Густо валил снег, падая в темные беспокойные воды океана. Ни один самолет не смог бы теперь отыскать их в этой пронизанной свистом ветра снежной мгле. Ко всему, конвой оказался вне досягаемости береговой авиации, не считая, конечно, «кондоров». Да и подводные лодки вряд ли осмелятся высунуть свой нос в такую пургу.

– «На остров Счастья выбросит, быть может...» – негромко продекламировал Кэррингтон.

– Что? – недоуменно посмотрел на него Тэрнер. – Что вы сказали, капель?

– Теннисон, – извиняющимся тоном произнес Кэррингтон. – Командир любил его цитировать... Возможно, и выкарабкаемся.

– Возможно, возможно, – машинально отозвался Тэрнер. – Престон!

– Есть, сэр! Вижу семафор. – Престон впился взглядом в северную часть горизонта, где на «Сиррусе» торопливо мигал сигнальный фонарь.

– Корабль, сэр! – сообщил он взволнованно. – «Сиррус» докладывает, что с норда приближается военный корабль!

– С норда? Слава Богу! Слава Богу! – оживился Тэрнер. – С норда! Должно быть, эскадра. Раньше, чем обещали... Зря я их ругал! Что-нибудь видите, каплей?

– Ничего не вижу, сэр. Снежный заряд плотен, хотя видимость вроде улучшается... Снова светограмма с «Сирруса».

– Что он пишет, Престон? – озабоченно спросил Тэрнер сигнальщика.

– «Контакт. Подводная цель. Тридцать градусов левого борта. Дистанция уменьшается».

– Подводная лодка? В такой-то темноте? – простонал Тэрнер. Изо всей силы он ударил кулаком по нактоузу и злобно выругался. – Черта с два! Лусть только попробует остановить нас! Престон, напишите «Сиррусу», пусть остается...

И на полуслове умолк, вперив изумленный взгляд в северную часть горизонта. Сквозь снег и мрак он увидел, как вдали вспыхнули и снова погасли кинжалы белого пламени. Подошел Кэррингтон, не мигая глядел, как перед форштевнем «Кейп Гаттёраса», транспорта, на котором находился коммодор конвоя, взлетели белые водяные столбы. Потом снова увидел вспышки. На этот раз они были ярче, мощнее и на долю секунды озарили бак и надстройки ведущего огонь корабля.

Старпом медленно повернулся к Кэррингтону и увидел застывшее лицо и погасший взгляд первого офицера. Как-то сразу побледнев и осунувшись от усталости и предчувствия неминуемой беды, Тэрнер в свою очередь пристально посмотрел на Кэррингтона.

– Вот и ответ на многие вопросы, – проговорил он вполголоса. – Вот почему фрицы последние дни так обрабатывали «Стерлинг» и наш корабль. Лиса попала в курятник. Наш старый приятель, крейсер типа «Хиппер», пришел к нам с визитом вежливости.

– Совершенно верно.

– А спасение было так близко... – Тэрнер пожал плечами. – Мы заслужили лучшей участи... – Он криво усмехнулся. – Как вы относитесь к тому, чтобы погибнуть смертью героя?

– Одна мысль об этом внушает мне отвращение! – прогудел чей-то голос у него за спиной. Это появился Брукс.

– Мне тоже, – признался старший офицер. Он улыбнулся: он снова был почти счастлив. – Но есть ли у нас иной выбор, джентльмены?

– Увы, нет, – печально вымолвил Брукс.

– Обе машины полный вперед! – скомандовал Кэррингтон по переговорной трубе. Это было его ответом.

– Отставить, – возразил – Тэрнер. – Обе машины самый полный, капитан-лейтенант. Передайте в машинное отделение, что мы спешим, и напомните механикам, как они грозились перещеголять «Абдиэл» и «Манксман»... Престон! Сигнал всем судам конвоя: «Рассеяться. Следовать в русские порты самостоятельно».

Верхняя палуба оказалась под плотной белой пеленой, но снег все валил, не переставая. Снова поднялся ветер. Выйдя на палубу после тепла корабельной лавки, где он оперировал, Джонни Николлс едва не задохнулся от ледяного ветра. Легкие пронизала острая боль: температура воздуха, понял он, была градусов двадцать по Цельсию. Спрятав лицо в воротник

канадки, он медленно, с остановками, стал подниматься по трапам на мостик. Николлс смертельно устал и всякий раз, ступая, корчился от боли: осколками бомбы, взорвавшейся в кормовом кубрике, он был ранен в левую ногу выше лодыжки.

Командир «Сирруса» ждал его у дверцы крохотного мостика.

– Я решил, вам будет любопытно взглянуть на это, док, – произнес Питер Орт высоким, необычным для такого рослого мужчины голосом. – Вернее, подумал, что вы захотели бы увидеть это зрелище, – поправился он. – Посмотрите, как он несется! – проговорил Орт. – Как он несется!

Николлс повернул голову туда, куда показывал командер. Слева по траверзу, в полумиле от эсминца, пылал охваченный пламенем «Кейп Гаттерас», почти потерявший ход. Сквозь снежную пелену Джонни с трудом разглядел смутный силуэт немецкого крейсера. С дистанции в несколько миль тот беспощадно всаживал в тонущее судно один снаряд за другим, видны были вспьшки орудийных выстрелов. Каждый залп попадал в цель: меткость немецких комендоров была фантастической.

«Улисс» мчался, вздымая тучи брызг и пены, навстречу вражескому крейсеру. Он находился в полумиле, на левой раковине «Сирруса». Носовая часть флагмана то почти целиком вырывалась из воды, то с громким, как пистолетный «выстрел, гулом, несмотря на ветер, слышимым на мостике «Сирруса», ударялась о поверхность моря. А могучие машины с каждой секундой увлекали корабль все быстрее и быстрее вперед.

Словно замороженный, Николлс наблюдал это зрелище. Впервые увидев родной корабль с той минуты, как покинул его, он ужаснулся. Носовые и кормовые надстройки превратились в изуродованные до неузнаваемости груды стали; обе мачты сбиты, дымовые трубы, изрешеченные насквозь, покосились; разбитый дальномерный пост смотрел куда-то в сторону. Из огромных пробоин в носовой палубе и в корме по-прежнему валил дым, сорванные с оснований кормовые башни валялись на палубе. Поперек судна, на четвертой башне все ещё лежал обгорелый остов «кондора», из носовой палубы торчал фюзеляж вонзившегося по самые крылья «юнкерса», а в корпусе корабля, Николлс это знал, напротив торпедных труб зияла гигантская брешь, доходившая до ватерлинии. «Улисс» представлял собой кошмарное зрелище.

Уцепившись за ограждение мостика, чтобы не упасть, Николлс неотрывно смотрел на крейсер, немея от ужаса и изумления. Орт тоже глядел на корабль, отвернувшись на миг лишь при появлении на мостике посыльного.

– «Рандеву в десять пятнадцать», – прочитал он вслух. – Десять пятнадцать! Господи Боже, через двадцать пять минут! Вы слышите, док? Через двадцать пять минут!

– Да, сэр, – рассеянно отозвался Николлс, не слушая Орта.

Посмотрев на лейтенанта, тот коснулся его руки и показал в сторону «Улисса».

– Невероятное зрелище, черт побери! Не правда ли? – пробормотал командер.

– Боже, как бы я хотел оказаться сейчас на борту нашего крейсера! – с несчастным видом проговорил Николлс. – Зачем меня отослали?.. Взгляните! Что это?

К ноку сигнального рея «Улисса» поднималось гигантское полотнище – флаг длиной шесть метров, туго натянувшийся на ветру. Николлс никогда ещё не видел ничего подобного. Флаг был огромен, на нем ярко горели полосы алого и голубого цвета, а белый был чище несшегося навстречу снега.

– Боевой флаг^[18], – проронил Орт. – Билл Тэрнер поднял боевой флаг. – Он в изумлении, покачал головой. – Тратить на это время в подобную минуту... Ну, док, только Тэрнер способен на такое! Вы хорошо его знали?

Николлс молча кивнул.

– Я тоже, – просто произнес Орт. – Нам с вами повезло.

«Сиррус» двигался навстречу противнику, делая пятнадцать узлов, когда в кабельтове от эсминца «Улисс» промчался с такой скоростью, словно тот застыл на месте.

Впоследствии Николлс так и не смог как следует описать, что же произошло. Он лишь смутно припоминал, что «Улисс» больше не нырял и не взлетал на волну, а летел с гребня на гребень волны на ровном киле. Палуба его круто накренилась назад, корма ушла под воду, метров на пять ниже кильватерной струи – могучего в своем великолепии потока воды, вздымавшегося над изуродованным ютом. Еще он помнил, что вторая башня стреляла безостановочно, посылая снаряд за снарядом. Те с визгом уносились, пронзая слепящую пелену снега, и миллионами светящихся брызг рассыпались на палубе и над палубой немецкого крейсера: в артиллерийском погребе оставались лишь осветительные снаряды. В памяти его смутно запечатлелась фигура Тэрнера, приветственно махавшего ему рукой, – и огромное, туго натянутое полотнище флага, уже растрепавшееся и оборванное на углах. Но одного он не мог забыть – звука, который сердцем и разумом запомнил на всю жизнь. То был ужасающий рев гигантских втяжных вентиляторов, подававших в огромных количествах воздух задыхающимся от удушья машинам. Ведь «Улисс» мчался по бушующим волнам самым полным ходом, со скоростью, которая способна была переломить ему хребет и сжечь дотла могучие механизмы. Сомнений относительно намерений Тэрнера не могло быть: он решил таранить врага, уничтожить его и погибнуть вместе с ним, нанеся удар с невероятной скоростью в сорок или более узлов.

Николлс неотрывно глядел, чувствуя какую-то растерянность, и тосковал душою: ведь «Улисс» стал частью его самого; милые его сердцу друзья, в особенности Капковый мальчик, – Джонни не знал, что штурман уже мертв, – они тоже были частью его существа. Видеть конец легенды, видеть, как она гибнет, погружается в волны небытия, – всегда ужасно. Но Николлс испытывал ещё и какой-то особый подъем. Да, то был конец, но какой конец! Если у кораблей есть сердце, если они наделены живой душой, как уверяют старые марсофлоты, то наверняка «Улисс» сам выбрал бы себе подобную кончину.

Крейсер продолжал мчаться со скоростью сорок узлов, как вдруг в носовой части корпуса над самой ватерлинией появилась огромная пробоина. Возможно, то взорвался вражеский снаряд, хотя он вряд ли мог попасть в корабль под таким углом. Вероятнее всего, то была торпеда, выпущенная не замеченной вовремя субмариной. Могло статься, что в момент, когда носовая часть корабля зарылась в воду, встречной волной торпеду выбросило на поверхность. Подобные случаи бывали и прежде; редко, но бывали... Не обращая внимания на страшную рану, на разрывы тяжелых снарядов, сыпавшихся на него градом, «Улисс» птицей летел навстречу врагу.

С опущенными до отказа орудиями «Улисс» по-прежнему мчался под огнем противника.

Внезапно раздался страшной силы оглушительный взрыв: в орудийном погребе первой башни сдетонировал боезапас. Вся носовая часть корабля оказалась оторванной. Облегченный бак на секунду взлетел в воздух. Затем изувеченный корабль врезался в набежавший вал и стал погружаться. Уже целиком ушел под воду, а бешено вращающиеся лопасти винтов продолжали увлекать крейсер все дальше в черное лоно Ледовитого океана.

Глава 18

Эпилог

Теплый воздух был ласков и неподвижен. В вышине разливалась лазурь небес. Лениво плыли к далекому горизонту легкие, похожие на клочки ваты облака. Из похожих на птички клетки цветочных вазонов струились голубые, желтые, алые, золотые цветы нежнейших оттенков и тонов, о существовании которых Джонни успел забыть. Порой возле них останавливался какой-нибудь старик, озабоченная домашняя хозяйка или юноша, державший под руку свою смешливую подружку. Постояв и полюбовавшись на цветы, они снова продолжали свой путь, становясь красивее и лучше. Заглушая гул улицы, чистыми голосами пели птицы, на башне парламента гулко отбивал время Большой Бен.

Джонни Николлс с трудом выбрался из такси и, расплатившись с шофером, медленно поковылял вверх по мраморным ступеням.

Часовой с подчеркнута бесстрастным лицом отдал честь и отворил тяжелую шарнирную дверь. Войдя, Джонни Николлс оглядел просторный вестибюль, по обеим сторонам которого выстроились ряды массивных, внушающих к себе почтение дверей. В дальнем конце вестибюля, под огромной винтовой лестницей, над широким выпуклым барьером, похожим на те, какие встречаются в банках, висела табличка: «Машинописное бюро. Стол справок».

Он заковылял к барьеру. Костыли неестественно громко стучали по мраморному полу. «Очень трогательное и мелодраматичное зрелище, Николлс, – подумал он машинально, – зрители не даром заплатили свои деньги». С полдюжины машинисток, словно по команде, перестали бить по клавишам и, не скрывая любопытства, широко раскрытыми, глазами глядели на раненого. К барьеру подошла стройная рыжеволосая девушка в форме женского вспомогательного корпуса, но без тужурки.

– Чем могу вам помочь, сэр? – В её спокойном голосе, голубых глазах было жалостливое участие. Взглянув на себя в зеркало, висевшее позади девушки, Николлс увидел вытертую тужурку, надетую на серый рыбацкий свитер, выцветшие, запавшие глаза, ввалившиеся, бледные щеки и мысленно усмехнулся. Не нужно быть доктором, чтобы понять, что он очень плох.

– Моя фамилия Николлс, лейтенант корабельной медицинской службы Николлс. Явился по вызову...

– Лейтенант Николлс... Вы с «Улисса»! – Девушка затаила дыхание. – Да, да, разумеется, сэр. Вас ждут.

Николлс взглянул на рыжеволосую, на остальных девушек, неподвижно застывших в своих креслах. В их глазах было напряженное изумление, смешанное с испугом, словно перед ними существо с другой планеты. Николлсу стало не по себе.

– Нужно подняться наверх? – Вопрос прозвучал неожиданно резко.

– Нет, сэр. – Девушка спокойно, без суеты, вышла из-за барьера. – Они... Словом, им известно, что вы ранены, – проговорила она, как бы оправдываясь. – Сюда, через вестибюль, прошу вас.

Девушка улыбнулась, придерживая шаг, чтобы приноровиться к неуклюжей походке раненого офицера.

Постучавшись, она отворила дверь и сообщила кому-то о его приходе. Когда Николлс вошел, бесшумно закрыла за ним створку.

В кабинете находились три человека. Единственным, кого он знал в лицо, был вице-

адмирал СтARR. Тот вышел навстречу молодому офицеру. Он показался Николлсу состарившимся и усталым, хотя с последней их встречи не прошло и двух недель.

– Как себя чувствуете, Николлс? – спросил он. – Вижу, ходите вы не слишком-то быстро. – К самоуверенности и фамильярности, столь пошлой и неуместной, примешивалась заметная нервозность. – Присаживайтесь.

Адмирал подвел Николлса к длинному, тяжелому столу, обитому кожей, за которым под огромными простынями настенных карт сидели два человека. СтARR представил их вошедшему. Один из них, рослый и грузный, с красным обветренным лицом, был облачен в парадный мундир с нашивками адмирала флота – одна широкая и четыре средних. Второй, низенький плотный человек с седыми, отливающими сталью волосами и спокойными, мудрыми, старческими глазами, был в штатском.

Николлс тотчас узнал пожилого, да его и трудно было не узнать, видя почтительность к нему обоих адмиралов. «Морское министерство поистине оказывает мне честь», – подумал молодой офицер, подтрунивая над собой. Такие приемы устраивают не для каждого. Но, похоже, начинать беседу им не хочется. Николлс не сразу сообразил, что присутствующие потрясены его видом. Наконец седоволосый кашлянул.

– Как нога, дружок? – спросил он. – Похоже, далеко не в порядке? – Голос его был негромок, но в нем чувствовалась сдержанная властность.

– Все не так уж плохо, сэр, благодарю вас, – отозвался Николлс. – Через две–три недели смогу вернуться к своим обязанностям.

– Вы получите два месяца отпуска, мой мальчик, – спокойно произнес седоволосый. – А хотите, и больше. – Он чуть улыбнулся. – Если кто-нибудь спросит, скажите, я велел. Сигарету?

Взяв со стола массивную зажигалку, седоволосый прикурил и откинулся на спинку стула. Казалось, что он не знает, о чем говорить. Внезапно он поднял глаза на Николлса.

– Как добрались?

– Превосходно, сэр. Со мной повсюду обращались словно с очень важной персоной. Где только я не побывал: Москва, Тегеран, Каир, Гибралтар. – Губы Николлса искривились. – Обрато ехал с гораздо большим комфортом, чем туда. – Помолчав, глубоко затянулся сигаретой, взглянул на собеседника, сидевшего напротив. – Однако предпочел бы вернуться домой на борту «Сирруса».

– Несомненно, – едко заметил СтARR. – Но мы не в состоянии угождать всем и каждому. Мы желаем узнать из первых рук, что же произошло с конвоем Эф-Ар-77, и в особенности с «Улиссом», и не хотели бы терять времени.

Николлс впился пальцами в край стула. В душе его вспыхнул гнев. Юноша понял, что сидящий напротив него пожилой мужчина внимательно слепит за каждым его движением. Сделав усилие, молодой офицер взял себя в руки и, вопросительно подняв брови, посмотрел на седоволосого. Тот утвердительно кивнул.

– Просто расскажите нам все, что вы знаете, – проговорил он приветливо. – Все и обо всем. Не спешите, соберитесь с мыслями.

– С самого начала? – тихо спросил Николлс.

– С самого начала.

И Николлс начал свой рассказ. Ему хотелось объяснить, как все началось и как кончилось. Он старался как мог, но рассказ получился сбивчивым и до странного малоубедительным. Потому что атмосфера, обстановка была тут иной. Контраст между теплом и покоем, царившим в этих комнатах, и жестокой арктической стужей был бездонной пропастью, преодолеть которую можно, лишь опираясь на личный опыт и понимание конкретных условий. Здесь же, вдали от студеного океана, в самом центре Лондона, жуткая, невероятная история, которую ему

предстояло поведать, даже самому Николлсу казалась фальшивой, неправдоподобной. В середине своего повествования он взглянул на слушателей и через силу заставил себя продолжить рассказ, с трудом удержавшись от желания замолчать. Было ли это недоверием? Нет, вряд ли, во всяком случае, со стороны седовласого и адмирала флота. На их лицах он увидел смущение и недоумение, несмотря на стремление понять.

Когда Николлс сообщал о реальных фактах, которые можно проверить, – об авианосцах, покалеченных во время шторма, о кораблях, подорвавшихся на минах, севших на банку и торпедированных, о страшной буре и отчаянной борьбе со стихией, – все было не так безнадежно. Так же и тогда, когда рассказывал о том, как с каждым днем таял конвой, о страшной судьбе двух танкеров-бензовозов, о потопленных подводных лодках и сбитых бомбардировщиках, об «Улиссе», несшемся сквозь пургу со скоростью сорок узлов и взорванном снарядами, выпущенными по нему в упор немецким крейсером, о подходе боевой эскадры и бегстве немца, так и не успевшего окончательно разгромить конвой. Или о том, как были собраны жалкие остатки каравана, о встрече его русскими истребителями, барражировавшими над Баренцевым морем, и, наконец, о прибытии остатков разгромленного конвоя Эф-Ар-77 в Кольский залив, до которого добралось всего пять судов.

И лишь тогда Николлс перешел к фактам иного рода – фактам, которые не так-то просто уточнить; принялся рассказывать о событиях, достоверность которых вообще невозможно установить, – в глазах слушателей Николлс увидел не просто изумление, а недоверие. Он старался говорить спокойно, без эмоций. Рассказал о Ральстоне, о том, как тот полез по обледенелой мачте, чтобы отремонтировать боевые огни, как в решающий момент боя ослепил прожекторами противника; поведал о гибели его отца и всей семьи; рассказал о Райли, зачинщике бунта, о том, как кочегар вручную смазывал коренной подшипник и отказался покинуть туннель гребного вала; не забыл и о Петерсене, который во время мятежа убил морского пехотинца, а потом охотно пожертвовал собственной жизнью; рассказал о Мак-Куэйтере, Крайслере, Дойле и десятке других моряков.

Когда Николлс стал рассказывать о нескольких моряках, спасшихся с «Улисса» и вскоре подобранных «Сиррусом», в голосе его на миг появилась нотка неуверенности. Он поведал о том, как Брукс отдал собственный спасательный жилет простому матросу, чудом продержавшемуся в ледяной воде целых пятнадцать минут; как Тэрнер, раненный в голову и руку, поддерживал контуженного Спайсера до тех пор, пока, заливаемый волнами с бака до кормы, не подошел «Сиррус»; как старший офицер обвязал матроса булинем, а сам исчез в волнах, прежде чем его успели спасти. Рассказал о том, как Кэррингтон, этот поистине железный человек, зажав под мышкой обломок бруса, поддерживал на плаву двух моряков до тех пор, пока не подоспела помощь. Оба спасенных – одним из них был Престон – позднее скончались. Без посторонней помощи капитан-лейтенант вскарабкался по канату, самостоятельно перелез через леерное ограждение, хотя у него по щиколотку была оторвана левая нога. Первый лейтенант должен был выжить, такие, как он, не гибнут. Наконец погиб и Дойл; ему бросили спасательный конец, но он не увидел его, поскольку был слеп.

Николлс догадался, что его собеседников интересует совсем иное. Им хотелось знать, как вели себя моряки «Улисса», экипаж мятежников. Он понимал, что рассказ его воспринимался, как повесть о невероятных подвигах; что сидящим перед ним людям не под силу понять, что моряки, решившиеся выступить против собственных командиров, а выходит, и против короля, оказались способными на такие подвиги.

Вот почему Николлс пытался убедить их, что все, рассказанное им, – сущая правда, а потом осознал, что не сумеет ничего объяснить. Да и что было объяснять? Как по трансляции обратился те личному составу командир? Как он беседовал с каждым членом экипажа и сделал

своих моряков почти такими, каким был сам, как совершал то Страшное путешествие, обойдя все помещения и отсеки корабля? Какие слова сказал о своих моряках в минуту кончины? Рассказать о том, как смерть Вэллери снова превратила их в мужчин? Ведь только об этом Джонни и мог рассказать, а сами по себе подобные факты ничего не объяснят. Николлса озарило. Он вдруг понял, что смысл этого удивительного превращения моряков «Улисса» – превращения ожесточенных, надломленных людей в тех, кто сумел подняться над своими страданиями, невозможно ни объяснить, ни понять, ибо смысл этот заключался в Вэллери, а Вэллери был мертв.

Неожиданно Николлс почувствовал усталость, бесконечную усталость. Молодой врач понимал, что сам далеко не здоров. Он был словно в каком-то тумане; прошедшее вспоминалось нечетко, мысли путались. Он утратил чувство хронологической последовательности и уверенности в себе. Внезапно увидев всю бессмысленность разговора, Николлс сник и на полуслове умолк.

Словно во сне он услышал спокойный голос седовласого, о чем-то спрашивавшего его, и громко ответил ему.

– Как, как? Что вы сказали? – Седовласый посмотрел на него странным взглядом. Лицо адмирала, сидевшего напротив, было бесстрастно. На лице Старра было написано откровенное недоверие.

– «Бог наделил меня лучшим экипажем, о каком только может мечтать командир корабля» – таковы были последние слова контр-адмирала Вэллери, – негромко повторил Николлс.

– Понимаю. – Старческие, усталые глаза неотрывно глядели на него, но ничего не было сказано. Барабаня пальцами по столу, седовласый обвел медленным взглядом обоих адмиралов, затем снова посмотрел на Николлса.

– Извините нас, дружок. На минуту оставим вас одного.

Поднявшись, седовласый неторопливо направился в другой конец комнаты, где высокие, просторные окна освещали глубокую нишу – эркер. За ним последовали остальные.

Николлс даже не повернул головы в их сторону. Понурился, он сидел на стуле и невидящим взором разглядывал лежавшие у его ног костыли.

Иногда до лейтенанта доносились обрывки фраз; Выделялся высокий голос Старра: «Мятежный корабль, сэр... Иным он не стал... Так будет лучше». Ему что-то ответили, но что именно, Николлс не расслышал. Затем прозвучали слова Старра: «...перестал существовать как боевая единица».

Седовласый что-то возразил, в голосе его прозвучало раздражение, но слов было не разобрать. Затем раздался низкий, внушительный голос адмирала флота, говорившего что-то насчет «искупления», и седовласый медленно закивал головой.

Старр оглянулся через плечо на Николлса, и тот понял, что речь идет о нем. Лейтенанту показалось, что вице-адмирал произнес: «не здоров», «страшное перенапряжение», а возможно, ему это только почудилось.

Николлса не интересовало, о чем там толкуют. Ему хотелось поскорее уйти отсюда. Он чувствовал себя посторонним, а верят ему или нет, уже не имело значения. Ему нечего делать здесь, где все здраво, буднично и реально, – сам он принадлежал иному миру, миру теней.

Явственно представив себе, что сказал бы Капковый мальчик, очутись он здесь, Джонни тепло улыбнулся. Выбор эпитетов был бы убийствен, комментарии сочны, метки и злы. Затем вообразил себе, что бы сказал командир, и снова улыбнулся. Как просто оказалось это сделать, потому что Вэллери сказал бы: «Не судите их, ибо они не ведают, что творят».

Лишь теперь дошло до его сознания, что шепот стих и что все трое стоят перед ним... Улыбка на лице юноши поблекла, он медленно поднял глаза и увидел, что седовласый и его

спутники смотрят на него каким-то странным взглядом, в котором была тревога.

– Страшно виноват перед вами, дружок, – с искренним сожалением произнес седовласый. – Вы больны, а мы докучаем вам своими расспросами. Не хотите ли выпить, Николлс? Было бы весьма...

– Нет, благодарю вас, сэр. – Николлс расправил плечи. – Со мной все в порядке. – Помолчав, спросил: – Я вам ещё нужен?

– Нет, все ясно. – Улыбка была искренней и дружелюбной. – Вы очень помогли нам, лейтенант. И сделали превосходный доклад. Огромное спасибо.

«Лжец и джентльмен», – с благодарностью подумал Николлс. С трудом поднявшись на ноги, он подхватил свои костыли. Пожав руки Старру и адмиралу флота, попрощался с ними. Седовласый проводил Николлса до дверей, поддерживая молодого офицера под локоть.

На пороге Николлс остановился.

– Прошу прощения, сэр. С какого числа начинается мой отпуск?

– С сегодняшнего дня, – живо отозвался его собеседник. – Желая хорошо отдохнуть. Видит Бог, вы это заслужили, мой мальчик... Куда поедете?

– В Хенли, сэр.

– Хенли? Я был готов поклясться, что он шотландец.

– Это действительно так, сэр. Но никого из родных у меня не осталось.

– Ах, вот оно что... Выходит, девушка, лейтенант?

Николлс молча кивнул.

– И, должно быть, прехорошенькая? – хлопнув его по плечу, приветливо улыбнулся седовласый.

Николлс поднял глаза. Потом отвернулся, поглядел на часового, уже распахнувшего тяжелую, массивную дверь на улицу, и оперся о костыли.

– Не знаю, сэр, – произнес спокойно лейтенант. – Не имею ни малейшего представления, в глаза её не видел.

Простучав костылями по мраморным плитам, он вышел на залитую солнцем улицу.

---

notes

По Фаренгейту, соответствует – 32 С. (Прим. переводчика.)

Уайтхолл – улица в Лондоне, где расположены правительственные учреждения.

«Хентли и Пальмер» – известная английская фирма по производству печенья.

Спасательные суда входили в состав многих полярных конвоев. «Зафаран» пропал без вести, сопровождая один из опаснейших за всю войну конвоев. «Стокпорт» был торпедирован и погиб со всем экипажем; а также подобранными им остатками экипажей с других потопленных кораблей. (Прим. автора)

Авианосные транспорты представляли собой торговые суда со специально усиленными полубаками. На них устанавливались особые кронштейны, с которых катапультировались истребители, например модифицированные «харрикейны», с целью охраны конвоя. После выполнения боевой задачи пилот должен был или выбрасываться с парашютом, или же садиться на воду. Слова «опасная служба» вряд ли достаточно точно определяют боевую деятельность горстки этих в высшей степени бесстрашных летчиков: шансов уцелеть у них в этом случае оставалось очень немного. (Прим. автора.)

Минус 23 градуса Цельсия. (Прим. переводчика.)

Трампом, или трамповым судном, в отличие от линейного, называется судно, работающее где придется, а не на какой-то определенной линии перевозок. (Прим. переводчика.)

Беда Достопочтенный (ок. 673-735) – английский теолог и первый английский историк. Ввел в обиход летоисчисление «от Рождества Христова». (Прим. переводчика.)

Английский адмирал, командующий Средиземноморским флотом во время второй мировой войны. (Прим. переводчика.)

По Фаренгейту. Около – 20 градусов Цельсия.

Dulce el decorum

Пи-Кью-17, крупный смешанный конвой, куда входило свыше тридцати английских, американских и панамских судов, вышел из Исландии, держа курс на Россию, под охранением полудюжины эскадренных миноносцев и дюжины кораблей меньшего тоннажа. Для непосредственной поддержки конвоем была придана смешанная англо-американская эскадра, куда входили крейсера и эскадренные миноносцы. Севернее двигался отряд прикрытия, состоявший из авианосцев, двух линейных кораблей, трех крейсеров и соединения эскадренных миноносцев. Как это случилось и с конвоем Эф-Ар-77, капкан, пружиной которого являлся этот отряд, захлопнулся слишком поздно.

Дело происходило в 1942 году, в середине лета, так что попытка осуществить подобную операцию с самого начала была обречена на провал: в столь высоких широтах в июне и в июле ночи не бывает совсем. У меридиана 20 градусов восточной долготы конвой подвергся массированному налету авиации и подводных лодок противника.

В тот же самый день, когда это случилось, – 4 июля – эскадра прикрытия, состоявшая из крейсеров, получила донесение о том, что из Альта-Фьорда вышел «Тирпиц». (На самом же деле все обстояло иначе. Правда, «Тирпиц» действительно сделал краткую, но безрезультатную вылазку во второй половине дня 5 июля, но в тот же вечер повернул обратно. По слухам, он был атакован русской подводной лодкой.) Эскадра прикрытия и корабли эскорта, дав полный ход, скрылись в западном направлении, бросив конвой на произвол судьбы. Транспорты вынуждены были рассеяться и кто как может, без всякого охранения, пробиваться в Россию. Нетрудно себе представить чувства, какие испытывали экипажи транспортов при виде этого бегства ради спасения собственной шкуры, этого предательства со стороны кораблей британского королевского флота. Нетрудно представить себе и их опасения, но даже самые черные предчувствия не могли предвосхитить кошмарную действительность: двадцать три транспорта были потоплены вражескими подводными лодками и авиацией. Между тем «Тирпиц» так и не появился, его и близко не было возле конвоя; однако одно упоминание о нем заставило спастись бегством целый флот.

Автору не известны все факты касательно конвоя PQ-17. Не пытается он также по-своему истолковывать и те факты, которые ему известны. Еще менее он склонен кого-то обвинять в происшедшем. Довольно любопытно то обстоятельство, что на командира эскадры адмирала Хамильтона, совершенно определенно, возлагать вину за случившееся не следует. Он не имел никакого отношения к принятию решения об отходе. Приказ об отходе был дан адмиралтейством, причем в самой категорической форме. Но все равно адмиралу не позавидуешь.

То было прискорбное, трагическое событие, ошеломившее общественное мнение, тем более что оно никак не соответствовало славным традициям британского военно-морского флота. Любопытно, что бы сказал, узнав о подобном, сэр Филип Сидней, поэт эпохи Возрождения, или же живший позднее Кеннеди, командир «Равалпинди», или же Фиджен, командир «Джервис Бея». Но нет никакого сомнения относительно того, что думали на этот счет торговые моряки, что думают они до сих пор. Те немногие из них, кто остался в живых, вряд ли простят это предательство. Вероятно, они всегда будут помнить о случившемся, а военные моряки будут всячески пытаться изгладить из своей памяти эту страшную историю. И тех, и других судить трудно. (Прим. автора.)

До свидания! (франц.)

С Богом! (исп.)

Один и даже несколько взрывов в том или ином помещении не могут разрушить или вывести из строя все динамо-машины крупного корабля, а также повредить все секции корабельной электросети. При повреждении динамо или связанной с ним секции корабельной сети плавятся предохранители, автоматически отключая вышедшую из строя секцию. Во всяком случае, теоретически. На практике же так происходит не всегда: предохранители могут не сработать, и тогда вся система выходит из строя. Ходят слухи – упорные слухи, что по меньшей мере один британский линейный корабль погиб по той простой причине, что не сработали автоматические выключатели динамо-машины – плавкие предохранители на 800 ампер, – и ставший беспомощным корабль не смог защищаться. (Прим. автора.)

Stuka – от немецкого Sturzkampfflugzeug – пикирующий бомбардировщик. (Прим. переводчика).

К сожалению, это правда. Эскадра флота метрополии почти всякий раз приходила на выручку с большим опозданием. Трудно винить в этом адмиралтейство – линейные корабли были нужны для блокады «Тирпица», а лорды адмиралтейства не хотели рисковать, посылая эти суда к побережью континента, где их могли атаковать бомбардировщики берегового базирования. Давно приготовленная ловушка все-таки захлопнулась, но в неё попался лишь тяжелый крейсер «Шарнхорст», а не «Тирпиц». Эскадре так и не удалось поймать этот могучий линкор. Он был потоплен на рейде в Альта-Фьорде бомбардировщиками типа «ланкастер» британских королевских ВВС. (Прим. автора.)

Британский боевой флаг представляет собой белое полотнище с красным прямым крестом и национальным флагом в «крыже» – верхнем углу. (Прим. переводчика.)